

Арина Славская

Баба Аза придружен из Парижа

Тихая жизнь коттеджного посёлка была нарушена ранним утром. На камне, который местные называли троном нашли труп красивой девушки, украшенный розами и лентами. Это подарок кому-то из жителей? Или каменный гроб? Полиция в растерянности. Они считают, что это ритуальное убийство. И в посёлке действует маньяк. Так не считает новая жительница посёлка Орлова Ирина. Она любопытна и деятельна. Ей интересно узнать кто и почему убил молодую девушку. По старой привычке везде совать свой нос, она лезет расследовать это загадочное дело. И трупы начинают сыпаться на полицию, как из рога изобилия. Год назад пропала дочь известного политика и следы привели к этому камню. Полиция поднята на уши. В конце концов полиция находит убийцу и умудряется вычислить того, кто грабил и убивал много лет назад, но ушёл от наказания. Спустя много лет наказание настигает преступника. И Ирина сыграла в этом не последнюю роль.

Ирина Славская

Баба Яга прибудет из Парижа

Церемония посвящения.

Ночной лес. Полная луна освещает тропинку.

На тропу вышел молодой мужчина. Он был в черном плаще, лицо скрыто капюшоном. Мужчина подвел к трону девушку и удалился. Он знал, чем закончится весь этот фарс. И как на это клюнула дура? Неужели не понимает, что исход этих церемоний всегда один — смерть! Всегда так было и всегда так будет.

Все было готово к церемонии. Девушка взошла на трон. Она была царственна и девственна. Трон — это единственное, что не пришлось подготавливать для церемонии: для царственной особы его подготовили высшие силы.

Ровно в полночь на полную луну должен быть совершен обряд посвящения Царицы Тьмы. Главная часть церемонии — обряд зачатия. Выпив напиток бессмертия, дева взошла на трон. И вот сейчас появится отец всего сущего. Сам Сатана.

Но сейчас нет полночи, а появился Он. Не Сатана, как ей было обещано, но человек. Сын Божий. С цветами и лентами пришел и стал украшать Великое ложе. Стал говорить какие-то пустые слова. Но ничего она уже не могла сделать, чтобы предотвратить кощунство: пошевелить ни рукой, ни ногой она не могла и сойти с трона не могла. Ее как будто парализовало. И соображать она уже тоже не могла.

А он говорил с нею: объяснял ей простые истины, смеялся над ней и издевался над глупостью ее. Потому что она послужила его планам: он отомстил за то, что не любили его. За то, что не дал Бог ему таланта и гениальности, а сопернику дал. Одарил того щедро, от души: засунул в него искру свою божью, не спрашивая согласия и позволения, хоть тот и не просил, не умолял, в отличие от него. И даже не оценил и не благодарил за дар божий. Принял, как положенное ему по праву рождения. Не добывал огнем и мечом, не вел за это войны, не сражался в кровавой битве. Просто получил и все тут. Это и бесило сильнее всего: сильнее неудач, сильнее равнодушия любимой женщины. Это его убивало. Медленно, но верно.

Ну почему? На каком основании одним все, а другим ничего? И любимая женщина им. И любимое дело им. И все лучшее им.

И этой самке человека неразумного одно наказание — СМЕРТЬ! Долго он любовался мертвым телом. Вот и еще одна. Цель стала ближе.

Ранним утром жители коттеджного поселка обнаружили на камне мертвую девушку. Она была красиво украшена цветами и лентами. Как будто подарок приготовлен.

Ритуальное убийство. Пришлось вызывать полицию.

За три недели до происшествия.

День солнечный. Небо синее, нет ни облачка. Иду спокойно по своим делам, улыбаюсь, жизни радуюсь. Никого не трогаю. И тут вдруг рядом со мной притормаживает машина, опускается боковое стекло. И такой «оригинальный» вопрос звучит.

— Девушка. Вы ждете принца на белом коне?

— Допустим. А с какой целью интересуешься?

Я решила перейти сразу на ты: не выкатать же при таких обстоятельствах. Он все равно не

оценит.

— Радуйся. Вот я и прискакал к тебе.

— Так! Ну и где ты, скотина, моего принца потерял?

В машине его друзья заржали, как жеребцы. И пахнет у них из машины, как из конюшни: даже на расстоянии запах меня дезориентирует во времени и пространстве. Интересно, они мыться не пробовали? Или в машине кто-то сдох?

— Так я и есть принц!

И улыбается, аж рот до ушей. Парень симпатичный, но, судя по его подкату, глуповатый.

— Неужели? Ну, я так не играю... И где справедливость? Я ждала красивого молодого принца на белом коне. Богатого. А ко мне подкатывает какой-то потасканный жизнью Ходжа Насреддин верхом на чахлом ишаке и в драном халате...

Ржание в машине стало громче. Парни, сидевшие в машине, стали говорить ему: «Классно она тебя уделала! Это фиаско, братан!».

Машина остановилась. Но им, видимо, лень выходить.

— Слышь, ты чо такая дерзкая?

Вот любопытный какой попался... Ну все, думаю, сама напросилась. Парни накаченные и мускулы частично заменили им мозг: он атрофировался в связи с ненужностью. В общем, они наглядное пособие к пословице: «Сила есть — ума не надо». Полное отсутствие хороших манер у оппонента грозит мне неприятностями. И кто меня за язык тянул? Язык мой — враг мой.

— Простите, но мне некогда.

— И куда ты так торопишься?

— В полицию.

Показала пальцем в направлении полиции. До отделения полиции расстояние всего метров сто. Даже отсюда видны машины с мигалками. Этих ребят как ветром сдуло. И это все? И вся любовь? Чего испугались? Какие все пугливые пошли. И ненадежные... Ну и черт с ними...

Отделавшись от навязчивых ухажеров, я спокойно пошла себе домой.

Вдруг возле перехода резко тормозит машина.

— Фу, блин, Никита, ты меня напугал.

— А ты у меня такая пугливая стала? Садись. Куда едем?

— Домой. Куда же еще?

Никита — мой муж. Мы полгода назад поженились. И живем до сих пор вместе и счастливо. Поэтому, сами понимаете, что ни с кем знакомиться, тем более на улице, я и не собиралась. Поехали домой. Никита почему-то молчит и многозначительно поглядывает на меня. Мне играть в гляделки надоело.

— Ты хочешь что-то сказать? Или спросить?

— С чего ты взяла?

— С твоих красноречивых взглядов.

— Возле тебя остановилась машина. Ты с ними разговаривала. Это кто?

— Понятия не имею. Дорогу у меня спросили. Где здесь полиция интересовались. Я им показала.

— Как?

— Рукой. Ногой, понимаешь ли, неудобно. Да и не культурно ногой показывать.

— А если серьезно? Ты опять во что-то влезла?

— Никуда я не влезла. Просто спросили дорогу.

— Понятно. Иришка, давай к маме заедем? Мы у нее давно не были.

— Соскучился?

— Соскучился. Да и ты, я смотрю, соскучилась.

— Давай заедем. Все равно по пути. И мама будет рада.

Никита воспылал сыновьей любовью к моей маме. Он ее даже не тещей называет и не по имени и отчеству, а именно мамой зовет. Мне от этого становится радостно. Я боялась, вдруг они не найдут общий язык, и буду я метаться между двух огней. Ан нет, наши. И вполне себе ладят.

К маме доехали быстро. Только нас возле подъезда бабульки задержали. Вернее меня. Никита поздоровался с ними со всем уважением и пошел домой с тяжелыми сумками. Я осталась с бабулками посплетничать. А что такого? Я по ним тоже скучала. Бабульки у нас вполне мирные и словоохотливые. Вот есть же такие персонажи, которые сидят и днем, и ночью на лавочках возле своих подъездов. Всех матерят, ругают и собирают мерзкие слухи. Нам повезло. У нас такие бабульки не водятся. Наши добрые.

Да и новости мне было интересно узнать из первых рук. Наши бабульки — это ИТАР ТАСС в миниатюре. Только голые факты. Никаких сплетен и домыслов. Быстро и сжато, поскольку понимают, что времени у меня в обрез, они информировали меня: кто женился, а кто развелся. Кто гуляет, а кто остепенился. И о том, кто сел, на сколько и за что. Кто пьет, кто бросил, кто... и так далее. Поблагодарив за информацию, кивая в нужных местах головой и поддакивая там, где по общепринятым нормам это нужно делать, я выслушала краткий доклад о положении дел во вверенном им дворе, сердечно распрощалась с ними и пошла домой.

Там уже мама кормила Никиту, Петьку и Грейса. Петька — это наш сосед, подросток тринадцати лет. Его мать — пьяница. Отец от них давно ушел. Грейс — питомец Петьки, немецкая овчарка. Частенько они оба у нас едят и спят, когда мать Петьки и ее многочисленные сожители пьют. Так уж вышло, что Петька с Грейсом прижились у нас, и нам это не в тягость, а в радость... Тем более, что я съехала и живу у мужа в коттеджном поселке.

Петька быстро наелся и убежал с собакой на улицу. Мы остались одни.

— Мама, у меня просьба.

Никита долго готовился к этому разговору. Не знал, как решиться.

— Говори.

— Вы не могли бы пожить в нашем доме?

— Вы с Иришкой куда-то собрались?

— Мне надо ненадолго отлучиться по делам. А Иришку одну оставлять не хочу. Поживете?

— Интересно девки пляшут. Я твоя жена. Почему я последней об этом узнаю? И куда, мой милый муж, вы намылились? И почему один? Я могла бы с тобой поехать, — попробовала возмутиться я.

— Мне надо отлучиться на неделю по семейным делам.

— А я и есть твоя семья. Или уже нет? Объясни мне, что происходит.

— Я тебе потом все объясню.

— Объясни мне сейчас. Мне, представь себе, очень интересно. Почему это я вдруг

перестала иметь отношение к твоей семье?

— Поживете?

Никита настаивает на своем решении и, судя по всему, ничего мне толком объяснять не собирается.

— Пусть Иришка здесь поживет.

Мама поняла, что назревает выяснение отношений и пытается сгладить углы. На это, видимо, Никита и рассчитывал, когда предложил к ней заехать. За поддержкой ехал...

— Нет, я против, — уперся Никита.

— Почему?

Я встряла в разговор. Мне интересно, почему это я не могу жить в своей квартире вместе с мамой.

— Потому, — он и не собирается ничего объяснять.

И ответ такой нахальный. Ну что ж, ему же хуже... Сам напросился. Главное, каков хитрец! Объяснить не хочет и только требует. Ну, держись...

— Значит так, дорогой мой и любимый муж. Ты решил, что у нас домострой, и мое мнение не имеет значения? Я остаюсь в своей квартире. Если я не еду по семейным делам с тобой, то буду жить со своей мамой и в своей квартире.

— Живи!

Встал из-за стола и ушел. Совсем ушел... Вот такого исхода я никак не ожидала. Он просто взял и ушел. Ничего не объяснил. Ничего не сказал, чтобы сгладить разногласия. Живи и все тут. Как будто старую вещь выкинул. Сижу растерянная.

— Дочка, что у вас происходит? Что это сейчас было? — спросила мама. От поведения моего мужа она в ауте.

— А я знаю? Я про эту поездку только с тобой вместе узнала. И такое поведение для меня тоже новинка.

— Вы давно ссоритесь?

— Пока бог миловал. Не было ссор. Мы как-то находили общие решения.

— Ничего тогда не понимаю.

— Я тоже, мама. Я ничегошеньки не понимаю. Я знаю только одно: он готов со мной поссориться и даже расстаться, но не брать меня с собой в поездку. И мне, честно говоря, от этого становится страшно. И любопытно...

— Думаешь, загулял?

— Где? С кем? Он дома безвылазно сидит. Дела идут сами по себе. А если он куда и ездил, то только со мной. Негде ему было завести любовницу. Если только из старой жизни что всплыло. Или в интернете с кем-нибудь познакомился. Но если завел, значит, любовь приказала долго жить. Ушла любовь, завяли помидоры...

— Что будешь делать? Бороться?

— Бороться не буду. Еще чего не хватало. Полюбил другую, так пусть к ней и уходит. Измену не потерплю. И он об этом знает. Удерживать его не буду. Неволить не в моих правилах. Он муж, а не раб. Детей у нас нет, имущество его мне не нужно. Так что разведут быстро и без особых хлопот...

— Не рано ты ваш брак хоронишь? Может, он просто психанул. На твою упертость разозлился?

— Нет, это точно не баба. Еще на кого-то у него просто сил бы не хватило. Или хватило?

— А у вас в постели все нормально?

— Отлично. Как прежде. Вот это и удивляет. С чего он вдруг так отреагировал? Нет, в этом надо разобраться. Ты знаешь, мам, поеду-ка я домой. Попробую выяснить, что там да как.

— И правильно. Выясняй. Только старайся помягче. Без криков, без скандалов.

— Когда это я у тебя скандалила? Не было такого никогда.

— Не было. Но все когда-то случается впервые. Вот и твой Никита впервые не пошел у тебя на поводу. Аномалия, однако...

— Ладно. Я поехала.

— Потом позвони. Что да как...

— Угу...

Я спешила попасть домой. Выйдя во двор, получила от бабулек полный отчет. С их слов Никита вылетел из подъезда злой, как черт. Сел в машину и сразу же уехал. Уже интересно. Он редко злился так, чтоб это было видно. Обычно он очень сдержан. Значит, и его эта размолвка вывела из себя. Уже становится интересно. Куда и по каким делам он едет? Неужели меня нельзя с собой взять? Да и оставить меня одну не побоялся.

Приехала я домой и поняла, что муж уже стал собирать свой чемодан для поездки. Значит, не передумал и все равно едет.

— Давай помогу собрать чемодан.

— Не надо. Я сам управлюсь.

— Ладно. Кофе будешь?

— Нет. Уже попил.

— Когда едешь? На чем?

— Завтра вечером. Поездом.

— Счастливой поездки.

Я решила больше его своими предложениями не допекать. Пойду лучше кофе попью... Пока пила кофе, у меня созрел план. А если я завтра с ним поеду? Ну и что, что это плохая идея? Сама понимаю. Но любопытство меня просто убьет. Прослежу за собственным мужем. У меня и корочки детектива есть. Леша у меня их не забрал. Так что по всем правилам сыска проведу расследования и пойму, почему мой муж стал странно себя вести.

Никита пошел в ванную. Я быстро метнулась в комнату. Открыла банковское приложение, благо код знаю. Куплен вчера билет на поезд. Так, надо в сумке поискать билет. Ага, нашла. Номер поезда, вагон, место. Все запомнила и пошла заказывать билет себе. Завтра сделаю вид, что еду к маме, а сама на вокзал. Выкуплю билет и за ним... следить. Хотя нет. Уеду сегодня. Билет выкуплю тоже сегодня.

Я решила, что надо мне что-то с внешностью сделать. Иначе Никита меня раскусит и сразу домой отправит. Еще и со скандалом. Надо поменяться. Желательно радикально, чтобы, как говорится, мама родная не узнала. Вот и Никита вышел из ванной. Благоухает...

— Ты мне ничего объяснить не хочешь?

Я решила выяснить по-честному причину его поведения.

— Приеду, объясню. Если сочту нужным.

— Значит, ничего. Ну, тогда я к маме. А тебе счастливо отдохнуть.

— Спасибо...

Растерялся дорогуша: не такой реакции ожидал. Стало быть, и я его еще чем-то удивить могу. Что ж, поиграемся... Я просто развернулась и вышла из дома. Полностью повторила

его поступок. А теперь выкупить билет надо и поменять внешность. Внешность я поменяю у своей подружки в салоне: надо ее предупредить, чтобы она была готова и выкроила для меня окно.

— Элька, привет. Мне твоя помощь нужна.

— Говори, что твоей душеньке угодно.

— Мне надо поменяться радикально, чтобы мама родная не узнала.

— Наконец-то ты меня послушала. Ходишь некрашенная, без слез не взглянешь. Хватай такси и дуй ко мне. Жду.

— Только я буду через час. Мне тут еще одно дело сделать надо.

— Жду!

Я спокойно выкупила билет в тот же вагон, через три купе от моего мужа. Раз билет повезло купить, значит, и все остальное тоже срастется. В салон к Эльке я приехала через час. Та уже была во всеоружии. А поскольку клиентов было мало, то она собрала консилиум. Девчонки у нее в салоне все молоденькие. Им было интересно. Когда еще перед ними будет стоять задача преобразить человека, чтобы его не узнали родные? Шпионские страсти всех воодушевили. Они себе вообразили, что помогают, как минимум, Штирлицу проникнуть в логово врага.

Моя подружка детства имела красивое и заковыристое имя Эльвира. А отчество у нее Леонардовна. Вот представьте, каково все это великолепие выговаривать. Но мы просто звали ее, как в детстве, Элькой. Она стала хозяйкой этого салона недавно. До этого была простым парикмахером. Но дело свое она отлично знала. Постоянно училась и умела не только стричь, но и быть психологом. Ведь наши люди не готовы тратиться на психологов. Да и не помогают они. Со всеми своими научными степенями они не имеют главного: они не соболезнают своим клиентам.

А Элька и выслушает, и советов кучу даст. Выбирай любой. Примеров много из жизни приведет. И пожалеет. А это куда как важнее: человеку необходимо, чтобы его кто-то, пусть даже чужой, иногда просто пожалел... Вот и приходят к ней клиентки не только стричься, но и душу полечить. И главное, она никому никогда чужие секреты не рассказывает. Никогда.

Вот и я не удержалась и честно рассказала ей зачем, мне надо преобразиться. Элька сразу просекла фишку и стала прикидывать, что со мной делать. Долго они напрягали свой коллективный разум. Пока одна из них не пропищала свою идею. Девица эта обычно молчала. То, что она отважилась что-то предложить, произвело впечатление. Элька ее спокойно выслушала и прикинула.

— Ну, мать, держись. Начинаем твое преобразование.

— Давай. Тоже мне, нашла кого пугать. Ты не забывай, что я была твоим клиентом на экзаменах.

— Все-таки подумай еще раз, чтобы потом никого не винить.

— Крась. Не мандражируй.

— А вдруг тебе не понравится?

— Мне измениться надо. А нравится — не нравится... Потом, если что, переделаешь.

Сначала меня покрасили. Этого, на их взгляд, оказалось недостаточно. Потом чуть-чуть подстригли. При этом в зеркало мне не давали смотреть. Мол, половину работы не показывают. А затем за меня принялся визажист. И вот финишная черта. Меня повернули к

зеркалу и велели открыть глаза. Из зеркала на меня смотрела красивая незнакомка. Суперсекси с громадными яркими глазами. Волосы были красиво уложены. Глаза сияли.

— Если б я была мужиком, я бы в тебя влюбилась, — сказала Элька.

— Да я сама в себя влюбилась бы. Теперь держись, Никита!

— Смотри. Все, что тебе надо для такого макияжа, уложено в кейс. Лейла тебя проинструктирует, как и чем наносить. Слушай и запоминай. Макияж простенький. Что-то сложное ты не осилишь. Жаль, что времени нет тебя научить. Тебе же надо, чтоб ты сама могла накраситься.

— Спасибо, Элька. Что бы я без тебя делала?

— Хочешь совет? На дорожку...

— Давай. Как же ты, да без советов?

— Ты своего мужа соблазни. Если он тебе изменять собрался, то отбей у этой выдры.

— С чего ты взяла, что она выдра? Может, там девица красы невиданной.

— Все равно тебе в подметки не годится. Ириша, я не верю, что он тебе изменяет... По нему видно, что он в тебя до сих пор по уши влюблен.

— Может, и влюблен, а может, разлюбил. Ну все. Сколько с меня.

— Офонарела? Нет, вы посмотрите на эту личность. Сколько... Ребенка в мою честь назовешь.

— Ага. И отчество Леонардовна ему дам... Элька, ты палку-то не перегибай.

— Пришла в себя? То-то же. А то ишь, сколько она должна? Ладно. Ну, давай. Счастливого пути и удачи. Ты заходи, если что...

— Спасибо. И пока.

Вышла на улицу. Иду довольная: мне тоже мой новый образ понравился. Я даже знаю, какую одежду я буду Никите в поезде ночью демонстрировать. А то, что я буду демонстрировать, я для себя уже решила. Точно Элька мне подсказала. Я соблазню собственного мужа. Лишь бы только он меня раньше времени не раскусил. А то будет мне позорище, а не соблазнение. Он потом посмеиваться надо мной будет долго.

Приехала домой. Мама выпала в осадок.

— Это с чего такие перемены? Ты Никиту бросаешь?

— Нет, с чего ты взяла?

— Но ты поменялась и стала какой-то... сексуальной.

— А раньше я была серой мышью?

— Не серой. И не мышью. Сейчас ты стала приманкой для мужиков.

— Это я собралась соблазнить собственного мужа. Для него стараюсь.

— Иришка, а это не перебор? Надела бы парик. Линзы в глаза. Очки там.

— Ага. Шляпу. Мама, я соблазнить собралась своего мужа. А парик, линзы и очки меня не спасут. Он меня узнает. Надо, чтобы точно не узнал.

— Мне кажется, он тебя и такую узнает. Он тебя узнает на генном уровне.

— Это как?

— Ты еще далеко идешь, а он уже знает, что ты где-то рядом. Сколько раз так было. Так что ты, может быть, зря красилась. Но получилось здорово. И лицо такое стало. Глаз не оторвать...

Мама сказала, что я стала приманкой для мужиков. А этого мне не надо. Меня толпа не интересует. Меня интересует один. Мой муж. Надо чемодан собрать. Белье новое возьму и что-нибудь сексуальное. Или нет. Лучше простые джинсы, майки. Чтоб не слишком

выделяться. Слишком сексуальное его скорее оттолкнет. Простенько и со вкусом. Одежду выбрала. Туфли и тапки для купе приготовила.

Очистила лицо от макияжа. Все, как Лейла рассказала. Потом утром лицо накрашу. Или сегодня потренироваться? А то вдруг завтра не получится? А и фиг с ним. Не получится и ладно. Чего я парюсь? Тогда просто прослежу издали и успокоюсь. Если с девицей его засеку, то разведусь. Измены я терпеть точно не буду. Я его честно об этом предупреждала. Если не принял мои слова всерьез, так ему же хуже...

Встала утром. Настрой боевой. Осталось нанести боевую раскраску и выйти на тропу войны. Хотя с Никитой воевать не было ни сил, ни желания. Только одно сплошное любопытство. Вещи собраны, документы сложены, макияж нанесен. Получилось почти так же, как вчера. Мама сказала, что даже лучше. Это она мне наверняка льстит. Мама меня любит, поэтому все, что я делаю, она считает гениальным. Или талантливым...

Поезд вечером отходит в семь с копейками, поэтому я успею еще с мамой наговориться. Времени вагон. Позвонил Никита, хотел попрощаться. Ответила ему дружелюбно: без надрыва и упреков, пожелала счастливой дороги. В пять часов стала сама собираться.

— Вызвать такси?

— Зачем? На метро спокойно доеду. Зачем деньги лишние тратить? Да и не дай бог, в пробке застрянем.

— Как приедешь, позвони, чтобы я не волновалась.

— Позвоню...

— Ты только не обостряй. Не надо...

— Не собираюсь я ничего обострять. Мама, ты меня как на фронт собираешь. Ты чего? Я просто прослежу и домой.

— Куда домой?

— Это уже зависит от того, что я обнаружу. Если измену, то к тебе сюда приеду. А если просто какие-то тайны мадридского двора, то к нему вернусь. Я хочу понять, почему он мне ничего не рассказывает. Что за секреты появились у моего мужа от меня?

— Любопытно?

— Еще как!

— Посидим на дорожку...

Посидели и попрощались. Вот, ей богу, осталось для полноты картины, чтобы мама глаза платочком вытирать начала. Провожает, как в последний бой. А я всего-то за мужем следить собралась...

Приехала на вокзал вовремя. И не слишком рано, и не слишком поздно. Поезда пока нет. Вон и Никита стоит. Рядом какая-то стерва трется. Пытается заинтересовать. Она что-то ему говорит, жестикулирует. А Никита от нее никак отвязаться не может. Неужели деваха не видит, что он ее не слушает? Никита глазами рыскает по вестибюлю вокзала. Ищет, что ли, кого-то? Или просто заскучал с собеседницей? Ну, это точно не любовница. Эта мамзель его не интересуется. А он-то ее как раз сильно заинтересовал.

Никита стал на меня смотреть. Хорошо, что я догадалась очки надеть. Хоть не сразу меня раскусит. Да нет, такого просто не может быть. Мой муж мной заинтересовался! Я вызвала у него охотничий инстинкт. Без слов от своей спутницы отошел и идет сюда. Все! Мне конец! Сейчас он меня раскусит!

— Девушка, вам помощник не нужен? Давайте знакомится?

Это какой-то парень ко мне клеится. А ничего так внешне. Смазливый. Можно его пока использовать. Я Никиту знаю. Если рядом со мной кто-то будет стоять, он подумает, что мы пара и не станет ко мне подходить. Время выиграю...

— Нужен. Тяжести таскать. А то чемодан тяжелый.

— С удовольствием помогу. Я Костя. Константин. Что значит...

— Постоянный. Знаю. Я Марина.

Решила назваться похожим на мое именем. Так будет проще.

— Куда едем?

— А вы?

— Марина, давайте перейдем на ты?

— Давай.

Подвинула к нему свой чемодан. Костя по-хозяйски его возле себя поставил. Со стороны должно создаться впечатление, что мы пара и просто на вокзале договорились встретиться. Как оказалось, мы с ним едем на одном и том же поезде. И вагон один. Он мне и чемодан в вагон взялся занести. Все тяжести не тягать.

Никита как-то странно на меня посмотрел. И остался стоять на месте в гордом одиночестве. Его бывшая собеседница стоит и не знает, что предпринять. То ли к нему пришвартоваться со своим чемоданом, то ли изобразить обиду и остаться на месте. Интересно, что победит. Гордыня или желание...

Желание победило. Дамочка четким шагом, цокая, как строевая лошадь копытами, прошествовала к моему мужу. Крепко ее Никита зацепил... Теперь проблематично ему будет от этого репейника отцепиться. В общем-то, сам виноват. Говорено же было классиками: не разговаривайте с незнакомцами...

Костя тем временем мне что-то рассказывал. Судя по его улыбке, смешное. Только вот понятие смешного у нас с ним, видимо, разные. Мне всегда было интересно, почему некоторые люди не замечают, что их шутки и анекдоты не смешные? Но я изобразила улыбку. Он понял, что мне не весело и перестал юморить. Помолчать с ним, видимо, не удастся. Он опять что-то стал рассказывать. Вот мне с Никитой и помолчать удовольствие. Зачем этот Костя так языком мелет? Что помелом. Пытается быть интересным? Так это, наоборот, отталкивает. Неужели он не понимает?

Смотрю на Никиту. Там такая же история. Спутница искусно пытается его словоблудием. Судя по его хмурому лицу, он близок к решению застрелить ее. Главное, чтобы Никита не сорвался. Хоть бы поезд уже подали к перрону. Вот и нам повезло. Объявили, что подают поезд. Пошли все строевым шагом к месту посадки. На перроне наши с Никитой спутники опять прилепились к нам. Липучки!

Никита одним из первых вошел в вагон. Я зашла в вагон чуть попозже, чтобы не мозолить ему глаза. Константин завез и поставил мой чемодан в купе. Мы с ним попрощались и договорились позже встретиться. Он звал меня настойчиво в вагон-ресторан, но я не люблю кушать в поезде. В дороге привыкла просто пить чай с какими-нибудь печеньями. И мне этого хватает. Тем более нам и ехать недолго. Всего-то двадцать часов. Поезд тронулся, а я в купе одна. Попутчиков по купе нет. Неужели они опоздали на поезд? Или билеты никто не купил? Вот повезло...

Поздно вечером лежу на полке, практически засыпаю. Вдруг слышу тихий стук в дверь и шепот. Ну, думаю, Костик совсем оборзел: никто его ночью ко мне не звал и ничего не обещал. Прислушалась, а это мой собственный муж за дверью ласковые слова шепчет. Вот

сволота какая...

Ну хорошо. Хочешь большой и чистой любви? Будет тебе. И любовь, и ласка. Обласкаю так, чтобы мозги набекрень свернуло. А потом просто брошу... Гад какой! Выключила свет и опустила шторы. Темнота в купе, хоть глаз выколи. Главное, чтобы меня не осветило лампочкой из коридора. Открыла дверь и отошла. Никита был доволен, что незнакомка выпустила его. Радует, шепчет с восторгом слова красивые и обещания. Сразу вспомнилось начало нашей семейной жизни... А сегодня будет ее окончание.

— Я думал, непустишь меня. А где твой ухажер?

Я не знаю, как и что ему отвечать. Он же меня по голосу сразу узнает. И не нашла ничего лучше, чем впиться ему в губы крепким поцелуем. С намеком, мол, некогда говорить. Времени мало, всего двадцать часов. Давай делом займемся. И он сразу же приступил к таким активным действиям, что мозги набекрень у меня свернуло. Мы всю ночь, наверное, не давали спать своим соседям. Никита, не переставая, меня целовал и шептал что-то. Дышать нормально не давал. Правда, к нам никто не приходил. Не орал и не стучал в дверь... А может, нам повезло и соседи просто были глухими... Только под утро мы стали засыпать. Никита крепко обнял меня, накрыл одеялом.

— Иришка, давай спать.

— Что? Как ты меня назвал? — пытаюсь говорить, изменив голос.

— Иришка, ну хватит. Что за игры? Я тебя еще там, в вестибюле узнал. Просто хотел убедиться, что ты какую-то игру затеяла.

— Почему не подошел тогда?

— Да, я хотел. Но тут появился твой спутник. И я решил тебе подыграть.

— Зачем?

— Интересно было, что ты будешь делать, когда я к тебе в купе напрашиваться буду.

Прогонишь или пригласишь?

— На что ставил?

— Пригласишь. Я тебе сначала на совесть надавить хотел. А потом все понял. Ты меня ревнуешь.

— Я не ревную. Еще чего выдумал.

— Ревнуешь. От ревности за мной поехала к черту на кулички. От ревности с ума сходишь. Перекрасила волосы. А вообще тебе идет. Ты изменилась. Но все равно камуфляж твой не сработал. Я тебя сразу же узнал. Зачем ты поехала?

— Поехала, чтоб застукать тебя с любовницей.

— И что бы ты стала делать, если бы застукала?

— Развелась. Терпеть измены и соперницу не стану. И вообще, я знала, что ты придешь.

Я в купе одна. Такой шанс ты не упustiшь.

— Я смотрю, соседей у тебя нет. Подготовилась? Мужа родного совратила, бесстыдница.

— А муж такой наивный. Даже не понял, как оказался в чужом купе и на чужой койке. Не сами ли вы ко мне приперлись, сударь, в поисках наслаждений и приключений?

— Каюсь. Приманила своим оперением птичка заморская, невиданная. И захотелось мне ее поймать и в клетку посадить. Чтобы только меня радовала своим пением и красотой...

— Да вы поэт, сударь.

— Да. Я поэт. Зовусь я Светик. От меня вам всем приветик...

— Ты Незнайка. С балалайкой...

— Пусть так. Главное — с тобой рядом, в одной постели.

— На одной полке...

— Спи. Хватит болтать. Баю-баюшки-баю. Не ложися на краю. Жмись ко мне, Иришка, а то упадешь...

Спустя несколько минут мы спали. Проснулась я рано утром в своем купе. Никита перенести свои вещи уже успел. И счастливый мне докладывает.

— Твоего обожателя видел. Он на меня так глазами зыркал. Убить готов. Понял, что я тебя отымел, и ему ничего не светит.

— Никакой он не обожатель. Парень предложил помощь, и я ее приняла.

— Так он с другой помощью подкатить рассчитывал. А тут я опередил.

— Да ты у меня, Никитушка, фантазер. Кстати, а как твоя «обоже» отнеслась, что мы вместе и в одном купе? Звуки отсюда ее не сильно смутили?

— Какая моя? У меня одна моя. Это ты. Других нет.

— Ты меня так вчера укатал. Деспот. Хоть чаем напои.

— Напою и в постельку уложу. Ехать еще почти полдня. Много чего интересенького сделать можно.

— Я есть хочу. Ты меня сначала накорми...

Никита вышел. Через полчаса принес завтрак на двоих в постель.

— В ресторан бегали, муж мой? Не права я. Ты не деспот. Ты золото.

— Ешь. Когда я ем, я глух и нем.

— Хитер и быстр, и дьявольски умен?

— Точно.

Поели, попили и опять спать залегли. Хорошо, что я догадалась в это купе место выкупить. Одни с мужем едем. Никто нам не мешает. Только разоспались, как нам в дверь стали настойчиво стучать.

— Кому там делать нечего?

— Полиция. Откройте.

— История повторяется... Ты не спер с голодухи в ресторане завтрак?

— Заплатил, как положено.

— С чего тогда к нам полиция ломится? Или соседи пожаловались на шум ночью?

— Соседи к нам бы сначала побежали скандалить. Нет, тут что-то другое. Может, обокрали кого...

— Минутку. Сейчас откроем, — это уже я кричу.

Мы же с Никитой абсолютно голые спать собрались. А они как к себе домой ломаются. Того и гляди ворвутся. А тут мы: Адам и Ева в естественном образе... Никита надел майку и шорты. Накрыл меня одеялом и открыл дверь. В купе ввалились красномордый капитан, проводница и несколько соседей по вагону. С чего такое столпотворение, интересно знать...

— Где вы были сегодня ночью?

— Какое конкретно время вас интересует? — спросил Никита.

— И в чем причина, что вы врываетесь и беспокоите нас с мужем?

— Впрочем, мы и так можем ответить. Ночью я спал в купе со своей женой. Вернее, выполнял супружеский долг. Мы не так давно поженились.

— А можно узнать, почему вы интересуетесь? — спросила я.

— Что произошло? — поинтересовался муж.

— И просьба выйти тем, кто не является представителем власти. Нечего у нас в купе зевакам толпиться. Мне надо одеться, — это снова я голос подала.

Мне, честно говоря, было неудобно. Среди ввалившихся в наше купе ротозеев был и Константин. Разглядывал меня, как насильник жертву. Наверно, решал, что сначала мне оторвать: голову или крылышки.

Все пассажиры вышли. Остались проводница и капитан. И начался допрос. Вернее, опрос. Суть проста: во время поездки пропала одна из пассажирок. Та самая собеседница и по совместительству липучка, которая досаждала моему мужу на перроне. Друзья забеспокоились ее отсутствием. Хотя я не помню, чтобы кто-то с ней вообще общался. Какие такие друзья? В общем, они подняли тревогу. А поскольку с ней разговаривал мой муж, то они на нас и указали. Думали, она у него в купе. А он тут со мной спит. Еще и женат, оказывается.

— Почему вы так странно себя вели?

— С чего вы решили, что странно? Мы просто накануне поссорились. Я хотела ехать с мужем, а он был против. Я поехала инкогнито. Вот и вся странность.

— И вы хотите сказать, что муж вас не узнал?

— Почему не узнал? Узнал. Хотел разогреть меня, чтобы ночка жаркая была. Вот и вели себя, как будто незнакомы.

— И часто вы так?

— Играем в сексуальные игры? Часто. Можем рассказать, если вам интересно.

Я стала с Никитой какой-то бесстыдной нахалкой. Вот уж точно говорят, что с кем поведешься, от того и наберешься. Но капитан сам напросился. Задаешь бесстыдные вопросы — получишь бесстыдные ответы.

— Нет. Спасибо.

Лицо капитана стало из красного ярко бурым. Того и гляди, инфаркт случится. Проводница сидит и слушает. Ей интересны подробности. Она теперь полгода эту историю может рассказывать всем. Успех гарантирован. Историю о том, как ревнивая жена сбросила пассажирку с поезда. А можно еще и рассказать, как муж жену за это всю ночь напролет трахал. То ли в наказание, то ли из благодарности. И она так кричала, так стонала, а он так рычал! Такие звуки были, что весь вагон перебудили.

Но самое странное в том, что никто даже ругаться не стал. Обычно разбуженные скандалят. А тут... Многие быстро шмыгнули в свои купе, и там начались те же самые звуки. А трое молодых просто не уходили из прохода. Слушали. Впрочем, как и она. Всю ночь не спала. Завидовала. Вот везет же кому-то. А ее мужик раз в месяц и то... Никогда она так не орала. Никогда в своей жизни. Ни под кем. Интересно, что они чувствуют. Прямо как в книжках про любовь...

Капитан, выяснив, где мы были и чем занимались, ушел. Проводница все не уходила. Ей было любопытно.

— Извините. Но не могли бы вы выйти. У нас тут дело намечается.

— Да-да... Конечно, — сказала и вышла за дверь.

Никита встал, закрыл дверь. Заблокировал, чтобы нам не помешали.

— Что думаешь? Куда делась эта дамочка? — спросила я.

— Не прыгнула же. Хотя кто ее знает. Она на истеричку похожа. Что у нее там в душе было? Но я думаю, что ее кто-то толкнул. Или она случайно сама упала. Бывает.

— Ее толкнули те, кого она мучила своим щебетанием противным.

— Иришка, а ты у меня злая.

— Я не злая, а справедливая. Я же видела, как ты кривился от ее визгливого голоса. Странно. Если ее столкнули, то кто-нибудь ее услышал бы. Она бы кричала.

— Ее могли не услышать из-за наших криков. Просто не понятно, кому ее надо убивать. Она не похожа на тех, кто рискует. Обычная дамочка. Любит читать женские романы. Ну, такие тупые, про любовь... В библиотеке районной работает. Не замужем. Без детей. О любви мечтает до сих пор.

— Откуда ты столько подробностей узнал?

— Она мне сама рассказала.

— Не факт, что она тебе правду про себя поведала. Могла и соврать. А не могла она ночью сойти? Раз романтичная дурочка. Вот дурь в голову ей ударила, и она просто сошла с поезда. Побродить по травке захотелось... Или увидела и услышала лишнее. Вот свидетеля и отправили в свободный полет с поезда.

— И такое может быть. Она просто от поезда отстать могла. Мы же ее не знаем. Да и друзья ее тоже не знают. Ладно, Иришка. Давай досыпать будем. А то всю ночь бодрствовали.

— Как-то спать расхотелось. Ты про любовь говорил. Вот любви хочу.

— Это мы запросто. Это мы мигом. Это нас не надо упрашивать. Ну-ка двинься, любимая...

Дальше наши соседи по вагону слушали второй акт пьесы «любовь поездная». Скерцо, потом анданте, потом опять скерцо... В нашем вагоне мы народ от души повеселили. Хотя я попыталась любить Никиту тихо и не кричать. Не удалось. Но жаловаться никто не приходил.

Ко времени приезда в Калининград мы уже были одеты, причесаны и даже чай попить успели. Проводница стояла, как замороженная. Она смотрела на нас глазами побитой бесхозной собаки. Мы с ней сердечно попрощались. И пошли на стоянку такси. Чувствую, мне чей-то взгляд спину жжет. Обернулась. Это Костик на мне дыру прожигает. Тоже мне, гипнотизер-любитель. Я ему ничего не обещала. А если он там что-то себе нафантазировал, так я тут при чем? Его мечты, его проблемы...

Поселились мы в гостинице, в номере люкс. Я позвонила, как обещала, маме. Доложилась, как доехали. Сказала, что без приключений. Хотя эта исчезнувшая пассажирка из головы все никак не выходила.

Никита сразу попытался ванну занять. Но я в честном бою отстояла свое первенство на омовение. Он, коварный фавн, мне помыться нормально так и не дал. Сначала залез с копытами в ванну ко мне без моего на то согласия. Плюхнулся, подняв волну. Потом вызвался спинку потереть. А затем он и потереть, и погладить все остальное захотел. Прием ванны завершили вместе криками и стонами. Сначала в ванной, потом на кровати. Любили друг друга до ночи, пока не обессилили. Теперь можно не стесняться и дать волю воображению. Что мы и сделали.

Проснулись только ранним утром. Тишина. Просто мертвая тишина. И только сфокусировав взгляд, я заметила, что в номере все разбросано. Это точно сделали не мы. Мы вчера покуролесили с мужем, но не до такой же степени. Никита заснул со мной в одно время. Значит, это не он набедокурил. Мы вчера как-то быстро отрубались. Подозрительно быстро.

— Никита, проснись. Никита...

— Что? Не спится?

Никита проснулся, но глаза пока не открыл.

— Ты наш номер видел?

— Видел вчера. Как приехали. А что случилось?

— Глаза открой и увидишь.

Никиту, видимо, как и меня, мучило похмелье. Хотя какое похмелье с бутылки шампанского? Не так уж много мы вчера пили. А меня вообще никогда похмелье не мучало... До сегодняшнего дня.

— Нормально мы наколбасили вчера.

— Никита, это не мы. Это кто-то нам наколбасил. Ночью...

— Уверена?

— На все сто. Я помню, в каком состоянии был вчера номер, перед тем, как провалилась в сон. У нас в номере что-то искали. Сам посмотри: наши вещи перерыты, но ничего не разбито. Искали в спешке. Боялись, что мы проснемся.

— Деньги? Карты? Паспорта? Что?

— Деньги и карты на месте. Документы тоже. Я уже проверила. Ни копейки со счетов не пропало. Да и денег там мало было. Хотя паспорта кто-то открывал. Все не так теперь лежит. Искали что-то другое.

— Что именно?

— Откуда мне знать, Никита?

— Ты же у нас детектив-самоучка. Вот и подумай. Что могли искать такого, чтобы в номер к нам забраться? Рисковать. А вдруг мы бы проснулись?

— По голове бы нам дали и все. Или убили. Смотри, что у них на кону. Надо администратору сейчас же сообщить об этом. И заявление в полицию отнести. Обязательно. Мне все это очень не нравится. Пассажирка, пропавшая из поезда. Обыск у нас в номере. Кстати, именно ты с ней общался. Если это отголосок той встречи, то тогда они думают, что эта визгливая фрекен Бок тебе что-то передала. Значит, ты в опасности. Бутылку и пробку не выкидывай из под шампанского. Полиция выяснит, чем нас отравили.

— Ты думаешь, что нас чем-то опоили? Хотели номер обыскать?

— Именно так.

Я встала, быстро оделась и спустилась вниз на ресепшен. Объяснила, в чем дело, потребовала дежурного администратора вызвать полицию и предоставить позднее горничную для уборки. А так же записи с камер видеонаблюдения подготовить. Полиция прибыла не скоро. Почти час прошел. Здесь время так течет или они тормознутостью от прибалтов заразились? Люди состоят из воды, стало быть, из жидкости. Но есть особи, которые состоят из тормозной жидкости. А есть люди, которым этой тормозухи явно не долили. Вот наш полисмен именно из таких. Тормоз в кубе. Полицейские, оказывается, ничем не отличаются ни в Москве, ни в Питере, ни в Калининграде. Все ленивые, туповатые и циничные. Который приехал, решил еще и поумничать. Это при его-то умственных способностях...

— Вы уверены, что не сами это все сотворили?

— Уверена. Возьмите заявление и запросите видео с камер наблюдения. Я уже смотрела. Там видно, как в наш номер ночью заходит какая-то женщина в бейсболке. Лицо прячет. Значит, знает наверняка, что здесь есть камеры. И знает, где они установлены. Я

настаиваю на принятие в производство моего заявления. Поскольку считаю, что пропажа пассажирки с поезда и обыск в нашем номере — звенья одной цепи. Значит, моему мужу и мне грозит реальная опасность.

— Про пассажирку я от вашего мужа уже слышал. С чего вы решили, что она убита. Отстала от поезда наверняка.

— А я думаю, что убита. И нам грозит реальная, а не мнимая опасность. Кстати, преступники могли скопировать наши паспорта. А потом возьмут и оформят на нас кредиты. Может быть такое?

— Может.

Честно признал мою правоту капитан. Хоть это он признает. И то прогресс. Справку официальную нам не помешало бы иметь о происшествии. Вдруг эти субчики кредитов на нас с Никитой наберут. Запаримся потом по судам таскаться. Для нас сейчас главное — зафиксировать обращение и повод обращения в полицию.

Полицейский опросил сначала нас, потом всех работников гостиницы. Затем получил копии записей с видеокamer и благополучно отбыл. Я же сидела и думала. Только пара людей проявляла к нам интерес. Это ко мне Константин. И писклявая дамочка к Никите. Дерьмо в нашу жизнь пришло из-за кого-то из них. Или из-за обоих. Значит, надо действовать, чтобы этим дерьмом нас не обмазали. Отмываться потом как бы не пришлось...

Первым делом я позвонила Максиму и попросила хакнуть гостиницу, скачать и скинуть мне все записи с их видеокamer. Макс обещал сделать до завтра. Администратор заявила полиции, что у них якобы не все записи сохранились. А я думаю, что она безбожно врет. Администратор с девицей на ресепшене так загадочно переглядывалась.

Я вообще подозреваю, что они клиентов гостиницы пишат. В номерах, скорее всего, установлены скрытые камеры. Может, они компромат собирают или материал для шантажа. А может быть, они просто снимают парочки и делают хоум видео онлайн. Это уже вторжение в частную жизнь постояльцев. Не будет грехом их за это наказать. Если камеры есть и пишат, то там личико нашей Гюльчатай наверняка засветилось. Когда записи получу, то тогда и будем смотреть, что с этим делать. А пока мы с Никитой пошли завтракать, чтобы не смущать горничную. Пусть спокойно прибирается в номере. А мы проголодались и пойдем утолять голод...

— Иришка, что дальше будем делать?

— В каком смысле? У нас дел много своих. Вот по своим делам и пойдем. Зачем ты сюда ехал? Что ты тут делать собирался?

— То есть ты не будешь тут ничего выяснять?

— На фиг? Делать мне больше нечего. Они наш номер обыскали? Обыскали. Что-то нашли? Нет. Значит, того, что они искали, у нас просто нет. А судя по тому, как мы себя повели, они поймут, что твоя цыпа ничего тебе не передала. Вот и станут искать в другом месте.

— Почему эта цыпа моя? Я ее не кадрил. Она сама приклеилась.

— Хотел, отклеил бы. Я знаю, ты умеешь.

— Пожалел. Не хотел обижать. Ты думаешь, они отцепятся? А если решат, что она мне что-то передала?

— Надо быть настороже. Ходить парой. А лучше в дружном коллективе.

— Толпой?

— Угу. На экскурсии сходим?

— Хочешь город посмотреть? Старый или новый?

— Конечно старый. Только не кафедральный собор и не могилу Канта. А то мне в прежние разы ее несколько раз показывали...

— А форт Денхофф? Музей янтаря?

— Тоже была. Кирху Святого Адальберта и скульптуру дедушки Хомлина тоже не предлагать. Это все еще в первые разы я обзревала. Общепринятые достопримечательности я уже смотрела.

— Тогда на Куршскую косу... Море, пляж...

— На это я согласна. Вот это по моим умственным способностям в самый раз. И еще зоопарк...

— Иришка, ты как была ребенком, так и осталась.

— А разве это плохо?

— Поела, дитяtko неразумное? Тогда пойдем, с дядей погуляем...

— Давай поспим? Спать очень хочется. Основные инстинкты мы с тобой удовлетворили. А высокодуховные давай оставим на потом. У нас еще две недели есть в запасе.

— Вьешь ты из меня веревки. И чего я в тебя такой влюбленный?

— Тогда пошли в номер. Будем заниматься любимым делом. Спать!

— У тебя в роду ленивцев не было?

— Вроде нет. Я раньше работающей была, как Золушка. Первые свои деньги заработала в одиннадцать лет. Так что это ты зря намекаешь на мою лень. Просто девочка повзрослела, поумнела и многое поняла. Для заработка не обязательно кайлом в поте лица махать. Мозгами проще заработать.

— Я знал, что мне досталась работающая жена! Пошли на заслуженный отдых...

— Это так двусмысленно звучит. Как будто на пенсию приглашаешь...

Зашли в номер и завалились спать. Сны мне не снились. Спала я как убитая. Дс следующего утра я не просыпалась: укатал любимый муж... Рано утром мы встали, поели и пошли на пляж: купаться и загорать. Пока я сидела на пляже в дурацкой панаме, Никита плавал. Мне нравится балтийское побережье тем, что там намного теплее, чем в Москве, но холоднее, чем в Турции. Я не люблю сильную жару. Поэтому, съездив разок в жаркие страны, удовлетворив свое любопытство, я больше туда не возвращаюсь. Для меня там слишком жарко. Мне больше по климату подходит Европа. И то не в жаркое время года.

А летом добро пожаловать на наши черноморские курорты. Выбор большой. Слава богу, Крым теперь доступен и приобретает цивилизованный вид. Раньше я смотрела на то, как его разграбляют, удивляясь. Вместо того, чтобы сделать там вторую Францию, Испанию, эти деятели перли оттуда все, что не приколочено. А что приколочено — отдирали гвоздодером и все равно перли... Правда, цены там нынче взлетели. Но понять крымчан можно. Отстраиваются по мере сил. Это те, кто умный. А кто дураки, те выжидают непонятно чего. Мне всегда казалось, что нормальный человек не может жить в засранном жилище. Даже звери свои норы чистят. А человек чем хуже? Вот и Крым вылизывают и приводят в порядок. Красотища... И в Сочи хорошо. Правда, там цены почти мирового уровня. Особенно зимой. Горнолыжные курорты шикарные, но и цены заоблачные. Хотя тоже можно найти на разный вкус. В общем, море и пляж я особенно люблю.

Посмотрела я на Никиту и тоже пошла поплавать. Доплыла до него и легла полежать на воде. Не знаю, как вы, но я спокойно могу на воде лежать. Мне для этого не надо постоянно

грести руками или ногами. Я просто лежу и наслаждаюсь тем, как вода меня ласкает. Никита прилег рядом. Лежим вместе на воде. Кайфуем.

— Я знал, что ты моя половинка.

— Это с чего такие выводы?

— Раньше все мои подружки тонули, как топоры. А ты лежишь. Значит, мы с тобой маленько другой подвид человека.

— Так можно и тех, кто умеет плавать, выделить в новый подвид человека. Те, кто просто люди, те плавают, как топор. Вот ты выдумщик...

— Да. Это я переборщил.

— Это значит, что мы с тобой оба говнистые. Ты знаешь, да? Оно не тонет... Но ты прав. Мы нашли друг друга...

— А я не согласен с твоей формулировкой. Она нас дискредитирует... в глазах общественности. Как можно так насмеяться над всем?

— Ладно. Я пошутила. Индусы говорят, что если человек не тонет, то он наполнен Святым Духом. Он его и держит на воде. А я считаю, что просто у нас остался какой-то атавизм. Вот мы и не тонем. В средние века меня объявили бы ведьмой и сожгли.

— Так ты, наверное, и шагать по воде можешь? Покажи...

— Вот чего не могу, того не могу. Извини. И святости во мне ни на грош. Обычная, как все. Поплыли к берегу? Или еще полежим?

— Ты отдыхай, а я тебя повезу. Садись на меня верхом, мы живо тебя довезем... Раз женился, буду тебя катать. Атракцион — конек морской, обыкновенный.

— Давай, Ихтиандр, вези меня домой... Я тебя за это рыбкой угощу... Главное, смотри, чтобы дети не увидели, а то до скончания века будешь детишек катать.

— Я согласен. Своих... Садись. «Твоя садись, моя поехал». Ну, ты сама знаешь. Главное, крепко держись, чтобы волной не смыло.

— Даже так? Это с какой же скоростью ты меня помчишь? По морям, по волнам. Нынче здесь, завтра там... Покатай меня, большая черепаха! Э-ге-гей!

И все-таки довез меня муж до берега в целости и сохранности. Недолго на море побыли. Потом погулять сходили. Пока гуляли, встретили фотографа с капуцином. Аж целых четыре штуки...

— Откуда их столько взялось?

— Есть спрос, будет и предложение. Странно, что они за хлебное место не рубятся.

— Расстояние большое. Они не конкуренты. И все равно, откуда их так много? Вот того я, кажется, где-то видел.

— Это зимой они — Дед Мороз и Снегурочка. А летом они фотограф и обезьянка.

Никита заржал от моих слов в голосину. Я от его смеха тоже засмеялась. Рядом шла семья. Так они от смеха чуть не подавились едой.

Время ужина настало. Ужинать я не пошла. Мне не хотелось. Никита тоже остался. Ужин в номер заказали. Я ни о чем думать не могла. Макс пока ничего не прислал. Я ждала его звонка и видео, поэтому сидела как на иголках. Никита заметил мою нервозность и подумал, что это страх.

— Можем гостиницу сменить, если тебе здесь не по себе.

— Да нет. Нормально.

— А чего дергаешься от любого шороха?

— Звонка от Макса жду.

— А я думал, что боишься. Может, все-таки от греха подальше съедем отсюда? Мне так за тебя спокойней будет.

— Завтра решим. А пока пойдем гулять?

Просто мне надо было, чтобы время не так долго тянулось. Вы никогда не замечали, что время не однородно. Когда опаздываешь и надо куда-то успеть, так время бежит стремительно. А когда, наоборот, чего-то ждешь, так время тянется, нервы выматывает...

Пошли гулять по городу. Я понимаю, почему за границу в старых фильмах снимали в Калининграде или в Прибалтике. Эти величественные готические соборы — настоящее средневековье. Декорации для готического романа. Сохраненная история... Никита попал под обаяние архитектуры. Подставил руку калачиком, и я за нее уцепилась, как обезьянка лапкой. Пришлось дотягиваться. И идем, гуляем.

Тарапунька и Штепсель вернулись! Вот представьте: идут по улице, держась за ручки, двухметровый гигант и девица метр с кепкой. И это в прыжке. Смехота. Люди идут, посмеиваются. Надо было хотя бы туфли на каблуках обуть. А я дурында! Теперь мы с ним стали посмешищем. Хотя Никите вроде нравится всеобщее внимание. Это он меня как диковинку демонстрирует публике. По улице слона водили... А тут не слон, а жена...

Когда вернулись в номер, от Макса пришли видеофайлы на ноутбук. Интересно посмотреть. Еще и сопроводилровку накатал. Он систематизировал все лица, которые были в течение трех месяцев в гостинице. И наша Гюльчатая показала-таки личико. И каково же было мое удивление, когда ею оказалась якобы убитая и сброшенная с поезда злодеями визгливая цыпа.

— Никита, посмотри. Повернула к нему ноутбук.

— Ни фиги себе. Вот актриса. Так убедительно врала, что библиотекарь. А сама в этой гостинице на ресепшене работала... Зачем она мне врала?

— Да кто ж ее знает? Хотя нет, знаю. На самое больное била, на жалость. Вот ты девицу с ресепшен из гостиницы пожалел бы?

— Нет, конечно.

— А несчастную библиотекарьшу, затюканную жизнью, живущую почти на нищенскую зарплату, читающую женские романы и жаждущую неземной любви, ты пожалеешь наверняка.

— Просто библиотекари мне внушают уважение. У них есть этакая врожденная интеллигентность и самоирония. По крайней мере, мне попадались именно такие библиотекари.

— Вернемся к нашим баранам. Вернее, к овце. Она работала в этой гостинице. Интересные совпадения? Мне крайне интересно, чем они в этой гостинице занимаются. И что это за ритуальные пляски вокруг нас. Ты в своих вещах в поезде ничего не находил чужого? Мне кажется, что она боялась слезки и что-то к тебе спрятала...

— Когда?

— Когда рядом стояла на перроне. Вы близко стояли. Или когда ты в туалет ходил. Или когда ко мне стучался... Ты же не сразу из своего купе чемодан ко мне притащил. Кошелек ты взял с собой, но чемодан был какое-то время без твоего надзора. У нее была возможность в вещах пошариться и что-нибудь подкинуть. Твой чемодан приметный. Не ошибешься.

— Возможность у нее была. Но я ничего в чемодане не находил. Ничего.

— А могло быть так? Она положила, а кто-то следил за ней и вытащил...

— Вполне. Зачем голову ломать? Отослать видео полицейскому. И пусть он

разбирается. А нам просто надо в другую гостиницу переехать.

— Думаешь?

— Настаиваю. Я, как твой муж, отвечаю за твою безопасность.

— Чего ты так раскипятился? Переедем. На ночь глядя глупо съезжать. Ты сначала номер нам закажи в другой гостинице, а то как бы не остаться ночью на улице с чемоданами. Будем ночевать на скамейке, как бомжи.

— Нас конкуренты сгонят со скамейки. Бомжи без боя свою лежанку не отдадут. Это своего рода койко-место в хостеле под чистым балтийским небом. Так что могут побить. И даже ногами...

— В чем-то ты прав. Но я знаю, как купить это койко-место. Пузырь. И мы с тобой будем обеспечены ночлежкой.

Я смеюсь, но Никита абсолютно прав. Надо менять место пребывания. Навряд ли в другой отель она так просто проникнет. А мне нужно время, чтоб просмотреть все записи и прочесть сопроводилку Макса. И на это может уйти целый день.

Макс — чудо. А по совместительству мой самый близкий друг детства, компьютерщик и помощник в моих делах. Вот сколько раз я просила его что-нибудь сделать. Он всегда делает то, что надо. И еще с супер бонусом: с анализом добытой информации. Как будто знает, какая будет моя следующая просьба. Поэтому частенько в сопроводилках Макс шлет бонус. За что я его часто вспоминаю благодарным словом. Когда получается заработать на его информации, я с ним делюсь. Правда, он сначала всегда отказывается, но потом все-таки берет деньги. Вот такой у нас рабочий тандем. Поэтому мне надо спокойно все обдумать. И лучше всего это делать в другой гостинице, где нам не будут мешать.

Пока я размышляла, Никита действовал. Он заказал люкс в другой гостинице. Завтра с утра и переедем туда. Здесь у нас номер оплачен до обеда. Так что мы ничего не теряем, а приобретаем спокойствие. И это главное для меня. Чтобы думать, мне нужна тишина...

С утра пораньше стали собираться. На ресепшене девушка задала, на мой взгляд, странный вопрос, учитывая, что у нас в номере шарили чужие люди.

— Посоветуете нашу гостиницу своим знакомым?

— Нет, конечно, — ответили мы хором.

— Почему? — спросила девушка. И обиженные глазки на нас вылупила...

— В вашей гостинице не обеспечивается безопасность постояльцам и их имуществу. Даже в люксе, — громко и на весь холл заявил Никита, чтобы все слышали.

А что? Это чистая правда. Ведь когда мы гуляли, двери закрывали. И их открыли кто-то из служащих своим служебным ключом. Вернее, они дали ключ бывшей сотруднице. Значит, заходи, кто хочет и бери, что хочешь. Хорошо, что вообще не убили. За это большое им человеческое спасибо. Все-таки мне мой муж дорог...

В новой гостинице мне понравилось. Вроде все то же самое. И не то. Цвет стен в комнатах спокойный, стиль европейский. И много мелочей, которые радуют. Чистота и порядок. А главное, никто сюда не проникнет. Здесь везде камеры. Гостиница ближе к пляжу: можно чаще ходить купаться и загорать. Есть у гостиницы и собственный пляж. В общем, я рада, что мы переехали.

— Иришка, мы купаться пойдем?

— Пошли. А разве тебе не надо свои дела сделать? Никита, почему ты мне так и не рассказал, что вообще тебе здесь понадобилось? Зачем ты сюда приехал? Что ты от меня

скрываешь?

Вид у Никиты враз стал какой-то зашуганный, будто я его за воровством шоколадных конфет из буфета застукала. Неужели думал, что не спрошу рано или поздно? Или думал отвертеться от ответа и сделать свои дела по-тихому?

— Никита, ты почему молчишь? Рассказывай, что там за великая тайна, которую ты скрываешь? Все равно рано или поздно узнаю. Так лучше сейчас.

Я села поудобней на кровать и приготовилась слушать. Ну, думаю, сейчас он меня огорошит своими внебрачными детьми. Или вообще скажет, что серьезно или смертельно болен и жить ему осталось немного. Или скажет, что наш брак фиктивный. Что еще так тщательно можно скрывать? Видно, что Никита не решается начать рассказывать. То ли ему стыдно, то ли страшно. Мнется. Помочь? Нет уж, пусть сам решается...

— Никита, мы взрослые люди. Рассказывай. Я постараюсь понять.

— Я приехал навестить своего деда.

— И в чем здесь подвох? Что ты скрывал? Он нацистский преступник? Американский шпион? Он женщина?

— Нет. Не совсем. Он сумасшедший...

— В каком смысле? Чудит на старости лет? Пришел маразм, деменция?

— Нет. Он всегда был сумасшедшим. С самого детства. И мать унаследовала свое сумасшествие от него.

— Я всегда подозревала, что она того. Кукушкой поехала. А у вас это семейное, оказывается.

— Вот этого я и боялся. Поэтому и не хотел, чтобы ты узнала.

— Скрыть, что ли, хотел? Почему?

— Ты тогда мне сказала, что не вышла бы за меня замуж, если б знала, что моя мать не в себе. Вот я и боялся...

— Чего?

— Развода. Что бросишь меня и уйдешь, как от своего бывшего.

— Даже и не мечтай. Ишь ты, брошу... Тебе же не передалось? Или у тебя в голове тоже поселилась кукушка?

— Да вроде бы нет. Просто иногда дятел стучит. Но психиатры говорят, что это норма. Это у всех бывает, — стал шутить Никита.

— Раз норма, то и нечего париться. Мы когда к деду поедим?

— Я хотел завтра один втихаря съездить.

— Почему по-тихому? Дед твой что, буйный? Или бывают припадки, осенне-весенние обострения?

— Да нет, не буйный. Просто странный. И диагноз есть. А так он, на мой взгляд, чудаковатый просто. Дед талантливый: он картины пишет и этим зарабатывает.

— И все?

— И все.

— Тогда почему я его не могу видеть? Он ведет себя неадекватно? Режет себе уши, как Ван Гог. Так я не Рошель, и мы не в Арли. Или он всем остальным режет уши?

— Нет. Он абсолютно адекватен. Просто я стеснялся.

— Никита, вот представь, что меня сбила машина или инсульт случился. И вот лежу я парализованная, мозг мой работать нормально перестал. Ты меня тоже стесняться будешь? Или стыдиться? Я хочу, чтобы ты меня понял. Твоя мать стала агрессивной. Только поэтому

я так тогда сказала. С каждым разом она становилась все более неадекватной. Ведь неизвестно, что от такого злобного человека ожидать... Реально стало страшно за мою маму. Чего греха таить, за себя тоже. Если бы она была просто чудаковатой, я бы и слова тебе не сказала. Мало ли у нас в стране чудиков. Вон психиатры вообще считают, что у нас в стране нет здоровых людей. Есть недообследованные. А вот агрессия любого напугать может. Я была напугана ее действиями. Попробуй меня понять. Встань на мое место...

— Я понимаю.

— И я тебя понимаю. Просто мне кажется странным, что твой дед не с вами живет. Почему не с родными? У него здесь есть кто-то из родных? Или он сам хочет быть один?

И тут Никиту прорвало. Он стал мне рассказывать все, что раньше тщательно их семья скрывала. В том числе и от него. Он, оказывается, про своего деда сам до сих пор ничего не знал. Только сейчас отец рассказал. Когда всплыло, что мать больна. Раньше Никита думал, что у нее просто нервные срывы. Вот он и решил все уточнить для себя. А признаться мне боялся. Вдруг разведусь с ним или откажусь от него детей рожать, раз у них в роду есть психбольные. Поговорили с ним еще по душам. Все прояснили. Договорились, что завтра поедем и навестим его деда. А пока собрались и пошли на пляж.

На пляже народу было немного. Но одна семейка производила шум, как будто здесь был многотысячный стадион. Мало того, они бухали и совсем не смотрели за своими детьми. Я, честно говоря, хотела уйти. Не люблю я таких шумных соседей. Мало того, что отец семейства матерился на весь пляж, не стесняясь ни детей, ни отдыхающих. Так он еще и громко обсуждал свою жизненную философию. Я прислушалась к тому, что он нес.

— Баба должна быть дома с детьми. Кухня, церковь, киндеры.

— А муж чем заниматься должен? — задала вопрос его заморенная жена.

— А муж может заниматься всем, чем хочет. Он по натуре самец. Завоеватель.

Завоеватель выглядел, честно говоря, не очень: впалая грудь и жирный живот. Пивко любит завоеватель пить. В общем, пузан на кривых волосатых ножках. Ростом ниже среднего. И нечего удивляться, что его жена стала поглядывать в сторону моего красивого и фигуристого мужа. У Никиты есть на что посмотреть. Но руками трогать экспонат запрещено. Разрешение есть только у зрителя. Пьяный сушеный мини Геракл был уверен в своей неотразимости. Стал говорить нарочито громко, чтобы привлечь внимание.

— А женщина должна всегда молчать, не требовать от меня денег и быть всегда готовой к сексу. Только таких теперь нет.

— Почему же нет? — спросила я. — Есть такие. Как раз для тебя. Только их перед употреблением надуть надо. И они резиновые, — добавила я.

Я думала, что никто нас не слушает. Но оказалось, что рассуждения утырка слушал весь пляж. И моя отповедь людей развеселила. На пляже грохнул взрыв...смеха. Мужичонка понял, что стал посмешищем, стал орать на свою жену и они быстро ушли со своими невоспитанными детьми. Наверное, пошел распространять дальше свою идеологию. На пляже стало сразу весело. Все, кто сидел по своим местам стали бегать, играть и купаться. Мы с Никитой отплыли от всех подальше и стали смеяться. Вода была теплая. Одно удовольствие плавать. Лежим на воде. Подплывает парень на аквабайке.

— Привет. Что делаете?

— Отдыхаем. Лежим...

— А на чем лежите?

— На матрасе.

— Так матраса же нет.

— Значит, утонул...

— Так, а вы на чем лежите?

— Сказано же, что на матрасе.

— Матраса же нет!

— Утонул...

Он посмотрел на нас, как на сумасшедших. Уплыл. Мы переглянулись и счастливо засмеялись.

— Никита, не надо было его доводить. Жестокосердный ты у меня.

— Кто бы говорил. Ты вон человека с пляжа выжила...

— Никто его не выживал. Просто я не вытерпела и решила высказать этому павиану свое мнение. Надоело слушать его пьяный бред. Да и жену жалко. Она теперь от него весь вечер огребать будет.

— Не жалей ее. Она его сама выбирала. Никто ее замуж за такого не гнал и силком не тянул. Сама выбрала, сама теперь и хлебает полной ложкой. Человек сам ответственен за свой выбор.

— Видели глазки, что выбирали? Теперь жрите, хоть повылазьте!

— Вот именно. А не пора ли нам домой?

— Поплыли. Есть хочу, — сказала я.

И погрелась быстрее к берегу. Никита плывет рядом. Смотрю на него и восхищаюсь. Как красиво плывет мой любимый мужчина. Мы успели только на ужин. Надо же, как быстро бежит время. Казалось, вот только утро было. А уже ужинать пора. После ужина пошли на променады. Хотелось просто прогуляться и поговорить. Прогулка удалась. Придя в номер, мы легли спать и крепко заснули.

На следующее утро поехали к деду в гости. Я боялась до одури, до дрожи в коленках. Казалось бы, какая мне разница, что подумает про меня этот сумасшедший старик. Если свою мать Никита не послушал, то на мнение не совсем здорового деда наплюет. Скорее он с дедом знаться не будет, если произойдет какой конфликт. А я все равно переживала. Заметив мой мандраж, Никита прижал меня к себе крепче. Крепко держит за руку. Оказывает моральную поддержку...

Дед мужа оказался импозантным мужчиной. На старика не похож. И на деда он никак не тянул. Высокий, с благородной сединой на висках, с прямой спиной. Правильные черты лица. Понятно, что мужчина в возрасте, но не старик... Вполне ясно мыслящий. Если бы мне Никита не рассказал про его проблему, то я ни за что не подумала, что у человека не все в порядке с головой. Вот кто-нибудь объясните мне, почему умалишенный порой выглядит и ведет себя более адекватно, чем психически здоровый человек?

И картины его мне понравились. Я не знаток живописи. Я оцениваю картину критерием простым. Залипаю я на нее или нет. Если не могу глаз оторвать, то мне эта картина нравится. И плевать мне, шедевр это или просто мазня уличного художника...

Скажете, что я не права? А мне кажется, что все эти так называемые знатоки просто выдрючиваются. Нет людей более убогих и смешных, чем чересчур утонченные натуры. Стоит такая перед картиной. Гладенький лобик морщит... А сама ничегошеньки не понимает, хоть и есть у нее художка за плечами. Рисовать ее научили, а вот творить — увы. И мстит она всем, кто талантливее, успешнее... И ненавидит их своей мелочной душой.

Откуда будут у нее гениальные творения, если душа мелкая, что блюдо. Картины деда мне понравились. Да и сам он мне симпатичен.

Живет дед в трехкомнатной квартире. Есть у него и своя мастерская — студия на чердаке. Нынче это называется пентхаус. Получил он ее в застойные времена. Значит, не бесталанный. Есть в нем искра божья...

Дед мужа мне сразу понравился. Простой и добрый человек. Не то, что его злобная дочь, мать Никиты. Та нам крови попила и нервы помотала здорово. Она изначально была против нашего брака. Поженились мы без его родителей. Их на свадьбу сын не пригласил. Но потом она на мне отыгралась. Такую травлю устроила. Сплетни в поселке распускала. Поселок хоть и коттеджный, но сплетники такие же, как и в деревнях: безжалостны и деятельны. Она по колдунам стала ходить. Пакостить и какие-то порчи на меня наводить. Отец Никиты долго смотрел на это, а потом нервы у него сдали. Он положил ее в психушку, чтобы там ей «нервишки подлечили». На самом деле там явный диагноз. С головой у нее беда... Это так, к слову.

Звали деда моего мужа Владимир. Но художник, который сегодня пришел к нему в гости, звал его на французский манер Вольдемаром. По-моему, это глупо. Если ты русский, то и имя у тебя русское. А вот это попугайничанье и французский прононс смешны и нелепы при данных обстоятельствах. Я тоже поумничала, не удержалась. Каюсь, взяла грех на душу. Хотелось поставить на место хвастливого павлина. Стала с этим франкофилом говорить по-французски. Он стушевался, быстро свернул разговор, распрощался и был таков. Дед потом долго смеялся. Ему так четко и быстро приземлить горделивого «а-ля франсе» не удавалось ни разу. А он повадился приходить к деду, чтобы поесть и попить на халяву, попутно отнимая у него драгоценное время. Дед его не любил за бездарность, а сказать пустому человеку, что он мешает работать, воспитание не позволяет. Вот дед его набег и терпел...

Возвращались мы из гостей довольные. Никита радовался, что дед мне понравился. А я была рада, что я понравилась деду. Это единственный член их семьи, который отнесся ко мне по-человечески. Нам всем просто хочется, чтобы нас любили. Бывает же так, что увидел человека, и он сразу тебе понравился. Возникла симпатия. Как у меня к этому деду. Или как у нас с Никитой.

Дед настоял, чтобы мы жили у него, а не в гостинице. Мы сначала покочевряжились, а потом с удовольствием переехали к нему жить. Да и нам, честно говоря, так было проще и удобней. От нашего присутствия дед будто помолодел. Меня дочкой стал называть. Никиту — внуком. Представляете, как смешно? Дочка замужем за внуком... Значит, я ему вроде тетки... Смешно. Выслушав мои рассуждения на этот счет, дед стал звать меня и Никиту просто по именам. Вот и славно. Так-то лучше...

Две недели пролетели незаметно. Мы купались, загорали, гостили у деда. В общем, наслаждались жизнью и спокойствием. Пора было возвращаться в Москву. Дед уговаривал нас остаться и погостить еще, но мы спешили домой. Соскучились: я по маме, а Никита по своему отцу. Хоть и созванивались по скайпу, а все равно общение вживую — это совсем другое. Билеты Никита заказал на самолет. Хватит с нас поездов. В прошлый раз в поезде весь вагон повеселили.

Прилетели мы домой быстро, но все равно вымотались в дороге. Сразу мыться пошли и спать. Выспаться всласть нам не дали. Многочисленные гости вытерпели только до обеда. А вот после стали приходить и приезжать, как сговорились, не давая нам передохнуть.

Пришлось нам срочно принимать душ и просыпаться. А то не комильфо зевать, когда гости рассказывают последние новости. А новости были не очень. Мать Никиты сразу после выписки опять забралась к нам в дом и стала тырить мое белье, чтобы навести порчу. Ее за этим застукал отец Никиты. А после того, как она опять стала заговариваться, отец мужа решил ее изолировать от людей. Ее опять положили в больницу. Значит, не помогают ей уже психиатры. И я стала ее навязчивой идеей. Никита был в ужасе: он понял, что его мать нас в покое не оставит, и придется переезжать из этого дома. Не будут же врачи держать его мать в психушке всю жизнь. Хотя, на мой взгляд, ей там самое место. Гости уехали. И мы остались одни. Никита пошел к отцу. Ему с отцом поговорить по семейным делам надо было.

Я осталась в доме совершенно одна. Скукотища... Никита как-то предлагал нанять домохозяйку мне в помощь. Разговор тогда у нас вышел презабавный.

— Давай найдем домоправительницу.

— Домомучительницу! Вот представь, мы сейчас в чем хотим, в том дома и ходим. Я как подумаю, что в нашем доме будет совершенно посторонний человек. Перед глазами мелькать. Туда-сюда... Ни тебе в трусах по дому походить, ни другими интересными делами с тобой заняться не сможем, где приспичит...

— Зато ты не будешь упыхиваться по дому. Уборка, стирка, глажка... Она тебя разгрузит от забот.

— И кого думаешь нанять? Если даму в возрасте, то мне стыдно будет, что я молодая и здоровая девка и бездельничаю, а тетка в матери мне годится и трет в нашем доме полы. Если нанять молодуху, и того хуже. Еще попадетсЯ пройдоха и уведет моего любимого мужа.

— Что предлагаешь?

— Нанять домохозяина.

— Тогда он уведет мою любимую жену. Мне это не подходит. А то вдруг на голубца напоремся.

— Об этом я не подумала. Вдруг он к тебе приставать начнет?

— Вообще мрак...

— Да. Опасность явная. Как ни посмотри, все неудобство. Проще самой полы мыть. И для фигуры полезно. Да и готовить я умею. Тебе же нравится?

— Нравится. Я и сам готовить могу. Так что домохозяин отменяется.

— И домохозяйка тоже. И зачем нам лишние расходы на прислугу?

Вот такими доводами и отбрыкалась я от предложения мужа нанять прислугу, чтобы не париться по хозяйству самой... По этому вопросу мы быстро пришли к общему мнению: чужих нам в доме не надо!

Никита пришел от отца домой выжатый как лимон.

— Тяжелый разговор? Что отец тебе сказал?

— Советует пока дом не продавать. Он решил после больницы мать за границу отправить.

— Ты думаешь, это ее остановит? Мне кажется, что она меня и оттуда достанет. Надо будет, она и через океан переплывет...

— Не знаю, что думать. У нее раньше такой навязчивой идеи не было. Ни к одной моей знакомой.

— Ты раньше не женился. Гулял и потом бросал своих пассий. Не было причин их ненавидеть. А я у нее, как она думает, любимого сыночка отобрала.

— Я же все равно рано или поздно женился бы.

— Женился бы. Но это было бы с одобрения твоих родителей. Под их чутким руководством и с их благословения. Так они мечтали. А тут какая-то фря вышла замуж за их сына. Мало того, на свадьбу их даже не позвали. Вот и клокочет обида в ней. Душит и жить не дает...

— Понятно все, но что с этим делать? Я не знаю и не понимаю.

— Ты извини, Никита, но и я не знаю. Вот твой дед тоже немного на вольтах. Но с ним можно найти общий язык. В нем злобы нет ни на грош. А мать твоя злобой так и пышет. И больница это не исправит.

— Я думал, что ее вылечат.

— Не ты один. Я тоже надеялась, что свекровь подлечат, она успокоится. Придет в норму. А тут так все запущено. Придется менять место жительства.

— Придется...

Мы еще с мужем поговорили и легли спать. Устали от гостей. Вроде и радость, что к тебе пришли люди пообщаться. Но и вымотали они нас новостями.

Через два дня к Никите приехали в гости старые друзья. Старые не в смысле возраста. А просто друзья детства и юности. Старшему Олегу тридцать лет, а двум другим: Сане и Мише — по двадцать пять. Приехали погостить на недельку. Работают все трое вахтовым методом в одной крупной компании. Зарплаты у них очень даже приличные, но поведение оставляет желать лучшего. Они сначала вели себя культурно и тихо. Смущались и присматривались ко мне. Интересно же, что за новый зверь в виде жены появился в доме. А на следующий день они стали вести себя, как привыкли. Вроде как меня и нет. Главный-то в доме все равно Никита. Подумаешь жена, чего ее стесняться? Сегодня одна жена, завтра другая. Да я старалась и не выходить лишней раз к этим гостям. Честно говоря, они мне не понравились. Душные какие-то. После них хочется выйти на улицу, воздухом свежим подышать. Рассуждения их я как-то слышала. Все бабы у них дуры. Их не ценят. Бабам только деньги от них нужны. Ну и мужики пошли, просто жуть... Терпела я их нытье, а потом высказалась.

— Женщины мужикам, когда кости моют, также говорят. Один в один.

— Почему ты нас с бабами сравниваешь? Ничего общего, — подал голос Олег. Остальные дружно закивали головами.

— Женщины тоже так говорят. Все мужики козлы. Им от нас только одно надо. Либо секса, либо денег... У женщин просто вариантов больше, чего от них мужикам надо. И не ценят мужики (кобели и сволочи) хорошего к себе отношения. По-вашему, есть разница? По-моему, никакой. И что с вами так поступают, вы сами виноваты.

— То есть жадные бабы. А виноваты мы?

— Да. Хочешь, докажу? — это я старшему задала вопрос, что называется, прямо в лоб. Он у них заводила. С него и начнем разгром вражеской армии.

— Докажи.

— Вот возьмем тебя. Ты же себе жену давно присматриваешь. И не мальчик уже. Старше Никиты моего намного. Никита женат, а ты нет. Знаешь почему?

— Почему? — спросил Олег.

И все четверо воззрились на меня. Они что от меня ждут? Что я им законы мироздания открою? Не только гостям, но и Никите стало интересно.

— Прежде чем судить других, на себя посмотреть надо со стороны. На себя давно в зеркало пристально смотрел?

— Что со мной не так?

— Начну с того, что ты молод, а у тебя пузо. Или этот трудовой мозоль у тебя давно? Жирноват. За собой не следишь совсем. Стрижка дешевая. Волосы грязные. Одежда тоже так себе. Прямо скажем, не высший класс. Обувь жуткую купил. Зубы вообще требуют работы стоматолога или, как минимум, отбеливания. За собой явно не ухаживаешь. Хватит? Или еще?

— Но я хорошо зарабатываю. И деньги у меня есть.

— Да? А тогда почему не потратишь на себя любимого? Почему себя в порядок не приведешь, чтобы женщины на тебя взглянули и влюбились? От жадности? Если тебя на себя любимого денег жалко, то представляю, какой ты скупердяй в отношении с женщинами. Цветочки им на газоне рвешь?

— Человека ценить нужно за его внутренние качества.

— Да? За внутренности тебя мясник пусть полюбит или патологоанатом. А ты девиц издалека интеллектом с ног сбиваешь? Чтобы начать беседу, расположить к себе надо свою визави. А ты внешне, прямо скажем, не Аллен Делон. Ты сам за что женщин ценишь? За внутренние качества? Или все-таки первоначально за внешний вид? Встречают у нас как? По одежке! А по твоей одежке тебя выпроводить хочется, а не встретить.

— Но меня должны любить не за деньги.

— Тебе никто ничего не должен. За что тебя любить? Тебе есть что предложить женщине, кроме денег? Назови!

— А что им надо?

— Тепло, ласку, заботу. Чтобы мужик надежный. Чтобы не стыдно с ним на людях было показаться. Чтобы юморной был. Чтобы не пил, не курил, как в песне. Да много чего. Но опять же повторюсь. Что ты лично сделал, чтобы тебя полюбили? Вот и получается, что ничего предложить барышням ты не можешь. Только деньги. А потом плачете, какие все бабы меркантильные... Себя начни менять. Глядишь, и жизнь изменится в лучшую сторону.

— Ладно, я такой и сякой. А вот Мишаня. Он без пуза и симпатяга. Душа компании. А тоже не женат. С ним что не так? — Олег пытается меня обыграть.

— Миша наверняка спросом у женщин пользуется. И характер у него легкий. И внешне вполне. В отличие от тебя, он стрижку недавно обновил. Моложе тебя и деньги есть. С Мишей случилось несчастье...

— Какое такое несчастье?

Все сразу уставились на Михаила.

— С ним случился такой друг, как ты. У тебя самого ничего в личной жизни не клеится. Я тебе уже объяснила, почему. Но ты и в его жизнь лезешь со своими советами и с никчемным мнением. Грязными лапами все замарать норовишь...

— Я не лезу. Он сам совета просит.

— А ты, Миша, нашел у кого совета спрашивать. Ведь наверняка и женщина какая-то нравится. И любишь ее. И женился бы, если бы не твой закадычный дружок. Он сам потом женится на какой-нибудь девице, а ты с любимой в разлуке будешь. Или она за другого замуж выйдет.

— Как замуж?

— Просто. Предложат, она и выйдет. Ты что же думаешь, что ты один на Земле? Мужиков примерно 4 миллиарда... Выбор громадный. Пока еще не поздно, отзвонись и начинай общаться с ней. Иначе потеряешь.

Видимо, попала в точку. Миша смотрит на этого Олега.

— Чего ждешь? Отмашку от командира? Ты просто подумай, что она уйдет к другому. И ты ее никогда больше не сможешь вернуть.

— А когда звонить?

— Если она тебе дорога, то сейчас. Чего тянуть кота за все подробности?

Миша ушел в другую комнату и стал кому-то звонить. Вышел через десять минут со счастливой улыбкой. Значит, я им четко все по полочкам разложила. Олег сидит хмурый. Думает, что друга теряет.

— Да не хмурься так, Олежек. Не потерял ты своего друга. Может, еще дружите семьями будете.

— А про Саню что скажешь? — спросил он.

— Сане никто не нужен. Он одиночка. Он пока не полюбил, поэтому гуляет сам по себе. Котят мартовский...

— Но он тоже не женат. И постоянной подруги у него нет.

— И не будет.

— Это почему? — все сразу возрились на меня.

— Вы же сами слышали, как ваш друг в реале начинает свои знакомства. Он же вам рассказывал. Саня в детстве не наигрался. Он приходит к девицам на первое свидание в образе сантехника. Грязного, немытого сантехника. Это куда годно? Ролевые игры — это забавно. Но все хорошо в меру.

— А что, сантехники не люди? Они не любят? Чем плох сантехник? — Саня придуривается. Изображает, что меня не понимает.

— Тем, что за грязного сантехника никто замуж не рвется. Очередь не выстраивается за таким товаром. Разве что какая извращенка на тебя в таком образе позарится.

— Значит, они все меркантильные. Ищут олигарха. Им миллиардера подавай.

— Ничего это не значит. Я с грязным сантехником тоже не стала бы знакомиться. Никаких встреч. Разве что вызвала бы кран поменять. Хотя нет. Чтобы кран поменять, я бы чистого сантехника наняла.

— Значит, ты меркантильная.

— Пусть буду меркантильная. Но мужчина перед свиданием должен хотя бы душ принять, а не приходить на встречу грязнулей вонючим. С таким никто не захочет встречаться, спать и жить.

— Это почему?

— Представь, что к тебе приходит на встречу девушка. Вы с ней по интернету познакомились. И она тебе очень понравилась. А на свиданье чумичка пришла. Руки грязные, ногти обкусаны, волосы сальные. И воняет, как от помойки. Даже если до этого она тебе по переписке понравилась. Увидев такое «счастье» ты как отреагируешь?

— Ну ее на хрен! Уйду сразу. Даже и подходить не стану.

— Вот и девушкам ты сам «ну на хрен!». Никто не мечтает плохо жить. Все хотят жить в сытости и довольстве. С красивым мужем. И осуждать девушек за это, по меньшей мере, глупо. Это не хорошо и не плохо. Это просто данность. Полюбит Саня, и плевать ему будет и на деньги, и на ее недостатки. И карнавал этот свой он сразу прекратит. И на мнение друзей ему будет плевать с высокой колокольни...

Наступила гробовая тишина. И что здесь удивление разыгрывать? Как будто они сами таких простых вещей не знают. На следующий день друзья Никиты засобирались домой.

Миша к своей зазнобе. Олег решил начать заниматься сортом. Но с понедельника. А это значит, что никогда. Саня и раньше их тупые рассуждения не поддерживал. Он всегда просто сидел в кресле и ухмылялся. Сам себе на уме... Через день они от нас съехали. Олег хмурый. Миша счастливый, Саня молчаливый.

Никита стал на меня как-то загадочно поглядывать. Как будто увидел во мне что-то новое. Хотя я лично рада, что эти друзья исчезли с нашего горизонта. Да и Никита тоже вздохнул свободно. Не надо никому угождать и ни на кого оглядываться. Теперь сами в своем доме хозяева: что хотим, то воротим. Вечером с мужем завела разговор. Издалека...

— Хорошо, что твои друзья уехали. Одно плохо. Скукота настала. Эти друзья хоть какое-то разнообразие вносили. Пойду я на работу устраиваться.

— Ты же вроде отдохнуть хотела.

— Наотдыхалась уже. Хватит.

— Если ты из-за денег, так у нас их хватает.

— Не хочу на твоей шее сидеть. Надоело безделье...

— Иришка. Я про тот разговор. Деньги мои ты не берешь и не тратишь. Значит, ты со мной не из-за денег. Тогда что тебе во мне нравится?

— Все.

— Прямо уж все. У меня столько недостатков. Что конкретно?

— Знаешь, Никита, я все твои недостатки считаю достоинствами. Наверное, это и есть любовь. Мне все в тебе нравится... Это правда. А потом мы не так давно женаты. Со временем, наверное, что-то в тебе и станет раздражать. Но не сейчас. Даже то, что ты ванну раньше меня всегда занимаешь, даже это жуткое преступление я тебе прощаю...

— Я серьезно.

— А если серьезно, то я не смогу тебе ответить на этот вопрос. Никто не сможет. Любят, по-моему, просто так. Потому что... И никто не знает, почему. Ученые установили, что когда человек влюблен, у него активны те же части головного мозга, что и при наркозависимости...

— Значит, ты мой наркотик.

— А ты мой. Просто так совпало. Давай спать.

Легли спать пораньше. Мечтали выспаться. Завтра выходные. Никого в гости мы не ждем. Мы мечтали так, а жизнь на нас составила свои планы.

В субботу ранним утром к нам приехали в гости мама и Петька. Наступили выходные. И гости решили почтить нас своим присутствием. Они по нам соскучились. Пес сразу же стал носиться по лесу, как оглашенный. Петька, естественно, за ним ускакал. Мама стала что-то готовить. Потом пошла в гости к своей родственнице тете Гале. Ее давно приглашали. Дом их находится недалеко от нашего. Там мама просидела до вечера.

Вы не замечали, что когда все становится обыденным, когда неприятности позади, нам сразу хочется приключений на свою пятую точку. Не замечали? А вот у меня так. Скука способна превратить меня в нытика и зануду. Мне надо экшена, иначе я начинаю чахнуть. А вот со следующего утра нас ждало такое...

Итак, выкладываю новости по порядку. Петька с утра по своей старой привычке решил прогулять Грейса в лесу. Там, у озера, есть у нас место, где самой природой выточено кресло. Петька назвал его троном. А мне оно больше напомнило кресло. Оно действительно удобное. И красивое. Природа, как оказалось, лучший мастерской...

По глупости своей я его сфоткала несколько месяцев назад и выложила в соцсетях. Каюсь. Виновата. Сглупила. Люди назвали это кресло тронем зачатия. Кто-то из подписчиков взял и сочинил легенду, что кресло помогает бездетным. Надо только полюбить друг друга на нем. И будут дети у тех, кто много лет не мог забеременеть.

Объясните мне. Почему так? Если бы об этом сообщили ученые, то наш народ не поверил бы. И долго ехидничали бы и высмеивали тупость ученых мужей. А поскольку это скинули простые люди, не обладающие никакими научными званиями и регалиями, то наш народ ломанулся в лес на это кресло делать детей. Паломники стали осажать наш коттеджный поселок. Мало того, они ждут, что будут какие-то дети индиго. Какие индиго от доверчивых идиотов могут получиться?

Новость стала обрастать свежими, выдуманymi уже журналистами подробностями. Писаки почуяли сенсацию и писали, что в голову взбредет. Понаехали телевизионщики, и тут такое началось... То какие-то патлатые личности вокруг трона и озера хороводы под камеры водили. То какие-то исследователи паранормальных явлений стали сюда ездить. Такие же чокнутые и патлатые. Даже люди с миноискателями приезжали. Что надо было этим гражданам, мы так и не поняли.

В общем, наступили времена известности. Выручка в магазинах мужа стала расти как на дрожжах. Скупалось паломниками все на корню. После того, как одна группа любителей экстрима чуть не замерзла ранней весной, мы добавили в ассортимент магазина все для походов в лес и палатки. Не успевали завозить товар. Никита решил, что это мой маркетинговый ход для оживления торговли в его магазинах. Но это не совсем так. Все получилось само собой, помимо моего желания.

Потом по телеку выступали какие-то знатоки непонятно каких наук. Знаете, есть такие люди, которые «знают» все обо всем. О чем народ триндит, в том они и специалисты. Они выдвигали свои версии происхождения этого трона. Одна невероятнее другой. Я сама случайно посмотрела эту передачу. Сначала какой-то старый парапсихолог стал говорить свою версию.

— Изготовление этого трона датируется тысячелетиями до нашей эры. Ему более сорок тысяч лет. И в то время уже была известна и применялась лазерная шлифовка камня. Представьте это чудо, — рассказывал «знаток». Прямо-таки заливался соловьем словоблуд. Даже я заслушалась...

— Этот артефакт — архиважное доказательство древнейших высоких технологий. Обработка камня выполнена на высочайшем уровне, — вторил ему его собеседник.

— Предназначение этого объекта неизвестно. Но есть версии, что... — версий у следующего «спеца» было несчетное количество.

Все эти люди больше двух часов морочили людям голову по телевизору. На самом деле из них только чахлый парапсихолог приезжал к камню. Бегал вокруг него, щупал, трогал. На кресло залез и даже умудрился наверхнуться с него. Остальные «специалисты» прямо на ходу сочиняли свои фантастические версии происхождения этого «важнейшего доказательства древнейших высоких технологий». В конечном счете одни из них договорились, что это кресло, оставленное инопланетянами, а вторые — что древние русичи умели делать и более глобальные вещи. В общем, они сочиняли кто во что горазд. А телевидение им щедро за этот бред платило. Зрители всю эту белиберду смотрели и верили пройдохам. Наши люди верят всему, что пишут в газетах и показывают по телевизору. Они верят даже тому, что пишут на заборах и в лифтах...

К счастью, известность и популярность нашего коттеджного поселка была недолгой. Телевизионщики скоро какую-то новую сенсацию из пальца высосали и от нашего поселка отстали все эти неадекватные люди. Правда, те пары, что не могли забеременеть, время от времени навевались к трону и совершали всем известный и древний, как сам мир, обряд зачатия.

И вот в воскресенье рано утром жители нашего поселка обнаружили на месте трона не паломников, к которым мы все уже привыкли. И даже не влюбленную пару, которая делает детей. В кресле был труп красивой молодой девушки. Он был обложен цветами и украшен лентами. Получился не трон и даже не кресло, а самый настоящий каменный гроб.

Петька шел гулять с Грейсом к озеру. Смотрит, а в нескольких метрах от трона стоят наши соседи: девушка в розовом и ее родители. Они были растеряны и напуганы, не знали, что делать. На троне труп. Петька начал командовать: запретил им приближаться к месту происшествия и стал вызывать полицию. Потом подошел посмотреть, вдруг девушка жива и ей нужна помощь. Девушка оказалась мертвой и уже холодной. Петька позвонил мне и рассказал, что случилось.

Полиция приехала быстро. Место оцепили. Опрашивали свидетелей. Петьку в связи с малолетством оставили на закуску: решили опросить в присутствии взрослого законного представителя. Полиции было много. Все дело в том, что в нашем коттеджном поселке живет генерал МВД. У него есть дочь и внуки. Он был напуган происшествием. А ну как следующими его родные станут. Вот и нагнали полиции...

Потом начались допросы жителей поселка. Кто что видел, кто что слышал. К нам домой полицейский заявился поздним вечером. Это был замученный жизнью майор. В калитку позвонили. Мы посмотрели — у калитки стоит полицейская машина. Пустили его в дом. Нас стали допрашивать.

— Где вы были вчера вечером? — спросил майор.

— В какое конкретно время? — задали мы свой вопрос.

— С 19 часов до 24 часов...

— Дома. У нас и видеозаписи имеются. Можем предъявить.

Дело в том, что еще несколько месяцев назад Никита установил видеонаблюдение за домом. Полицейский поморщился, как от зубной боли.

— Прошу все-таки отвечать на поставленный вопрос.

— Мы на ваш вопрос уже ответили. Мы были дома. Мама была в гостях у родни. Дс позднего вечера. Девушку убили именно в это время?

— Кто может подтвердить ваши слова?

— Видеозапись — лучшее подтверждение. А про маму — ее родня.

— Где был в это время ваш подросток. Кто он вам?

— Подросток несовершеннолетний. Петр Соколов. Наш сосед по подъезду. У нас гостит: на выходные отдохнуть приехал. Что он из дома не выходил, тоже подтвердит видео.

— Вы знали потерпевшую?

— Потерпевшую? Она жива? Она не убита? — переспросила я.

— Вы знали убитую? — спросил майор.

— Вы извините, но вы хоть фото ее покажите. Мы даже не знаем, кого там убили.

Полицейский был какой-то не от мира сего. А может, просто уставший. Но у меня было такое впечатление, что он нас не слушает. Или не хочет слышать. Или просто от усталости

мозги у него плавятся, и он соображать перестал. Но фотографии трупа он показал. Девушка на фотографии была красивой, хоть и мертвой. Тоненькой, как тростинка.

— У кого на такую рука поднялась. Или она сама покончила с собой?

— Пока не знаем, — ответил он.

Посмотрел он на нас внимательно. И проглянуло у майора в лице что-то человеческое...

— Вы знаете, у нас в поселок два въезда. Они же выезды. Там у нас магазины. Есть видеонаблюдение. Если она приехала на машине, то мимо магазинов проехать она никак не могла. А значит, есть на камерах, когда и с кем она приехала можно посмотреть. А вот если пешком пришла с трассы, так тут по всей кромке леса есть тропинки. Заходи через любую в лес, и почти все они ведут к озеру, — попыталась я ему помочь.

— Значит, в магазины ехать еще придется, — сказал майор и скривился. Понятно. Устал, наверное, как собака.

— Зачем? Мы вам сами запись предоставим. У нас с камер она автоматически накапливается. За какое время вам надо? — спросила я.

Просто мне стало жалко служивого. Думаю, сделаю доброе дело и облегчу ему хоть немного жизнь. Майор меня понял и сразу повеселел.

— Может, чаю? Наверное, устали, весь день на ногах? И крошки во рту не было? — мама в своем репертуаре. Ей всегда всех хочется накормить.

Я пошла за ноутбуком. В нем хранились все записи за последние дни. Принесла в столовую ноутбук и поставила перед майором.

— Смотрите. Выбирайте. Что скажете, на флешку вам скину или на адрес, куда скажете.

— Спасибо. А то думал, опять придется выпрашивать и запросы писать.

— Зачем? Вам же надо быстрее. Может, преступника поймаете. И нам спокойнее жить будет. А то такие страсти. Поселок гудит...

Полицейский подкрепился. Мы расписались в протоколах. Видео скопировали и переслали, куда он указал. Подъехали его сослуживцы, и майор отбыл. В поселке какое-то время пообсуждали эту тему. Потом происшествие забылось. Стали обсуждать другие животрепещущие новости. Полиция нас больше не беспокоила. Из чего все жители сделали вывод, что девушку никто не убивал. В общем, сама померла. Так решили в поселке и успокоились.

А мне было любопытно. Я вечером просмотрела записи. Девушка приехала в коттеджный поселок на маршрутке, зашла в магазин и купила воду без газа. В руках у нее не было цветов и лент. Сумки или пакета тоже не наблюдалось. Ничего не было. Была при ней банковская карта, которой она расплатилась за воду и положила в карман.

Так откуда взялись цветы и ленты? Петька сказал, что цветов было штук сто, не меньше. Такую охапку видно было бы издалека. Трон буквально был ими обложен. И лент тоже было много. Она была ими красиво «упакована». Значит, она с кем-то встречалась. И именно этот человек оформил гробовую витрину, как будто разрекламировал ее похороны. Похоже на ритуальное убийство.

Неужели полицейские не видят этого? Где второй участник акции? Или это был перформанс? Только девушка умерла, а тот, кто с ней был, вместо того, чтоб оказать помощь, просто смылся? Испугался и убежал? Помощи девушка не дождалась. Время ночное. Лес. Ясно, что ночной лес не кишит гуляющими и отдыхающими. Помочь несчастной девушке было просто некому. Я решила поделиться своими соображениями с Никитой.

— Никита, мне нужен твой совет.

— Что случилось? Говори.

Никита лежал на диване сытый и довольный. А стало быть, можно все сказать на чистоту. Он сейчас добрейшей души человек. Все снесет и все стерпит. Даже то, что я опять решила рисковать и сунуть нос в эту темную историю. Прилегла к нему рядом, обняла и завела свою пластинку тихим таким голоском.

— Я смотрела записи. Знаешь, мне кажется, что ее убили.

— Ты про ту девушку с цветами?

— Про нее. Про кого же еще. У нас не так часто трупы обнаруживают.

— С чего такие выводы сделала?

— Вот, смотри. Она с пустыми руками в маршрутке сюда приехала. Ни сумки, ни пакета, ни цветов при ней не было.

— Откуда знаешь?

— Записи с камер просмотрела. Да и водителя маршрутки поспрашивала. Он ее запомнил. Она красивая и грустная была.

— Иришка, ты решила заняться расследованием? Оно тебе надо?

— Мне просто любопытно. Да и убийцу поймать и наказать хочется.

— Допустим. Дальше что?

— Я сделала вывод, что ее либо убили. Либо, когда ей стало плохо, ей не оказали помощь. А это тоже преступление.

— С чего ты решила, что она не одна была?

— А кто в лес цветы притащил и ленты? Потом водитель маршрутки рассказал, что она была в босоножках без каблучков. И на видео она в босоножках. А в кресле у нее на ногах были туфли новые и каблучки там пятнадцать сантиметров. В таких туфлях она наследила бы, а дырок от каблучков в дерне нет. Да и сами туфли чистые.

— Сняла босоножки и одела туфли. Уже сидя в кресле.

— А в чем она эти туфли привезла? Они по воздуху телепортировались? Значит, кто-то принес ей весь реквизит. Все равно второй должен быть. Это же логично?

— Логично.

— Куда она эту снятую обувь дела? Там полиция в радиусе пятисот метров все обыскала с собакой. Никаких босоножек не нашли. Значит, этот неизвестный унес лишние босоножки или утопил в озере.

— Возможно...

— Есть еще версия. Ее на руках кто-то на кресло принес. Может, она была без сознания. Ее убили. Показательно. На публику. Он же мог труп просто в озере утопить — и концы в воду.

— Ириша, полиция дело расследует. Они за это деньги получают. Ты-то куда поперек батьки в пекло лезешь?

— Здесь же совершенно преступление. По меньшей мере, неоказание помощи нуждающемуся. Это уголовная статья. Ее спасти можно было. Да и девушку жалко. Молодая и красивая.

— Она глупая. Зачем в лес на ночь глядя поперлась? Каких приключений на свою худосочную филейную часть тела искала? Это закономерный итог ее авантюризма.

— Ну и что, что она глупая? Если глупая, то пусть умрет? Ты сам же понимаешь, что ее убили? А полиции это расследовать на фиг не надо. По-тихому дело сначала приостановят за

неизвестными лицами, а потом будут сроки выжидать, чтобы по истечению сроков давности вообще закрыть. Хорошо, если вообще установят, кто она. А то могут безымянной похоронить. И родня не будет знать о ней ничего. А убийца войдет во вкус и станет дальше убивать.

— С чего ты это взяла?

— Убивший однажды либо всю жизнь каяться станет и замаливать грехи, либо опять будет убивать. Это закономерно.

— Давай договоримся. Я пожалею, что пошел у тебя на поводу, но мы завтра с тобой в полицию съездим и там все выясним. Как дело продвигается узнаем. И чек предоставим, и про показания водителя маршрутки расскажешь. В общем, просто с ними поделись всем, что знаешь и думаешь. А потом пусть полиция делом занимается. Ты в это дело больше не полезешь. Договорились?

— Хорошо.

— Слово даешь?

— Угу.

Ночью я не спала. Все ворочалась и думала. До самого утра мозгами скрипела. У меня выстроилось несколько версий произошедшего. Только вот надежды на то, что меня без иронии и насмешек выслушают в полиции, было мало. А вероятность, что примут мои выводы к сведению — почти ноль процентов. Хорошо будет, если вообще снизойдут и просто дадут мне высказаться. А то просто завернут с моими идеями...

Мы с Никитой утром узнали, кто ведет это дело. Созвонились со следователем. Приехали. Привезли записи, чек за воду, которую купила девушка. Он вообще чудом сохранился. Хорошо, что девушка выбитый чек с собой не взяла. Кассир скинула его в коробку для неистребованных чеков. Как только узнали про убийство, я метнулась в магазин. Чтобы угодить жене начальника, продавец разыскала чек. Благо он в коробке сохранился. Мусор у нас ленивая кассирша редко выкидывает. Дай ей бог здоровья. Время и покупка в чеке совпадали с записями с камер. Следователь меня спокойно выслушал. На все мои выводы покивал головой. Пора уходить. Но я не могла уйти просто так. Могу же я полюбопытствовать? И следователь вроде адекватный попался. Вдруг да ответит...

— А можно вопрос задать? Уточнить. Вы банковскую карту при девушке обнаружили? Она же картой рассчиталась за воду.

— Нет, при ней не было карты.

— А бутылку воды тоже не нашли?

— Нет. Не нашли. Может, по дороге выкинула.

— А на месте происшествия вы босоножки ее не находили?

— Какие?

— В которых она приехала.

— Не находили.

— А личность погибшей установили?

— Нет.

— Смерть естественная или насильственная? — я уже наглеть начала.

— Экспертное заключение пока не готово. Предположительно, причина смерти — отравление.

— Значит, убили?

— Или сама отравилась. Хотела умереть, — следователь выдвинул свою версию. Такая версия для него очень удобна...

— Если сама отравилась, то где тогда ее босоножки? Кто принес цветы и ленты? Ее отравили, — высказала я свое мнение.

Следователь хмыкнул. Поглядел на меня, как на убогую. Но остался при своем мнении. Ему это дело спихнули. А у него и так работы невпроворот. Своих дел много. Еще и это прилетело. Жена его пилит, что дома не бывает. А тут вообще загрузили. Разведется с ним скоро жена.

Мы попрощались со следователем. Он дал нам свой телефон. Вдруг я еще что-то обнаружу, или кто-нибудь из жителей поселка что-то интересное вспомнит. И мы вышли из кабинета.

— Что ты думаешь? — спросил меня Никита.

— Что тут думать? Наверняка глухарь им с креслом из леса прилетел. Следователь делами перегружен. Наверяд ли сильно копать станет.

— Это с чего такие выводы?

— У него на столе много дел лежит. И соседний стол завален папками.

— Это стол второго следака.

— Стол второго. Но нам дежурный проговорился, что наш следователь будет в кабинете один. И мы не ошибемся. Значит, второй либо в отпуске, либо болеет.

— И что с того?

— А то, что на время своего отсутствия у ментов принято дела в сейф убирать. От любопытных глаз подальше. Вспомни Глеба Жеглова... Так что на столе дела нашего следака. И работать ему по этому убийству будет некогда. Он, чтобы сроки не пропустить, сейчас под любым предлогом дело приостановит, чтобы по шапке не получить от строгого начальства.

— Они всегда так делают?

— Почти всегда. Если начальство по этому делу наседать не станет. Если на него насядут с этим делом, тогда он другие приостановит. Не разорваться же ему. Бесперспективное это дело. Или на самоубийство все спишут, чтобы быстрее дело закрыть.

— Се ля ви. А девочки нет в живых... И правда никому не нужна.

— Разве что у нее родня обнаружится. И они начнут полицию теревить.

— Иришка, мы с тобой договаривались. Ты не лезешь в это темное дело.

— Помню, Никита, что договаривались. Не полезу, раз тебе пообещала. Я и так много для ментов сделала.

— Домой едем?

— Угу.

Приехали домой и легли спать. Вы никогда не замечали, что посещение нашей полиции все силы отнимает? Мы с мужем не подозреваемые и не обвиняемые. Всего лишь свидетели. А вышли из здания, как будто нас выжали насухо. То ли аура там такая, то ли я расстроилась. Но спать мне хотелось сильно. И голова стала болеть. Я знаю, что самое лучшее лекарство — это сон. Вот мы и решили поесть и залечь в берлогу, в спячку. А там, как говорят фаталисты, вселенная сама подскажет нам выход.

Рано утром проснулась. Никита с утра пошел в магазин за продуктами. Нам никуда сегодня ехать не надо. Настала суббота. Значит, к нам в гости приедут мама с Петькой и Грейсом. Петьке понравилось у нас гостить. Да и что ему дома делать? Там его мать пьет, не

просыхая. Я сомневаюсь, что она помнит про наличие у нее несовершеннолетнего сына. Мне кажется, она и собутыльников своих не помнит. Мужики часто у нее меняются. Наверняка она и имен их не знает. А зачем? Ей теперь лишь бы наливали. Ведь нормальным человеком когда-то была. Спилась... Вот вроде и Петька с мамой подъехали. Гости прибыли...

— Теть Ира! Пошли гулять!

— Опять тетякаешь? Когда только тебя отучу... Ты же только что приехал. Хоть чаю попей.

— Не хочу чай пить. Выгулять Грейса надо.

— Тогда пошли. Поводок и намордник на всякий случай возьми.

— Зачем? Грейс все равно на людей внимание не обращает.

— Вдруг попадутся те, кто собак боится. Зачем зря людей пугать?

— Грейс же не кусается.

— Знаешь, Петруха, на нем не написано, что он мирный и добрый. А с виду он, наоборот, большой и страшный. Вон какой кабан вымахал. Так что возьми на всякий случай его амуницию. Так спокойней будет.

— Ладно.

Я с Петькой гулять пошла не потому, что на его уловку поддалась. У меня свой план для прогулки в лесу был. Я решила тщательно обследовать прилегающее к каменному трону пространство. Вдруг при осмотре полицейские флонили и проглядели что-нибудь очень важное. А я тщательно все обыщу. Мне Петька с Грейсом помогут. Хотя уже столько дней прошло...

Пришли на место происшествия. Я стала внимательно обходить, нарезая круги вокруг трона. Петька стал меня спрашивать.

— Ира, что ищем?

— Все. Если что-то найдешь, меня зови сразу.

— Ты же обещала Никите не лезть в эти дела.

— Обещала. Я и не сую. Я просто посмотрю. Вдруг что-нибудь найду...

— Хорошо, что дождя не было. И на поляну перестали всякие идиоты приходить.

— Это, Петя, не идиоты, а просто отчаявшиеся люди. Они детей хотят. Это их последняя надежда. Последний шанс...

— Они к врачу обратиться не пробовали?

— Вот как раз врачи им и не помогли. Они надеются, что боги помогут.

— А камень-то здесь с какого бока?

— Умники и болтуны пустили слух, что камень помогает в таких делах. Вот они и едут сюда. За мечтой.

— За несбывшейся мечтой.

— А это, Петя, не нам с тобой решать. На свете много такого есть, «друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Авось кому и поможет каменюка гладкая. Вон по телеку один археолог выдвинул версию, что его инопланетяне сюда приволокли.

— Он дурак? Или чокнутый?

— Нет, он не чокнутый. И уж точно не дурак. Он за этот бред, что по телеку говорил, приличные деньги получает. Разве плохо?

— И люди верят?

— Прутся же сюда толпами. Значит, верят...

За разговорами мы уже обошли почти всю поляну. Осталось только в кустах все

обыскать и возле самого берега. Тогда можно идти домой с чистой совестью. Все, чем я могла помочь в расследовании убийства, я сделала.

Озеро наше наполняется водой из нескольких родников. Два таких родника обнаружили среди камней на берегу с одной стороны озера. Вода в них холодная, аж зубы сводит. Люди их облагородили. Частенько приезжие набирают там воду. Мы там руки иногда моем. А вот вторая сторона озера сплошь в камышах. На озеро приезжали гидрологи. Они обследовали водоем. Вода оказалась чистой и очень холодной. Они нам и объяснили, что вода холодная за счет многочисленных родников. Купаться в озере не желательно. Утонуть можно. Ногу сведет от холода и все: добро пожаловать на дно. Поэтому местные понастроили у себя саун и бассейнов. На озеро теперь ходят не купаться, как раньше, а погулять на природе и красотой полюбоваться. В крайнем случае, на лодке покататься. Но никак не поплавать и не понырять. Кусты мы обшарили и ничего не нашли. Осталось осмотреть камыши.

— Мне как-то неохота в эти камыши лезть, — пробубнил Петька.

— Нехота, не лезь. Мы с Грейсом поищем. Он найдет и мне притащит.

— Откуда он поймет, что надо подобрать и притащить? Припрет дерьмо какое-нибудь. Или сожрет что-нибудь. Нет уж. Я сам в камыши полезу.

— Только внимательней смотри. А Грейс со мной будет искать.

— Ура!

— Чему радуешься?

— Мячик теннисный свой нашел. Я думал, где он его потерял.

— А больше ничего там нет?

— Только мячик... Я думал, новый покупать придется.

— Зато я, кажется, нашла...

— Что?

— Сережку. Может, этой девушки, может другой. Но сережка золотая...

Осторожно ее в пакет чистый положила: вдруг там отпечатки какие есть.

— Теть Ира, тут пакет какой-то. Но он не совсем в камышах. Он слегка притоплен. Его еле видно. За корягу зацепился... Вылавливать?

— Подожди. Я здесь все осмотрела. Сейчас к тебе подойду. Прутиком вытащим аккуратно. И главное, руками не бери. Вот менты — бракоделы. И за что деньги только получают?

Посмотрела. Там кто-то попытался утопить пакет. Только этот дурень воздух с него не весь выдавил. Пакет лишь с этого ракурса видно. Потихоньку подтянули и вытащили его на сушу. Потом положили на сухое место и аккуратно вскрыли. Там лежали «сокровища»: телефон, карта банковская, фрагмент ленты атласной.

— То, что надо. Петька, мы с тобой новые улики обнаружили. Только давай договоримся, что пакет этот наш пес вытащил. За мячиком полез. Он у нас глупый. Вместо мяча пакет увидел и залаял. Нас позвал.

— А зачем врать? Кому?

— Главное, Никите не проговорись. А то я ему обещала... И полиции также скажем. Типа, пакет Грейс вытащил. Ты вообще ссылайся, что пес припер. А потом мы пошли посмотреть, где он выловил. Вдруг еще там что-то есть... Все понял?

— Понял. Сами не проболтайте.

— Тебя допрашивать не будут. Геморроя много с малолеткой возиться. А вот меня

пытать начнут...

— Почему пытаться? Давайте его назад выкинем в озеро.

— Да не в прямом смысле, а в переносном. Выкидывать мы ничего не будем. Не для того здесь два часа лазили и все руки исцарапали. Надо менту позвонить. Рассказать, что улики нашли новые. Чья сережка, интересно...

— Обронил кто-нибудь.

— Если телефон этой девушки, то где она его хранила?

— В кармане вполне уместиться должен. У нее в платье карманы были.

— Но цветы и ленты все равно в такие карманы не влезли бы. Интересно бы лодку взять на после обеда. Может еще что найдем...

— Наверяд ли. Дно не видно. А в воду заходить, так вода холодная.

— И перед Никитой спалимся. Если только его самого уговорить на лодке нас покатать.

Мол, типа романтика, то да се...

— А ментам звонить не будете?

— Знаешь, буду. Только при Никите и из дома. Так честнее будет. Только уговор не забудь. Я сочинять буду, а ты только поддакивай.

— Ладно. Вам виднее... Сами спалитесь. Вы врать не умеете.

Домой шли не торопясь. Пес нарезал круги, как ошалелый. Никита оказался дома. И придется мне опять выкручиваться. А я это не люблю. И врать совсем не умею. Никита вообще говорит, что все мои мысли у меня на лице написаны. И в покер мне играть не стоит. Врать — не мое призвание. Наверняка он прав.

— Знаешь, Никита, а мы погулять сходили.

— Только не говори, что к озеру.

— Угу.

— Значит, права мама. Ты пошла место происхождения осматривать?

— Быстро ты меня раскусил. Эх, не выйдет из меня разведчика...

— Шпион из тебя тоже так себе... Говори, что нарыла, ищейка.

— Ты не сердисься?

— За что?

— За то, что слово не сдержала. Что пошла искать улики...

— Нет, не сержусь. Сам виноват. Видел же, что ты зациклилась на этом деле. И вынудил тебя обещание дурацкое дать.

— Значит, точно не сердисься? А мы не зря сходили. Мы пакет с ее телефоном и с картой из воды вытащили.

— Почему ты уверена, что это ее вещи?

— Из-за номера карты. Последние четыре цифры совпадают с теми, что в чеке. И отрезок ленты, которой она была обмотана. Телефон, может быть, и не ее, но все вместе в одном пакете было притоплено. Не бывает столько совпадений разом.

— В нашей жизни много чего бывает. Ты менту звонила?

— Нет, пока. Тебе рассказать сначала хотела. С тобой посоветоваться.

— Звони. Ты руками не трогала вещи?

— Нет, конечно. За кого ты меня принимаешь?

— Мы еще сережку какую-то нашли и мячик Грейса, — проговорился Петька. Не долго продержался пацан, не выдержал и стал быстро выкладывать другие новости.

— Что за сережка? Там же в пакете лежала? — поинтересовался Никита.

— Нет. Она на другой части берега была. Вот, посмотри. По-моему, она старинная и дорогая.

— Это точно не новодел. Надо бы ювелиру показать. Вещь штучная. И не для взрослой женщины. Женские с крупными камнями обычно делаются. А эта воздушная, легкая, девичья...

— Ее тоже сразу ментам отдадим? А как тогда ювелиру покажем?

— Сначала ее из пакета вытащи и сними в разных ракурсах. В любом случае пригодится.

— Разве по снимку можно определить, настоящие камни или нет? По снимку они скажут, старинная она или нет. И то не факт. Может, подделка...

— Отдать сережку менту придется. Вдруг она по делу какому проходит...

— Или просто кто-то потерял. Тогда вернем хозяйке. Хотя застежка здесь целая, не повреждена.

— Иришка, сделаем так. Позвони сейчас следаку. Объясни, что мы нашли и пообещай привезти. По дороге заедем к ювелиру, а он сразу поймет, что за красоту ты подобрала...

— Ты звони ювелиру, а я следаку. И сразу поедем. Чего время зря терять?

Никита стал кому-то названивать. Я тем временем сфоткала сережку с разных ракурсов и при разном освещении. Получилось здорово. Красивая все-таки вещь. Через несколько минут Никита мне сообщил новости.

— Прикинь, нам даже ехать никуда не надо. У нас здесь недалеко ювелир живет. Он и посмотрит. Собирайся быстрее. Сережку не забудь.

— погоди. Мне сейчас менту звонить? Или после того, как съездим?

— Сейчас. А то скажут, что стырить хотели вещь. Оправдывайся потом.

— Тогда поехали. От дома ювелира и позвоню.

Мы быстро собрались. Ехать было близко. Зачем вообще машину гоняли? Можно было и пешком пройтись. Погода хорошая. Прогулялись бы с Никитой, доставили бы себе удовольствие. Впрочем, нагуляемся еще. Какие наши годы.

— Приехали. Звони менту.

Я позвонила. Рассказала, что во время прогулки с собакой мы обнаружили у озера, как я думаю, вещи погибшей девушки. И одну сережку, похожую на старинную. Полисмен сказал все привезти завтра к нему в кабинет. На мой вопрос, не будут ли они повторно обыскивать территорию возле озера, он только фыркнул и положил трубку. И правильно. А чего я ждала? Что сейчас понаедут толпы ментов и станут все там досконально, с лупой рассматривать?

Мы подошли к дому ювелира. Никита нажал на звонок. Раздался щелчок. Калитка отворилась. Вошли на территорию. У меня прям холодок по спине пробежал. Предчувствую, что нарыла я себе проблему на свою пятую точку. Не знаю, как у вас, но меня пока моя интуиция никогда не подводила...

Навстречу нам на крыльцо вышел этакий старичок-лесовичок. Щуплый, тщедушный и маленького роста. Еврей, судя по внешности. Носатый, волосы седые, курчавые. На голове кипа. Точь в точь, как в старинных книгах изображали. И взгляд цепкий. Увидев его на улице, я бы сразу подумала, что он ювелир или юрист. Взгляд соответствующий. Интересно, сколько ему лет?

— Здравствуйте, Натан Львович. Я вам звонил, — сказал Никита.

— Здравствуйте. Проходите.

А сам засеменял впереди. Провели нас в кабинет. Свет вспыхнул сразу, как только переступили порог комнаты. Значит, умный дом сделали. Знаете, сейчас многие делают умный дом с датчиками движения. Не надо свет руками включать. Вы идете, а по пути вашего движения загорается свет. С одной стороны очень удобно. А с другой... Скоро все автоматизируем и вообще деградируем. Все за нас будут делать роботы. А что будут делать люди? Жить овощем? Врачи говорят, что мелкая моторика развивает мозг. А мы дошли до того, что уже и руку лень поднять, чтоб свет включить. Куда катимся?

— Что у вас, молодые люди? — спросил ювелир, сел за стол и потирает руки.

— Сережка. Жена нашла. Одну штуку. По-моему мнению, она старинная и очень дорогая. Посмотрите, Натан Львович?

— Отчего же не посмотреть? Показывайте...

Я вытащила сережку. И прям как была в пакете, так и выложила на стол. Натан Львович разинул рот до неприличия и выпучил глаза. Мне вообще показалось, что волосы у него на голове зашевелились и встали дыбом. Руки затряслись. Знакомая ему вещичка. Интересная реакция у старого еврея...

— Вы эту вещь знаете?

— Еще бы. Мне надо срочно позвонить. Минуточку.

— Звоните. Только я должна вас предупредить, что про эту находку мы уже сообщили в полицию. И фотки им уже отослали. Так что, сами понимаете, нам ее завтра отдать следователю надо...

— Понимаю, понимаю... Подождите меня здесь.

Он быстро выскочил из кабинета. Куда только все делось: исчезла сгорбленная спина и шаркающая походка... Или он просто не хотел при нас вести разговор?

— Никита, тебе не кажется, что зря мы к этому ювелиру пришли? По-моему, нас тут сейчас кокнут по-тихому и все.

— Нет. Мне кажется, его с этими сережками что-то связывает.

— Конечно, связывает. Как бы нас здесь не связали. Не нравится мне все это. Я думала, мы придем. Он нам все про вещь растолкует. А тут смотри, какая беготня началась. По-моему, он даже про свою старость забыл. Как молодой сайгак умчался. Зря я ее подняла. Надо было наоборот, зарыть ее поглубже.

— Тогда мы не узнали бы того, что сейчас узнаем. Я думаю, что правильно ты все сделала. И сюда мы не сами пришли. Судьба привела.

— Судьба? Ты веришь в судьбу? Еще скажи, карма...

— Да, судьба. Другие ювелиры были в отъезде или заняты, а этот рядом и свободен. Все сложилось так, как и должно было. Кismet. Судьба. Если хочешь, пусть будет карма.

— Ну-ну. Посмотрим, чем это для нас обернется... В следующий раз не давай мне с земли что попало поднимать.

— Ладно, Иришка. Не паникуй. Ничего еще не ясно.

Мы сидели на диване, разговаривали. Даже не заметили, сколько времени прошло. В кабинет стали заходить какие-то люди спортивного телосложения. Охрана, что ли? Так мы не бушем и не сопротивляемся даже. И бежать не собирались. С чего столько народу нагнали?

Спустя минуту я поняла, почему столько охраны набилось в кабинет. Зашел тот, из-за кого весь сыр-бор поднялся. Главное действующее лицо — известный политик. Он же

бизнесмен, он же меценат, он же чиновник федерального значения. Его лицо мелькает на экране довольно часто. Этому-то здесь что надо?

— Итак, рассказывайте.

— Может, сначала вы нам расскажете? Чья это сережка? И почему вас она так интересует?

— Ладно. Слушайте.

Он прошел, сел в кресло. Охрана вышла из кабинета. Забрали с собой Никиту. Я ему кивнула, чтобы шел с ними. Мы с политиком остались одни.

— У меня пропала дочь. Уже больше года прошло. Я уж и не надеялся хоть что-то выяснить. И о вознаграждение за информацию сразу объявили, и сыщиков нанимали, и ментам платили. Никаких следов дочки. И тут сережка нашлась. Я ей их на день рождения подарил. Такие ни с чем не спутаешь. Эксклюзив. Старина. Дочь их любила носить. Вот и в то вечер она их надела. На свидание шла. Я думал, что ее ограбили и убили из-за них. А значит, нет...

— Логично. Если бы из-за сережек убили, то не потеряли бы вторую. Искали бы вторую серьгу до потери пульса. Цена одной станет копеечная. Может, ваша дочь вообще жива?

— Да? Думаете? На это чудо я уже перестал надеяться.

— Пока вы труп своими глазами не увидели, все возможно. Может быть, она в рабстве или память потеряла. Вопреки людскому мнению, такие случаи не так уж редки. Мало ли. Напоили алкоголем с антидепрессантом сильным, к примеру, и память надолго отключилась. Вы с ней накануне не ссорились?

— У нас с дочкой было редкое взаимопонимание. Не было ссор никогда. В том-то и дело. Она давно бы позвонила.

— Извините за вопросы бестактные. А жена ваша с ней не ссорилась? Она ей родная? Или мачеха?

— Понимаю, куда клоните. Не ссорилась. Она ее обожала. Родная кровиночка. Своя, вымученная, единственная.

— Имела бы возможность, то позвонила. Значит, не ссора и не обида... Сережку я нашла возле нашего озера. Между берегом и камнями. Сегодня утром. Место могу показать. А дело о розыске пропавшей открыто?

— Заявление мы подали сразу же. На следующий день, как она не пришла домой ночевать. Телефон ее не отвечал. Жена в полицию побежала.

— А искать сразу начали? Или три дня менты выжидали?

— Сразу. Какие там три дня? И сыщиков мы сразу подрядили. И в полицию денег носил. Все без толку. Деньги брали, а дочь не нашли. Ни живую, ни мертвую.

— Вы говорили про вознаграждение. Звонки были?

— Еще как были. И днем, и ночью. Но все больше истерички какие-то и аферисты. Денег хотели получить. А сами ничего не знали. В общем, все звонки отрабатывались, но все было мимо.

— Понятно. А она у вас любила погулять или домашняя была?

— Домашняя. Она ходила погулять с подругами. Но редко. И алкоголь она редко пила. Не любила. Так, разве что по великому празднику и за компанию могла выпить бокальчик шампанского или вина. И все.

— Не напивалась? А наркотики? Только честно...

— Никогда. Ни разу не видел. Да и подружки ее в шутку нам жаловались на то, что она

почти не пьет. Про наркоту вообще фантастика. Она же донором была. Какие наркотики?

— Да. Не типичная она у вас. Не современная...

— Зачем я все тебе рассказываю? Место покажешь? — перешел он на ты.

— Обязательно. Только там аккуратней надо, вдруг какие следы еще есть, чтобы их не затоптать... Лучше полиция сначала осмотрела бы.

— Значит, так поступим. Я генералу сейчас позвоню. Сегодня же менты сюда приедут. Ты им место покажешь и расскажешь, что там да как.

— Хорошо. Договорились. Сережку я заберу. Мы уже в полицию по ее поводу звонили. С меня ее потребуют.

— Забирай. Ты нашла. У тебя пусть пока и будет.

— Я тогда домой поеду. Буду ждать полицию у себя. Надеюсь, что вы найдете дочь живой, — сказала я, написала ему адрес и вышла из кабинета.

Мы с Никитой приехали домой голодные, как сто китайцев. Мама стала нас кормить. Пока ели, я все рассказала маме с Петькой.

— Теть Ира, ты опять приключения себе нашла. Вот здорово!

— Ага. Ты забыл добавить на свою голову. Сложится, что не так, и нас раздавят, как козявок. И имени не спросят, — мама стала пессимисткой.

— А здесь-то нас за что давить? Мы всего лишь нашли сережку. Так что не за что нас гробить, — оправдываюсь я.

— А то я тебя не знаю. Ты же полезешь со своими жизненными принципами искать эту девицу.

— Нет, не полезу. Этот чинуша им так сейчас хвоста накрутит, что они землю рыть будут. Еще такое усердие покажут, что только держись.

— Вот именно, покажут. Показуху устроят за его деньги. А искать на самом деле никто беднягу не будет. А то ты их не знаешь, — это уже Никита вставил свои три копейки.

По сути, муж и мама правы, как ни крути. Почему менты и сыщики год назад ничего не нашли? С такими силами и денежной подпиткой? Да потому, что чем дольше они искали, тем больше доили несчастного отца. Он был в отчаянии и готов был отдать все. Или многое. Я так подозреваю. А богатых обычным людям не жалко. Это не только в нашей стране. Это везде так. Богат — значит, тебе не больно. Стереотипы у нас про них еще те. Если родители богаты, значит, дочка наверняка тупая гулена, которая пьет, как лошадь, наркоманка и потаскушка. Вот такой набор перечисляет обыватель.

И никто не будет разбираться, что девушка в престижный институт поступила сама. Училась сама. Работала, а не на шее родителей сидела. И донором была. Не пьет, не нюхает, не колется и по чужим кроватям в поисках острых ощущений не скачет. В общем, со всех сторон положительная особа. А ее все равно дегтем измажут. Только потому, что богатые они. А значит, другие. И человеческого отношения к себе они не заслуживают.

После обеда стали прибывать различные полицейские чины. Сначала группа из семи человек во главе со следователем в звании майора. Потом приезжали полковники, подполковники, люди в штатском. Постояли, посоветовались. Потом высшие чины уехали. А группа из семи человек осталась работать. Они показали документы, оформили протокол изъятия вещественного доказательства, то бишь сережки. Расспрашивали, где, когда, как нашла сережку.

— Не было там второй серьги?

— Конечно же, была. Только вторую боялась, что не унесу. Тяжело. Идиот! — так я

думала про этого полицаю.

Другого слова, чтобы охарактеризовать его, у меня не нашлось. Наберут кретинов в полицию. А потом удивляемся, что они дела раскрыть не могут. Но вслух свое мнение я высказывать не стала. Сдержалась.

— Включите логику. Если бы была вторая, наверное, я обе бы подняла. И про обе бы сообщила в полицию. Или вы думаете, что про одну я сообщила в полицию, а вторую закрысила, присвоила? Так одна-то она на кой черт мне сдалась? У меня два уха. Я тогда обе присвоила бы. И взятки гладки. Вы бы и не узнали, что они найдены.

— Вы не находили еще какие-нибудь вещи?

— Когда и где? Назовите время и место. А то я по жизни много чего находила. Вот, к примеру, в детстве нашла рубль советский. А почти год назад, под Рождество, пса породистого нашли, привязанного на помойке. Вон он бегаёт. Про это тоже рассказывать? Вопрос сформулируйте правильно. Что конкретно вас интересует?

— Что-либо еще возле озера, в его окрестностях вы находили?

— Мяч теннисный. Наш пес его потерял. Думали, новый придется покупать. Это его любимая игрушка была. Теперь мяч нашелся. Вон Грейс с ним в пасти носится. Еще у нас недавно на каменном троне у озера труп обнаружили. Тоже своего рода находка. Девушка молодая. Дело ведет следователь Берест Александр. Вот его телефон. Я нашла, предположительно, вещи этой девушки. Следователь сказал ему завтра их привезти.

— Где эти вещи?

— У меня.

— Предъявите.

— Зачем? Они относятся к другому трупу. Я должна позвонить этому Бересту.

— Звоните.

Я позвонила следователю. Он сказал отдать вещи, что были найдены, этому менту. Уведомил, что дело у него заберут и объединят. И отдадут этому придурку. Значит, ничего и никого они не найдут. Тупик. Надо бы этому политику рассказать, какого дубинушку сватают вести дело по пропаже его дочки. Все вещи, найденные у озера, я отдала следователю. Протоколы с грехом пополам они написали, и мы пошли к озеру. Шли пешком. По дороге он меня пытал.

— Зачем вы пошли к этому озеру?

— Гулять.

— Почему в такую даль? Рядом же можно выгулять собаку.

— Можно. Но Грейс всю неделю ждал, когда в лес гулять пойдет. Он здесь от души выбегивается. Реализует свои охотничьи инстинкты. Иногда, если жарко, в озере плавает. Да и привыкли мы сюда ходить.

— Часто сюда ходите?

— Когда пса привозят. Как в лес идем, так пса берем. Да и сами часто без собаки гулять в лес ходим.

— Зачем?

— Променад. На природу полюбоваться.

— Не боитесь? Все-таки труп нашли.

— Нет, не боюсь. Вы же найдете убийцу. Вон вы какой умный.

Этот чудак даже не понял моего сарказма. Оно и к лучшему. Главное, что все обнаруженное я ментам отдала. Протоколы оформили. Хватит им помогать. Я Никите

обещала не совать свой нос в это дело. Вот и не буду.

На место привела. Где точно нашла сережку им показала. Пригласила всех на чай, когда устанут, чтобы приходили. Я бы не звала, но мама велела пригласить. Честно говоря, самую любопытство мучает: найдут они что-нибудь или пустыми придут? Поэтому позвала в гости и накормить пообещала. Права моя мама: доведет меня неумное любопытство и жажда приключений до цугундера...

Уже поздно вечером звонок зазвенел от задней калитки. Там у нас выход в лес. Значит, полицейские пришли. Открыла им калитку. Они перемазались. В озеро, что ли, лазили? Где они там вообще столько грязи нашли? Провела их в ванную. Пока они пытались почиститься, мы с мамой им стол накрыли. Проголодались, наверное, как суслики в неурожайный год. Пусть немного подкрепятся, тогда станут добрее. А мама, как опытный разведчик, у них все и выпытает. Я давно замечаю, что маме все рассказывают, в том числе и менты. Даже служебные сведенья. Только мне надо отсюда испариться под благовидным предлогом.

— Если есть у кого-то из вас что постирать, то давайте. Не поедете же вы в город грязными. Только карманы проверьте, чтобы ничего в них не было.

— Мокрыми тоже ехать не очень приятно.

— Зачем мокрыми? Вы пока едите, я закину ваши вещи в машинку. И режим с сушкой включу. Всего минут сорок от силы. Да и женам вашим не стирать. А то наслушаетесь дома «комплиментов» ...

Смотрю, они обрадовались. Только вот не знают, во что переодеться. Принесла пятерым одежду. Такой размер у нас есть. А остальным толстякам большие халаты. Полотенца всем дала и сказала, что могут в гостевой ванной на первом этаже принять душ. Кто не стесняется, те могут по двое идти. Там один может душ принять, а второй в ванной поваляться. Они быстро решили, кто за кем мыться пойдет.

— Мы с мужем в город поедем и вас можем отвезти до вашей работы или до метро. Кому куда надо. А то ваша машина уже уехала. Как добираться будете? А мы довезем вас, куда скажете.

Смотрю, у них вообще рот до ушей. Оно и понятно. Ведомственная машина их привезла и уехала. Добирайтесь, типа, как хотите. Доброе слово и кошке приятно. А тут и шерстку погладили, и вкусно покормили, и за ушком почесали. Неужели и после этого не проболтаются? Сама быстро пошла вещи в машинку закидывать. Спустя десять минут решила войти в кухню. Они уже сытые, бдительность потеряли. Наверняка уже маме все рассказывают.

В общих чертах выяснилось следующее. Они ничего не нашли. Обыскали все. Удивлялись, как я нашла сережку и пакет с телефоном. Там же практически все заросло. Отчитаются начальству. А там уже будут решать, перекапывать здесь все и стоит ли осматривать с водолазами озеро.

— Вы можете обратиться к отцу пропавшей девушки. Я бы так и сделала. Он и водолазов найдет и копателей наймет. Не вам же мараться. Ему надо дочь найти живую или мертвую. Если живая, будет ее холить и лелеять. А если мертвая, то хоть похоронит почеловечески. И деньги у него есть. А ваше дело сыск и следствие. Мозгами ворочать. Быстрее дело пойдет, — мама такое простое решение озвучила.

Менты и сами могли бы додуматься. Только выйти с таким предложением они бы не осмелились. А тут мама им логичный расклад подсунула, как начальство к этому решению

подтолкнуть. Как грязную работу не делать. Еще покормила, обстирала. Она у меня гений. Золото, а не человек.

Оказывается, среди женщин тоже есть люди. Впервые к ним отнеслись по-человечески. А то все ментярами обзывают, да козлами вонючими... Еще и до дома довезут. Вот и расслабились они и стали все рассказывать. И какие бывают преступления, и как они их по щелчку раскрывают. Шерлок Холмс просто ребенок по сравнению с ними. В общем, что называется, «Остапа понесло». Только один сидел и молчал, что называется, в тряпочку. Оказалось, что этот следователь недавно развелся и ему просто негде жить. Жена его выгнала, поскольку он приезжий и не был у нее прописан. Куда ехать, он не знает. Уже у всех, у кого можно было, он по очереди пожил. Никто не зовет к себе. Спит он в кабинете на старом диване, где спят все, кто остается на дежурство.

Но ему уже стали намекать, что пора бы и честь знать. Вот и занята у него голова не делом, а думами, где голову преклонить. Да и не высыпается он уже которую неделю. А при таких обстоятельствах разве мозг будет качественно работать? Наверное, зря я на него думала, что он тупой. У него процент раскрываемости высокий. Поторопилась я в его оценке как специалиста. Оглянуться не успела, как Никита предложил ему здесь ночевать остаться. Тем более, что им завтра опять сюда пилить чуть свет. Не всю территорию они просмотрели. Мама поддержала. С мамой-то понятно. Жалостливая она у меня. Она всех жалеет. А служивый народ тем более. Отвели этому следоку комнату внизу. Остальных Никита в микроавтобусе развез по домам. Майор тем временем, как на диван прилег, так его богатырский храп до самого утра и не утихал. Даже нам на втором этаже слышно было.

— Теперь мне понятно, почему с ним жена развелась. Не выдержала пытку храпом. Это же не человек. Это трактор Беларусь.

— А если бы я храпел? Ты бы со мной развелась?

— Нет. Не развелась. Придушила бы подушкой.

— Ладно тебе. Не так уж он и храпит. Он просто тебе не понравился. Видно было, как ты скривилась, когда я ему предложил остаться.

— Я скривилась, поскольку думала, что он тупой.

— А теперь не думаешь?

— Теперь не знаю. Просто если человеку не давать систематически высыпаться, то он становится злым. И мозговой процессор у таких тормозит конкретно. Одна надежда — он выспится, поумнеет и похорошеет.

— Давай спать? Завтра утром нас рано поднимут.

— Думаешь?

— Уверен. Если не менты, то Петька точно орать с утра начнет. В лес гулять звать. Пойдем? Прогуляемся?

— С удовольствием. И за ментами понаблюдаем. Интересно же.

— Иришка, ты неисправима... Ладно. Спать...

Рано утром Петька собрался гулять с псом. Как и предсказал Никита, стал нас будить. Петрухе одному скучно в лес тащиться, ему компанию подавай. Сначала чем-то гремел, потом стал нас будить. Время семь часов. Петька привык в городе вставать, как ранняя пташка. И здесь выспаться всем не дает. Изверг малолетний.

— Никита, ты спишь?

— Нет. Проснулся.

— Придется вставать.

— Я тебе говорил, что он рано станет нас поднимать.

— Время всего семь часов. Надо бы ему профилактику сделать, чтобы не борзел. Он все-таки в гостях.

— Ладно тебе ворчать. Один день потерпим. Мы все равно в лес сегодня собирались.

— Собирались, но позже. Поедим сначала, потом пойдем. Нельзя давать ему нами манипулировать. Иначе он обнаглеет, и мы тогда взвоем. Петька должен учитывать мнение других. Он гость. Ты как хочешь, а я ему выскажу.

Спустились вниз. Петька разбудил всех. И майор сидел полусонный, и мама на ходу спала. Нас с Никитой поднять подняли, а вот разбудить забыли. Все двигались на автопилоте. Один Петька был бодр и весел.

— Петя, а тебя не учили считаться с остальными людьми?

— А что не так?

— Ты дурачком-то не прикидывайся. Посмотри на дело рук своих. Ты всем не дал нормально выспаться. Доволен?

— Вы же сами хотели в лес сходить.

— Хотели, но позже. После нормального полноценного завтрака. Мама не хотела гулять, но ты и ее поднял ни свет ни заря. Гостя тоже разбудил. Он тебя об этом не просил. А ему весь день работать.

— Он гость. А гость подстраиваться под хозяев должен.

— Тогда позволь напомнить тебе, что ты здесь тоже гость. И не забывай об этом. Мы не хотели в такую рань вставать. А ты нас поднял. Планы нам спутал. Поэтому мы поедем и пойдем досыпать.

— А гулять?

— Сам иди. Не маленький уже. Или тебе нянька нужна? И на следующие выходные ждем только маму. Ты сюда не приглашен. А то ишь, хозяином себя почувствовал.

Лицо у Петьки вытянулось. В глазах слезы стоят. Он понял, что перегнул палку. И по лицу видно, что думает, как бы выкрутиться. Скажете, что жестко? А вот ничего подобного. Человека, начинающего наглеть, одергивать надо сразу. Иначе потом оглянуться не успеете, как взгромоздится он вам на шею и станет вами понукать. Лучше пусть сначала будет небольшая стычка, чем потом полноценный скандал. С одного спесь сбили. Теперь и за мента приняться не грех. Настроение у меня боевое. Не выспалась. Сейчас всем виновным на орехи выдам. Подставляй ладошки...

— Кто-то всю ночь храпел, как трактор.

— Это, наверное, я храпел. Бывает, что я немного храплю, — сказал мент и виновато на нас смотрит.

— Вас из-за этого жена выгнала?

— Нет, она другого нашла. Надоело ей с нищим работягой жить.

— Почему с нищим? По-моему, в полиции нормальные зарплаты стали платить. Вполне на уровне.

— Дома практически не бывал. Работа собачья.

— Да, работа у вас действительно... то еще удовольствие. Но вы знали, на что шли. В следователи не берут без высшего образования. Вы же и в институте учились на следователя. Вы знаете, что вам могут дать общежитие?

— Да, знаю. Только оформить надо.

— Извините, если лезу не в свое дело, но мне ваши рассуждения кажутся странными. То

есть вы считаете нормальным спать в гостях по чужим людям, напрягать друзей, ночевать на продавленном служебном диване? Не проще взять на день отгул и оформить себе общагу? Было бы где голову преклонить, а не в приживалках ютиться.

— Оформляться надо. Я думал, что жена меня любит, одумается и меня назад позовет. Так-то мы неплохо жили с ней.

— Это с вашей точки зрения неплохо. Может, ей было не вмоготу с вами жить. Она терпела, пока любила. А потом любовь ушла, терпение кончилось. Вот и сорвало паром крышку.

— Да, наверное. Там еще теща добавила.

— Понятно. Виноваты все, но только не вы? Все гондоны, только вы шарик воздушный...

— Да нет. И я виноват. Жене мало внимания уделял. Только с нашей работой сильно-то не пошikuешь и времени свободного мало.

— Хотите совет? — это мама вступила в разговор.

— Угу, — не поймешь, то ли полисмен выражает согласие, то ли намекает, мол, «мели Емеля, твоя неделя».

— Вы завтра идите к начальству. Просите комнату в общаге. Не тяните.

— Я никогда не жил в общаге.

— Ой, простите, граф, нерадивых холопов. Мы вас не опознали. Конечно же вы не можете обретаться в общаге. Не по чину это вам, — не удержалась и съехидничала я.

Не люблю я людей, которые упали на колени и не встают, а норовят всех, кто рядом, опустить до своего уровня. Не хочешь жить в общаге — снимай квартиру. Не можешь один снять — снимай с напарником вскладчину. Вполне приемлемо по деньгам выйдет. И еще денег останется на личную жизнь. Нет же, этот упырь станет скулить, начнет других, мимо него проходящих людей за ноги и за руки хватать, до чего дотянется, чтобы если не уронить рядом с собой, то хоть затормозить и выложить всю свою несчастную жизнь на обозрение публике. Авось его кто и пожалует...

— Мы с мужем много в общагах пожили. Нахлебались, пока в Москве осели, — сказала мама. Она наивно думает, что ее пример другим наука.

— Не хотите жить в общаге — снимите квартиру, — это уже Петька нытье мента не выдержал и решил включиться в разговор.

— Откуда у меня такие деньги? На что тогда жить?

— Я вам одну умную вещь скажу, только вы не обижайтесь. Снимите комнату у какой-нибудь старушки. Или однушку вскладчину с кем-нибудь. Люди, когда в Москву приезжают, кооперируются и снимают квартиры. Обычное дело, — это уже я решила добить упертого нытика.

— Извините, но мне на площадку пора: улики искать надо. Спасибо за завтрак, — поднялся и, прервав неприятный для него разговор, ушел на улицу.

— Таких жалеть — себе дороже, — Никита на нашей стороне.

— Напрасно ты, дочка, с ним на эту тему разговор затеяла, — это опять в маме жалость проснулась.

— Почему? Вы, мама, не жалеете таких. Он же просто нытик. Ему плакаться легче и привычней. Только вряд ли он послушает вашего совета, — Никита зрит в корень. Он раскусил плаксу.

— И фиг с ним. По крайней мере, он или нас послушает и сделает, как ему советовали.

Или все останется по старому. Тогда скоро ему все это станут говорить те, к кому он раньше притыкался на ночлег, — подвела я итог.

— Ну да. Жене он навряд ли нужен. Она уже живет с другим.

— Он даже не меняется. И меняться не собирается. Ждет, когда жена назад позовет. Ага, держи карман шире. Она, наверное, счастлива, что малой кровью от него отделалась. Он еще считает, что прав. Не царское это дело — жить в общежитии. Не по чину, так снимай квартиру. Все так делают. У меня знакомых много, кто в Москву вообще с голой жопой приехал. Ни работы, ни жилья не было. А это все-таки девушки. И ничего. Лапками, лапками сучили. И обустроились все, — высказалась я. Честно говоря, разозлил меня это поц. Не люблю нытиков с детства.

— Интересно, он действительно толковый следователь, как его коллеги говорили. Или нам вчера лапшу на уши вешали? Или на самом деле он таков: глуп, ленив и бестолков? — Никиту мучает тот же самый вопрос, что и меня.

— Если он после работы зайдет к нам на обед или на ужин, значит, не обидчив. И может считаться с чужим мнением. Значит, будет толк от его следствия. А вот если еще и прислушается к нашим советам, тогда он вообще хороший следователь. Ему просто время нужно, чтобы обдумать в тишине то, что ему мы здесь наговорили.

— Можно подумать, ему никто раньше это не говорил, — Петя возмущен.

— Может, и не говорили. Сначала его жалели, что жена бросила. Потом неудобно было в кровавую рану пальцем тыкать. Все надеялись, что неприятные вещи ему скажет кто-то другой, более смелый. И такое бывает. Все понимают и молчат. Думают, что само рассосется.

— Интересно, как он поступит?

— И как следствие вести будет, мне тоже интересно. Жалко будет, если я улики добывала, руки себе об камыш оцарапала, а он ума делу не даст. Ладно. Никита, я спать пошла. Ты как?

— Я с тобой. Тоже спать хочу.

— А как же я? — Петька такого поворота не ожидал. Он гулять нацелился.

— Ты пойдешь на разведку. Ты утром накосячил? Накосячил. Теперь отработывай свой косяк. Иди к озеру. Там за ментами подглядывай и подслушивай. Потом придешь и доложишься. Вот твое задание на сегодня.

— Чему вы, взрослые, ребенка учите? Вы же говорили, что подслушивать и подглядывать нехорошо, — притворно возмущается Петька.

— Иди давай. Нам нужен свой человек в стане врага. Ты на данный момент разведчик. Штирлиц нашего времени. Так что шагай на работу, Юстас...

Петька пошел гулять. Мы с Никитой спать. А мама пошла в гости к тете Гале. Та ее зазывала, чтобы обсудить какое-то важное дело. Придет домой, расскажет, что за дело. Никто в доме не шумел. Никто не храпел, как бульдозер, поэтому мы со спокойной душой заснули. Проснулась я только вечером. Голова у меня ясная. Настроение отличное, и все вызывает улыбку. Вот что сон животворящий делает. Стоило выспаться и все мне видится в ярком свете. Никита еще спал. Будить его не хотелось. Пусть спит.

Спустилась вниз. У нас в гостях полисмены в полном составе. И наш следак тоже тут. Значит, не обидчив. Поздоровалась с ними. Они мне сами и стали выкладывать новости. Вот и на фига мы тогда к ним шпиона засылали, если они сами тайну следствия мне на блюдечке предоставили и наперебой рассказывают? И подраться могут за первенство, чтобы первым

доложиться...

Они ничего не нашли. Но завтра им пришлют копателей. Будут искать в окрестности труп. Потом в самом озере водолазы будут искать останки трупа. В общем, станут искать всерьез, а не как до этого, спустя рукава. Кто его знает, может, и найдут что.

Мама покормила служивых. Они дружно попрощались и отбыли восвояси. Оказалось, что следователь наш подошел к маме и поблагодарил ее за гостеприимство. А передо мной и Никитой, видимо, ему было неудобно. Вот он маме спасибо за все и сказал. Вечером мама с Петькой стали собираться домой. Но Никита их уговорил остаться еще на пару дней. Петька от восторга прыгал до потолка. Значит, сделал выводы и завтра даст нам поспать побольше. Я на это надеюсь...

На следующее утро прибыли копатели. С ними ходил какой-то человек с миноискателем. Специалист рассматривал землю. Практически везде была нетронутая земля: дерн так прорастает десятилетиями. Свежекопанная была только в трех местах. Оказывается, здесь кто-то зачем-то делал раскопки. Наши копатели тоже там пошуровали, на приличную глубину вгрызлись в землю. Никаких трупов там не было обнаружено, только закопанный мусор. Водолазы прибыли и стали прочесывать озеро. Как ни странно, наше озеро оказалось глубоким. А я всегда считала, что оно мелкое. На дне озера много чего обнаружил: брелоки с ключами, колечки, разную бижутерию. Водолазы вынули несколько телефонов. Достали со дна даже планшет и айпод. Много различной обуви было поднято. Возникло такое ощущение, что здесь утонула сороконожка. Железяк различных немерено вытащили. Оказывается, политик нанял водолазов не только прочесать все озеро, но и очистить. Давно пора...

Когда уже почти все дно просмотрели и дело подходило к концу, обнаружили останки человеческие. Всем зевакам приказали удалиться. Нам тоже указали, куда уйти. И даже направление не забыли указать. Вот и корми ментов после этого. Краем глаза я увидела труп. Платье даже не выцвело и почти целое. Яркое, красивое. Значит, труп женщины.

Я шла домой, злилась и ворчала. Уже даже не стесняясь, в голос ругала неблагодарных ментов, которых хоть от пуза накорми, а они все равно из леса меня выперли. Гаденыши неблагодарные. Ну, погодите у меня. Приткнетесь еще. Фиг вам, а не стирка и кормежка. И по домам пешком пойдете... Так я кипела до самого дома.

— Ты чего такая злая? — удивленно спросила мама.

А чего не удивиться? Я же в лес шла радостная. Проторчала там почти весь день. И пришла на взводе. Тронь — взорвусь.

— Что случилось?

— Нас менты оттуда погнали. Как только труп нашли, так выгнали.

— Только вас? Или всех?

— Всех вроде.

— А труп чей?

— Женский. Судя по платью, труп молодой женщины. Впрочем, кто его знает...

— Может, так надо было. По закону. Вот вас и выгнали.

— Я не специалист по законодательству, но мне кажется, что я заслужила присутствовать там. Они только благодаря мне этот труп нашли. Да если бы не я, то они нечего делать не стали бы. Гады...

— Не злись. Когда они к нам придут, то сами все расскажут.

— Ага. Держи карман шире. Расскажут. Они сейчас быстренько свернутся и увезут труп. И никому из них даже в голову не придет зайти к нам и все рассказать.

— Думаешь?

— Уверена. Мало того, они еще умудрятся нас в подозреваемые записать. Тебя, к примеру.

— Как так? Я же их кормила, а ты их обстирывала.

— И что? У них теперь весь поселок будет на подозрении. Все мы могли эту девицу или кто она там, убить. И ты в том числе. А Никита первым номером пойдет.

— Почему?

— Потому. Трупу год примерно. Вода в озере холодная, вот он хорошо и сохранился. Рыб опять же нет. Вода пресная, родниковая. Это все, что я успела услышать от эксперта. Потом нас выгнали. Год назад нас здесь не было. А вот Никита здесь уже жил. И мог вполне уконтропупить дамочку. Так что нарыла я сама себе проблем. Интересно, сколько она там лежит? И когда ее убили? Блин... Я сейчас взорвусь от любопытства.

— Кстати, где Петька? Где пацана потеряла?

— Он прирожденный разведчик. Петя, наверное, остался там, чтобы раздобыть секретную информацию.

— А ты расстраивалась. Петя у нас ушан в образе человеческом. У него слух такой, что он запомнит все, что они говорили друг другу на расстоянии ста метров. Жди его с донесением...

— Главное, чтобы его Грейс не спалил. Этот дурачок может... Кстати, это навряд ли дочка политика.

— Почему так думаешь?

— На ней платье дешевое. Не из натуральных материалов. Вряд ли она такие носила. Если только по какой-то причине чужое напялила...

— Объясни. С чего такие выводы?

— Любая натуральная ткань в воде уже сгнила бы. Краска бы вымылась. Красят дорогие натуральные ткани натуральными дорогими красителями. А вот искусственная, она сродни пластику. Долго держит краску и не гниет практически. Почти не разлагается искусственная ткань. Для нее год не срок.

— Понятно. А дочка такого крутого отца не имеет дешевых шмоток...

— В точку. И серьги в ухе я не увидела.

— Ты много чего увидеть смогла. Так чего жалуешься?

— Они меня там обязаны были оставить и дать посмотреть на труп.

— Дочка, оно тебе надо? Еще обиделась на них... И за что? За то, что трупом полюбоваться не дали. Самой не смешно? Может, они тебя пожалели. Твою нервную систему.

— А чего меня жалеть? Я бы хотела труп тщательно рассмотреть. Мне в анатомичке давали смотреть. Так что не понимаю, чего они от меня ждали? Что я в обморок бухнусь? Они меня за кисейную барышню приняли? Не на ту напали... Я бы труп еще и пощупала...

— Все понятно. Моя жена извращенка: она трупы женские любит щупать, — это Никита высказался.

— А ты где был, благоверный? С нами не пошел. Признавайся...

— Ходил в магазин. Там скандал произошел с покупателем. Пришлось улаживать конфликт и увольнять продавщицу.

— За что?

— Она покупателя обсчитала и решила, что он не заметит. Он заметил. А она вместо того, чтобы извиниться, в бутылку полезла и хамить начала.

— Тогда правильно все сделал. Сейчас не застойное время, чтобы покупателю хамить безнаказанно. Кто-то местный пострадал от хамки?

— Да нет. Приезжий. Вот она и решила, что он не сразу деньги пересчитает, а потом. И возвращаться ему лень будет.

— Вот дура! От своей жадности хорошую работу потеряла. Ты ее по статье уволил?

— Нет, пожалел. По собственному.

— Тоже правильно. А что у тебя там в пакете?

— Торт и вино.

— По какому поводу? Что за праздник?

— А ты не помнишь? Дожились. Я думал, что женщины помнят все даты.

— Нет. Женщины тоже разные бывают. А ты не знал?

— Сегодня ровно полгода, как мы поженились.

— Ты предлагаешь отметить? Спаивать меня решил? Змей-искуситель.

— Давайте Петюждемся и отметим. Полгода какая-никакая дата.

— Вот именно, что никакая. Но отметить не откажусь. А то менты меня расстроили. Тортик в самый раз будет.

— Чем тебя менты расстроили? Тем, что труп пощупать не дали? Ну и фиг с ними. Еще приткнуться к тебе. Так что не злись. От души отомстишь им. Чует мое сердце, случай тебе представится. Утрешь нос неблагодарным, — знает Никита, как меня успокоить.

— Петька куда делся? Неужто в засаде сидит?

— Ага. Давайте к его приходу на стол что-нибудь соорудим. И уговор. Ментов не кормить, не поить и не обстирывать. Наш дом для них закрыт.

— А если они придут сейчас и захотят все рассказать?

— Поверь мне, не придут. Я эту породу знаю. Они придут теперь только тогда, когда в тупик заведут все дело. И то навряд ли.

— Значит, ждем Петруху и гуляем?

— Так точно. Какой ты все-таки у меня умница, Никита. Добрый, щедрый и умный. А какой кормилец для папы Карло...

— Оценила! То-то же. И года не прошло... Мне показалось, или твоя похвала с подтекстом?

— Нет никакого подтекста. Только голая правда и ничего кроме правды.

— Голая правда... Звучит неплохо. Я тогда пойду руки помою. А вы, жена, извольте накрыть на стол к моему приходу. Вот и Петруха пришел.

В дом ввалился Петька. Задыхается. Следом забежал Грейс. Вид у обоих тот еще. Как будто за ними от самого леса гнались менты-вурдалаки.

— Какие вести нам принес гонец? — мне не терпится узнать те сведения, что Петька раздобыл.

— Ты дай малому отдышаться. Петя, руки мыть. Мы сегодня гуляем.

— Так вы знаете уже?

— Что знаем? Что труп нашли? Знаем.

— Второй нашли. У самого берега, под самый конец работы водолазы нашли второй труп. Мужчины.

— Опаньки! А это уже интересно. Как в сказке: все страшней и страшней. Не много ли трупов на один квадратный километр?

Петька пошел в ванную. Быстро помыл руки и вернулся. Новости его раздражают, поэтому он на ходу громко начинает нам их выкладывать.

— В общем, молодой мужик. Эксперт сказал, что труп свеженький.

— Насколько свеженький?

— Совсем свеженький. Недели две. Точнее эксперт скажет уже после экспертизы ментам. Они тихо стали разговаривать. Я больше ничего не расслышал...

— То есть я правильно поняла, что парень умер примерно в то же время, что и девушка на троне?

— Абсолютно верно. И такая же причина смерти — отравление.

— Вот тебе и сама отравилась. Менты же так хотели все представить. А ты лицо видел? Красивый?

— Кто? Труп?

— Парень. Он при жизни красивым был?

— Не знаю. Я его живым не видел.

— Петька, не придуривайся. Отвечай по существу. Парень красивый?

— Ничего так. Смазливенький.

— Почему такое слово применил? Он голубец?

— На балеруна похож. Ноги такие прямые. Мышцы хорошие. Но на качка не похож. И носки как-то неестественно вывернуты, как у балетного. Может, танцор. Или еще какой артист. Говорю же, смазливый.

— Еще что-нибудь рассмотрел?

— Ногти ухожены. Чистенькие.

— А это как тебе удалось увидеть, Орлиный глаз?

— Они мимо меня его проносили. Я руку и увидел. Правда, они меня заметили и выгнали.

— А по первому трупу что?

— Девица. Утопла давно. Около года назад. Вещи на ней дешевые, с рынка. Молодая. Примерно лет двадцать — двадцать пять. Как и парню.

— Мало инфы. Вот интересно. Эти три трупа как-то связаны? Или только два последних... Возраст у них примерно одинаковый. Если маньяк, то парень сюда каким боком. И разница в трупах целый год... Надо подумать.

— Ты завтра думать начнешь. А сегодня мы праздновать собирались.

— А что отмечаем? — Петьке любопытно.

— Полгода назад мы поженились.

— А разве полгода отмечают? — Петька удивлен.

— При желании и любви, друг мой Петька, отмечают, — поставил Никита свою точку.

— Кстати, менты не собираются сюда больше приходить.

— Кто бы сомневался. А то мы не поняли.

— Они злы на вас, тетя Ир. Только я так и не понял, почему.

— Еще бы им не быть злыми. Я им с пустого места два трупа нарыла. Конечно, они мне «благодарны» по гроб жизни. А если это будет серия. Так они меня «добрым незлобивым» словом долго поминать будут.

— Зато у родных появился шанс узнать про своих детей, — заметила мама.

— Может, они не хотят знать. Может, они предпочли бы верить, что они живы, а мы их иллюзий лишили. Все равно странно. С разницей в год. В одном озере. Разнополые. И девушка эта на троне. Станный треугольник.

— Отключайся от этой проблемы. Будем праздновать, — велел Никита

— Слушай. Полгода пролетели так незаметно. Вот только вчера ты меня соблазнял. В кино приглашал. И уже полгода. Как миг пролетели, — сказала я.

— Мы с тобой нормально вместе уживаемся. Притерлись. И оба слегка придурковатые. Вот время и пролетело незаметно.

— А свадебные видео и фотки смотреть будем?

— Давай отдельно, потом. У меня на этот день большие планы.

— Так день-то уже почти прошел. Только ночь остается.

— И на ночь у меня свои планы.

— Петька, они теперь долго ворковать будут. Давай торт режь. С ними теперь кашу не сваришь... — высказалась мама.

— Теть Лена, пристрелите меня, если я таким стану... придурковатым.

— Договорились, Петька. Пристрелю.

— Ладно, жена, потом поговорим. А то народ смущаем. Вон неокрепшие умы уже просят их пристрелить. Не будем искушать... — сказал мне Никита.

Никита разрезал торт, и мы подняли бокалы. Мама сказала тост обычный и незатейливый: с пожеланиями долгих лет в счастливом браке. Петька пил свой сок. Благо Никита ему их кучу закупил. А потом достали все-таки видео со свадьбой. И вот тут стал смешно. Оказывается, у нас веселая свадьба была. Посмеялись мы от души.

— Вот точно Иришка сказала тогда. Будем смотреть видео и хохотать. Это же комедия.

— Самая настоящая комедия. А я уж и половины не вспомню, что было.

— Да мы вроде вполне пристойно себя ведем. Но вот гости распоясались. А ты посмотри, что творит регистраторша. А гости. А мы...

Вот с такими возгласами смотрели до полуночи видео и хохотали. Все равно, что заново прожили день свадьбы. Вернулись в прошлое.

— А красиво получилось, — подвела итог мама.

— И весело. Потом наши устроители этих свадеб провели ого-го сколько. Они наши фото и видео показывают. Людям нравится. Заказывают свадьбы у них... — подтвердила я.

— И Востриковы стали нарасхват. Устроители свадеб стали их нанимать, — добавила мама.

— Иришка, а если бы тебе сейчас пришлось решать, выйти за меня или нет. Ты что сказала бы? — затаив дыхание спросил Никита.

— Станный вопрос. Конечно, да.

— Значит, ты не жалеешь, что за меня вышла?

— Нет. А ты? Не жалеешь, что на мне женился?

— С ума сошла? Конечно, нет.

— Слушайте, молодожены. Идите-ка вы спать к себе. А то скоро тут засыпать начнете, — мама гонит нас в комнату.

И правильно. Нечего всех смущать своими мурлыканьями. А Никита натурально уже на взводе. Так что надо бы в нашу спальню поторопиться, чтобы не смущать неокрепший юношеский ум...

Утром не хотелось вставать. И я с Никитой просто проспали весь день. Имеем права.

Нас вчера молодоженами назвали. Вот мы и пытаемся соответствовать. Но вечером пришлось выползть из своего убежища.

Петька был грустный. Ему хотелось развлечений, а тут все разбрелись по своим комнатам. Никого. Как в лесу, хоть «ау» кричи. Пришлось снизойти до просьбы младшего поколения и пойти с ним в лес гулять. В лесу Петька вспомнил многое, что говорили полицейские и эксперт. Я так понимаю, что он информацию вчера намеренно придержал. Выжидал момент, чтобы выложить. Хитрец...

— Теть Ира, есть еще информация. У ментов вчера подслушал.

— А почему вчера все не рассказал? И не теткой ты, ради бога.

— Так ты же обещала Никите, что не будешь лезть в это дело.

— Мало ли чего я обещала? Тем более он сам признал, что требование его было чересчур жесткое. Он его отменил.

— Ну тогда ладно.

— Давай рассказывай, что вчера утаил.

— В общем, у обоих: у парня и девушки одна и та же татуировка.

— Одинаковая? Или похожи?

— Майор сказал, что зеркальная. Я так и не понял, что это значит.

— Это когда один рисунок как бы отражается в зеркале. Одна и вторая вообще могут быть частями одного симметричного рисунка. Получается, они как-то связаны.

— Получается.

— Постой. У какой девушки? У свежей или годовалой?

— У той, которая в озере утонула. Про ту, которая на троне, они вообще не разговаривали. Может, и у той есть. Не знаю.

— А надо бы как-нибудь узнать. Их и так место связывает. А если еще и тату одинаковые, то это уже серия.

— Маньяк появился?

— Не понятно пока.

— А они вчера говорили про маньяка. Менты ошибаться не могут.

— Ну, они пусть как угодно думают. И ошибаются полицейские очень часто. Это, скорее всего, их первоначальная версия. Им еще информации кучу собирать. А я думаю, что это похоже больше на любовные разборки. Маньяком здесь и не пахнет.

— Только припахивает...

— Да ты, Петька, прав. Как будто королеву на трон посмертно усадили. И в чем она провинилась? Тем, что править в чьем-то сердце хотела? — я себе под нос говорила, а Петька все равно расслышал. Вот уж точно ушан. Все видит, все слышит.

— Ира, а вторая девушка, которая на троне, тоже на танцовщицу похожа.

— Чем? С чего ты взял?

— У нее ноги тоже мускулистые. Не как у простой обычной девушки. И не как у спортсменки, а как у балерины или танцовщицы. И по телосложению она на балерину похожа.

— Это еще один нюанс, который объединяет парня и последний труп...

Петька наблюдательный. Он порой подмечает такие мелочи, что я теряюсь. И сейчас я ему безоговорочно поверила. Он вообще врачом решил быть. Как моя мама. Нашел пример для подражания. Вот и изучает уже сейчас человеческое тело. Он сразу отметил для себя, что у девушки тренированное тело. Пропорционально развитое, не как у спортсменов. Те качают

только то, что им пригодиться для достижения рекордов.

— Подведем итоги. Что мы имеем на сегодняшний день? Двое балетных: утопленник и царевна на троне. Оба отравлены. Оба занимались танцами или балетом. Умерли практически в одно и то же время. К ним плюсуется труп годовалый. Эта вроде бы не спортсменка, не балерина и не танцовщица. Причина смерти пока неизвестна. Она имеет тату, как у парня из озера. Они точно как-то связаны. Одно место. Одно время. Бермудский любовный треугольник...

— А ты не в курсе? Босоножки королевны нашли? — спросила я Петьку.

— Нет. Они же черные. Много перемычек. Такие в озере не нашли.

— И куда они могли деться? Не сами же ушли...

— Вот классно было бы, если обувь сама ходила. Не чистишь ее. Она обиделась и другого хозяина пошла искать. Утром встаешь, а обуви нет. Ушла. Иди на работу босиком, — стал фантазировать Петька.

— А еще смешнее. Прикинь. Обувь обиделась, когда на тебе обута. И решила сбежать от тебя. А ты в ней. И несет она тебя в неизвестные дали...

— Так это же сапоги-скороходы. Или волшебные туфли у маленького Мука. Один в один...

— Так, маленький Мук, не отвлекай меня. Твои фантазии окрыляют, но мне другое любопытно. Почему телефон и карту скинули в озеро, замотав в пакет? А босоножки нет. Кому они настолько приглянулись, что их унесли?

— Может, просто водолазы не все дно обыскали?

— Может и так. А может, их действительно унесли. Загадка.

— Кому нужна чужая обувь?

— Это если обувь обычная. А если эксклюзивная? Как думаешь? Может, эти босоножки — конкретный след к убийце. Может, он за них платил картой. Вот он их и забрал. Не стал рисковать.

— Босоножки приведут к убийце? Смешная версия.

— Другой у меня нет.

— А как вам моя. Убийца — женщина. Модница. Она давно мечтала об этих босоножках. Поэтому и замочила подружку.

— Из-за обуви? И все так круто обставила? Нет, здесь что-то личное. Хотя ты прав. Слишком много эмоций. Это может быть женщина.

— Именно. Я мужик, мне этого не понять. Но я наблюдал за нашими девчонками в классе и во дворе. Женщины часто из-за простых вещей делают глупости. А из-за сумочки красивой вообще убить готовы.

— Ну да. Бывает, что женщин заносит. Помню, в Америке из-за сумки «Биркин» две знаменитости так рассорились. В пух и прах. Были лучшими подругами. А потом вообще подрались. Даже не из-за самой сумочки, а из-за очереди на сумочку.

— Из-за простой сумки?

— Не такой-то и простой. Супер-пупер пафосной. Хотя ты прав. Из-за сумки так позориться...

— Надо быть полнейшей дурой.

— А кто сказал, что они умные.

— Они же знаменитости. И богатые наверняка.

— Знамениты и богаты, но не умные... Ты удивлен? Но так бывает в жизни. Разве

умный человек будет тратить время на то, чтоб ждать получение какой-то сумки, пусть даже очень крутой. Это говорит о том, что человек зависит от чужого мнения. Сильно зависит. Внутри ничего на душе нет, вот шмотьем крутым голую душу и пытается прикрыть.

— Типа, а король-то голый?

— Точно. Все равно не пойму, что не так с босоножками. Любопытно...

— Решили заняться этим делом?

— Нет. Я работу со следующей недели начну искать.

— Или работа сама вас найдет. Кстати, ваш бывший начальник вашу маму напрягает.

Она сказала вам не говорить. Вы меня не выдавайте.

— Не бойся. Солдат ребенка не обидит. А что ему от меня нужно?

— Хочет вас.

— В каком смысле?

— На работу зовет.

— Давай, выкладывай все. С чего он вдруг про меня вспомнил?

— Так вы не знаете? Разорил его сынок. Агентство клиентов растеряло. Он к вам уже несколько месяцев ездит. Просто мама ваша не хотела вам говорить. Хотела, чтобы вы отдохнули.

— Всех клиентов? Или только крупных?

— Всех. Они теперь в минусе. На плаву держатся благодаря старым заказам. Виталик пыжится, но папаша его уже из агентства убрал. Хочет вернуть старых работников, а они ставят условие, что работать будут только с вами. И клиенты тоже готовы вернуться, но с условием, что проекты будут вам поручены.

— Маразм какой-то. Им должно быть все равно, кто работу делает, если сделано хорошо и на совесть. Набрал бы новый коллектив. Специалистов рекламщиков вагон и маленькая тележка. Есть из чего выбрать. Почему на мне заиклился?

— Пал Палыч говорит, что это единственное требование клиентов. Вот он к вам домой и мотается.

— И мама молчала...

— Правильно, что молчала. Она на него тоже обижена. И я бы тоже молчал. По глупости вам проговорился.

— Палыч одно не учел. Я теперь свободы хлебнула. Мне в офисе работать в лом. Буду искать работу, чтобы не полный день в офисе сидеть.

— А еще лучше онлайн работать. Как Макс.

— Вот именно. Дистанционно. Свободы хочу. Надоело в костюмах ходить каждый день. И денег он мне платил маловато. Я только теперь поняла, что могу зарабатывать больше, даже не напрягаясь. Мне сыск нравится. Интересно всякие разгадки разгадывать.

— Откройте свое сыщицкое агентство.

— Петька, ну ты и грамотей. Детективное.

— Какая разница.

— А и верно. Никакой. Вот загадки всякие разгадывать — это мое. Когда мозг работает и пазлы в преступлениях складывает. А реклама и раньше для меня была не для души, а только для поддержки штанов, как говорится.

— Так вы Палычу откажете?

— Может, соглашусь.

— Теть Лена сказала, что вы не согласитесь. Ни за что.

— Мама права. Раньше бы не пошла, а теперь подумать надо. И попробовать совместить приятное с полезным. Деньги нужны.

— Деньги всем нужны.

— Ладно, Петька. Заболтались мы с тобой, а нам домой уже пора. Грейс вон лежит. Устал бегать и ждет, когда мы домой пойдем.

— Грейс, домой.

— Смотри, как припустил. Проголодался.

— Голод не тетка...

— Голод — дядька!

— Почему?

— Станный вопрос, Петька. Давай рассуждать логически. Во-первых, голод — он мой. Мужского рода. А во-вторых, если не тетка, которая женского пола, то второй пол у нас в стране мужской. Нет у нас в стране этой европейской бесовщины, типа гендерного разнообразия. Два пола у нас, как природой заложено: мужской и женский. Вот и получается аналог тетки, но мужского рода — дядька.

— Логика, однако.

— Ага. Еще Медичи говорила, что «логика — лучший из шпионов».

— Умная тетка.

— Умнейшая. Травить, правда, всех любила. И сама себя в результате перехитрила: отравила собственного любимого сына. Короля.

С разговорами ни о чем и обо всем дошли до дома. Грейс бежал впереди. Мы сами не заметили, как оказались у калитки. Открыли ключом. Вошли. Никиты дома не оказалось. Он ушел в магазин. Так даже лучше. Можно будет поговорить с мамой наедине.

— Мам, я слышала, что Палыч к нам приезжал...

— Петька проболтался?

— Ты его не вини. Он проговорился. Остальное я сама вытянула. Да и рано или поздно тебе все равно пришлось бы рассказать.

— Я понимаю. Не хотелось тебя грузить. Ты такая счастливая была.

— Работа чем помешала бы счастью?

— Разве Никита не против, чтобы ты работала?

— Нет. Не против. Он против того, чтобы я рисковала.

— Ириша, у Палыча нет уже ничего. Дожирают остатки прошлой сытой жизни. Проекты твои готовые доделывают, за которые тебе его сынок так и не заплатил. Никто с ними работать уже не хочет. И тебе с ними связываться не советую.

— Тем интереснее будет им помочь.

— Ты опять целыми днями на работе будешь пропадать. А как же муж? Ему тоже нужно внимание. Может, еще немного отдохнешь?

— Тогда агентство вообще умрет, и реанимировать его не получится.

— Новое создадите.

— Новому рекламу делать придется. Клиентов наработывать. А тут имя раскрученное. Жалко, если пропадет все, что мы до этого создали.

— Не твоя вина. Палыч сам со своим сынком-недотепой виноват. Вот пусть и расхлебывает. Он тебя не ценил. Воспринимал, как само собой разумеющееся приложение. А ведь ты тащила на себе все. Он это только теперь понял. Да поздно. Близок локоток, да не укусишь.

— Мама. Я понимаю. Тебе за меня обидно, но помочь надо. Хотя бы временно. Да и грех на мне.

— Какой такой грех? Чего городишь?

— Моих всех уволили. Я виновата. Я не сопротивлялась и не отстаивала свою точку зрения. Струсил. Получается, подставила их всех. Из-за гордыни своей. Могла бы Палычу пожаловаться, а не стала.

— А то Палыч сам не знал все про своего туповатого сыночка. Так вот, ты ошибаешься. Твои работники к нему ходили и на сына его жаловались. И требовали тебя вернуть. Знаешь, что Палыч их уволил сразу? Так что, не все так просто, как ты думаешь.

— Они устроились? Или без работы сидят до сих пор?

— Устроились. Правда, вроде зарплаты не те. Меньше получают.

— Значит, вернуть их можно.

— И даже нужно. Тут ты права.

— Мне с ними хорошо и комфортно работалось. Не работа была, а сплошное удовольствие. Ты знаешь, я думаю справедливость восстановить. Палыч поступил гадко. И сынок его еще тот упырь. Только мы сами их наказать должны. Деньгами.

— Ты же его не ограбить собираешься?

— Нет, конечно. Грабить — не мое. Справедливость хочу восстановить...

— Вот откуда в тебе это? Опять за справедливость рубиться будешь?

— Зачем рубиться? Мягкими лапками обойдем и накажем.

— Объясни. Я тебя не понимаю.

— Вот мой план. У Палыча сейчас цейтнот. Правильно я поняла?

— Ну да. Он либо свой бизнес потеряет, либо хоть с малыми прибылями, но выплывет. Если только с твоей помощью...

— А мы ему свои предложения. Я хочу, чтоб все старые работники стали акционерами. Мы же с самого начала там работали. И все, что создано, создано именно нами. Всеми.

— Верно. Это его на место поставит.

— Мой план такой. Я пойду к нему работать, но на время. Как надоеет — уйду. Работать буду только дистанционно. И со старым коллективом. Из дома. За большую зарплату. Для этого не обязательно каждый день ходить на работу. Да и ленивой я стала. А совещания проводить буду онлайн. И долю потребую с каждого проекта мне и группе всей. Пусть делится прибылью. Только так. А иначе возвращаться нет смысла. Проще свое агентство открыть.

— Хороший план, жена, — раздалось от порога.

Мы не заметили, как пришел домой Никита. Он стоял и слушал все, что мы говорили.

— Значит, ты меня поддерживаешь? Пойми, мне необходимо вернуть всем мою работу. Я их нанимала. Тем более они заступились за меня и работу из-за этого потеряли. Моя обида на Палыча прошла быстро. А вот совесть меня за трусость до сих пор мучает. Я могла их защитить, а сдалась...

— Я поддерживаю. Но только с условием. Работа дистанционная. Мне дома тоже жена нужна. А то я со скуки зачахну.

— Когда с Палычем говорить будешь? — мама взяла быка за рога.

— Завтра. Чего тянуть? Наших всех надо обзвонить. С ними поговорить. А то, может они не захотят возвращаться.

— Захотят. Они к нам домой приходили и просили с тобой поговорить. Только,

Иришка, ты себя больше в обиду Палычу не давай. Все на бумаге. Каждое условие пропиши до мелочей. Вплоть до того, кто и когда тебе кофе приносить будет...

— Мам, мне кофе муж приносит. Основные условия я пропишу жестко. Здесь ты права. Не надо давать ему шанса поступать с нами так снова...

— Вот и ладненько. На том и порешим. Давайте спать?

Все стали расходиться по комнатам. Мы с мужем поднялись к себе.

— Иришка, я так устал. День сегодня быстро прошел.

— Ага. Учítывая, что полдня мы просто проспали.

— А вторую проболтали.

— Никита, ты зачем в магазин ходил? Проблемы?

— Продавщица новая пришла. Оформить ее надо было. Да старая товар сдала и кассу. Все как обычно. Ты завтра на старую работу поедешь?

— Я собиралась сначала с бывшими сотрудниками повидаться. Разработать план, условия приема на работу. И, скорее всего, нам придется в поте лица работать первое время. Пока в колею войдем.

— Давай завтра вместе поедем?

— Давай. Я только рада буду.

Еще поговорили немного. И сон нас сморил.

Утром проснулась. Никита еще спит. Пусть спит. Все равно раньше обеда никуда не поедем. Пошла попить кофе. Не знаю, как для вас, а для меня главное утром подзарядиться чашечкой горячего кофе. Без этого я не человек, а непонятная субстанция. Что-то вроде амебы. Ничего не хочу. Ничего не могу. А кофеек сварила, попила, и уже снова человек. И полна энергии. Кофе попила. Грейс под ногами крутиться. Неужто его Петька не выгулял? На Петруху это не похоже. Постучала в дверь Петькиной комнаты. Он что-то пробурчал. Вроде бы разрешил зайти. Зашла. Он лежит вареный какой-то. Потрогала лоб — горячий.

— Петька, у тебя лоб горячий. Как себя чувствуешь?

— Плохо. Грейса выгулять бы.

— Ты тогда лежи. Сейчас маму позову. Грейса сама выгуляю.

Выскочила в коридор, стала маму кричать. Она вышла.

— Что случилось?

— У Петьки температура. Лоб горячий. Посмотри, что там. Может, скорую вызвать? Я пока пса выгуляю.

— Иди. С Петей я сама справлюсь.

Я пошла собакевича выгуливать. Правда, гуляли мы недолго. Он сделал свои собачьи дела. Пометил территорию. И мы быстренько повернули домой. Беспокойство за Петьку одолело. Как бы скорую помощь не пришлось вызывать. Пришла домой. Петька уже спал. Никита еще спал. Мама сидела в кухне задумчивая.

— Что с ним?

— В озеро вчера лазил. Купался. Простудился.

— Когда это он успел.

— Дурное дело не хитрое. Успел вот...

— Что делать будем?

— Температуру я ему сбила. Будем смотреть, как да что...

— Я тогда сегодня никуда не поеду.

— И не надо. Сиди дома. За Петькой наблюдать будем вместе.

— Я тогда в магазин схожу за хлебом.

— Да есть хлеб. На сегодня хватит.

— Мам, я схожу. Мне надо проветриться. Еще что-то надо купить?

— Соль кончилась. Купи мелкую йодированную.

— Хорошо. Я пошла. Грейса забираю.

Вышла из дома с Грейсом. Он обычно сам несет в зубах свой поводок. Намордник мы ему не одеваем. Все местные уже знают, что он не кусается и воспитанный. Считают, что это пес хозяина магазина, поэтому проявляют некое снисхождение. Грейса я оставляю всегда возле двери магазина. За ним присматривают водители маршруток и бабульки местные. А тут то ли я плохо привязала, то ли узел сам развязался, но Грейс решил, что раз не привязан, то можно в магазин зайти. Надо заняться его воспитанием...

— Чья псина? Пошла вон, грязная тварь! — раздался крик продавщицы.

— Грейс, иди домой, — соседка попыталась пса ласково образумить.

— Убери свою грязную псину, старуха! — орала продавщица.

— Это не мой пес.

— Конечно, не твой. А чего он к тебе приткнулся? Пошла с ним отсюда!

— Это пес наших соседей.

— Пошла вон из моего магазина, я сказала! Ходят здесь всякие.

Я не растерялась и включила с первых криков диктофон на телефоне. Скажете, надо было мчаться на помощь соседке? Надо было. Согласна. Но мне нужно доказательство того, что продавец хамка. Я просто стояла и записывала то, что орала эта невоспитанная особь. Недолго. Затем, увидев, что она взялась оскорблять нашу соседку, подошла. Но все записываю.

— Зачем вы оскорбляете человека?

— Ты кто такая, мне тут указывать? Мой магазин. Что хочу, то и делаю.

— Даже если это ваш магазин, это не значит, что вы имеете право оскорблять пожилого человека. Покупателю хамить — последнее дело. И пес вполне чистый. В отличие от вас, он воспитан намного лучше: ни на кого не кидается и никого пока не облаял.

— Он укусить меня может.

— Ошибаетесь. Этот пес что попало в рот не берет. Брезгует.

— Это я что попало? Это меня он кусать не будет?

— Если только слезно просить будете. Да и то навряд ли. Скорее всего, это вы его сейчас покусаете. Грейс, выйди из магазина.

Грейса этой команде Петька научил еще щенком. Грейс вышел из магазина и сел у двери. Сидит, держит поводок в зубах. Хозяйку ждет.

— Взяла свою бабку и вали отседова! И псину свою прихвати! — перешла продавщица уже на визг.

— Псина не совсем моя. Псина принадлежит хозяину магазина. Ее, наверное, уже хозяин ищет, — прикинулась я сторонним наблюдателем.

У продавщицы моментально такое умилительно елейное выражение лица стало. Меня суть не стошнило...

— Песик хороший. Пусть остается. А бабку вон отсюда!

В магазине уже стал от криков собираться народ. Во зрителей набежало! Как будто здесь фильмы бесплатно показывают. Продавщица уже перешла на ультразвук. Слава богу,

она теперь орет не на бабулю, а на меня.

— И ты пошла отседова, проститутка малолетняя. Наркоманка чертова. Вообще тебя обслуживать не буду. Даже не ходи сюда. Тебе в мой магазин вход закрыт! — орет продавщица. Глотка у дамочки луженая.

— Так вы хозяйка этого магазина? И давно?

— Не твое собачье дело. Буду я тут перед всякой швалью отчитываться.

После этих слов в магазине все стали громко смеяться. А некоторые стали крутить пальцем у виска. До продавщицы не сразу стало доходить, что потешаются над ней. Все же знают, что я жена хозяина.

Оно и понятно. Продавщица наверняка уже всем этим людям нахамить успела. С утрачка пораньше за работу принялась. Всем люлей выдала. Никого не обделила. Это при Никите она пай девочку из себя строила. А как вышел хозяин за порог, так разошлась, разоралась. Всех строить решила. Показать власть свою беспредельную, магазинную... Я решила, что с меня хватит. Надоело терпеть. Переслала Никите запись криков новой «владелицы» магазина. Спустя примерно пять минут Никита, не выспавшийся, сонный, примчался в магазин.

— Иришка, что случилось? Почему здесь столько народу? И почему она на тебя орала?

— Она на всех орала. Сначала на Грейса. Потом на соседку нашу. Ничто ее не смутило. Ни возраст соседки, ни то, что она покупатель. Она здесь многим нахамила. Никого своим царственным вниманием не обошла.

— И давно она так горло дерет?

— Со вчерашнего дня мы на площади концерты слушаем, — это водители добавили штрихи к общему портрету.

— Значит, как только заступила к своим обязанностям...

— Я не виновата. Меня подставили! — заголосила дурында.

Никакой фантазии. Даже неинтересно слушать. Придумала бы лучше, что в нее вселился злой инопланетный дух. И именно он стал всех материть и бранными словами крыть. Это больше на правду похоже...

— Слушайте меня внимательно, уважаемая. Вы забыли первое и самое главное правило торговли. Покупатель всегда прав. Если он не прав, то смотри пункт первый. А там сказано. Покупатель всегда прав! Вы обязаны угождать своему покупателю, чтоб он снова и снова приходил сюда не только за качественным товаром, но и за добрым словом. Но у вас, я смотрю, корона на голове. И она явно вам мозг сдавила. Вы уволены. По статье.

— Не надо увольнять по статье. Меня же никуда на работу не примут. Хотите, я извинюсь?

— Никита, можно я скажу? Эта девушка привыкла всех оскорблять. Просто пусть попросит у всех, кого оскорбила и кому нахамила, прощение за свое хамское поведение. И просто ее уволь. По собственному. Не надо ей жизнь портить. Если умная, то сделает надлежащие выводы. Ну а если дура, так ее жизнь уважать других научит. А там она пусть рассказывает, что работа трудная была, что таскать тяжести пришлось. Поэтому она всего один день проработала и уволилась.

— Что скажете, народ? — Никита повернулся к жителям поселка. Демократия в действие.

— Пусть прощения попросит и катится на все четыре стороны. Не надо по статье, — прозвучало единогласное мнение народа.

Все-таки какие добрые и великодушные у нас люди. Простили мерзавку. Она попросила у всех присутствующих прощения. Покаялась. И была уволена по собственному желанию. Никита провел ревизию и заплатил ей за день работы. Она думала, что ей вообще ничего не заплатят. А тут какие-никакие деньги дали.

— Иришка, ты зачем в магазин пришла?

— Соль купить пошла. Меня мама послала.

Грейс стоит у ноги с виноватым видом. Поводок в зубах держит. Думает, что он сильно накосячил. На него же тетка орала. Как четко собаки считывают человеческие эмоции. Он стоит и думает, что его ругать будут.

— Что притих, Грейсюта? Ты сахарную косточку сегодня заслужил. Вывел злобную фурию на чистую воду. Представляешь, она со вчерашнего дня всех чуть ли не матом крыла. Скольким людям в душу плюнула. Кстати, перед соседкой извиниться бы надо.

— Извинюсь. Сейчас сменщица в магазин придет. И чего я вчера другую продавщицу не нанял? Где мои глаза были?

Пришла продавщица. Приняла смену. Я купила соль. Взяла Грейса за поводок, и мы пошли домой.

На следующий день Петька уже выходил к столу. Температура была, но небольшая. Поэтому с утра пораньше мне пришлось выгулять нашего собакевича. Впрочем, я не жалею. От души нагулялась, подышала свежим воздухом. Решила в связи со своей упертостью пройтись вдоль тропинки, по которой шла наша убиенная девица. Полиция не сильно заморачивалась поисками бутылки. Никто заросли кустов не осматривал. Вдоль тропинки территорию от магазина до озера не прочесали.

Иду, внимательно приглядываясь: вдруг она по пути выкинула бутылку от воды. Не отпускало меня это дело. Ощущение такое, как будто я тогда что-то проглядела. Вот промелькнуло у меня что-то важное перед лицом. Мысль какая-то в мозг прокралась. А я это прозевала и теперь мучаюсь, пытаюсь вспомнить, что же это было такое важное.

Бутылку не обнаружила. Зато заметила, что по пути попало дерево. Обшарканное какое-то... Лазил по нему кто-то что ли? А там дупло. Небольшое. Человек выше среднего роста закинуть туда что-то вполне может. А вот чтобы достать оттуда что-то, надо взять подставку или лесенку. Даже Никита не сможет туда заглянуть с земли. А вот если он меня подсадит, то я вполне смогу посмотреть, есть там что-то или дупло пустое. Если там белка живет, то мы ей в следующий раз орешки насыплем, как извинение за вторжение в личную беличью жизнь.

Прогулялись с Грейсом. И я быстрее пошла домой. Уговорила Никиту пойти со мной. Объяснила, что гулять одна боюсь. Он удивился, но со мной пошел. Грейс радостно бегал рядом. Вот радость-то псу привалила на пустом месте: дважды гулять вывели. И косточку сахарную с утра дали. Мосольгу!

Я уже на месте попросила мужа посадить меня к дуплу. Он долго смотрел на меня. Хотел что-то сказать. Я думаю, что «добрые и ласковые» слова, не иначе. Но сдержался. А и правильно. Зачем меня лишний раз «баловать». Подсадил к себе на плечо, и я оказалась чуть выше дупла. Как раз все видно. И то увидела, что лежало в углублении дупла. Телефон, сержка, босоножки, пистолет. Взяла и засняла все это богатство на телефон. Сделала видео и несколько фоток.

Хорошо, что пакеты захватила с собой. Одну руку сунула в пакет, чтоб не оставить своих

отпечатков. А во второй все сложила. Взяла этот телефон, босоножки и сережку. И, конечно же, пистолет. Все вместе взятое понесли домой. Оставлять их в дупле не стали. Вдруг убийца придет и унесет улики.

— Ира, менты и так на нас косятся. Теперь нам вообще веры не будет.

— Это почему? Я обратила внимание на ободранную кору, а они нет. Это им внимательнее надо быть. Вот и все.

— У меня такое ощущение, что с нами играет маньяк.

— Есть такая мысль и у меня. Только не с нами, а с ними. Хотя я думаю, что человеку эти вещи зачем-то нужны. Это его сокровища. Выкинуть их он не может по какой-то причине.

— По какой?

— Еще не поняла. Пойму, скажу. Может, на память себе оставил.

Пришли домой. Я попросила Никиту позвонить Натану Львовичу.

— Никита, позвони ювелиру.

— Сначала ментам. Тут все-таки пистолет.

— А еще сережка. Вторая. Ты же понимаешь, что полисмены эти чертовы там несколько раз проходили. И не заметили очевидного. Пусть отец на рычаги надавит и следака этого сменят. Он тупой. Но это полбеда. Он еще и ленивый.

— Иришка, признайся честно. Ты с ним счета сводишь?

— С кем? — я от такого утверждения аж растерялась.

— С майором этим несчастным.

— То есть я тебя правильно поняла? Ты намекаешь, что я решила мстить «бедному несчастному майору»? Так я тебя успокою. Нет, не свожу. И не такой уж он несчастный. У них вполне приличные зарплаты. И ему вполне по деньгам снимать квартиру. Это с чего он несчастный? Может, это жена его была несчастной? Она страдала от храпа его жуткого, от эгоизма, от черствости. Правильно она его выгнала. А он с ней должен жить? Третьим в постели?

— Может быть, ты и права. Извини. Я погорячился. Просто я так и знал, что ты станешь в это дело лезть. Опять. И ничто тебя не остановит. Вот права мама. Ты упертая.

— И во-вторых, я шла по тому же пути, который прочесали менты несколько раз. Почему я, не будучи полицейской ищейкой, обратила внимание на дупло? А менты прям такие супер специалисты и не обратили. Может, потому, что мне интересно, кто убил и почему. Мне докопаться хочется. И я для этого нахожу возможности. А им не только не интересно. Они это дело слить решили и находят себе оправдания. Из-за меня план их сорвался. Еще два трупа всплыли. Знаешь, что я думаю?

— Что?

— Если бы там не было свидетелей, они эти трупы назад в озеро скинули бы. Свидетели помешали. А так все шито-крыто было бы. Меня, честно говоря, это бесит. Не умеешь расследовать дела — вон из полиции. На выход. Уступи место тем, кто хочет работать и работу эту любит.

— Ладно. Я понял. А то ты меня лозунгами задавила. Звоню Натану. Только ты ему сама выложи все. У тебя это убедительно получается. Ты вон мне высказала. И я стал думать, что майор — червяк жопорукий. Звоню.

Никита набрал номер. Там взяли трубку. Я объяснила, кто я. Сказала, что нашла вторую сережку. Меня дальше не стали слушать. Просто сказали ждать.

— Кого ждать? Чего ждать? Надо теперь ментам звонить, наверное.

— Надо было сразу. Но кто я такой, чтобы с тобой спорить...

— Ты любимый муж. Глава семьи. Спорить нам ни о чем не надо. Мы сейчас с политиком поговорим, а потом ментам позвоним. Обязательно. Все-таки пистолет не игрушка. Его сдать надо, как полагается. Видео надо на комп скинуть, на всякий случай. Вдруг пригодится. И еще одну вещь надо найти. Она где-то здесь валяется.

— Какая еще вещь?

— Бутылка из-под воды.

— Это искать иголку в стоге сена...

— Ничего подобного. Я уже просчитала. Здесь десять тропинок, не считая той, что я уже просмотрела. Где-то ее выкинули по пути. Не станут же с собой возить улику. И в озере бутылку не нашли. Значит, выкинули где-то на расхоженной тропинке.

— Согласен. Ответь, что это даст? Ну, найдешь ты эту бутылку. И что?

— В ней может остаться препарат, которым их отравили. Это раз. На ней могут быть отпечатки убийцы. Это два. Мы пойдем, где он вышел из леса. Тогда проследим, какие машины там проезжали. Это три. Пока хватит?

— Ты точно не была в прошлой жизни Шерлоком Холмсом?

— Нет. Он выдумка. А я на чистом сливочном масле выращена.

Настолько эта фраза из старой сказки про Ивана царевича была не к месту вставлена, что Никита заржал, аки скакун ахалтекинской породы. А следом и я за ним засмеялась. Только отсмеялись, как раздался звонок в ворота. Взглянула на камеру. Там машины стоят, не пересчитать. Открыла калитку и пригласила зайти. Зашли сначала охранники, потом политик, а уж за ними материализовался Натан Львович.

— Перейдем сразу к делу. Что же вы такого нашли? — спросил ювелир, потирая ручки. Мне интересно, он всегда их так потирает?

— Похоже, что вторую сережку. Чей-то телефон, пистолет, босоножки.

— Показывайте.

— Что?

— Сережку.

Я выложила на чистый лист бумаги серьгу. Руками не трогала. Ювелир кивнул головой.

— Это она. Пара.

— Точно она? — это уже политик спрашивает ювелира.

— Точно. Нет никаких сомнений. Я их из миллиона узнаю.

— Где нашли? Рассказывайте.

Я все до мелочей рассказала. И про слегка поврежденную кору дерева. Белка бы так не оцарапала ствол. Это сделал крупный зверь, вроде человека. И про дупло. И про то, что выше среднего роста должен быть человек. И про то, что я смогла туда посмотреть с помощью Никиты. И про свои подозрения, что это хранилище ценностей убийцы.

— А мотив у него какой? И откуда пистолет?

— Мотив не знаю какой. Пистолет просто там лежал. Мне его и все остальное майору отдать придется.

— У меня один вопрос. Почему ты увидела все это, а они нет?

— А им не надо. Вот и делают кое-как свою работу. Неделкины они.

— А тебе, значит, надо?

— И мне не надо. Я просто любопытная. Привыкла свой нос совать куда не надо. Вон у

мужа спросите. Он подтвердит.

— Правду говорит. Вот и сейчас ругались по этому поводу.

— Значит, тебе не надо, а ты землю носом роешь. Им платят, а они мимо ходят. Так... Я тебя понял. Звони ментам. Сдавай улики. Я потом позвоню.

— А можно вопрос?

— Спрашивай.

— Фотографии вашей дочери можно увидеть?

— Зачем?

— Объясняла же. Любопытство.

— Нет.

— На нет и суда нет. Настаивать не буду. Пусть дальше жопорукий майор работу делает.

Политик вроде притормозил, что-то хотел сказать. Но потом что-то для себя решил, попрощался и ушел. Меня в который раз за мои поиски щелкнули по носу. Хорошо хоть, что не обматерили по папе и по маме. Ну что? Остается только позвонить ментам и сдать находки в утиль. Я не оговорила. С таким подходом к расследованию и с таким рвением, как майор ведет дела, это одно и то же. Что я майору отдам улики, что я выкинула бы эти вещи в мусор... Но по закону я должна им найденное сдать.

— Здравствуйте. Я нашла еще одну сережку. Босоножки и телефон.

— Что ж вы такая неугомонная? Что ж вы все находите и находите. Что еще нашли?

— Пистолет ТТ. Одну штуку.

— Еду.

— Что сказал майор? — Никите уже интересно, что скажет майор. И как вообще они отреагируют на находку.

— Сказал, едет. Только в голосе не слышно радости.

— Чего же ему радоваться, когда под боком такая деятельная особа орудует? И все никак не успокоится. Он опасается, что в следующий раз ты танк ему предъявишь.

— Если найду, то сдам властям.

— По-моему, он тебя уже боится.

— Почему?

— Вдруг ты вообще найдешь убийцу раньше, чем они подоят папашу. Ты им карты путаешь. Всю игру поломала. Бессовестная и бессердечная особа. Менты на его деньги нацелились. А тут ты такая вся бессребреница. Смотри, пристрелит он тебя из табельного.

— Тебе бы все шутить. А ведь еще бутылку искать надо.

— Как ты ее найдешь? Лес кругом, кусты, трава по пояс.

— Попробовать-то можно. Бутылка яркая.

— Почему ты уверена, что это будет именно та бутылка? Мало ли бутылок в нашем лесу?

— В нашем лесу мало. Несколько недель назад здесь волонтеры прибирались. Все пакеты и бутылки собрали и весь мусор целенаправленно вывезли. Если бы ты интересовался жизнью поселка, ты бы это знал.

— Зачем мне это знать?

— А затем, что все там были. Я была, мама и Петька с Грейсом. Так что, случайных бутылочек здесь не может быть. Водичку-то девушка купила дорожную. Таковую не каждый себе позволить может. За это время больше эту воду никто не покупал. И бутылка стеклянная.

— Значит, алкаши могли забрать, как стеклотару сдать.

— Такие в приемку не берут. Не формат. Да и алкашей в нашем поселке ты когда последний раз видел?

— На все у тебя есть отговорки.

— Это никакие не отговорки, а факты и аргументы в пользу поиска.

— Тебе все равно спасибо никто не скажет.

— Откуда ты знаешь? Может, отблагодарят за хорошо сделанную работу. Такое уже было, если ты не забыл. Да и не за спасибо я это делаю. Мне просто любопытно.

Только успели с Никитой прийти к соглашению, как появились менты. Всего двое. Я думала, все семеро козлят прискачут вместе с начальством. С серым волком. Вышла их встречать на крыльцо. Были они злые. Это даже я поняла. Наверное, муж прав. Я им всю игру поломала. Они молча зашли. Составили протокол изъятия, или как он там у них называется. Меня опросили на протокол.

— Зачем вы в дупло полезли?

— Я белочку покормить хотела. Она скакала такая тощая. Недоедает. Сразу видно, что не сделала запасов. Облезлая какая-то.

— И именно в этом дупле вдруг обнаружили схрон с вещами?

— Точно. Надо же, какое совпадение. Именно в этом дупле лежали все эти вещи. Не знаю, чьи они. Но пистолет натолкнул меня на мысль, что это заначка разбойника. Убийцы...

— Зачем взяли вещи оттуда?

— Боялась, что разбойник их возьмет и унесет. Или зверье какое унесет. Мало ли в лесу зверья, — рассуждала я.

Если уж начала изображать дуру, то не надо мне останавливаться на полпути. Пусть и думают, что я настоящая дура. Просто очень везучая дура.

— Вы не должны были их оттуда брать.

— А я взяла для того, чтоб сдать властям, то есть вам, товарищ майор. Я нашла пистолет ГТ и позвонила для того, чтобы сдать по описи с рук на руки. Прошу отметить это в протоколе. А вдруг бандиты бы его нашли и убили кого-то? Грех был бы на мне. Я так не могла поступить. И босоножки соответствуют визуально тем, что были на убитой несколько дней назад девушке. Поэтому я вам с чистым сердцем и вручаю улики, которые нашла в дупле беличьем. Могу показать само дупло. И у меня есть видео. Могу его вам скинуть. Я выполняю свой гражданский долг.

Дуру я, конечно, изображаю полную. Лишь бы не переусердствовать. Хотя майор вроде расслабился, посчитал, что в прошлый раз меня переоценил. Правильно. Сейчас перед ним сидит идиотка с честными глазами. Эх, надо было в театральный поступать. Сейчас мне залы бы рукоплескали. Самой настолько смешно стало, что чуть не улыбнулась. Нет, крепись, подруга. Надо доиграть дебилку до конца.

Полисмены у меня забрали вещи и отбыли в неизвестном направлении. Сейчас, наверное, меня кроют на чем свет стоит. Проклинают...

— Ты переигрываешь, — Никита оценил мои актерские способности.

— Знаю. Но я старалась. Что ты от меня хочешь? Я не профессиональная притворщица. Я когда вру, мне плохо становится. Так что, милый муж, ты меня чайком сладким напоил бы и спать уложил.

— А я думал, что мы станем бутылку искать.

— Давай завтра. Сегодня и так хватило душевных потрясений. Поиски улики я уже не вынесу...

— Ладно. Отдыхай. Сейчас кофе нам приготовлю.

— Никита, ты чудо!

— Знаю. Главное, чтоб ты об этом помнила и никогда не забывала.

— Я помню. И ценю...

Никита быстро приготовил кофе и сладкое поставил на поднос. Ирка у него сладкоежка. И понес жене. Вот тебе на. Она уже заснула. Быстро, однако. Умаялась, бедняга. А все равно здорово она ментам нос утерла. Никите показалось, что мент хочет ее стукнуть по башке рукояткой найденного пистолета. Глупец. Майор даже не понял, что она просто дуру изображала. А Никите понравилось, как она придуривалась. А ведь точно. Глядя на нее, не подумаешь, что она кое-что умеет. Вид глуповатой блонды глаза мужикам отводит. И мозги они уже не в состоянии увидеть. Стереотипы...

Тем временем у Натана Львовича в доме шло совещание. Внешне вроде люди сидели спокойные. Разговор шел непринужденный. Однако понятно было, что политик еле сдерживается от злости.

— Если она права, то менты меня просто нагло разводят.

— У меня-таки есть предложение. Только ты не отметай сразу. Подумай над ним.

— Выкладывай.

— Ты сложил яйца в одну корзину и надеешься только на ментов. А что будет, если нанять эту девицу.

— Она же никто. Не профессионал.

— И что? Когда и кому это мешало?

— Ей просто повезло найти сережку. Что она может? Пигалица!

— Не суди по внешнему виду. Мал золотник, да дорог. Так у вас говорят.

— Скорее мал клоп, да вонюч. Еще поучать меня вздумала... Хотя ты в чем-то прав. Она везучая. Повезло ей.

— Вот именно. Повезло. Повезло найти одну серьгу. Потом повезло отыскать вторую. Да и пистолет она нашла, что наводит на определенные мысли. Поверьте опытному старому еврею, что такое везение не бывает просто так. Такое везение — знак свыше. И глупо делать вид, что его нет.

— Предлагаешь ее использовать?

— А почему бы и нет? Менты явно манкируют своими обязанностями и злоупотребляют своим монопольным положением. А я знаю из своего опыта, что где нет конкуренции, там нет нормального результата. Пусть она им нос утрет. Она этого сама хочет.

— Поставить жизнь дочери в зависимость от этой пигалицы? Нет, Натан, это слишком.

— Уже больше года менты морочат тебе голову. А где дочь? Нет ее. И тут появился новый персонаж, который за неделю нарыл больше, чем все менты вместе взятые за год. Сам посуди. Они за год ничего не нашли. Она за неделю многое. Мое еврейское чутье подсказывает, что рано или поздно, но тебе все равно к ней придется обратиться за помощью.

— Где было твое еврейское чутье, когда ты советовал купить дочке эти серьги в подарок?

— А при чем здесь серьги? Серьги-то целы. Значит, не в них дело.

— А в чем тогда дело? Я думал, что на бирюльки кто-то позарился. И дочь из-за них убили. А если не из-за них, тогда почему?

— Вот пусть пигалица, как вы ее называете, ответ на этот вопрос и ищет. Таки ей интересно не меньше нашего. Я за ней наблюдал. У нее же глаза, как у фанатика горят. Энтузиазм прет. Да она этот лес носом прорвет насквозь. Пусть роет. Надо только дать ей отмашку. Пусть покажет, на что способна.

— Значит, сделаем так. Сначала наведи мне справки о ней. Не верю я в такое везение. Не нравится мне она.

— Почему?

— Слишком уж наглая она для своего роста. И вообще, сколько ей лет? Какая-то малолетка. Да нет, Натан, это не серьезно. Людей только смешить.

— Сомневаешься — это хорошо. Ее проверят. А ты подумай. Хорошо думай. Такой шанс упустить нельзя. И чтобы наверняка было, сыщиков ей в помощь нанять надо.

— На сыщиков-то зачем тратиться?

— Ты дочь найти хочешь?

— Хочу.

— Тогда сделай так, как говорит старый и мудрый еврей. Найми еще пару сыщиков. Детективов нормальных.

— Сыщиков ей в помощь? Зачем? Она сама роет, как экскаватор.

— Сыщик нужен дельный, чтобы имел связи в полиции. Она свое дело будет делать, а детектив будет ее связью с полицией и станет ей добывать то, что следствие нарыло.

— Только выкинем деньги на ветер...

— Будет круговорот информации между всеми заинтересованными лицами.

— Тогда вот тебе, Натан, задание. Ты его сам себе придумал. Про пигалицу данные собрать и детективов нанять. Действуй. В деньгах не обижу.

— Любой каприз за ваши деньги. У детективов ставка. Тут по ценам вроде все понятно. А что я могу пигалице пообещать?

— На твое усмотрение.

— Она много не запросит. Не избалована вниманием. Это рабочая пчелка.

— Только сначала узнай про нее все. Темная какая-то лошадка и слишком везучая. В натуре, так не бывает.

— В мире и не такое бывает. Мне кажется, она вообще какая-то не такая.

— В смысле? Розовая, что ли? Так она замужем...

— Вот кто про что, а вшивый про баню. Да не про секс я. Не такая она... Не как мы с вами всеми.

— Ага, инопланетянка, блин... Ты, Натан, как загнешь, так хоть стой, хоть падай. Или это твои еврейские штучки?

— И все-таки...

— В общем, мы все обсудили. Сразу звони, если что. Сразу! В помощь оставляю тебе троих. Они спецы по разным делам. Пользуй, как сочтешь нужным.

— Троих богатырей мне только в моем доме не хватало. Пожалей старого еврея. Не надо мне их. Только мешать будут. Да и не люблю я лишние уши. Нужны будут — попрошу. А так не надо.

— Ну, как знаешь... Хоть одного возьми.

— И одного не надо.

— Хорошо. Как скажешь. Действуй.

Охрана удивлялась. Чего это шеф таскается, как на работу к старому еврею. Натан Львович того и гляди, скоро рассыплется, удобрив землю навозом и посыпав песочком. Чем он может помочь такому крутому человеку, как их хозяин. Или это старая дружба из девяностых? И почему глупый еврей отказался от охраны, которую с барского плеча ему подогнал шеф? Они мало пожилы. Много видели. Но еще не научились видеть суть вещей. Потому и судили поверхностно про Львовича и про своего шефа. Придет время, и произойдет у них переоценка ценностей. Но не сейчас. Потом...

Привычка судить о людях по внешности часто играет с нами злую шутку. Вот и старый мудрый еврей на самом деле был не так прост, как казалось. Представьте, сколько надо иметь изворотливости, чтобы не только выжить с такой явно семитской внешностью в девяностые, но и не рвануть в Израиль. Родня его туда уехала. И что? Они там стали русскими. Вот такой парадокс. В России они были евреями, чужаками и иноверцами. В Израиле они стали русскими, чужаками и иноверцами. Хотя вроде и иудеи такие же. Да не такие, как оказалось.

Сейчас в Израиле русских евреев стало больше, чем самих коренных евреев. Но Натан не настолько глуп, чтоб ехать туда же, куда и все. Он пошел к благополучию своим путем. Он может позволить себе хоть сейчас уехать в Израиль. Но оно ему надо? Его там примут с распростертыми объятьями. Но разве он об этом станет просить? Что он там не видел? Он не переносит жару. А здесь, в России, ему комфортно. Было время, в лихие годы он дал слабину и собирался уехать на историческую Родину. Но какая она ему Родина? Россия ему Родина. Здесь родился, здесь уже и умрет.

Было дело, боялся Натан, что опять нацисты придут к власти. Самые злобные нацисты получают как раз из тех, кого притесняли. Вон хотя бы всем известный политик, скандалист и истерик. Хозяин собственной партии. Ведь сам еврей. А что кричал? Россия для русских. И этот поц куда сбежал бы в случае чего? Не в свою бы союзную республику поехал, где родился. Наверное, сначала выгнал бы всех единоверцев и сам в Израиль прикатил. Эти политики — люди без стыда и совести. Ну да Бог им судья...

А ему было дано задание. Натан не был глупым и доверчивым. Он тоже сначала пытался рассмотреть подвох в действиях этой малышки. Но потом понял, что судьба его свела с самым настоящим везунчиком. Бывают такие люди, которым всегда и всюду везет. Сам Натан таких не встречал. Но тут против фактов не попрешь...

Прав Анатолий, во всем прав. Не бывает таких совпадений в жизни. Но он забыл добавить, если только это не угодно Богу. Она спустя год находит след. Как ищейка какая-то унюхала и нашла серьгу. Там же общественное место. Кто угодно мог ее подобрать и присвоить. Серьга даже без пары бешеных денег стоит. Но нет. Эта малышка подобрала и честно показала. Натан понял. Бог для нее вещь сберег. А значит, она и распутает этот клубок загадок. Завтра он станет наводить про малышку справки. Даже если она окажется пустышкой, он эту девушку все равно наймет. Чует он, что не все в этом деле просто. А она ключ к разгадке. Интересно за ней будет со стороны понаблюдать. Наивная... Однако не дура. Хоть и пытается из себя дуру изображать, но у нее это плохо получилось. А шеф клюнул. На показуху купился глупец. Поживем — увидим, на что она способна. Чует мое сердце, что удивит она еще всех...

До позднего вечера сидел Натан Львович. Вспоминал, что случилось за неделю.

Прокручивал в голове все, что увидел и услышал. Много чего он повидал в своей жизни. Видимо, напоследок Бог решил его удивить.

Ранним утром Петька оповестил всех своим воплем, что выздоровел. Опять поднял нас спозаранку. Но на прогулку его мама не пустила. Рано еще.

— По-моему, ему просто не хотелось к себе домой возвращаться.

— Думаешь, притворялся?

— Да нет, Никита, не притворялся. Просто он так сильно не хотел ехать домой, что организм ему помог и стал температурить. Психосоматика.

— Теперь его нет смысла домой отсылать. Скоро опять выходные настанут. Больного же не пошлешь.

— Пусть сегодня отдыхает. А завтра будем его эксплуатировать и в хвост и в гриву.

— Согласен. Чего добру пропадать. Он нам с поисками поможет.

— Знаешь, Никита, а ты прав. И нам тоже не фиг филонить. Нужно Грейса выгулять. Ты как? Пойдешь со мной?

— Собирайся. Прогуляемся и поищем твою улику.

В лес мы пошли на голодный желудок. Петька приучил пса гулять с утра пораньше. А мы, честно говоря, проспали. И пес еле вытерпел.

— Никита, я вообще не понимаю, почему он в доме ночует. Летом мог бы и на улице спать. Вон в беседке. И сам бы себя выгулял. Охранником бы поработал. Разбаловали мы его.

— Он нам так весь участок загадит.

— Не бойся. Он себе давно подкоп под забором сделал. Так что ему есть куда гадить. Для этих дел он в лес ходит. Пес чистюля и не гадит там, где живет. Грейс это в лесу делает.

На природе, подальше от дома...

— Да? Не замечал. Большую дырку вырыл?

— Приличную. От души.

— Ладно. Итак, куда пойдём сначала.

— Давай рассуждать логически. Куда бы я пошла, чтобы и бутылку выкинуть, и до трассы дойти незамеченной и быстро. Тропинка не должна быть популярной для населения. Желательно, никого по пути не встретить...

Дошли до озера. Встали на распутье и думаем, куда идти.

— Первая тропинка популярна, поэтому ее оставим на потом. Там все время люди гуляют, а преступник только что убил. Ему надо уйти так, чтобы его никто не вспомнил.

— Он может по ней пойти. Бейсболку и очки нацепил, никто не узнает.

— Да. Но там не оставишь машину. Там же стоянка, людей много. И есть вероятность, что номера запомнят. Не пешком же он уехал и не на попутке. Мы такие версии потом перепроверим. Если по этим ничего не получится. Так что эта тропа на потом.

— Вторую и третью тропу?

— Их можно. Но я предлагаю сегодня наведаться на турбазу и попросить у них записи с камер.

— Зачем?

— Камеры турбазы просматривают дорогу в обоих направлениях.

— На хрена им это надо?

— Не знаю. Просто у них там выезд сложный: часто аварии случались. Наверное, из-за этого. Чтобы иметь видео спорных аварий. На самом деле я не знаю. Но факт остается

фактом. Камеры у них там до сих пор стоят. Мы можем записи просмотреть и вычислить убийцу.

— А ты откуда знаешь, что камеры до сих пор стоят?

— Водители маршруток сказали. Там недавно авария была. Они видео с камер смотрели.

— Когда это ты с ними побеседовать успела?

— Когда в магазин ходила. Помнишь, еще с продавщицей скандал был?

— Так ты же сказала, что за солью пошла.

— И за солью, и попутно информацией разжилась.

— Понятно. Значит, вторую и третью на потом оставляем... Четвертая?

— Нет. Она практически заболочена. Он бы вымазался по самое не хочу. А значит, ехал бы грязный. Лишнее внимание ему ни к чему.

— Пятая?

— Сюда он мог сунуться. Здесь мало кто ходит. И машину там приткнуть можно, среди кустов ее никто не заметит. Там хорошее место.

— Давай пятую прочешем. Если не найдем ничего, то думать будем.

Пошли искать. Стали пошагово рассматривать тропинку в лесу и ее окрестности. Спустя полсотни метров раздалось громкое «ура!».

— Нашел! Иришка, ты гений! Как ты его вычислила? На раз!

— Мы вычислили. Только руками не трогай: вдруг этот олух царя небесного расслабился и отпечатки не уничтожил.

— Но как? Блин. Ну ты Холмс...

— погоди радоваться. Если там нет отпечатков, то бутылка даст только то, что станет ясно, чем отравили девушку.

— Иришка, меня одно интересует. Чтобы ее отравить, надо иметь время яд подсыпать.

— Это, Никита, если она не пьяная или не обколотая. А пьяной и обколотой все по барабану. Тогда она ничего не заметила бы. Еще он мог у нее бутылку попросить, чтобы воды попить. Если она ему дала свою воду, он не брал с собой стакан, верно? Значит, он ей не только знаком. Она не брезгует пить после него из бутылки. Значит, у них были чувства или отношения.

— С чего ты взяла?

— С того, что женщины обычно брезгливы. И пить после кого-то с горла бутылки не приучены. А она вон какая чистенькая и ухоженная. У них отношения были или намечались. Может, она к нему неровно дышала. Или я ничего в этой жизни про женщин не понимаю.

— Как жаль, что мы не знаем, в каком она была состоянии.

— Как бы узнать? Майор нам не скажет.

— Он скорее удавится.

— Ладно. Бутылку упаковали. Остается до конца тропы дойти и там посмотреть.

— Зачем? Мы же бутылку нашли.

— А можем найти намного больше. Может, от машины след остался или от его обуви след. Может, еще что-то найдем. Может, он курит, и окурки обнаружим. Только там трогать ничего не будем. Сразу Натану Львовичу позвоним. Мне кажется, что так проще будет майора заставить поделиться информацией. Как думаешь, через чинушу прогнуть его получится?

— Не знаю. Деньги у политика есть. Это точно. Только вот связи в полиции какие-то

несерьезные.

— Ну да. Они так нагло его динамят. Разводилово для лоха.

— Оказывается, богатые чинуши и политики могут быть такими лохами, что диву даешься.

— У него просто горе. Он ни о чем думать не может. Только о дочке. Он обут, одет, сытый и в тепле. А где она? Как она себя чувствует? Что с ней? Он об этом думает. На остальное у него элементарно сил не хватает. Они его подчистую так обобрать могут...

— У ментов совести совсем нет.

— Не надо всех одним миром мазать. Есть много честных и порядочных, которые службу несут. Просто у чинуши друзья такие гнилые. Увидели, что могут пощипать бывшего друга безнаказанно и стали себе кусочки рвать по-живому. Скажи мне, кто твой друг...

— И я скажу, кто ты? Думаешь, он сам по жизни много накосячил?

— Я не знаю, какой он человек. Может, он нормальный. Может и гнилой.

Так с разговорами и прошли до конца тропинки. Там она выходила к площадке, закрытой кустами. У последнего дерева привязали Грейса, чтобы и мы видели его, и он нас. Стали рассматривать землю. Хороший съезд, прямо к лесу. Шли аккуратно, тщательно рассматривая землю, чтобы ничего не затоптать и ничего не прозевать. Обнаружили, где недавно стояла машина.

— Иришка, смотри. Заднее колесо явно запаска. Все протекторы стерты, а заднее правое совсем новое.

— Эта машина здесь не один раз приезжала.

— Хорошо, что дождей нет давно.

— Окурков нет: он не курит или не дурак и не стал мусорить. Никакого мусора вообще нет. Чисто, как будто специально убрали.

— Так сама же говорила, что волонтеры лес очищали.

— Я не думала, что они сюда дошли. Но он сам ничего даже случайно не уронил. Обычно в таких местах, где машины ставят, полно мусора: и бумажки из машины выкидывают, и окурки вытряхивают. А тут чисто. Получается, у нас только бутылка и следы машины. Все. Приплыли.

— Разве этого мало? Она еще недовольна. Да ты одна нашла больше, чем все менты вместе взятые. Я ювелиру звоню? Поговоришь с ним?

— Звони. Поговорим.

— Здравствуйте, Натан Львович. Есть информация.

— Рассказывайте.

— Сейчас объясню. Мы нашли бутылку, которую предположительно купила девушка, убитая несколько дней назад на каменном троне. Вы про это убийство знаете?

— Слышал. И что? Какое отношение эта бутылка имеет к пропавшей дочке Анатолия Сергеевича?

— Прямое. Сережку я нашла возле озера. Дупло возле озера. Еще два трупа нашли в озере. Целая серия убийств. Это маньяк. И чем быстрее менты будут шевелиться, тем быстрее найдут пропавшую дочь. Может она еще жива. И счет идет на минуты.

— Что еще нашли?

— Место стоянки авто, на котором приезжал убийца.

— Уже интересно. Перезвоню, — сказал ювелир и отключился.

— Не поверишь, и этому ничего не надо.

— Давай подождем. Вдруг ты не так поняла.

— Может, и не так.

Через пять минут позвонил ювелир. Разговор у нас с ним был короткий.

— Идите ко мне домой. Сейчас сюда спецы приедут. Бутылку захватите.

— Пошли, Никита. Грейса только домой доведем и к ювелиру пойдем. Ты со мной?

— Даже не думай, что я тебя туда одну отпущу. Вместе пойдем.

— Только давай не на машине. Пешочком пройдемся. Прогуляемся.

— Не нагулялась? Пешком, так пешком. Мне без разницы.

Я переложила пакет в рюкзак. И пошли в гости. Решили дома не есть: потом придем и подкрепимся. Возле дома ювелира была куча машин. Здесь были и дорогие машины, и средний класс, и полицейский козлик. Надо же. Я думала, что в нашей полиции уже давно обновили автопарк. Это откуда же они такой раритет откопали? Не иначе, из музея сперли.

На улице ждал охранник. Он нас сразу проводил в гостиную. Там сидели все знакомые лица. И майор со своими козлятами. И какой-то полковник. Вот это меня по-настоящему удивило. Новое действующее лицо. Был также сам Анатолий Сергеевич, не будем все упоминать его фамилию. Отец пропавшей год назад девушки, чьи серьги я так опрометчиво нашла. И ювелир. Все сидели, смотрели на нас и молчали.

— Что несешь, Красная шапочка? — спросил меня ювелир. А сам сияет, как начищенный самовар.

— Для бабушки пирожки, — ответила, не растерявшись я.

— Показывайте! — это уже полковник стал командовать.

Я выложила на стол бутылочку.

— С чего решила, что это она?

— С того, что четыре недели назад в нашем лесу убрали волонтеры. С того, что эта вода дорогая и ее даже местные не покупают. Эту воду продают в округе только у нас. Другие продают в пластиковой бутылке. В стекле — наш товар. У нас эту воду после той девушки никто не покупал.

— Зачем подобрали?

— Чтобы алкоголики не унесли и не сдали, как стеклотару. Место мы поместили и можем показать.

— Что по поводу стоянки?

— Стоянка в конце пятой тропы, на которой нашли бутылку. Там стояла машина. Несколько раз. Дождей не было. Следы четкие. Правое заднее колесо — запаска. Практически новая. Остальные протекторы стерты почти в ноль. Резина лысая. Его можно вычислить. Он сюда часто ездил.

— Окурки, бумажки, пакеты, любой мусор там есть?

— Нет. Волонтеры все почистили. И он осторожен...

— Еще что?

— Желательно, если след протектора будете снимать, то работать так, чтобы не привлекать внимание с дороги.

— Почему?

— Думаю, что он местный: либо живет здесь где-то, либо работает. Но бывает он в лесу часто.

— Почему так думаешь?

— Он про все тропинки не хуже местных знает и прекрасно в нашем лесу

ориентируется.

— Есть еще что сказать?

— Нет. Пока нет.

— Будет что, ты сразу же звони, — с этими словами полковник протянул визитку.

Майор скривился, как будто ему целый лимон пришлось съесть. Пусть кривится. Не умеет сам работать, так дал бы другим дорогу.

— Просьба есть. Можно узнать, чем отравлены были утопленники и девушка на троне? И если можно, вообще все, что вы узнали? Это не от наглости: просто недостаток информации тормозит сильно.

— Ты говорил, что она блондинка глупая, — проговорил полковник и посмотрел на майора, как расстрелял. Судя по тому, каким понурым выглядел майор, лучше бы он его действительно расстрелял.

Еще кое-какие дела с полковником обсудили, чисто технические вопросы порешали. Меня полицейские отпустили домой. А сами остались решать дела, в которые меня посвящать не хотели...

— Ну что? Теперь я точно сделала все, что могла, — сказала я.

— Ты думаешь, что они правильно все сделают? — спросил Никита.

— Нет, конечно. До этого все делали через жопу, а тут вдруг станут делать, как положено? Это из области фантастики. Люди редко меняются. А этот майор не изменится никогда.

— Значит, ты и дальше будешь им помогать?

— Нет. Хватит с меня. Метать бисер... Теперь-то ты понимаешь, что про майора я в точку попала.

— Понимаю. Он правда тупой... И ленивый.

— Пойдем прогуляемся?

— Мы и так гуляем.

— Я с завтрашнего дня еду на старую работу. Может, буду там рулить...

— Я тебя завтра отвезу.

— Вези. Буду рада. Еще не факт, что я там останусь работать. Может, Пал Палыч дурить начнет и свои требования выставлять.

— Тогда шли его куда подальше. Мы же можем и свое агентство открыть. Деньги есть. Ты рулить сама будешь. Я слышал, что твои клиенты спят и видят, чтобы ты их проекты вела. И работники бывшие к тебе придут с удовольствием. Вот уже практически готовый бизнес. Только помещение снять. Кстати, когда твой бывший шеф разорится, ты его офисними. Старые клиенты любят ходить в привычные места.

— По сути, так и есть. Тут ты прав. Команда практически собрана. Объем работ вообще не проблема набрать. Знаешь, наверное, попробую свое агентство открыть.

— Я тебе могу помочь.

— Знаешь, я поняла, что это не мое. Не цепляет меня теперь реклама. Не так, как раньше. Может, кафешку открыть? Подруга предлагала мне пополам скооперироваться: у них денег не хватает, а у меня как раз нужная сумма залежалась. Востриковы честные и не обманут.

— Думай сама, как тебе лучше. Если не хочешь с этим Палычем работать, то и не надо. Открывай свое. Я денег дам. Все же лучше на себя работать, чем на дядю. И кафешку

параллельно можно замутить. Потом выберешь, что тебе нравится больше.

— Никита, давай я подумаю. Не буду решать с кондачка. Я ленивая стала. На работу каждый день ходить не хочу. Это я четко поняла. Вон у тебя вроде бизнес есть, и ты мало там появляешься. Проверку время от времени устраиваешь. А все остальное время по своим личным делам мотаешься.

— Так это когда наладился бизнес. А сначала я там и дневал, и ночевал. Я у отца денег не брал и с нуля начинал. Я же тебе место своей ночевки показывал. И мы даже с тобой его апробировали. Напомнить?

— Экий вы, батенька, затейник... Зачем меня в краску вогнал?

— Ага. Значит, вспомнила... Повторим как-нибудь?

— Повторим. Куда мы денемся.

— Ирка, а ты авантюристка. Ты это знаешь?

— Знаю. Давай о деле поговорим. У меня есть начальный капитал. Значит, мне первое время будет легче. Но помощь твоя может понадобиться.

— На мои вполне нормально проживем. Вообще не надо тебе работать.

— Нет, Никита. Я свое дело хочу. И на твоей шее сидеть не хочу. Сама себя уважать перестану. Домохозяйкой я не буду. И не заикайся даже.

— В этом есть один плюс: ты не будешь больше лезть в эти полицейские дела. Ты им помогла. Пусть теперь дальше сами как-нибудь.

— Действительно. Пора подумать о себе. Нам в магазине ничего не надо?

— Нет, у нас как в Греции. Все есть.

Прогулялись. Пришли домой голодные. Мама вопросительно на нас смотрит, ждет, что расскажем. Но мы твердо заявили, что сначала надо нас накормить, напоить и спать уложить. Пока кушали, успели все рассказать в подробностях. Не утерпели. И про то, как улики нашли, и про стоянку, и про то, как в гости к старому ювелиру ходили. Мама возмущалась тупым майором и ленивыми ментами. Но очень обрадовалась, когда Никита сказал, что я не пойду к Палычу работать.

— Правильно, Иришка. Этот Пал Палыч приходил к нам на квартиру и вел себя так, как будто ты просто уволилась. Сама. Как будто не устраивал его сынок скандалов.

— Скандалы его сынок устраивал знатные. Он как чайка: прилетит, насрет, наорет и улетит. А весь коллектив в шоке полдня ходит. И так было каждый день.

— И как ты тогда выдерживала?

— Проекты сдавать надо было. Обязательства перед своими заказчиками держат иногда прочнее цепей.

— Палыч вел себя так, как будто не он уволил возмущившихся сотрудников. Они же тебе не доплатили за сделанные проекты. А он приходил к нам домой и даже не заикнулся, чтобы выплатить тебе деньги.

— Пусть у него и останутся. Он мне дал кое-что важное.

— Что? — хором спросили мама и Никита.

— Уверенность в своих силах. Знания. Понимание, что люди могут обмануть. Это тоже чего-то стоит. Будем считать, что он взял с меня плату за уроки жизни.

— Но деньги нам тогда не помешали бы.

— Да ладно. Вывернулись же. И я умудрилась еще прилично заработать.

— Надо же, у нас за один год столько всего произошло. У людей за всю жизнь столько историй не случается. А тут то одно, то другое. Переездов одних только сколько...

— К переездам мы с детства привычны. Всю жизнь за отцом по воинским частям скитались. Есть что вспомнить.

— Как вспомню, так самой становится страшно. В этих частях. Школ нет. Детсадов нет. Врачей нет. Ближайшие люди за километры. Ничего нет. То в лесу, то в степи, то в горах. Части какие-то секретные. Правда, это сначала где попало отец служил. Потом выровнялось. Хотя там такая романтика была.

— Всю страну объездили вдоль и поперек.

— С милым рай и в шалаше? — решил уточнить Никита.

— Именно так. Я Саню, Иришкиного отца, люблю, поэтому и жизнь с ним как один миг пролетела. Если бы еще не командировки эти. Поскорее приехал бы. Вот мы зажили бы, — смотрю, у мамы глаза на мокром месте. Надо срочно разговор переводить на другую тему.

— Мам, а Петька где?

— В лес гулять пошел с Грейсом.

— Ты его предупредила, чтобы далеко не ходил? Маньяк здесь бродит.

— Он только перед вами вышел. Скоро вернется. Вроде он идет...

— Точно, Петька идет. Только он так топает, как настоящий слон. Что-то быстро он пришел, — высказался Никита.

— Всем привет, кого не видел! — поздоровался «воспитанный ребенок».

— Иди руки мыть и за стол! — скомандовала мама.

— Отказывался есть, пока мы не вернемся?

— Скакал тут от окна к окну.

— А вы в курсе, что ментов нагнали, и они опять по лесу лазают? — Петька принес свежие разведданные.

— Вот уроды. Вспугнут же маньяка. Их хоть чему-то в институте учили? — возмущению моему не было предела.

— Учили, как активных граждан нагло использовать.

— Халяве их учили.

— А больше всего их учили, как деньги с пострадавших лохов стричь, — выдал свою версию Петька. Его версия выиграла в конкурсе ответов.

Мы с Никитой решили дома не сидеть и поехать развеяться в город.

— Тогда и квартиру проверьте все ли там в порядке, — мама волнуется. Они с Петькой на выходные к нам собирались, а застряли почти на неделю.

— Мам, если с квартирой что-то случилось, то тебя соседи звонками бы замучили. Каждый бы счел своим долгом позвонить и сообщить.

— Вам трудно, что ли?

— Нет, нам не трудно. Обязательно заедем, — это Никита мне что-то хочет сказать.

Глазками играет, затеял что-то... Я делаю вид, что намек не просекла. На самом деле все мне понятно. Он решил в нашей квартире на ночь остаться и пошалить. Тот еще Карлсон... Только сели в машину, он сразу к делу приступил. Стал меня склонять к тихому бунту. Бунт заключается в том, что на ночь мы домой не вернемся. Мы в квартире останемся и будем гулять.

— Типа как подростки? Родичи на даче. Гуляем, пацаны!

— Иришка, ты у меня сегодня будешь госпожой: распорядись мной, как захочешь.

— Не хочу госпожой. Хочу шампанского и конфет.

— Будет тебе и шампанское, и кофе, и какао с молоком...

— Тогда я согласна. Когда начнем?

— Сначала в магазин, потом я приготовлю что-нибудь поесть, потом все остальное.

— А ты не хочешь в кино пойти? На последние ряды?

— На последний сеанс?

— Да. У меня такого с тобой не было. Эту стадию ухаживаний ты обошел. Схитрил хороняка. У меня только сейчас глаза открылись на твое коварство, аспид.

— Будет тебе кино: на последнем сеансе и в последнем ряду. Все, как заказывала. Только ты потом не жалуйся. Наверстаем...

— Тогда поехали. Чего тянуть. Здесь все равно нам сильно пошалить не дадут. Кстати, ты что, маму стесняешься?

— Нет, Петьку. Он подрос и стал похож на мужика. Вроде конкурент растет. А на самом деле еще ребенок. Он меня смущает больше, чем мама.

— Нашел, кого стесняться. Он такой же мужик, как и ты.

— Иришка, он ребенок. Большой ребенок. Он за тобой, как дитяtko приклеенный ходит. Ты просто не видишь, а со стороны можно подумать, что ты ему старшая сестра.

— Почему не мать?

— Ты на себя посмотри. Ты сама как подросток выглядишь. Какая ты такому большому мать? Не могла же ты в пять лет родить. Сестра. На большее не рассчитывай. Зато сестра заботливая. Вы его больше любите с твоей мамой, чем его родная мать.

— Просто так получилось.

— Ты не думай, я не осуждаю. Даже наоборот. Только он к вам теперь пожизненно прикрепился. Считай, что у тебя появился младший брат.

— Ну и пусть будет. Сбылась мечта. Я родителей все время просила, чтоб братика мне родили. А они только переглядывались и обещали.

— Значит, боженька тебя послушал и подарил тебе еще одного родственника, маленького братишку. Бойтесь своих желаний.

— Что желание мое исполнилось — это хорошо. А про маленького — это ты чересчур хватил. Я этому маленькому уже только по пояс. Что дальше с него вырастет? И в кого только такой громила растет? Отец у него среднего роста был. Мать... Ты сам ее видел. Рост ниже среднего.

— Значит, в меня ростом пошел. Или в своего настоящего отца. Может, соседка мужу изменяла? Вон она какой притон из своей квартиры сделала.

— Не знаю. Я ничего такого не замечала. Мне кажется, что нет. Не изменяла она мужу. Чужая душа — потемки. Лазить и копаться в чужом белье кому надо? Мне не надо. Каждый живет свою жизнь так, как может и как умеет. Поучать кого-то, как ему жить — дело вообще неблагодарное и чревато непредсказуемыми последствиями.

— Это точно. Тут я с тобой согласен. Вот и супермаркет. Выходи в магазин по одному.

— Ты хоть примерно знаешь, что покупать будем?

— Список в голове. Как на перфокарту записал.

— Никита, какой ты у меня старый. Ты знаешь, что такое перфокарта...

— Я просто умный, начитанный и любопытный. Я изучал историю создания современного компьютера.

— Зачем? Что она тебе даст?

— Представь, что человечество само себя уничтожит... Согласись, что это вполне

возможно. То такие, как я, станут рассказывать былины. И я буду нарасхват, как мудрый сказочник.

— Будешь старцем с бородой? Значит, это будет нескоро. А сейчас нам твои сказки, мифы и легенды не пригодятся. Сейчас заряди перфокарту и пошли по рядам товар выбирать. Но я тебя все равно люблю! Хоть ты и старая модель с перфокартой. Мы тебя... модернизируем.

— Никогда его не брошу, потому что он хороший!

— Вот видишь, ты сам все знаешь. Не бойся, на пол бросать и отрывать тебе лапки мы не будем. Мы тебя сегодня по-другому используем.

Спустя пять минут обмена репликами с подковырками, мы стояли между рядами и целовались. А что? Имеем права. У нас на сегодня вообще первый ночной киносеанс в последнем ряду намечается. Потом очнулись, увидели, что народ стал снимать нас на телефоны, и пошли добирать товар для гулянки. Нечего народ бесплатно развлекать.

Завезли продукты домой. Соседок встретили. Они были рады с нами поговорить. Никита поздоровался и пошел наверх. А я, как всегда, решила с бабульками пообщаться. Они мне и доложили, что мать Петькина опять нового хахаля привела.

— Тот ее бьет по чем зря. Заступиться за нее некому. Петька куда-то делся. Не убили ли они его? — выдвинула версию баба Маша.

— Петька у меня с мамой гостит. Он сам в гости к нам напросился.

— И пес его там у вас?

— Грейс тоже там. У нас лес рядом. Они оба гуляют, в озере купаются. Пусть отдыхают перед учебным годом и сил набираются.

— А то мы надумали, что они его убили.

— Нет, жив и здоров Петька. Да он скоро с мамой приедет сюда. Так что не скучайте.

— А ты сама сюда надолго? Или как?

— Или как. Мама сказала квартиру проверить, да вам приветы передать. Вот, передаю. Не скучайте. Ну, я пошла...

— Маме от нас всех тоже большой привет передай. Иди, а то муж заждался, — сказала с улыбкой баба Катя с шестого этажа.

Сразу понял человек, зачем мы с мужем сюда приехали. И помогла мне от бабулек оторваться. А то они меня на смерть могли заговорить. Давно не видели, а новостей накопилось так много. Вот и получилось бы, что не мужа бы я ублажала, а бабулек слушала... Никакой ужин мы не приготовили, а сразу в постель нырнули и из нее не вылезали. Ночной киносеанс в кинотеатре накрылся медным тазом.

— Обманул ты меня, Никита. Опять объегорил, обмишурил меня, такую наивную и доверчивую.

— Это в чем же я тебя обманул? Я обещал тебе ночь любви? Обещал. Слово выполнил? Выполнил. Вы не довольны мной как мужчиной, мадам?

— Как мужчиной я тобой довольна. Еще как довольна. А вот с кино ты меня обманул. Ни тебе последнего сеанса, ни последнего ряда, ни попкорна, ни поцелуев взасос... И как тебе теперь верить?

— Верь мне, женщина. Все будет. Только завтра.

— Вот теперь верю. Ты, как заправский муж, меня завтраками кормишь.

— Кстати, Иришка, давай я тебя покормлю. Я же тебя еще не кормил.

— Не кормил, ни холил, ни лелеял. Только пользовал коварный. Но я не в обиде. Я

тобой тоже всласть попользовалась на свое усмотрение.

— Так мы кушать изволите, мадам? Или нет? Или продолжим...

— Кушать согласна. Покорми меня, пожалуйста. Мы очень есть хотим!

Никита исчез на кухне. Потом позвал подкрепиться, чем бог послал.

— Кушать подано. Садитесь жрать, пожалуйста.

— Угу. Пойду руки на всякий случай помою...

— Иришка, тебе чего наложить?

— Давай я за тобой поухаживаю, муж мой.

— Иришка, мы есть будем или в этикете станем соревноваться? Я голоден, словно крокодил.

— Не ври, родной. На крокодила ты совсем не тянешь. Слишком красив. А вот на льва вполне.

— Можно тогда я тигром побуду? Мне они больше нравятся.

— Обычно мужиков сравнение со львом восторгает. Тебя почему нет?

— Лев — многоженец. Прайд состоит из одного льва и множества львиц. Лев еще и халявщик. Он сам за добычей не бегаёт. Он львиц на охоту засылает. Он тунеядец. Лежит и ждет, когда еду принесут. Лев — детоубийца: детей конкурентов убивает, поэтому мне они никогда не нравились.

— Тигры тоже не фонтан. В них подлости в нашем человеческом понимании не меньше. Они на жертву почти всегда со спины нападают. Индусы, когда в джунгли вынуждены идти, они на затылок маски одевают с изображением лица. Тигр понять не может, отвернулся человек или нет. И не нападает. Но если он очень голоден, тогда нападет по-любому: хоть есть маска, хоть нет. Так что и львы, и тигры хороши. Но это их способ выживания в дикой природе. Се ля ви...

— Ну все, Иришка. Поели... Подкрепили силушку. Что делать будем?

— Давай немножко поспим. А потом найдем, чем заняться.

— Тогда иди в кровать, а я посуду помою.

— Я думала, что мыть посуду — это женская работа. Ты зачем у меня кусок хлеба отбираешь?

— Я твои силы берегу. Они тебе еще понадобятся. Так что иди спать.

— А ты? Давай потом посуду помоем. Выспимся и помоем...

— Посуду мыть надо сразу после еды. На потом оставлять нельзя, а то тараканы пожрать набегут от соседей.

— У соседей тараканов нет. Никитушка, душенька, крендель, ватрушенька, пойдем спать...

— Если ты мне не будешь мешать, я сделаю это быстрее. Тут всего несколько тарелок. Иди в постель.

— Ладно. Я тебя жду, любимый... Поторопись...

Я пошла в комнату. Думала, что полежу и мужа подожду. И не заметила, как заснула богатырским сном. Проснулась от того, что меня Никита будит.

— Вот ты дрыхнуть. Думал, что тебя не разбужу.

— Я не дрыхну. Я коплю энергию. Ты мне спать ночью не давал, забыл?

— А я посуду помыл, приготовился. Прихожу, а она дрыхнет. И где обещанное? Обманула лиса рыжая...

— Давай еще повалеемся, а? Нам же дома Петька поспать нормально не даст. То утром

ни свет ни заря разбудит, то до ночи где-то шлындает. А мы не спим, ждем, когда они с Грейсом домой заявятся.

— Вот вьешь ты из меня веревки. Ладно. Давай спать.

Обнялись и заснули. И проспали до самого вечера. Можно экзамен сдавать на пожарного. Пятерки обеспечены. Проснулись и сразу засобирались домой. Все за собой прибрали. Продукты мы все уничтожили: что привезли, то и съели. Помойку я выкинула. Воду и свет перекрыли. Закрыли двери, сели в машину и поехали домой. А то там наши без присмотра...

Загнали машину в гараж. Только вошли в дом, как Петя налетел на нас.

— Вы где были?

— С какой целью интересуешься? — Никита стал спрашивать так же, как и я. Вот уж точно говорят, что с кем поведешься, от того и наберешься.

— Тут такое случилось, — сказал Петька.

И полился из него набор слов, не связанных между собой. Пойди разбери, что бормочет сей отрок. Мы вопросительно посмотрели на маму. Ждем от нее связного рассказа.

— Тут вашего ювелира в лесу чуть было не убили. По голове ударили. Он в реанимации. Его своим появлением Петька спас. Он же и скорую вызвал, — мама решила прояснить ситуацию.

— И кому он понадобился? Его ограбили? — задал вопрос Никита.

— А у меня другой вопрос. Что он в лесу делал? Насколько я помню, он гулять предпочитал в парке и на скамеечке сидеть. Что ему в лесу понадобилось?

— И в каком именно месте его чуть не убили? — продолжил мою мысли Никита. Вот уж точно, муж и жена — одна сатана. Мы уже не замечаем, как друг за другом фразы заканчиваем.

— Это самое интересное. Он у дупла ошивался, — наконец-то Петька смог связать слова.

— Значит, его преступник, чей пистолет мы изъяли, и приголубил по темечку. А скоро и в дом его проникнуть попытается.

— Ты думаешь, менты догадаются в доме ювелира засаду организовать?

— Думаю, ничего они делать не будут. Им это не надо. Им за это не плачено, — высказалась я. Это правда. Я действительно так думаю.

— А может, будут? Все-таки старика огрели по башке в лесу. А если еще и ограбили, да ключи стибрили, то они обязаны что-то сделать, высказался Никита. Он до сих пор верит в умных полицейских...

— Они ничего сверх необходимого делать не будут. Помнят, что инициатива дрючит инициатора. Вот и тут лишние телодвижения могут открыть ящик Пандоры, и посыпятся на них трупы, как из мешка изобилия...

— Представляю картину Верещагина «Апофеоз войны». Горы трупов, а под ними майор, — рассказал свое виденье ситуации Никита. У моего мужа, оказывается, хорошее воображение.

— А нам что тогда делать? — спросил Петька. Петьку понять можно. Это первый его спасенный человек, поэтому он за него переживает.

— Нам делать ничего не надо. В больнице о нем врачи позаботятся. За домом домочадцы присмотрят. В деле о нападении на ювелира работает полиция. Наше дело —

сторона. Наблюдать будем, — я разложила все по полочкам и ясно дала понять, что работать за нерадивых ментов не намерена.

— Как тебе-то, Петруха, на орехи не досталось?

— Я и не заметил этого еврея. Его Грейс заметил. А рядом с ним никого не было. Мужик какой-то по тропинке шел. Грейс за ним было побежал, но я его назад отозвал. Мне он нужнее. Да и вы говорили, чтобы к чужим не приближались. А мужик на стоянку быстро шел по пятой тропинке.

— Так вы преступника не задержали? И даже не укусили?

— Грейс не укусил. А я его даже и не догонял. Он далеко уже был.

— А то бы ты его точно укусил? В задницу бы впился зубами... — представила картину и засмеялась.

Глядя на меня, засмеялись все. А я радовалась от души. Ну, все. Практически мы его поймали. Дело в том, что после того, как мы с Никитой обнаружили стоянку, менты с ювелиром договорились, что они в этот же день там повесят камеры. Наверное, это они и делали позавчера, когда Петька возмутился, что ментов в лес нагнали. Они камеры устанавливали. Если даже Петька не понял, что там люди делали, то преступник и подавно.

Он же вчера на место своей заначки приперся. Значит, что его вычислили, не знал. Что камеры установили, он тоже не знал. Лицо свое он камерам показал и номер машины наверняка засветил. Теперь остается волчару грамотно обложить и вычислить, где его лежбище. Если повезет, то найдем девушку.

— А ты чего так сияешь? Колись, тетя Ир?

— Менты там позавчера камеры устанавливали.

— На стоянке, где маньяк машину оставлял?

— И там, и на тропе несколько автономных камер поставили.

— И нам не сказала? — возмутился Петька.

— Поэтому тебе говорили, чтобы не ходил туда. Тебе в лес говорили не ходить не просто из вредности. Маньяка любая мелочь вспугнуть могла.

— И нам не сказала? Почему? — мама тоже несколько растеряна.

— А Никита знал?

— Я знал с самого начала.

— Он и предложил. Камеры автономные Макс полицейским подогнал. У них своего ничего нет.

— А нам почему не сказали?

— Мама, мы тебя волновать не хотели. А Петька стал бы туда бегать и камеры вычислять. Он бы от своей любознательности всю игру нам поломал. Не обижайся, Петруха, но это правда. Поэтому мы как партизаны и молчали.

— Знаете, что? Это не честно! — Петька возмущен нашим коварством.

— А ювелир зачем туда пошел?

— Наверное камеры проверить и что-то для себя уяснить. Очнется, спросим.

— Он теперь не скоро очнется. Он в коме.

— Все это интересно, но если преступник засветился, то Макс может мне на комп видео прислать.

— Так поэтому ты предложила полиции свою помощь? Не от щедрости и доброты душевной? — Никита только сейчас стал понимать мой замысел.

— Мне тоже информация нужна. А они решили ею не делиться. Они же не зря нас с

тобой домой отправили, а сами совещаться остались. Чтобы мы лишнего не услышали. И политик этот свою дочку не сильно-то любит. Раз ментов не потребовал поменять, имея такие связи.

— Скорее он надеется на то, что полиция честно отработает бабки, которые он в них вложил.

— Наивный крутой дурачок. Вот он кто. Ладно. Фиг с ними. Надо Максу звонить. Пусть информацией поделится.

— Подожди. Так камеры куда информацию шлют?

— Майору сказали, что накапливает. А на самом деле еще и Максу в Южную Америку втихушку шлют.

— А он же не в Южной Америке. Он у себя дома. Я его видел недавно, — Петька высказал и заинтересованно ждет ответа.

— Знаешь, Петька, наивное дитя каменных джунглей. Можно сидеть и чай гонять в Москве, а информацию получать на свой адрес в Южной Америке. А потом следы запутать и всю информацию получить. Интернет, понимаешь ли. Говорили тебе, Петруха, учись, пока Макс живой. Нет, ты забросил учебу. Я понимаю, что доктором быть престижно, но лишние знания еще никому никогда не помешали. Так у тебя две профессии было бы на руках. Чем больше человек умеет, тем больше у него возможностей устроиться в этой жизни хорошо.

— А Абломович? Он даже в институте до конца не доучился, — высказался Петька.

— Этот пример крайне неудачен. Ты по наивности думаешь, что человек добился всего сам? Зачем ему учиться, когда у него такие родственники были в министерстве? У тебя есть родня в министерстве каком-нибудь?

— Нет.

— Значит, надеяться ты можешь только на себя самого. Как потопаешь, так и полопаешь. Понял? За неимением «дорогих» родственников тебе всю жизнь придется лапками работать самому...

Мы все уселись перед ноутбуком. Ждем, когда Макс соизволит переслать нам видео. Он сказал, что в течение пяти минут. Вот и смотрим в ноутбук, словно дрессированные обезьянки. Ждем-с до первой звезды-с. Вот файлы появились в почте. Открыли их. Стали смотреть. Не видно лицо, но есть номера машины. Мы от просмотренного в шоке: на кого другого, но на этого человека мы никогда бы не подумали.

— Что скажешь? — Никита шокирован не меньше моего.

— Что скажу? Людей он обманул, но камеры вывели его на чистую воду.

— А может, не он? Просто стечение обстоятельств?

— Допустим, что не он. И сюда приехал случайно. Просто так совпало. Но к дуслу он зачем пришел? Там же все видно. И как к дуслу он идет, и как старого человека по голове со всей дури бьет. Он это. Его эта заначка. А иначе зачем ему ювелира бить? Он что, фашист? Антисемит? «Бей ж*дов, спасай Россию!» — его лозунг? — высказала я свою версию.

— Кстати, именно так этот шлемазл и может отмазаться. Прикинется юдофобом. И усе. Ничего менты не докажут. С их тупым майором ничего. А заставить его признаться добровольно у них ручки короткие, — сказал муж.

— Знаешь, Никита, а ты прав. На все сто процентов прав. Ему проще будет получить небольшой срок за разжигание национальной розни, чем за убийство с отягчающими двух и более лиц. А в дусле вещи как минимум двух человек. Я даже знаю, что примерно он им скажет.

— Что?

— Шел по лесу. Смотрю, старый еврей дерево курочит. И так мне обидно за Россию матушку стало, так захолонуло в душе и сердце защемило, что в глазах потемнело. Очнулся, а старик лежит, голова проломлена. Я испугался и дал деру.

— Что думаешь делать?

— Ничего. Помогать неумехам я не собираюсь, если ты про это. Осчастливить насильно никого нельзя. Вот и я не буду.

— А что будешь делать? — поинтересовался Никита.

— Ждать сигнала от вселенной, — ответила я.

Все трое уставились на меня. Но я пока не готова им объяснять. Боюсь напортачить. А так в свое время все узнают. Сейчас нет смысла их грузить. Они поняли, что пояснений не дождутся. И перевели разговоры на другое. Стали пить кофе и болтать на отвлеченные темы. Только Никита на меня все поглядывает оценивающе. Что он от меня хочет? Сделаю вид, что не понимаю его красноречивых взглядов. Самому надоест в гляделки играть — перестанет.

На следующее утро я пошла с мужем гулять в лес. Мы шли, наслаждаясь тишиной. Стучал где-то вдалеке дятел, щебетали птицы. Была жара. Дошли до озера, постояли и пошли назад. Грейс бегал вокруг нас. Далеко отбегать я ему не разрешала. Как только он отходил от меня на определенное расстояние, я командовала, чтобы он шел ко мне. Вот так и гуляли. Наконец он понял, что главное — далеко не отбегать, и стал бегать рядом. Дошли до нашего дома. И вот там я ему позволила набегаться всласть. И за палкой побегал, и за мячиком своим. От души собаку погоняли. Вошли в калитку, и тут Никиту прорвало.

— Я думал, что ты мне объяснишь свое вчерашнее высказывание.

— А что объяснять? Вот смотри. Менты не хотят кооперироваться. Но помощь мою принимают, скорчив кислую физиономию. Как будто я им под нос какую-то тухлятину подсунула или того хуже — дерьмо.

— Принимают твою помощь, корчат кислую морду и даже спасибо тебе не говорят? Твоя обида мне понятна.

Никита завел меня в беседку, чтобы нам никто не помешал поговорить. Грейс прилег рядом.

— Делиться информацией не хотят. Ведут себя так, как будто я нищенка и выпрашиваю их собственные деньги себе на пропитание.

— Допустим, это мне тоже понятно.

— Я окажу им помощь тогда, когда они созреют для ее получения.

— И когда это будет? Может, они никогда не созреют?

— Значит, не окажу. Но помощь нужно заслужить. Ты посмотри, как они до сих пор пользовались моими находками. Никак. И следующую помощь не оценят. Так что пусть сами покрутятся. Я им не слуга и не глупая мартышка, чтобы горячие каштаны из огня доставать.

— Тоже верно. А как же девушка? Ты говорила, что она пока жива.

— Она, скорее всего, пока жива. По крайней мере, я надеюсь, что это так. Мое нынешнее вмешательство только все осложнит. Пусть полиция сама все расследует, а я сама здесь покумекаю.

— У тебя информации ноль. Они с тобой не поделились своей информацией.

— Почему не поделились? Есть у меня все.

— Так они тебе дали заключения эксперта?

— Можно сказать и так.

— Не понял? Ты куда залезла со своим Максом?

— При чем тут я? Это дон Хосе Рамирес. Это все он, негодный мучачо...

— Как?

— Помнишь, в первый раз видео отсылали на почту майору? Вот так. Калитка в его комп уже после первого письма приоткрыта была, образно говоря. А до всего остального добраться вообще проще пареной репы.

— А если поймают Макса твоего? Если менты его вычислят?

— Банк не вычислил тогда, а простые жопорукие менты вычислят? Да они даже не поймут, что у них копируют все документы по этому делу. Это же не полноценная атака. Это разовая акция. Пока. Менты настолько в себе уверены, что дальше своего носа не видят.

— Самоуверенность всегда ведет к провалу.

— Если вычислят, то Макс просто пойдет на сделку со следствием. Тут нет преступного умысла. Никакого. А умысел в суде следствию придется доказать. Хотела бы я посмотреть на судью, которая поймет, для чего скачивались документы: чтобы распутать убийства и найти пропавшую девушку. Скорее в полиции начнется кадровая чистка. Так что расчет наш верен. Даже если вторжение заметят, в чем я сильно сомневаюсь, то вопрос замнут по-тихому. Никому при данных обстоятельствах шум не нужен. Спустят на тормозах и все. Сами менты замнут дело...

— Твои доводы мне понятны. Значит, ты не успокоилась и будешь ее искать?

— Буду. Только по-своему. Вот сегодня и завтра почитаю документы. И начну думать.

Вычислим, где ее держат. Рисковать я не буду. Как и обещала.

— Помощь нужна?

— Может понадобится. Посмотрим...

Мы сидели с Никитой в беседке и разговаривали по душам. Как хорошо, что он меня понимает. Повезло мне с мужем.

— По расследованию понятно. А что с твоими планами на бизнес?

— Эти планы подождут. Тут важнее и интересней.

— Иришка, а может, ну его бизнес? Может, просто женой побудешь?

— Никита, мы уже по этому поводу говорили несколько раз. Я не халявщица. Я не могу на твоей шее сидеть, хотя шея у тебя крепкая. Я от безделья через некоторое время взвою и стану на людей кидаться. И на тебя тоже. Учти, что мне надо реализоваться.

— Вот и реализуйся, как жена и мать.

— Я хочу еще и в роли деловой женщины состояться. Я хочу себя уважать. Я Альбине Владимировне завтра позвоню и дам Востриковым деньги. Пусть открывают свое кафе. А там, глядишь, и я подключусь к ним. Мне просто надо пару дней на обработку документов. И будет понятна суть этих убийств, мотив преступления пойму.

— Так ты им сейчас позвони. А деньги я им завтра подвезу.

— Спасибо, Никита. Мне с тобой в качестве мужа крупно повезло. Умный, добрый, красивый, сексуальный...

— Вот про последнее можно поподробнее? А вообще, хвали меня почаще. Я это люблю.

— Пойдем домой, я там тебя так похваляю...

Никита резко встал, взял меня на руки. Как дикарь свою добычу в пещеру поволок. И вот хвали мужиков после этого...

— Несет меня лиса за дальние леса...

— Молчи! Ты мой трофей!

— Побережь бы трофей надо. Смотри, не урони. Сейчас тебя Петька с мамой атакуют вопросами.

— Может, рассказать им?

— Не надо. И так нервотрепки хватает.

Вечером позвонил сын Натана Львовича. Он сказал, что папа до сих пор в коме. Врачи говорят, что состояние стабильно тяжелое. Спрашивал у меня, зачем его отец ходил в лес. И как ответить, если я и сама понять не могу, что ему в лесу понадобилось. Да еще возле этого злосчастливого дупла. Что он там искал? Или что нашел?

— Скажите, а вашего отца ограбили?

— Нет, он без денег в лес пошел.

— А ключи не пропали?

— Нет, ключи были при нем.

— А что полиция говорит? Они дело о нападении на него открыли?

— Дело открыли. Но ничего мне не говорят. На все вопросы отвечают, что идет следствие.

— А у вас в доме ничего не пропало?

— Ничего.

— Чужих в доме не было?

— Да нет. Уже полиция спрашивала. У нас по камерам все чисто.

— Тогда я вообще ничего не понимаю.

— Извините. Я думал, что вы могли знать, зачем он в лес пошел.

— Почему я?

— Последний звонок с его телефона был вам.

— Да? Это интересно. Вы, если что-то узнаете, звоните. Не стесняйтесь.

Сын ювелира попрощался и положил трубку. Наши все трое смотрят на меня. Им любопытно.

— Сын ювелира звонил. Вопросы задавал. А я даже не знаю, что ответить. Меня саму мучает вопрос, что в лесу делал Натан Львович. Вот жизнь. С каждым разом все чудесатее и чудесатее...

— Теть Ира, расскажи, что ты задумала. Ты же явно что-то замышляешь?

— Ладно. Смотрю, ты не отвяжешься. Я тебе скажу. Только заключим устный договор. Я скажу тебе, если ты съешь одновременно, в один присест, без перерыва двадцать пельменей. Согласен?

— Согласен.

Петька думает, что победа у него в кармане. Уж какие-то жалкие двадцать пельменей он запросто съест. Тот еще троглодит... Я выловила пельмени в тарелку. Петька заправил майонезом и кетчупом. Сидит, ест. Мы считаем. Шестнадцать. И это был последний пельмень.

— Я доварю.

— Ты договор помнишь? Одновременно, без перерыва. Ты проиграл.

— Это не честно. Вы не обговорили, что пельменей будет меньше.

— Это главное, что тебе надо знать о договорах. Все условия тобой должны в мелочах обговариваться. И деньги, а в данном случае пельмени, счет любят. Посчитал бы ты пельмешки и не дал бы себя обмануть. Это даже не обман. Это вроде текста мелким

шрифтом...

— Все равно не честно. Вы воспользовались тем, что я вам доверяю.

— Главное правило при заключении всех договоров: доверяй, но проверяй. А вообще не расстраивайся. Я расскажу потом.

— Да? А Никите все рассказала...

— Нет, не рассказала. Мы с ним про другие дела говорили. Я решила с Востриковыми на паях кафешку открыть.

— А реклама как? — хором спросили все трое.

— А рекламное агентство позже. Всему свое время. Помните? Вселенная подскажет...

Вечером пошли сначала гулять в лес. Все вместе. Далеко от дома не отходили. Выгуляли Петьку с Грейсом. Я иногда смотрю на них и не понимаю, кто из них собака. Грейс человеческую речь понимает почти как человек. А Петька эмоции и лай пса на раз считывает. И оба круга вокруг нас нарезают. Щенки-переростки... А потом мы все вместе пошли домой.

На следующее утро я договорилась с подругой о встрече. Меня ждали в кафе в любое удобное для меня время. Хоть какое-то дело меня отвлечет от скуки. Я ведь Никите чистую правду сказала. Не могу без дела. Мне надо что-то делать, чего-то добиваться. Сидеть дома и жарить котлеты — не мое призвание. Это честно. Не домохозяйка я. Не домоседка. Мне задачки потруднее подавай. И чем труднее моя цель, тем интересней. Кафешка и рекламное агентство — это не тот бизнес, который бы меня захватил полностью. Хотя для того, чтоб не сдохнуть от скуки, вполне сойдет. Надо было что-то новое искать, куда приложить свои способности. Вот всякие приключения и расследования — это мое. Мне интересно, как и почему кто-то решается на то, чтоб кого-то убить...

Итак, ранним утром, выгуляв пса и Петьку заодно, я стала собираться на встречу с подругой.

— Куда сегодня едем? — спросил муж. Никита уже оделся и готов к труду и подвигу во имя своей Дульсины.

— В кафешку поедем.

— Тогда ты не ешь ничего. Нас там от пуза накормят. Знаю я твою подружку. Хочешь не хочешь, а ешь. Хоть лопни, но уважь хозяйку.

Мне стало смешно. Никита точно подметил особенность Альбины Владимировны и ее дочери. Ведь это правда. Я сама раньше замечала. Действительно, какая бы сытая я не пришла, они не принимали отказа. И хоть парочку пирожных в меня старались запихнуть. Я от них никогда голодной не уходила. Почему-то они считали своим священным долгом накормить меня до отвала. И мне, честно говоря, это очень нравится. Я вообще люблю хлебосольных людей. Когда ты приходишь, а тебе рады. У меня и мама такая. Она никогда и никого от себя голодным не отпустит. Обязательно позовет к столу. Накормит, напоит...

В моей жизни только однажды встретился абсолютно не хлебосольный человек. Дело было во время студенчества. Мы часто ходили с девчонками в гости друг к другу. Вечно голодные. И, естественно, приглашали в гости иногородних подружек. И вот на последнем курсе нас позвала к себе в гости на чай наша фифа Ленка Лапина. До этого она никого никогда к себе в гости не звала. Строила из себя королеву. Но получалось у нее это как-то неубедительно. И вот пришли мы к ней в гости. Напомню, что она нас звала именно на чай. Когда нас всех пригласили к столу, то перед нами выставили чай. И все! Только голый чай.

Заметьте, что голодное перестроечное время кончилось. В магазинах появились все продукты. Покупай что хочешь. И даже не по талонам на продукты.

Кто жил в перестройку, тот должен помнить талоны на сахар, на водку, на порошок, на мыло... Я этого не помню. Не застала этот политический продуктовый маразм. Моя мама хорошо помнит это смутное время.

Еще когда мы к Ленке в гости шли, я заметила, что на первом этаже их дома есть булочная и пекарня. Их изделия в булочной продавались. Еще рядом был продуктовый магазин. А были мы голодные. Перерыв между парами и консультациями всего два часа. Поехать еще куда-то мы просто бы не успели. Покушать еще где-то мы не сможем.

Я подумала, что у Лапиных перебои с деньгами. Бывают в жизни такие ситуации. Поэтому мы с девчонками скинулись, и я пошла в булочную. Купила много разного понемногу. Пришла назад с покупками. Мы попили чай с вкусностями и пошли назад в институт за знаниями. Каково было мое удивление, когда Лапина после консультации подошла ко мне и пригласила в кафе. Я сказала, что у меня нет денег. У нее, как я поняла, тоже их нет. На какие шиши есть будем? Тогда она вытащила кошелек и показала, что деньги у нее есть. И состоялся у нас такой разговор.

— Тогда почему ты нас в гости позвала, а к чаю ничего не купила?

— Не хотелось деньги на быдло тратить. Вы же с собой и этих нищобродок приволокли.

— Они наши подруги.

— На фиг такие подруги нужны. Они нам не пара. Давай с тобой дружить.

— Почему со мной?

— Мне отец сказал с тобой дружить.

Сказать, что я была зла — это ничего не сказать. То есть ей подруги нищие не нужны. Ей обеспеченных подруг подавай. И то не ей, а отцу. А потом я подумала, и мне ее жалко стало. Несчастный человек: даже подругу себе выбрать сама не имеет права. Какая же она тогда королева, если фавориток ей отец выбирает? Она тогда самая настоящая рабыня: нет ничего своего. Даже подружки...

Я не стала ничего рассказывать девчонкам. Зачем подруг расстраивать? Мы до сих пор с ними частенько между собой созваниваемся и делимся впечатлениями о жизни. Лапина ни с кем из нас с тех пор не разговаривала. Да и мы не горели желанием с ней общаться. Разные мы с ней.

Все это пронеслось в голове. Вспомнилось почему-то. Согласитесь, что лучше иметь подруг добрых и отзывчивых, хлебосольных и радушных, чем злобных скупердяек. Поэтому к добродушным Востриковым я лично еду с искренним желанием пообщаться. Мне с ними хорошо. А богаты они или нет — это не так важно. Тем более, что когда я с ними познакомилась, у них ничего не было, кроме долгов перед родней и кучи кредитов.

Поехали мы с Никитой на встречу в кафе.

— О, нечаянная радость приехала!

Альбина Владимировна меня так называет по старой привычке. Подошел администратор, чтобы спросить, куда мы хотим присесть, чтобы подкрепиться. Было три свободных столика. Обычно у них все места заняты.

— Иди, Антоша, принимай других гостей. А это наш особенный гость. Ее мы лично всегда принимаем. Запомни.

— Хорошо, Альбина Владимировна, — сказал и ушел к другим клиентам.

— Новенький? А куда дели старенького?

— Старенький в другое наше кафе перебрался. Поближе к дому.

— Жалко. Он такой забавный у вас был. Смешной.

— Это точно. Ну что? Пойдем в офис?

И мы пошли в офис, где Востриковы вели свою бухгалтерию. Альбина Владимировна подошла к дочке, шепнула ей что-то на ухо. Мы с ними закрылись в офисе, чтобы нам не мешали...

— Что надумала? — спросили они меня хором.

— Думаю вложиться в ваш проект.

— В наш общий проект, — поправила меня Альбина Владимировна.

— Хорошо. Здесь на карте деньги. А вы помещение уже присмотрели?

— Присмотрели. Где рекламное агентство.

— Какое рекламное агентство. Не Палыча? — переспросила я.

Неужели у меня будет бизнес рядом с домом? Мама опять же рядом. В любой момент к ней заскочить можно. Вот повезло...

— Да. Там освобождается помещение. Для кафе в самый раз. Первый этаж. Зал для столов. Кухня сама. Подвальные помещения есть для хранения. Лифт отдельный. Складские помещения есть. Все как полагается, согласно санитарным нормам...

— Место хорошее. Там от голодных служащих отбою не будет. Молодые яппи готовить не умеют и не любят. И раскупать будут все на корню. А добавьте сюда покупателей. Клондайк... — рассуждаю я вслух.

— Вот и мы так же подумали. И выхода целых три. Один центральный, который для посетителей. Один запасной, аварийный. Один служебный.

— Чувствуется хватка акулы бизнеса. Там спрос точно будет...

— Скажешь тоже. Акула... Меня дочка давно уговаривает там кафе открыть. Только я боялась. Хочу полноценное питание там организовать. Сама же говоришь, яппи очень поесть любят, а готовить нет. А тут мы. Нате вам, пожалуйста, мясо по-французски.

— Можно и на вынос готовить. Тоже неплохие деньги. Они домой идут с работы и у вас полноценный ужин покупают. Дома не готовить и с грязной посудой не возиться. Лафа! Зарплаты у них приличные. Позволить себе могут. Гарантированный сбыт... — продолжила я.

— Иришка, только помещение будет свободно через неделю.

— Но застолбить его надо за собой сейчас. Иначе уйдет. Почему прежнее кафе съезжает?

— Они плохо готовили. Я на днях зашла попробовать. Есть у меня такая слабость — попробовать то, что готовят потенциальные конкуренты.

— И как? Попробовали?

— Попробовала на свой страх и риск. Это было есть невозможно. Не еда — отравка. Этим нельзя людей кормить.

— Настолько отвратительно?

— Хуже. Я не могу понять, почему они это готовят и нагло называют едой. И как они на плаву столько держались с такой мерзкой стряпней.

— Правило первой покупки никто не отменял. Когда покупатель, не зная товара, его покупает. Пришел один раз. Поел. Потом больше не приходит. Но один-то раз он поел. Мы в это кафе не ходили даже ни разу.

— Ни разу? Почему?

— Оттуда постоянно кислятиной несло.

— Тухлятиной.

— Наши в маленькое кафе ходили. Далековато, но зато вкусно.

— Что за кафе?

— Ваше. Все наши работники у вас ели. И своих знакомых к вам водили.

— Так это ты нам на первое время кассу делала? А я думала, откуда такой наплыв... Ну, спасибо тебе.

— Да не за что. Вы же вкусно кормите. Вот народ и стал к вам ходить.

— Я вообще думаю, чтобы такой бизнес открывать, надо людей любить. И готовить, как для себя. Оно все равно окупится.

— Кто в этом кафе будет хозяйкой?

— Ты с моей дочуркой. Пора ей привыкать к самостоятельности. Пусть сама попробует порулить бизнесом. Вам с ней проще будет найти общий язык. А я помогать вам буду.

— Тогда давайте сделаем так. Я завтра туда поеду, посмотрю помещение. И что нам надо будет. Думаю, надо сразу думать про расширение в планах.

— Иришка, ты не слишком самоуверенна? Ты же еще не открылась, а уже расширяться надумала? — Никита уставился на меня, как на чудо.

— Сам завтра увидишь. Думаю, что оценишь мое решение. Там место надо однозначно брать. И быстрее, пока из-под носа не увели. Сейчас в нашей стране кризис перепроизводства. И в кафешках недостатка нет. Это вам не застойные годы, когда приличных мест было мало, и некуда было пойти.

— У нас на весь квартал было всего одно кафе. И то там так гадко кормили... Хуже не придумаешь. Как они там план все время умудрялись делать? — Альбина Владимировна вспомнила старые времена.

— А сейчас все наоборот. Идет битва за покупателя. Деньги есть. Кафе есть. Осталось выбрать только по своему вкусу, куда идти. Вот и бьются кафешки за потенциального клиента. Угодить готовы. Конкурентов надо обойти и клиентов переманить. Хотите то, хотите это. Любой каприз за ваши деньги, как говорится. А тут готовый сбыт. Практически черная дыра, куда успевай поставлять вкусные готовые блюда. Да ты сам завтра увидишь.

— Значит, ты завтра туда поедешь посмотреть? Когда Иришке приходиться?

Не удивляйтесь. Дочка Альбины Владимировны — моя тезка. Тоже Иришка. Правда, мы внешне совсем разные, но люди говорят, что характер у нас одинаков. Спорить не буду. Им видней.

— Не надо никуда приходиться. Мы завтра за ней с Никитой заедем сами. И все вместе поедем посмотреть помещение.

— Заодно и посмотришь, как Палыч без тебя погибает...

Впервые вижу, чтобы Альбина Владимировна злорадствовала. А она именно радовалась горю моего бывшего шефа. Вот как ее зацепило...

— Я не хотела туда заходить.

— Почему?

— Он станет просить помочь, а я могу дать слабинку и пожалеть. А я этого не хочу. Я свое агентство с Никитой решила открыть.

— Наконец-то ты одумалась. А мы с дочкой все переживали, что ты не у дел. Наверное, без денег сидела. И у нас не брала ни в какую.

— Вот как раз про деньги хочу поговорить. Я не сидела без денег. Я тогда прилично

заработала. По поводу нашей свадьбы, что вы помогли провести...

— Даже не думай деньги предлагать. Мы тебе на свадьбу подарок сделали. Я уже твоему мужу несколько раз это говорила. А он неугомонный, все лезет и лезет со своими деньгами. Несколько раз нам пытался всучить. И кроме того, если ты думаешь, что мы в убытке, то ошибаешься. Ты знаешь, что теперь нас нанимают свадьбы вести? Приличный побочный заработок. Так что мы еще и в прибыли оказались. Даже не заикайся про деньги.

— Такой большой спрос?

— Спрашиваешь. Рекламщики, что свадьбу тебе организовывали, стали всем нас рекламировать. А мы их рекламируем, когда к нам свадьбы заказывать приходят. Они на совесть свою работу делают. Мы тоже все делаем как для себя. Но больше всех нас рекламирует регистраторша.

— Она-то тут при чем?

— Она всем говорит, что у нас рука легкая. Кстати, ее сын в наше кафе устроился. На днях только выяснилось. Она к нему на работу пришла, он ключи дома забыл. Вот так судьба кружева плетет...

— Ему это зачем? Он же молодой парнишка.

— А ты откуда знаешь? — Никита стал изображать ревнивца.

— Ну ты, Никита, даешь. Она же всю свадьбу всем гостям и нам с тобой показывала его фотографии в телефоне. Рассказывала про него всем. Ты разве не помнишь?

— Нет, жена. Не помню. Я только тебя слышал и смотрел только на тебя. Какие там фотографии? Я о другом совсем думал. И ты знаешь о чем...

— В общем, сын ее говорит, что в жизни всему надо научиться. А тут такая возможность. Кто-то платно, мол, учится готовить, а ему тут все по полочкам разложат. Да еще бесплатно. И за работу заплатят. Хочет до армии профессионально научиться готовить. Умный мальчишка. И не без таланта.

— Регистраторша тогда такая довольная от нас уезжала. Погуляла хорошо. Дело сделала. Денег заработала. И всего за один день.

— Хорошая свадьба получилась. Удалась на славу. Значит, вы завтра за дочкой заезжаете. Это дело решенное? Не передумаешь?

— Нет, Альбина Владимировна. Не передумаю. Надоело бездельничать.

— Правильный настрой. Тогда до завтра. А теперь покушать извольте.

— Ну что я тебе говорил? — Никита смеется.

— Здесь или в зале будете?

— Альбина Владимировна, мы спешим.

— Ничего, кофе с пирожными много времени у вас не займет.

— Тогда в зале, если место найдется.

— Хорошо, в зале. Но не вздумайте уйти по-английски не прощаясь. Сначала кофе и пирожные. Потом попрощаемся до завтра. Карту пока заберите. Завтра с Ириной решите, когда и за что платить будете.

— Договорились.

— Тогда прошу проследовать в зал. И не вздумайте улизнуть по-тихому без угощения.

Мы вышли в зал. Народу битком. Ступить некуда. А было время, когда здесь зал пустовал. Клиентов не было. Официанты лениво слонялись без дела. Администратор вообще не был предусмотрен за ненадобностью. И Альбина Владимировна с Иришкой не знали, что делать. А сейчас совсем другая картина. Глаз радуется. Не успеет место за столиком

освободиться, как тут же его занимают. Круговорот клиентов в зале...

— Вроде все места заняты. Мы тогда пойдем.

Никита радуется, что свободных мест нет. Можно домой рвануть...

— Нет. Вон место свободное. Антоша держит специально для вас. Так что быстро за стол. А я вас кормить буду, — Альбина Владимировна в своем репертуаре.

Мы пошли и заняли место, которое действительно для нас зарезервировал и держал Антон, новый администратор зала. Нас быстро обслужили. Принесли кофе с новыми пирожными. Такие я еще не пробовала. Это что-то новенькое. Вот что не отнимешь у Востриковых, так это трудолюбие. Они постоянно совершенствуются. Вот и новые пирожные придумали.

— Иришка, ты побыстрее давай.

— А ту куды торопишься, милай? Чай не семеро по лавкам дома сидят?

— Домой хочу.

— Что дома делать будем?

— Готовить тебя к завтрашнему дню.

— А что у нас такого важного завтра?

— Аренда помещения. Забыла? И встреча с Палычем...

— Я не собираюсь в агентство заходить. Я про аренду узнаю и все.

— А документы? Ты собиралась полицейские документы изучить.

— Тогда пошли. А то стол занимаем без надобности. Антона звать надо.

Мы помаячили администратору, чтобы он к нам подошел. Попытались заплатить за кофе и пирожные. Не удалось. Потом поднялись и пошли попрощаться с Востриковыми. Наш столик моментально был занят. Только мы задницы свои подняли со стульев, глядь, а там уже другие люди сидят. И счастьем своему радуются, что столик занять успели. Мы с мужем засмеялись, попрощались с хозяйками и поехали домой.

Дома нас ждали гости: сын Натана Львовича со своей женой. Сын не был копией ювелира. Если тот горбился и шаркал ногами, то сын его имел офицерскую выправку, как будто шомпол проглотил. Если по облику ювелира сразу было понятна его национальность, то сын его имел русые волосы и светлые глаза. И какой он после этого еврей? Ведь у них национальность определяют по матери, если я ничего не путаю. И навряд ли она с такими внешними данными принадлежит к племени Израилеву. Наверняка славянка.

А вот жена была его полной противоположностью. Колоритная дамочка. Она имела темную кожу, как будто запеченную, засушенную солнцем. Черные до синевы волосы, которые вроде должны быть красивыми, как вороново крыло, но напоминают свалывшуюся пряжу черного цвета. И черные глаза. Уж извините, но очами их назвать было трудно. Черные дыры, глубокие колодцы, в которых плещется страх. Может жена сына ювелира и была в молодости красавицей. Хотя по виду ей можно дать и сорок, и сто лет. Передо мной была старуха Изергиль. В реале. Без грима. Вроде и не старуха, но старуха. Как там у классика про нее сказано: «... живая, но иссушенная временем, без тела, без крови, с сердцем без желаний, с глазами без огня, — тоже почти тень».

И я поняла, что она нас ненавидела. Интересно, за что? Ни я, ни Никита ее не знаем. Ненависть плескалась в глубине. Но она пока удерживала ее. Губы сжаты. Наверное, чтобы раньше времени не высказать свою злобу. Сын Натана Львовича был полной противоположностью: добродушие и открытость в гипертрофированном варианте. Но меня

учили не доверять вечно улыбающимся людям. Он и пулю в лоб человеку пустит с такой же приклеенной доброй улыбкой...

— Здравствуйте! Мы вас ждем. Я сын Натана Львовича.

— Я поняла.

— Как?

— Интуитивно, — сказала и посмотрела на его жену.

— Я с вами вчера не договорил. Счел преждевременным. А сейчас понимаю, что надо нам поговорить тет-а-тет.

— Давайте поговорим. Только у меня секретов от моих домочадцев нет. Что вы хотели?

— Перейдем сразу к делу?

— Перейдем. Вы для этого пришли, а не для того, чтоб расшаркиваться.

— Мой отец был уполномочен нанять вас для расследования пропажи дочери одного известного вам лица.

— Почему меня? Я не сыщик, не детектив и не полицейский работник. Я простая домохозяйка.

— Мой отец так не считал. Иначе бы не подготовил вот эти документы.

— Какие документы?

— Договор на выполнение работ. Контракт.

— Это он погорячился. Я не могу что-либо расследовать. У меня нет для этого лицензии.

— Но вы работали с детективами примерно полгода назад.

— Теперь не работаю. И я не детектив. Я не специалист.

— Тогда я вообще ничего не понимаю. Зачем отец велел подготовить этот контракт?

Прочтите, если не верите.

— В контракт я верю. Я не понимаю, зачем его составили. Если он навел про меня справки, а он наверняка их навел, то он должен был установить, что я не имею отношение к сыску. От слова совсем.

— Но контракт...

— Я вам все сказала. Я могла бы вас обмануть. Взять деньги и не сделать работу, но совесть мне не позволяет так поступить. Ваш отец что-то напутал.

— Но вы посмотрите на сумму. От такого гонорара не отказываются.

— Согласна с вами. Не отказываются. Но, взяв гонорар, я взяла бы и ответственность. Вы хорошо сами читали этот контракт? Пункт семь почитайте. Как я могу гарантировать, что дочь известного лица будет жива на момент обнаружения? Такой контракт могли составить для какого-нибудь лоха. Или гося...

— Зачем вы так? Вы не правы.

— Абсолютно права. Контракт составлен так, чтобы совсем не платить за выполненную работу. В любом случае он будет нарушен. Изначально. Я так понимаю, что известному лицу или тому, кто составил этот документ, хочется именно на мне сэкономить. Но он сам себя перемудрил.

— Это я составил договор. Отец попросил.

— Тогда вы все прекрасно понимаете. Не вижу смысла вам объяснять. Давайте прощаться. Всего хорошего. Здоровья вашему батюшке.

Гости стали собираться. Сыночку «из деревни Хитропоповки» уходить явно не хотелось. Ну как же. Он не выполнил поручение бати. И надуть глупую Барби не удалось.

Наконец двери за ними закрылись. Петька проследил, чтоб они вышли за калитку и не вернулись.

— Иришка, не злись, — стал успокаивать меня Никита. Ему хорошо говорить. Не его за дурака принимают.

— Почему мужики считают, что коль блондой девица родилась, то мозги изначально Богом не выделены на эту модель. Какая-то дискриминация по цвету волос.

— А свою злую жену он, наверное, считает самой умной женщиной на свете. Еще бы, такая страшная. Сразу понятно, что она в очереди за умом проторчала. И даже на сдачу милovidности не получила. Еще и злая, как собака, — высказался Петька. Он со мной полностью согласен.

— Мыслит узко жадный юрист. Стереотипами. Это не Натан Львович ему так велел составить. Тот дядька умный и жизнью битый. Тот жадничать в таком деле не стал бы. Это сыночка собственная инициатива, — высказала я свое мнение.

— Или его жены. Не удивлюсь, если он под ее дудку пляшет, — это уже мама высказалась. Всё-таки не удержалась и кинула виртуальный камень в жену гостя.

— Он ее зовет зайчонком. Она скорее на ворону похожа. На старую страшную ворону, — Петька продолжил клеймить прощелыг.

Мы скоро успокоились и сели кушать. Нам есть что обсудить помимо визита незваных гостей. Тем более, что нам завтра предстояло договориться об аренде помещения. Пока ели, много чего обсудили.

Потом пошли прогуляться в лес. Скинуть негатив, который принесли эти двое в наш дом. Звали с собой маму, но она отказалась. Сказалась уставшей. Она взяла на работе отпуск. Мама так долго не была в отпуске, что ей дали хоть часть накопленного отгулять. Я это приветствовала. Не работать же на износ. Пора научиться и отдыхать.

Петька с Грейсом радостно согласились нас сопровождать. По одному ходить стало опасно, а толпой вполне приемлемо. Да еще и пес такой с нами. Грейс вырос просто громадным. Давно ли мы подобрали дрожащего цуцика зимой на помойке. Теперь даже воспоминаний об этом не осталось. Он пока еще щенок. И года нет. Но хряк такой вымахал, что внушает страх одним своим видом. Он у нас воспитанный, сам себе в зубах поводок несет. С понтом сам себя выгуливает. Да и вообще, по сути, он у нас пацифист: других собак, кошек, птиц, людей не обижает. Он у нас как Квазимодо: страшный, но жутко добрый.

Петька тоже интересный субъект. Давно ли был подростком. А сейчас, если не знать, сколько ему лет, можно подумать, что он студент. Симпатичный мужик в будущем из него вырастет. Только какая-то щенячья радость по любому поводу выдает в нем подростка. Наивность и желание многое узнать. Это в нем подкупает. Он любознательный. Как и я, везде норовит сунуть свой нос. В этом мы с ним похожи. Та же неугомонность и жажда справедливости. Ведь наверняка не случайно возле того дупла оказался. Не просто гулять вышел. Увидел, как ювелир идет к озеру, пошел за ним проследить. Оно и к лучшему. Если бы не Петька, то помер бы ювелир. По крайней мере, так врачи сказали. Значит, у Петьки счет спасенных жизней уже открыт.

А если к этому прибавить жизнь Грейса, которого под Рождество хозяин у помойки привязал. Замерз бы щенок на морозе. Ниже двадцати градусов тогда было. Значит, на Петькином счету уже две спасенные жизни. Собака — тоже тварь божья. Ее жизнь для мира не менее ценна, чем человеческая. Вы спросите любого собачника. Пожертвуют ли они своей жизнью ради жизни собаки? Большинство ответит, что да. Ответит четко, без

сомнений. А сколько примеров, когда люди в ледяную воду зимой лезут, чтобы спасти бездомного пса, который по своей глупости оказался отрезан от берега или тонет.

— Теть Ира, о чем задумались? Мы вас зовем, а вы ноль внимания.

Только сейчас до меня дошло, что мне что-то говорят.

— Да так, о своем, о девичьем задумалась.

— Иришка, ты чего заморозилась? Из-за этих упырей переживаешь? Не парься ты так. Они сами себе хуже сделали. А когда ювелир очнется, он такой пистон своему жадному сыну вставит, что мама не горюй.

— Да нет, я про них не думала. Просто задумалась. А что вы хотели?

— Петька предлагал его с собой взять завтра. Он к матери своей хочет зайти. Проведать.

— Значит, возьмем. Только нам надо бы с ним пойти. Для подстраховки.

— Так и сделаем, — согласился Никита со мной.

— А что там? Что не так? — Петька сразу за мать свою переживать начал.

— Все так. Просто там сожитель новый. Неизвестно, что за фрукт. Мы когда были там в последний раз, они мне дверь не открыли. Проведать ее и сказать, что у тебя все нормально, мне не удалось. Я ей записку в дверь засунула. Поэтому к твоей матери мы пойдем все вместе. И Грейса для устрашения врага возьмем. Так будет проще с сожителем твоей матери разговаривать. Да и безопасней.

— А мы сначала ваши дела сделаем или к нам зайдем? — Петька уже и планы на завтра составляет.

— К вам домой до обеда нет смысла соваться. Сначала, наверное, наши дела решим. А потом к тебе домой заглянем. Хотя можно и наоборот. Мне без разницы.

— Тогда давайте сначала ваши дела. А потом уж к матери.

— Как скажешь. Ты тогда ключи захвати. Если открывать не будут, так мы сами дверь откроем и зайдем. Ты в одном прав. Совсем без надзора ее оставлять нельзя.

Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Если бы мы на следующее утро не проспали, то неизвестно, как бы все обернулось. Но мы преспокойненько легли спать и проснулись только к десяти. Прогулки на природе сделали нас засонями. Поспать я и так любила. А свежий воздух, чистая вода и полное отсутствие забот сделало нас вальяжными и не расторопными. Вот и сейчас, проснувшись позднее намеченного, мы не кинулись спешно собираться. Что вы? Не царское это дело — торопиться... Никакой суеты. Мы сначала неторопливо помылись. Потом не спеша позавтракали. Или это у нормальных людей уже считается по времени обедом? Нет, все-таки это ланч. Второй завтрак. А потом уж стали собираться по делам.

Пока ехали в дороге, обсуждали, кто виноват в задержке. Решили общим голосованием, что никто. Потом стали решать, что будем делать сначала, а что потом. Петька настаивал, что сначала мы должны сделать свои дела. А потом уж проведать его непутевую мать. Мы пошли у него на поводу. Заехали за Востриковой. Поехали смотреть объект. Мне помещения понравились. Именно так. Помещения. Решено было открыть два зала. Бывший арендатор кафе пытался нас убедить, что место это не ходовое.

— Народ здесь разбалован разносолами. Нас вообще эта кафешка чертова разорила. Завтра уже пустовать помещения будут. Сегодня все последние вещи вывозим, — заявил владелец кафе, он же по совместительству бывший арендатор помещений. Это был толстенький носатый армянин.

— Здесь офисные работники в основном. Какие разносолы? — удивилась я. Честно говоря, он меня своими выводами несказанно поразил.

— Так что здесь или высокая кухня для шибко богатых будет иметь спрос, или вообще столовку общепитовскую открывать. Но даже я с дешевым общепитом прогорел, — бубнит армянин. Он усиленно пытается мне втюхать свою модель бизнеса.

— Думаешь, нет перспектив?

— Думаю, ноль шансов. Я так всем говорю. Вы не первые, кто на помещение нацелились. Были тут одни. Но быстро развернулись и уехали. Вы хоть помещение смотрели, а те даже посмотреть не стали.

— Понятно. Спасибо, что объяснили.

— Что, уже передумали снимать?

— Да мы пока думаем. Вот умных людей слушаем.

— Поверьте, если уж у меня не получилось, а я повар со стажем, то вам здесь вообще ловить нечего. Те арендаторы сразу уехали. Да и аренда слишком большая. Не потянете.

— Это понятно. Что ж мы, дураки, что ли, на чужие грабли наступать...

Повернулись и пошли молча в машину. Армянин долго смотрел нам вслед. Потом на прощание помахал рукой.

— Так мы не будем здесь открывать кафе? — Петька расстроен.

— Почему не будем? Будем. Еще как будем. Мы даже сегодня приедем и его снимем. Он к пяти помещение освободит. А я тем временем с главным инженером созвонюсь, чтобы помещение не ушло к другим арендаторам. Хорошая вещь, надо брать.

— Так он же разорился. Он же ясно сказал, — высказалась моя подруга. Она решила послушаться горе-предпринимателя.

— Послушайте меня внимательно. Во-первых, он хреновый повар. Альбина Владимировна пробовала его стряпню. Гадость редчайшая. Во-вторых, его ошибка в том, что он неправильно определил ценовую политику. Яппи в общепитовскую столовую не пойдут. А его кафе было на этом уровне. Даже заводские рабочие там не стали бы питаться. Не соответствовало данное заведение работающим здесь менеджерам.

— Поэтому и разорился? Неужели все так просто? — подружка моя воспряла духом.

— Ты свое кафе вспомни, когда к нам в агентство пришла.

— Помню. Мы также разорились. В долгах были и всем знакомым должны. Хорошо, что я к вам в агентство пришла. Мама была против, а я пошла. И не зря, как оказалось...

— Теть Ира, так это ты кафешку их раскрутила?

— Не совсем...

— Чего? Не совсем? Ты не скромничай, подруга. Твоя заслуга, что мы не закрылись и из долгов выкарабкались. И только твоя. Ничья больше...

— Тогда поверьте, это место — Клондайк. Если бы он нанял толкового специалиста, то был бы сейчас в шоколаде. А поскольку он жадничал, то разорился. Я вообще удивлена, что он так долго продержался. Наверняка пытался выкарабкаться и залез в большие долги. Мы вообще ему должны сказать спасибо.

— Это за что? — спросили все трое хором и уставились на меня.

— За то, что он потенциальных арендаторов отпугивал своими страшилками от помещений. До нашего приезда отгонял конкурентов. Как будто для нас старался. Вон мужики от страха даже помещения посмотреть не стали. Так что спасибо тебе, Армен. Дай бог тебе здоровья.

— Откуда ты знаешь, как его зовут? — спросил Никита. И опять все уставились на меня.

— Чего глаза так выпучили? Он сам в разговоре часто свое имя называл.

— Не называл, — противоречит Петька. Не помнит, что армянин говорил.

— Он не представлялся, — вторит ему Никита.

— Как он рассказывал, помните? Дословно напоминаю: «Я сам себе часто говорил: «Армен, зачем ты снял эти хоромы?» Вспомнили?»

— Точно. Он именно так странно говорил. Я не обратил внимание, — подтвердил Петька. Ну, хоть к Петьке память вернулась...

— Значит, снимаем помещение?

— Снимаем. Вот сейчас я позвоню кому надо, и мы это место застолбим.

Я стала звонить главному инженеру. Он дал добро и даже обрадовался моему звонку. Или мне показалось? Потом я связалась с гендиректором, и вопрос был решен. Нас ждали к пяти на подписание договора аренды выбранных нами помещений. Управляющий еще о чем-то поговорить со мной хотел и жаждал меня видеть. Я, честно говоря, думала, что снять помещение окажется трудной задачей.

— Ну что? Мы основное решили. Ирина, тебя к маме завезти в кафе? — спросила я Вострикову.

— Так вы тезки? Я между вами потом сяду и загадаю желание, — сказал Петька. Он у нас в каждой бочке затычка. В любой разговор норовит залезть. Надо заняться его воспитанием...

— Да ради бога. Мы уже привыкли, — ответила подруга. Она рада, что мы застолбили помещение.

Пока Ирину везли, договорились, что аренду оформим на Никиту. На его предприятие. Потом переоформим договор, когда свое предприятие откроем. А пока так сойдет. Главное — не упустить помещение.

— Завтра надо будет наметить план работ. Небольшой ремонт требуется. Оформление переделаем. Оборудование закупить и завезти, — сказала я.

— Давай у этого армянина выкупим? — предложила тезка.

— Нет. Новое лучше купить. Современное. Хотя там посмотрим. С твоей мамой надо поговорить. Она в этом оборудовании лучше нас разбирается. Но это все завтра.

— Мне на подписание подъехать?

— Как хочешь. Можем за тобой заехать, чтобы тебя забрать. Времени осталось немного. Просто у нас не совсем приятные дела. Извини, Ирина, но с собой тебя взять не можем. Случись что, нам потом Альбина Владимировна голову оторвет.

Довезли подружку и поехали к Петькиной матери. Дверь нам никто не открыл. Но в квартире слышны были крики, как будто кого-то убивают. Петька быстро открыл замок своим ключом. Там какой-то жирный мужик избивал его мать. Никита стал мужика успокаивать, тот схватил нож и попер на Никиту. Петька не выдержал и огрел дурня сзади табуреткой по голове. Жирдяй упал на пол. Хорошо, что ни обо что дополнительно не ударился.

— Петя, ты его насмерть убил! — мать Петькина заорала, как резаная.

— А можно убить не насмерть? — решила я уточнить.

Я нагнулась над жирным уродом. Он дышал. Осмотрела голову.

— Крепкая черепушка. Ничего ему Петька не пробил. Скоро очнется.

Зато мамаша Петькина была вся в сине-бордово-зеленых разводах от синяков разной

степени давности. Значит, правду говорили бабульки. Колотит сожигатель ее смертным боем. И она терпит.

— Что дальше делать собираешься? — мне просто интересно, неужели и теперь не выгонит наглого жирного сожигателя.

— Надо скорую вызвать.

— Кому? Этому уроду не нужно. Он скоро очнется и станет тебя лупить еще сильнее. Сейчас есть возможность его вышвырнуть без последствий для твоего здоровья, — пытаюсь достучаться до ее разума.

— Ты мне всегда завидовала, что у меня мужиков столько.

— Какая интересная версия происходящего. Ты еще скажи, мол, я тебе завидовала, что тебе наливают. А еще я тебе завидовала, что тебя лупит всякое отребье. Короче, Петруха, что делать будем? Тут из вашей семьи адекватный только ты. Она не может нормально мыслить.

— Давайте его посадим. Скажем, что он на вас, тетя Ира, с ножом пер. Хотел зарезать. Поэтому я его табуреткой и огрел.

— Сейчас он очнется. Надо до него донести эту мысль. Аккуратно ножик заberi, чтобы отпечатки не стереть и своих не оставить, — это уже Никита взялся разрулить ситуацию.

— А ты, если не подтвердишь нашу версию, то я, как особа завистливая, у тебя сына отберу по суду. Лишу тебя материнских прав и алиментов, что ты на сына получаешь. И впредь твоих сожигателей будем контролировать. Подумай, если с тобой что случится, то сын твой в детдом угодит. Кивни, если поняла меня.

До матери Петькиной стало доходить, что мы настроены решительно. Она стала кивать мелко головой. Совсем мозги спеклись у алкашки. Пропила остатки мозгов. Думать разучилась...

Когда мужик очнулся, Никита ему доходчиво объяснил, что последует дальше, если он не уберется из этой квартиры. И не дай бог ему сюда хоть раз приехать. И никто не станет больше терпеть его побои. Объяснили, что у него есть десять минут. А потом он просто окажется в местах не столь отдаленных, где приятного серого цвета стены, колючей проволоки хоть завались и добрые милые люди с собаками.

— Я такую скорость по одеванию даже в армии не видел, — сказал Никита. Его привел в восторг способ одевания мужика.

— А техника вообще запредельная... — это уже Петька юморит.

— Испугался? — спросила я Петьку.

Эта история мне не нравится. Но иногда приходится поступать жестко и даже подло. По-другому такие граждане, как этот мужик, не понимают.

— Я за Никиту испугался. Мне-то что? Если бы и убил, я малолетка. Меня не посадят.

— Этого упыря мы отшили. Но найдутся другие. Ее рано или поздно убьют. И где она таких находит? — Никита высказал то, о чем мы все думаем.

— Попытаемся хотя бы фильтровать ее знакомых. Драчунов надо отсеивать. И проблема почти решена. Кодироваться она не хочет. И сама завязать не может. Она алкашка конченная, — это Петька вынес свой приговор.

— Бывает, что и конченные пьяницы завязывают...

— Теть Ира, вы сейчас меня просто успокаиваете?

— Нет, Петька. Это я надеюсь, что чудо произойдет. Вдруг тебе повезет и попадется ей нормальный мужик, с которым она бухать перестанет.

— Иришка, ты такая большая и в сказки веришь...

— Знаешь, Никита, верить во что-то надо. Хоть в сказки. Это не так плохо. Особенно, если сказочник красив и сказка добрая...

Мы спохватились, что пора за Востриковой ехать. И договор на аренду подписывать. Петьку с Грейсом оставили дома. Он матери поможет, покормит ее. А то она выглядит, как будто неделю ничего не ела. Приберется в квартире. Петька решил на ночь остаться там, вдруг сожитель вернется.

Вот как так? Она алкашка. Воспитанием сына практически не занимается. Сбросила на чужих людей и гуляет в свое удовольствие. А он ее такую любит! За что ей такой сын достался?

Договор подписали. Все наши пожелания были учтены. Мы еще умудрились договориться ремонт помещений делать в счет платы за аренду.

— Иришка, а за что, стесняюсь спросить, тебе такие тепличные условия предложили? Армянин другую сумму аренды называл.

— Вы невнимательно слушаете собеседника. Он же ясно проговорился, что они этого армянина с его тухлыми запахами выживали. Потому и аренду поднимали постоянно, чтобы он добровольно съехал. Им по договору так выгодней было, чтобы штрафы не платить...

— А он, глупый, все не съезжал... Иришка, а правда, что он тухлятиной людей кормил?

— Наверное. Я же не пробовала его еду. Просто на кислые запахи даже у нас в офисе жаловались все. Запах действительно был противный. Клиентов отпугивал. А теперь запахи будут вкусные, как дома, и клиенты косяком сюда пойдут. Кстати, вытяжку проверить надо на исправность.

— Так ее чинить надо будет? Это в копеечку не влетит? — подружка все думает, что мы разоримся, как этот горе-повар.

— Мы ее починим, но не сразу. Пусть эта неисправность на нас маленько поработает.

— Как?

— Вкусные запахи далеко будут разноситься. Людей приманивать. Вот вы в магазины за покупками ходили. Помните запахи кофе, свежей выпечки?

— Бывает, заходишь, а в магазине так вкусно пахнет хлебом, ванилью и корицей. Или кофе. Сразу есть хочется... — стала вспоминать тетка.

— Обычный маркетинговый ход. Люди приятные запахи чувят и начинают покупать на десять процентов больше. Идут на этот запах, как крысы на дудочку крысолова. Мозг понимает, что вкусная еда рядом. Слюна выделяется, внимание притупляется, хочется купить побольше всего. И прибыль продавца растет. Все просто... — объяснила я.

— Ладно. Главное, дело сделали. Завезем Ирину.

— Петьку все-таки там оставим? — поинтересовался Никита.

— Не надо опекать его, Никита. Разбалуешь нам мальчишку. Пусть привыкает к самостоятельности.

— Надеяться на пропащую мать — дело дохлое, — высказался муж.

— Петька в жизни не пропадет. Пусть все делает сам. Навязанная забота никого до добра не доводит.

Завезли подружку в кафе к Альбине Владимировне. Та никуда нас не отпустила, пока не выпытала все подробности. Что на Никиту договор оформили, только приветствовала. Сумма аренды ее вообще удивила. Про оборудование обещала подумать. С этой стороны все вроде складывалось удачно. Мы поели, отчитались и заторопились домой. Хотелось отдохнуть и в спокойной обстановке почитать документы, что Макс прислал. Особенно меня

интересовали экспертизы. Что-то там меня напрягало. А вот что... Бывает же так. Мелькнет дельная мысль. Ты понимаешь, что вот тебя только что осенило. А саму мысль не можешь вспомнить. И думаешь, что память стала подводить. Мучаешь мозг, пытаешься вспомнить что-то для тебя важное...

Приехали домой, мама нас огорошила тем, что приходили полицейские.

— И что им на сей раз понадобилось?

— Хотели что-то уточнить.

— Для этого достаточно позвонить.

— Я им сказала, чтоб они сначала созванивались, договаривались о встрече, а потом уже приезжали.

— А как они себя вели? Нагло или просительно?

— Ты знаешь, я не поняла.

— Что сказали? Хочу понять, что им надо.

— Спросили сначала тебя. Потом спросили Никиту. Со мной разговаривать отказались, сослались, что именно ты нужна. И все. Попрощались и ушли.

— Строем ушли?

— Нет. Вразнобой. Шаг не держат. Носок не тянут. Маршируют абы как, — мама успокоилась и стала шутить.

— Раз ушли, значит, мы вне подозрения.

— А нас-то за что подозревать?

— Эти найдут за что. Впрочем, не переживай, мам. Они, скорее всего, в тупик зашли. И хотят опять на моей шее прокатиться...

— Не помогай ты им.

— И не собираюсь.

— А зачем тогда в документах ковыряешься? — муж встрял в разговор.

— Самой интересно, кто всех убил. Любопытно.

— Иришка, ты же понимаешь, что они не отстанут.

— Угу...

Я пошла в свою комнату. Кто не отстаёт со своими претензиями, так это мой муж. Заладил: зачем тебе это да зачем тебе то. Что за привычка пытаться меня контролировать? Что я ему? Дитя малое?

Засела изучать документы. Обычно я телефон отключаю. Но вспомнив, что оставили Петьку в квартире с его матерью, решила сейчас его не отключать. Телефон, как назло, по закону подлости, стал звонить через каждые пять минут. Я перезвонила Петьке. Уточнила, все ли с ним в порядке. Он сказал, что все окей. И я не стала брать трубку. Тем более, что номера мне не знакомы. А общаться с кем бы то ни было я сейчас не хотела. Я так увлеклась, что оторвалась от дела, только когда пришел муж.

— Ты в курсе, что уже полночь? Ты спать собираешься?

— Угу. Сейчас...

— Ты мне уже раз пять так отвечала. Иришка, сегодня все ты не изучишь. Давай спать. Завтра продолжишь.

— Угу.

— Иришка, кончай угукать. Лучше бы о ремонте задумалась.

— А что о нем думать?

— Надо дизайнера нанимать.

— Зачем?

— Сама придумает дизайн помещения?

— Сейчас...

— Иришка, куда ты полезла на ночь глядя?

— Я хотела тебе показать.

— Милая, давай завтра. Все завтра. Сегодня я устал смертельно.

Смертельно... Я вспомнила, что на моего мужа козел с ножом напал. Нет, вы не подумайте, что я мужа не люблю и мне все равно. Просто Петька так быстро сообразил стукнуть уroda табуреткой, что я даже испугаться не успела. А теперь до меня дошло, что урод мог моего мужа убить...

— Хорошо. Давай спать.

Я быстро убрала ноутбук с постели. Прижалась к мужу. Хотела сказать, что его люблю. Но он уже спал... А я лежала и казнила себя. Что же я за тварь бесчувственная. Моего мужа сегодня могли убить, а я ничего не сделала. Хорошо, что Петруха стукнул гада. И все вроде утряслось. Но меня мучила совесть. Что я за жена такая. Почему мне все хочется сделать по-своему. Так до самого утра и мучилась...

Рано утром к нам заявились непрошенные гости. Те самые, которые хуже татарина. В количестве трех особей. Я крепко спала. Мама меня будить отказалась. А Никита вообще приказал им, чтоб они выметались.

— Будьте любезны, господа полицейские, озвучить цель вашего визита, — спросил Никита. Он умеет быть жестким, когда хочет.

— Нам бы с вашей женой поговорить.

— Это невозможно. Она спит.

— Так разбудите.

— И не подумая. Она поздно заснула.

— Мы можем и в отделение ее вызвать на допрос, — попытались они запугать мужа.

— Вызывайте. Она придет с адвокатом.

— Можно по-хорошему договориться, — начал отыгрывать назад майор.

— Высылайте повестку. Никаких разговоров в таком тоне мы не потерпим.

— Господа офицеры, попрошу покинуть помещение! — это уже сказала свое последнее слово моя мама. Вот что значит жена офицера!

— Будьте любезны. Выйдите из моего дома! — Никита не на шутку разозлился.

Что бы мы делали без таких преданных родственников. Они и накормят, и напоят, и согреют. И полицию поставят на место...

Я проснулась только к обеду. Голова у меня была ясная. Планов громадье. Первым делом заехать к своим партнерам по новому бизнесу. Потом с ними поехать в кафе и показать мои проекты по ремонту. И третье, если успею, то надо поехать и уточнить кое-какие сведения про утопленника. Про парня, найденного в озере. Хотя, если не буду успевать, то отложу это неприятное дело на завтра. Время терпит.

Спустилась вниз. Мама с Никитой стыдливо отводят глаза.

— Что случилось?

— Сюда полиция приезжала, — мама решила не скрывать. И если что, принять удар на себя, как говорится.

— Я их выставил вон, — рассказал Никита, не давая ей совершить этот героический

поступок.

— Правильно сделали. А глаза у вас почему вредные?

— Мы думали, ты возмущаться будешь, — решила признаться мама.

— Не буду. У меня своих дел куча. Полицейские дела некогда решать.

Мама с моим мужем стали как-то странно переглядываться.

— Что за утро? Вы опять в гляделки играетесь? Что опять случилось?

— Никита, говори.

— Я хотел посоветовать одну контору, чтобы ремонт в офисе сделать.

— Зачем?

— А кто дизайном займется?

— Дизайн у меня есть.

— Откуда? Покажи...

— Я тебе вчера показать хотела. Но ты спать хотел, поэтому я решила тебе утром показать. Вот, смотри. Все наглядно. Материалы расписаны и посчитаны. Примерная смета готова.

Поставила перед мужем ноутбук. Открыла нужную папку. А там дизайнерские проекты помещений общепита. Я вытщила ему дизайн кафе, который мне понравился.

— Проект классный. Откуда?

— Начинающий дизайнер устраиваться к нам пришел. Практики у него не было. Стажа тоже. Но талантлив. Вот он и сработал такую красоту. Красиво и демократично. Все это делалось для одного ресторанчика. Они нам работы под ключ заказали. Палыч тогда за все брался. А тут такой большой заказ поступил. Этот проект зарезали, не приняли: он заказчику показался слишком демократичным. Я сразу про этот проект подумала, когда помещение внутри увидела.

— Вы ему оплатили работу?

— Я оплатила своими деньгами. Практически выкупила. Мы с ним потом телефонами общались. Он просил звонить, если работа будет.

— А где он сейчас?

— Где-то на стройке работает.

— Дизайнером?

— Нет, подсобником.

— Почему?

— Он Палычу нагрубил. Тот его уволил по статье. Ослабил...

— А ты куда смотрела?

— Я в отпуске была. Пришла, а парня нет. Трубку он не брал. Я все узнала от сотрудников. Его отыскала и оплатила работу. Он вроде оттаял. Хотела его устроить куда-нибудь да сама была уволена.

— Он не жопорукий?

— Да нет. Рукастый, вроде Петьки нашего.

— Тюха?

— Наоборот, горластый. На шефа наорал...

— Звони ему. Договаривайся о встрече.

— Зачем? Нам нечего ему предложить.

— Ты агентство открывать собралась и ремонт тебе делать надо. Так?

— Так.

— А кто за бригадой присматривать станет?

— Думаешь, он потянет?

— Звони. Увижу его и пойму, потянет или нет. На стройке всегда свой надзиратель нужен. Иначе строители упрут нормальные стройматериалы, а ремонт сделают дешевыми. Звони.

— Хорошо. Поесть хоть дай. Я же голодная.

Меня покормили. Я позвонила дизайнеру. Он сказал, куда и когда за ним подъехать.

— Никита, ему наверняка нужен сразу заработок. У него мать болеет. Ему на лекарства деньги тогда нужны были. Вот он к нам и пришел.

— И Палыч так паскудно с ним обошелся?

— Он со всеми паскудно обошелся. И со мной тоже. Дизайнеру бы еще трудовую восстановить. И стаж тоже...

— Так. Жена, куда мы сегодня?

— Хотела к Альбине Владимировне. Но теперь надо дизайнера им показать и проект. Это позже. А пока ничего делать не будем. Тунеядствовать будем.

— Пошли в лесу погуляем? Мама, пойдете с нами гулять?

— Нет. Я дома побуду. А вы идите. Вам вдвоем побыть надо.

Мы пошли в лес погулять. Скучно в лесу без Грейса. Он веселит, бегает, мельтешит. То палочку ему кинь, то мячик...

— Иришка, а по убийству надумала что-нибудь?

— Знаешь, Никита, но мне как-то не верится, что он убийца. Я понимаю, что все на нем сходится. Но не верится. Не в его характере.

— Чужая душа — потемки. Ты в курсе?

— В курсе. Но все равно интуитивно чувствую, что не он это.

— А видео?

— Я же не спорю, что он как-то связан с убийствами. Но не убивал.

— Уверена?

— Нет, не уверена. Интуиция может подвести. Понимаешь, у него сын дурачок.

— Как дурачок? У него сын есть? Даун? — Никита на меня глаза выпучил.

— А ты не знал? На дауна сын не похож. Но что болен — точно. Он не стал бы рисковать своей свободой. С кем тогда сын останется?

— С матерью.

— Мать померла давно. Он сына один воспитывает.

— Откуда ты знаешь?

— В магазине ваши кумушки все про всех расскажут. Хочешь, и про тебя информацию соберу?

— Они откуда знают?

— Вот ты странный. Они же все местные. Друг друга как облупленных знают. Деревня же...

— Коттеджный поселок.

— Да? А сплетни собирают, как в обычной деревне.

— Все про всех?

— Ага. Никита, мы к Петьке заедем? Забирать его будем?

— Надо созвониться. Сама же говорила не лезть к нему со своей заботой.

— Я говорила не навязываться. Пусть он со своей матерью побудет, а то отвык от нее.

Невмоготу станет, он сам в нашу квартиру уйдет. Ключи у него есть. Поесть он сам приготовит. Не безрукий.

— Пошли домой. Время собираться за твоим дизайнером.

— Пошли.

Когда приехали к дизайнеру, он обрадовался. Я его не сразу узнала. К нам на работу устраивался плотный, розовощекий высокий юноша. Сейчас передо мной стоял высокий, но худой мужчина. И года не прошло, а он так радикально изменился.

— Что? Не признали, Ирина Александровна?

— Ты изменился сильно, Михаил.

— Вы хотели поговорить. О чем? На работу позвать хотите?

— Пойдешь? — Никита сразу взял быка за рога.

— Пойду. Даже за меньшие деньги. Чувствую, что я здесь просто сдохну.

— Тогда поехали. Бери расчет. Мы тебя в машине ждем.

— Нам вчера зарплату выдали. Пойду попробую получить за этот день.

Михаил зашел в вагончик. Вышел оттуда с улыбкой.

— Рассчитали. Все чин чинном.

— Ты бригадой руководить сможешь? — Никита начал с сути.

— Не пробовал, но постараюсь. Орать я умею. Правда, не люблю.

— А на Палыча почему наорал? — поинтересовалась я.

— Он кадровичку крыл и по папе, и по маме. Я не стерпел. Женщин привык защищать.

— Ну что, дамский защитник. Сейчас ты познакомишься со всеми своими заказчиками.

Проект твой. Сам его и осуществлять будешь. Бригаду я тебе завтра подгоню. Из них отберешь, кого захочешь со временем. Ленивых и раздолбаев увольняй, не жалея. На все про все у тебя две недели. Сделаешь хорошо работу, получишь эту сумму, — сказала я и назвала сумму гонорара.

— За две недели?

— Да, за две.

— Это только моя зарплата?

— Для рабочих будет отдельно выдана зарплата. По выполнению работ.

— Обалдеть. Такого я не ожидал. Я думал, вы меня дизайнером зовете. А тут от и до самому весь проект сделать.

— Опыта наберешься. А дизайнером. Погоди... устроим. Как мама?

— Нормально. Теперь все нормально.

— Странный ответ. Почему теперь?

— Потому. Я теперь сам живу. Я подыхал. Медленно, но неумолимо. День за днем.

Матерки эти вечные. Грязь, холод, вонь...

— Сейчас тоже будет грязь и вонь от стройматериалов. Ремонт.

— Вы не понимаете. Там не было перспективы. Одна безнадега. А тут такие возможности. У меня назрел вопрос. Если я захочу проект улучшить, усовершенствовать...

— Совещаешься с нами и потом, с нашего согласия делаешь.

— Согласен. Заказчик всегда прав.

— Усвоил главное правило?

— Усвоил. Вдолбили в самый мозг...

Мы заехали за Ириной и Альбиной Владимировной. Они тоже хотели увидеть дизайнерский проект и дизайнера. Приехали на место. Только стали выходить из машины,

как на нас налетели Петька с Грейсом. Спросила его как бы между прочим, где он жить собирается. Тот захотел остаться в своей квартире, мать посторожить. Кто ее украдет? Кому она нужна? Договорились созвониться. Петька пошел домой.

Никита обсуждал с Михаилом вопросы ремонта. Получается, что мой муж взял бразды правления в свои руки. Мне же лучше. Бригаду он сватает свою, которая ему ремонт магазинов делала. И они станут работать на совесть, поскольку Никита строит два дома, а там тоже нужны строители. Это гарантированная работа на год. И главное, в отличие от остальных заказчиков, Никита ни разу ни на грош их не кинул. Даже премии выдавал. Так что он только заикнулся, что есть объект, как они слетелись на работу. У нас получилась большая экономия за счет аренды. Значит, можно на ремонте не экономить.

— Как удачно все сложилось! — Альбина Владимировна довольна тем, что дело так быстро идет.

— Да. Быстро закрутилось.

— Знаешь, Иришка, мы с дочкой точно помещения прозевали бы. И армянин этот ее испугал. Она хотела передумать уже.

— Почему? Я ей все объяснила. Что он прогорел — это закономерность.

— Я ей тоже объясняла. А мне твой дизайнер понравился. И проект у него хороший. Много ему платить придется?

— За сам проект оплачено. За работу прораба он получит, сдав объекты.

— Он прораб? Давно?

— С сегодняшнего дня.

— А до этого кем был?

— Простым разнорабочим.

— А зачем же ты его прорабом поставила? Он же все профукает.

— Не бойтесь, не профукает. Он честный и трудолюбивый. Просто жизнь его придавила. Ему с колен подняться надо было. Никита плечо свое ему подставил. А вот пойдет он дальше, разогнувшись или нет, уже от него зависит. Если он умный, то воспользуется шансом. Если глупый — опять на колени упадет.

К нам подошли Никита и Михаил. Оба довольные друг другом.

— Миша проект сегодня перепроверит, подсчитает все. Материалы мы с ним закажем завтра. И бригаду наберем завтра. Все. Приступаем к работе.

— Тогда по коням. Всех развезем. Миша, проект я тебе скину.

Смотрю, он что-то стал глазами косить. Отвела его в сторону.

— В чем дело?

— У меня ноутбук полетел. Некуда скинуть.

— Мой старый бери. Работу закончишь — вернешь.

— Спасибо.

— Нема за шо! Никите потом спасибо скажешь. Это все он придумал.

Развезли всех. Михаил забрал мой ноутбук. Там никакой информации нет. Только этот дизайн-проект. Так что пусть пользуется. Как знала, что в чужие руки отдам. Вся нужная мне информация на новом ноутбуке.

Тем временем мне на телефон позвонил Макс. Сказал проверить почту. Он мне что-то там послал срочное. Значит, надо домой ехать. Интересно, что за информацию он мне послал. Как только приехали домой, я сразу на всех парах рванула к ноутбуку. Вниз я уже спустилась, как в воду опущенная.

— Иришка, что произошло?

— Это он.

— Что он? Кто он?

— Он убийца. Подвела меня моя хваленая интуиция.

— Раньше она тебя не подводила. А теперь объясни нам, кто он, почему и зачем он убивал. Что там такого Макс послал, что ты сразу поникла?

— Я поняла только сейчас. Мне надо в магазин. Бабки нужны.

— Сколько?

— Чем больше, тем лучше.

— Зачем?

— Надо собрать информацию.

— Ты что, за информацию платить собираешься?

— Нет. Не собираюсь.

— Тогда зачем тебе нужны бабки? Да еще много? — Никита зашел на второй круг.

— Чтобы собрать информацию, — талдычу я.

— Дочка, мы тебя не понимаем. Тебе нужны деньги, чтобы оплатить какую-то информацию?

— Нет, мам. Мне бабки нужны. Самые настоящие, которые на двух ногах. Желательно сплетницы. Те, которые все знают.

— А! Теперь понял. Ты их все равно сейчас у магазина не застанешь. Они по домам сидят и сериалы дурацкие смотрят. Вот завтра с утра их можно у магазина застучать.

— Хорошо. Подожду до утра.

Поела я на автопилоте и не помню, как легла спать. Я все делала чисто автоматически. Как робот.

Рано утром я была как на иголках. Все рвалась к магазину.

— Иришка, не торопись. Они у магазина появятся к девяти. К открытию никто из них не приходит, — решил уточнить Никита.

— А вдруг какая из них раньше приходит? Нет уж, мне каждая бабулька нужна и важна.

— Они знают немного.

— А если сложить их знания, то я получу исчерпывающее досье. Эти бабульки знают такие мелочи, что сложится законченная картина. Так что для меня любая бабка на вес золота.

— Что ты у них спрашивать собралась?

— Про семью нашего подозреваемого.

— Думаешь, они тебе расскажут? Ты для них чужая.

— А ты свой? Тогда со мной пошли. Жаль, что Грейса нет. Так бы с собой захватили. Его теперь все любят.

— В смысле, теперь любят?

— После того, как он уволил твою злую продавщицу, он теперь почетный житель поселка. Его все обожают, и он купается в лучах славы.

— Не понял. Погоди. Почему это Грейс уволил? Это я уволил нахальную матерщинницу.

— Это твоя версия. У народа свое видение событий. Им лучше знать.

— И где справедливость? Я уволил, а почет и уважение Грейсу.

- Он и косточку мозговую тогда получил. Своего рода материальное вознаграждение.
- Вот именно. А мне спасибо только сказали. Ну, где справедливость...
- Дожил бедненький. Собаке завидуешь. А говорят, плохая она, жизнь собачья.
- Ну, знаешь... У некоторых собак жизнь — сплошные ништяки. Кормят, поят, гуляют.

И никаких забот.

— Никита, нам пора. Ты житель этого поселка. Именно ты поможешь мне разговорить ваших старожил.

— А что я с этого буду иметь?

— Почет и уважение.

— Всего-то?

— Вечную признательность и с поощрением договоримся.

— Уговорила. А что ты у них узнать хотела?

— В общих чертах про семью его. Про то, как жена умерла. Про танцы. Как он заболел. Как полиция отреагировала... Все.

— Постой. Так он не с детства болен? Он не инвалид детства?

— Нет. В том-то и дело.

— Подожди. А разве можно стать дурачком?

— Никто не говорил, что он дурак в полном смысле этого слова. Просто не такой, как все. Стать дураком можно. От клеща энцефалитом заразиться. Менингит подхватить. После инсульта. Склероз. Деменция. После аварии. После приема алкоголя или наркоты. В общем, много возможностей стать дураком. Все не перечислить так сразу.

— Хрупкий, оказывается, человек.

— Угу. Так ты мне поможешь?

— Чем смогу, помогу. Задача мне в общих чертах ясна. Разузнать все про семью подозреваемого.

— Пошли быстрее, а то прозеваем.

И мы пошли к магазину. Пока шли, встретили соседку, которую ругала продавщица. Та нам информацию подкинула. Когда подошли к магазину, она кликнула бабулек, которые ждали открытия магазина. Те наперебой стали нам все рассказывать и друг друга поправлять. Одни бабульки отоваривались и уходили. Вторые приходили и рассказывали вроде про ту же семью, но с новыми подробностями. И у нас создалась полная история происшествия. На сбор информации ушло часа три. Но пришла новая бабулька и принесла сногшибательную новость. Нашего фигуранта час назад арестовала полиция по подозрению в убийстве.

— Милиция ошибается. Он не мог убить, — это сказала маленькая сухонькая старушка.

— А ты откуда знаешь? — спросила другая бабулька.

— Он в тот день, когда девицу убили, был в больнице.

— В какой такой больнице? — все наострили уши.

— Сыну накануне стало плохо. Вот он с ним целый день в больнице и сидел, не отходил от него.

— А вы уверены? Может, это в другой день было? — поинтересовалась я. Стало интересно. Вот это новость!

— На память не жалею. Маразма у меня нет. Склерозом не страдаю. Точно помню, — ответила мне старушка.

— А почему запомнили?

— Про девицу весь поселок милиция опрашивала. Вот в память и врезалось, что у моего соседа эта есть. Ну, про нее еще милиция спрашивает всегда. Мол, есть ли она у вас? — забыла старушка мудреное слово.

— О! А говоришь, что склерозом не страдаешь. Не милиция у нас теперь, а полиция. Алиби, что ли? — подначила ее ехидная бабулька.

— Я тоже вечно что-нибудь забываю. А у меня склероза нет. Мне кажется, что это у всех бывает, — встала я на защиту забывчивой старушки.

Бабульки все стали вспоминать случаи, когда они что-то забывали. Вышла неплохая коллекция курьезных случаев. Все посмеялись. А мне надо вернуть старушку к прежней теме.

— Итак, у него было алиби? А вы уверены, что он в больнице лежал?

— Так они за день до этого скорую вызвали. У него приступ был. Вот скорая и увезла его с сыном. Они уехали в больницу утром, а на следующий день в поселок заявили милиционеры.

— А не подскажете, в какую больницу?

— Нет, не подскажу.

— Опять забыла? Точно склероз! — опять ехидная бабулька подначила нашего информатора.

На ехидную бабку хором зашипели. Она замолчала и быстро ушла.

— А что за приступ? Что врачи сказали?

— Не знаю, что за приступ. Я далеко была. Но что срочно везут в больницу, это точно. В какую, я не расслышала. Отец его с ним поехал. Я его встретила, когда он в машину садился. Он просил огород полить, если не затруднит. Племянка моя и полила. И мой, и его огород...

— Это хорошо, что у него алиби есть. А если его арестовали, то кто с сыном сейчас? Может им помощь нужна?

— Так у них девка молодая появилась. Она по хозяйству и помогает.

— А чего она тогда огород не полила? Ей трудно? Или она ленивая?

— Не ленивая она. На сносях. Пузо большое. Видимо, рожать ей скоро.

— Тогда понятно. Куда ей ведра таскать. Может, им продукты нужны?

— Нужны. Вот она списочек мне дала, попросила еды купить. А то сама не дойдет. Плохо ей.

— Давайте мы с вами сделаем так. Сейчас вас Никита отсюда заберет с продуктами. И с моей мамой к ним отвезет. И вам не тащить тяжести в такую даль, и мама моя ее посмотрит. Она у меня доктор.

Никита услышал и пошел быстрее за машиной, пока бабуля не убежала.

— Да я не знаю. Захочет ли она?

— Врачам-то она показывается? На учет в консультацию встала? Хозяина забрали, вдруг ей плохо стало. Сын же ей не поможет.

— Куда там. За ним самим смотреть надо. Хуже ребенка...

— Вот видите. А откажется от помощи, так ничего страшного. Зато мы будем знать, что с ней все в порядке. А это главное.

— Не знаю, дочка. А за помощь спасибо.

Только успели договориться, как нарисовался Никита. А с ним в машине мама со своим чемоданчиком. Дело в том, что мама у меня действительно врач. Когда соседи это узнали, то спокойная жизнь у нас кончилась. К нам в квартиру шли круглосуточно больные, их

родственники, знакомые и знакомые знакомых. Мама никому не отказывала в помощи. Люди у нас тоже понятливые. Не злоупотребляют ее добротой: бегут за помощью действительно в экстренных случаях. А у всех бабулек нашего и соседнего двора есть ее номер телефона. Она их и посмотрит, и полечит, и поговорит.

Продавщица отоварила бабулю без очереди. Народ у нас понятливый и добрый. Пропустили ее вне очереди. Упаковали все в пакеты. Посадили ее в машину и поехали.

Дорога к дому была разбита, как будто после бомбежки. Сам дом вроде и добротный, двухэтажный сруб, но какое-то ощущение возникало, как будто это не дом, а склеп. Всюду было уныние и запустение.

— Вот так выглядит беда... — Никита сказал то, что подумала и я.

— И как сюда скорая ездит? Не отказываются?

— Да бывает, что и отказываются.

— Вы не могли бы с нами пройти к вашим соседям? Чтобы не было скандалов, чтобы сына не напугать.

— Вы не напугаете. Он просто ведет себя как ребенок. Не удивляйтесь.

— Он чужих не боится?

— Нет. А вот она побаивается. Наверное, настрадалась от людей.

— Мы с добром. Помочь хотим.

Навстречу нам вышел молодой человек. Высокий, красивый, гибкий. Он шел красиво, так ходят звезды и танцоры. Подошел к бабуле, поглядывая на нас с мальчишеской улыбкой.

— А вот и Ромашка наш вышел. Как дела, Рома?

— Хорошо, бабушка, — сказал и улыбается.

— Рома, познакомься. Это хорошие люди. Они нам продукты принесли.

— А печеньки?

— И печеньки, и конфеты. А где Ася?

Парень взял бабулю за руку и повел. По поведению как ребенок. Завел в комнату. Судя по размерам это зал. Окна зашторены, поэтому темно. В комнате на диване лежала девушка. Хотя какая там девушка, с таким-то громадным животом. Молодая женщина лежала, закрыв глаза, и тихо стонала.

— Ася, — тихонько позвала бабуля.

Девушка открыла глаза. Потом от страха распахнула их и, судя по движениям, хотела спрятаться под одеяло. Правду сказала бабуля: людей она боится. С чего бы это?

— Ася, я тут тебе доктора привела, — сказала бабулька.

— Спасибо, не надо.

— Девушка, давайте я вас посмотрю, — вступила в разговор мама.

— Не надо. У меня денег нет, чтобы вам платить.

— Я бесплатно посмотрю.

— У меня полиса нет.

— Ничего страшного. Я без полиса посмотрю.

— Не надо.

— Почему вы отказываетесь?

— Бесплатный сыр только в мышеловке.

— Нет здесь никакой мышеловки. Я врач. Живу в поселке. Давайте я вас посмотрю. Я же вижу, что вам плохо. Помогу, чем смогу.

— Обойдусь без вашей помощи.

— Вы можете навредить своим близнецам.

— С чего взяли, что у меня близнецы будут?

— По размерам. Давайте я вас просто посмотрю. И скажу, что вам попить, чтобы тошнота и рвота прошли. Поясница болит?

— Ну ладно, посмотрите.

Она уже с интересом стала слушать маму.

— Мы вас оставим. И пойдем, чай попьем, Ромку накормим, — сказала я.

Бабуля, видимо, в этом доме частый гость, и парнишка к ней липнет. Доверчивый, как дитя. Мы ушли в кухню. Бабушка стала Романа кормить. А мы наблюдали. Рома не мог убить. Какой же он убийца? Это большой ребенок. Отец его тоже не мог убить. Значит, убил кто-то другой.

Тогда почему отец Романа ударил по голове ювелира? Что за странная реакция? Ну, встретил старого еврея в лесу. Терся тот возле дерева. Может, отец Романа действительно ненавидит иноверцев? А мы просто всякого накрутили, надумали. На вещах, найденных мной, не обнаружены никакие отпечатки пальцев. Ни на одной вещи. Все было протерто. Бутылочка тоже протерта. Хотя внутри обнаружено вещество. Именно им отравили девушку. Как полиция привязала это к отцу Романа? Чем руководствовались, задерживая его? Идиоты! Бегут впереди паровоза. И умными себя считают.

По моим подсчетам, его через несколько часов должны отпустить. У него есть алиби. Это если он о нем вспомнит. А если не вспомнит? Они его станут заставлять написать явку с повинной. Эти могут заставить себя оговорить. Они сразу дело закроют по трем трупам. Поди плохо...

— Никита, у тебя есть знакомый адвокат?

— Иришка, зачем тебе?

— Не мне. Может, понадобится его отцу, — сказала я и кивнула на Рому.

— Есть. Когда нужен?

— Я думаю, что они его скоро отпустят. Это если он про алиби вспомнит.

— А если нет?

— Значит, ему станут крутить помидоры.

— Думаешь?

— Три трупа — не шутки. Если он про алиби не вспомнит, то надо будет ему напомнить. И перепроверить его алиби. А то, может, напугала бабуля.

— А если напугала. Значит, точно он убил?

— Скорее всего.

В кухню пришла мама. Вид озабоченный.

— Ириша. Ее надо в больничку везти. У нее угроза выкидыша.

— Как ты ее без полиса и без документов оформишь. Да и не поедет она.

— Надо. Поговори с ней. Иначе она детей потеряет.

— Тебя она не слушает?

— Наотрез отказалась ехать.

— Пойду попробую, но навряд ли получится ее уговорить. Она напугана.

— Все равно попробуй. Можно и без полиса, но это платно.

— Что толку об этом говорить, если она отказывается ехать. Помнишь, ты мне сказала как-то, что не всем можно помочь. Может, это тот случай. Ее дети, ей и решать их судьбу. Может, она хочет, чтобы был выкидыш...

— Нет, не хочу, — сказала Ася. Она за спиной стояла и подслушивала.

— Тогда чего кобенишься? Тебе предлагают спасти твоих двух детей. А ты отказываешься ехать. Глупо.

— Я передумала. Я согласна. Вы не правы. Мне дети дороги.

— Вот и хорошо. Тогда едем, чего время терять.

Она собрала вещи для больницы. Бабуля пообещала присмотреть за Ромой и за домом. Мы сами повезли девушку в больницу. А то с этой дорогой скорая сюда отказывается ехать. Привезли, сдали с рук на руки. Мама осталась с ней. Сказала, что потом домой на такси приедет, когда убедится, что все в порядке с ее подопечной. Мы с Никитой поехали домой. Он меня привез и опять уехал. Теперь на встречу с Михаилом. Все такие занятые. Одна я бездельница. Раз дома нет никого, то самое время пойти почитать документы. Никто мешать не будет. Тишина, спокойствие. Сварила себе кофе, взяла бутерброды. И пошла наверх, чтоб взяться за дело и уже не вставать по пустякам. Ближе к ночи сначала заявила домой мама. Приехала на такси. Почти сразу за ней приехал довольный Никита. Семья в сборе. А они не выглядят уставшими.

— Где шлялись, полуночники? — задала я им вопрос на засыпку.

— Лично я ездил с твоим дизайнером по твоим делам.

— И как он тебе в деле?

— Толковый. И орать он умеет. Так рявкнул на твоего Палыча.

— А он к Палычу ходил? Зачем?

— Нет, этот скунс приперся к нам. Сам пришел. Тебя требовал. Вынь ему Ирину и положи.

— С чего он решил, что я там?

— Кто-то из офиса тебя там вчера увидел и донес Палычу. Тот пошел к руководству центра. Те подтвердили, что ты сняла у них помещения. А мы сегодня материалы завезли и рабочих наняли. С завтрашнего дня работа кипеть будет. Кстати, Михаил маленько дизайн изменил. На мой взгляд, еще круче придумал. Посмотри. Он тебе на почту прислал и совладельцам отправил. Согласовать хочет.

— А по деньгам как? Намного дороже?

— Цена не изменилась. Жаль, Иришка, что ты не видела, как твой Палыч позорился. Орал и ножками топал. Кричал, что ты его своим уходом разорила. И клиентов всех за собой увела. Все это слышали.

— Можно подумать, я сама из агентства ушла. Ты не в курсе, долго он там собирается оставаться?

— Чуть не забыл. Руководство центра поднимает ему арендную плату. Так же, как армянину. Он про это так верещал. Шкуродерами их обзывал. Человеческий облик совсем потерял.

— И скоро он оттуда съедет? Хочу его место застолбить.

— А ты коварная. Представляю, как он разъярится, когда узнает, кто его офисы арендует. Доведешь мужичка до инфаркта.

— Мама, а ты что молчишь?

— Наслаждаюсь унижением твоего бывшего шефа.

— Неужели до сих пор злилась? Брось. Не стоит он того.

— Теперь не стоит. Права ты была. Они сами себя уничтожили. И у тебя руки чистые. Ты не опустилась до мести. Он сам опозорился перед всеми.

— У Аси как дела? — спросила я.

— Полежит на сохранении. Ее подлечат, понаблюдают.

— Слушай, а как с Ромой поступим? Бабуля долго за ним смотреть не сможет, — поинтересовалась я у мужа.

— Почему? — спросил Никита.

— Она сама сказала, что сможет присмотреть два дня. Я завтра к ним заеду. Надо узнать, что с его отцом. Если его посадят, то парнишку куда? Он же один пропадет. Никита, можно меня оформить помощником адвоката?

— Иришка, это тебе зачем?

— Мне с его отцом поговорить надо.

— Адвоката найдем. Ты туда не поедешь. С него подозрения не сняты.

— Хорошо. Я завтра узнаю, куда его сына отвозили. Ты прав. Сначала надо убедиться, что он был в больнице.

— Что делать будешь?

— Я в больницу поеду. Расспрошу врачей, медсестер. Если у него есть алиби, помогать ему буду.

— Я так и знал. Ты не меняешься.

— Разве это плохо? Представь, если бы я по твоему требованию менялась. Сразу и с точностью, согласно твоим указаниям. Это же скука смертная. Да ты меня сам бы выгнал пинками под зад на улицу с криками, что недруги тебе подменили жену. Я тебе не даю скучать.

— Смешно. Ладно. У меня с утра время свободно. Тебе завтра помочь?

— И этот человек требует перемен от меня. От помощи твоей не откажусь. Спасибо, милый. Ты такой душка! — сказала и стала глуповато моргать глазками.

— Но-но-но... Не увлекайся, а то я за себя не отвечаю...

— Так, дети. Я спать. А вы тут развлекайтесь.

— Спокойной ночи, мама! — пожелали мы хором и помчались наверх.

Заснули только под утро. Нам торопиться с утра некуда. Только узнаем, куда отвезли Рому с отцом. Потом поговорим с медсестрой ночной. И все. В зависимости от ее показаний мы или пошлем папаше адвоката, чтобы его отпустили. Или не пошлем никого, если это он убивал. Как ни странно, мы ранним утром проснулись.

— Вот скажи мне, муж. Чего нам не спится? Грейса нет. Гулять некого. Петька отсутствует и своими криками нас не будит. А мы все равно, как мазохисты встаем в такую рань?

— Привыкли рано вставать. Может, пораньше и дела начнем делать? Может, это знак?

— Ну, раз знак, то давай вставать.

Встали, быстро собрались. Попросили маму через своих знакомых узнать, куда отвозили Романа с отцом. Оказалось, что в Склиф. Мало того, сегодня дежурила смена, которая их принимала. И медсестра была на месте. Везет с самого утра. Мы поели и выехали. Не было ни пробок, ни проблем. Врачи эту пару помнили. Именно из-за того, что жалко было красивого парня. Поступил Роман утром, в тот день, когда девушку убили. И отец с ним был весь день и всю ночь. Отлично запомнила отца с сыном медсестра. Сегодня она дежурила, и нам удалось ее поспрашивать.

— Они были здесь день. И ночью отец его тут был.

— Вы могли не заметить его отсутствие?

— Не могла. Я никуда не уходила и сидела на посту всю ночь.

— А вы к ним заходили?

— Честно говоря, у него отец такой красивый. И парень тоже. Я к ним постоянно заходила. То чай предложить, то подушку. То поспать...

— Очень понравился мужчина?

— Не только мне. Девки из соседнего отделения приходили посмотреть.

— А отец что делал?

— Держал его все время за руку. И что-то ему говорил полупшепотом.

— Что говорил?

— Неудобно было заходить, а в приоткрытую дверь не услышишь.

— Отец не мог на время отлучиться и потом приехать?

— А какое время интересуется?

— С одиннадцати до двенадцати.

— Нет. В это время он точно здесь был, — девица почему-то покраснела.

— Спасибо, что рассказали.

— Пожалуйста...

Мы вышли с Никитой в коридор. Я попросила Никиту подождать меня, а сама вернулась договорить с медсестрой. Не понравилась мне ее реакция.

— Можно вопрос? Я при парне не уточнила. Вы покраснели почему?

— Неудобно как-то...

— Чего неудобного. Мужик красивый, я вас понимаю.

— В общем, он мне настолько понравился, что я надумала покрутиться рядом — вдруг клюнет.

— Настолько понравился?

— Настолько понравился. Правда, он старше меня. Но зато какие гены!

— Не боитесь? У него сын дурачок. Вдруг и у вас дети такие же будут? Генетика — наука серьезная...

— Все нормально у него с генетикой. Это после комы он такой. Там такая история. Отец его рассказывал. Я слезами обливалась. Так что все нормально у него с генами. И дети красивые бы получились. Не мужик — мечта.

— Спасибо еще раз.

Пошла к Никите.

— И почему она покраснела?

— Она отца соблазнить пыталась.

— Прямо в палате?

— Это я не уточняла, но думаю, что там. Но ненавязчиво. Ей отец понравился очень. Она от него детей хотела красивых.

— Ты сейчас шутишь?

— Нет, она правда так сказала.

— Боже, что у этой медсестры в голове? Каша?

— Она не одна такая. С другого отделения прибежали на него смотреть.

— Прямо такой красавец?

— На мой взгляд, обычный мужчина.

— Ладно. Поехали к адвокату. Хотя зачем? Ты просто можешь позвонить полковнику и

все рассказать.

— Думаешь, без адвоката сможем его освободить?

— Не дураки же они, чтобы человека со стопроцентным алиби в камере держать. У него сын инвалид. Погоны полетят...

— Тогда я звонить буду.

Позвонила полковнику. Рассказала все, что мы узнали. Он даже ни разу меня не перебил. Просто ответил, что если алиби подтвердится, то отца Романа отпустят. Никто, мол, его больше положенного держать не будет.

— Что делать дальше?

— Никита, отвези меня домой.

— Ты вчера не посмотрела улучшенный проект?

— Когда? Ты про это поздно сказал. Сейчас домой привезешь. И я сразу посмотрю. И сразу Михаилу отпишусь.

— Не забудь. А я тогда по своим делам поеду.

Мы приехали домой. Я вышла из машины.

— Никита, ты даже чаю не попьешь? — ласково сказала и пошла домой.

— Пошли, покормишь мужа, — взял меня на руки и внес в дом.

— Подтвердилось? — мама тоже переживает за Романа и его отца.

— Угу. Мама, мы с тобой вечером заедем, проведем, как они там.

— Я сам туда заеду. Проверю и потом вам доложу, — сказал муж.

— Отлично все устроилось. И девице помогли, и отцу Ромкиному, — обрадовалась я.

— Тебя так этот папаша беспокоит? А муж родной тебя не волнует? — высказал Никита.

Я от удивления даже не знала, что сказать. Настолько явно муж ревновал. И к кому. К мужику, который даже по скромным подсчетам мне в отцы годится. Мой красавец муж меня ревнует. Мир точно сошел с ума... Никита тем временем развернулся и вышел из дома.

— Куда это он? — спросила мама, удивленная внезапным уходом Никиты.

— Наверное, в кафе поехал. У него встреча назначена с дизайнером.

— Ириша, что это было? Почему такая реакция странная?

— Не знаю, мам. Он вроде ревнует... Но я не уверена.

— И к кому ревнует?

— К отцу Ромы. Я так поняла. Больше не к кому.

— Почему? Кстати, как его зовут?

— Зовут его Николай. А почему к нему Никита ревнует, я не знаю? Наверное, потому, что медсестре этот папаша понравился. Она с ним переспать хотела и даже от него родить. Говорит, что красивый мужик. Они на этого Николая всем коллективом бегали посмотреть.

— Это когда его сына госпитализировали? Что такой красавец? Есть к чему там ревновать?

— Я его красивым не считаю.

— Никита думает, что ты тоже на этого отца позаришься?

— Наверное, думает. Я от его поступков вообще теряюсь. Я не давала повода для ревности, а он все равно ревнует.

— Значит, не надо тебе в дом этого Николая ходить. Не буди лихо...

— Я и не собиралась. Никита сказал, что сам съездит.

— Вот и молодец! Кстати, сегодня в магазин ходила, так встретила невестку ювелира.

Помнишь ту, черную. Софья, кажется...

— Помню. Такую разве забудешь.

— Она как-то похорошела и помолодела. В общем, изменилась. Со мной поздоровалась.

Раньше даже не кивала. А тут подошла и поздоровалась.

— Хитрой Софье что-то от тебя надо.

— Знаешь, Иришка, я тоже так подумала.

— Берегись, мамуля. Значит, они с муженьком скоро в гости опять заявятся с какой-нибудь новой заманухой. Неспроста она к тебе подкатывала. Эта дамочка, чует мое сердце, все делает неспроста.

— Поживем — увидим. Ты есть будешь?

— Спрашиваешь... Конечно, буду.

Вечером приехал Никита. Сказал, что Николая отпустили и он уже дома. На момент убийства девушки и парня у озера у него есть алиби, которое подтвердили многочисленные свидетели в больнице. А подозревать его в убийстве девушки-утопленницы вообще нет оснований.

— А по поводу нападения на ювелира?

— Улик у следствия по делу нападения на ювелира против Николая нет. Там не видно лица нападающего. Что они могут предъявить?

— Фигура похожа. Машина его.

— Фигур таких много. А машина стояла во дворе у турбазы. Ее вообще хозяин не запирает, считая, что такой хлам никто угонять не станет. Так что и тут ему прищемить фаберже не удастся. По крайней мере, не с этим следаком.

— Теперь ты со мной согласен, что следователь чудак на букву «М»?

— Согласен, Иришка. Против фактов не попрешь. Кстати, а с камерами что решили? Макс им их подарил, что ли?

— Камеры уже сняли и вернули владельцу. Сочли, что они ничем следствию не помогли.

— Не помогли? Вот и делай добро людям. Дал же бог следователя. Хамы неблагодарные! — вырвалось у Никиты. Ему за меня стало обидно.

— Понятно было, что этим дело кончится. Следствие зашло в тупик.

— Иришка, что делать будешь?

— Ничего. Заниматься своими делами. До следующего трупа...

— Думаешь, что опять кого-то убьют?

— Сам смотри, как кучно сразу пошло. Год прошел с первого трупа. Потом двое. Ждем следующих. Он уже привык убивать, вошел во вкус. Убить страшно первого человека. А потом люди привыкают убивать...

— Как страшно ты об этом рассуждаешь. Как будто убивала.

— Не убивала, но мне военные часто рассказывали, каково это...

— Они дебилы, такое ребенку рассказывать?

— Это если ребенок домашний, то ему не рассказывают. И что ты хочешь? Они контуженные... А у тебя как дела в кафешке? Ремонт идет?

— Не идет, а едет. Такими темпами раньше управятся.

— Они что, и ночью работают?

— До одиннадцати. Им всем деньги нужны. Вот они и пашут...

— Значит, пора об оборудовании беспокоиться. Что покупать будем и где? Альбина

Владимировна нашла что-то?

— Завтра я к ним заеду. Хочешь, едем со мной...

— А вот хочу! Посмотреть хочу, что там и как.

— Значит, поедем вместе.

Поговорили еще немного. И пошли все по своим комнатам. Скучно стало как-то без Петьки и собаки. Причины нет, чтобы в лес пойти погулять. То хочешь не хочешь, а в лес шли из-за Грейса. А теперь вроде и смысла нет туда тащиться... Да и неохота. Поэтому просто пошли спать.

Весь следующий день мы потратили на свое кафе. Если так и дальше пойдет, то мы откроемся намного раньше. К нам уже со всего центра офисные работники приходили. Узнать хотели, что здесь будет. Жаловались все на предыдущего арендатора, хитрого и жадного армянина, который пытался кормить людей помоями. Слова не мои, народные. А народ врать не будет...

Приехали поздним вечером домой уставшие, как собаки, но довольные. Все складывается с нашим кафе как нельзя лучше. Рабочие делают ремонт на совесть. Что уже само по себе редкость. Никита сказал, что он их наймет на отделку домов. Совестливые и рукастые строители по нашим временам большая редкость. Востриковы занялись поисками профессионального оборудования. Дизайнер нашел, где закупить оптом качественную мебель для кафе. В общем, с этой стороны все было нормально и предсказуемо. Никакого подвоха. Но у меня почему-то щемило сердце. Как будто в предчувствие надвигающейся беды...

Никита уехал по делам с самого утра по поводу мебели договариваться. Я еще спала. Неожиданности начались с утра. Сначала позвонил Петька и со слезами в голосе спросил, можно ли пожить в нашей квартире. Я ему сказала, что он может там пожить или сюда приехать. И совсем не удивилась, когда спустя два часа он приехал в поселок с Грейсом.

Только после долгих расспросов Петька признался, что Грейс покусал нового мамкиного сожителя. Но сделал это, защищая от побоев Петьку. Сожитель пообещал накатать заявление в полицию. Петька пообещал накатать заявление на сожителя. Они друг друга поняли без переводчика, и сожитель по-быстрому съехал из их квартиры.

Собирая свои манатки, сожитель прихватил всю выпивку и всю закуску, поскольку именно он это богатство и приволок. При этом он рассуждал, что раз светское общество не ценит такого члена, раз его гонит и за него никто не заступился, то он их накажет самым болезненным способом. Остальные собутыльники, оставшись без живительной влаги, дарующей им сверхъестественные способности, озверели от этого и выгнали виновного, то есть Петьку, из квартиры взащей. Мать за него даже не заступилась. Видимо, водка стала ей дороже родного сына.

Выгнанная алкашами за дверь «сладкая парочка твикс» зашла сначала в нашу квартиру и решила обустроиться на ночь там. Потом подумали и решили ехать в поселок в гости. Петька привел Грейса к Айболиту, чтобы он осмотрел своего шерстистого крестника. Алкаш успел пнуть Грейса. Вася сказал, что ничего страшного нет. В лечении пес не нуждается: алкоголизмом от пьянчуг еще ни одно животное, укусив, не заразилось. На природе пес быстрее придет в себя. Из чего Петька сделал вывод, что надо ехать в поселок к нам.

Мама сразу кинулась кормить обоих. Спустя десять минут Петька и Грейс напрочь забыли про свое горе. Спустя полчаса оба побежали на улицу, то бишь в лес гулять. Я с

мамой осталась дома. Мы решили поговорить, пока нам опять не помешали.

— Пора покупать все к школе. Иришка, на днях съезди с ним.

— А что покупать? У него многое осталось с прошлого года. Одежду он отказался покупать. Сейчас, мол, можно и в джинсах в школу ходить. У него же не лицей, где обязательно форму покупать надо. Или пусть с Никитой съездят. Они лучше общий язык найдут.

— Ты права. Так лучше...

— Вот знаешь, мама, что странно?

— Что?

— Почему он Гену принял в штыки, а с Никитой нашел общий язык?

— Я откуда знаю? Да и он сам не знает. Интуитивно, наверное. Раз так интересно, спроси.

— Нет, не хочу. Я еще помню, как от одного этого имени Никита на потолок от ревности лез. Нет уж, с меня тогда его ревности хватило.

Никита приехал после обеда. Сияет, как начищенный самовар.

— Иришка, мы с Мишей такую классную мебель выбрали. Обалдеешь...

— А по цене как? Дорого?

— В том-то и дело, что цена для такого качества вполне нормальная. У нас даже экономия приличная получается. Я сразу после кафешки бригаду на дом переброшу. Пусть там работают. Не хочется классных специалистов терять. Знаешь, к твоему дизайнеру уже стали заказы поступать?

— На дизайн?

— И на работу, и на дизайн. В общем, прорабом он оказался приличным. Я там видел пожитки Петькины. Их опять из дома выгнали?

— Опять. Они гулять пошли. Хочешь, тоже пойдем прогуляемся?

— Ой, нет. Я устал очень. Вот отдохну и потом можно прогуляться.

— Тебя покормить?

— Нет. Пойдем отдыхать?

— Не смею отказаться, — и пошла с мужем наверх в спальню.

Я спать и не собиралась. Но настолько приятно было лежать, обнявшись с мужем. Насколько спокойно, что я сама не заметила, как заснула. Пробуждение наше было жутким. Внизу Петька орал, как резаный поросенок. Кто-то ему тихо отвечал. Грейс еще подгавкивал...

— Что за вопли с утра пораньше? — возмутилась я тем, что пришлось спуститься вниз.

— Ура! Теть Ир, у нас еще труп! — закричал Петька с такой радостью, как будто выиграл в лотерею джекпот.

— И чему ты так радуешься? Убили человека, а ты радуешься. В нашем поселке скоро станут за копейки дома продавать, — одернул его Никита.

— Почему? — спросил Петька: он не понимает, что такое страх.

— Люди уезжать начнут отсюда. Как говорится, от греха подальше.

— Кого на сей раз убили? — я спросила, поскольку стало любопытно.

— Не поверишь. Невестку ювелира, — ответил Никита.

— Хоть и неприятная особа, все равно жалко женщину, — сказала мама.

— Недолго она счастливой побыла. Как ее приголубили? — спросила я.

— На троне убили, — растерянно ответил Никита.

— Убили или нашли на троне?

— Не знаю.

— Отравили?

— Не знаю. Всех оттуда выгнали. Поэтому пока ничего не знаем.

— Ничего. Скоро все узнаем от Макса. Нет смысла подслушивать и подглядывать за полицией.

— А я хотел свои услуги предложить, — уныло проговорил Петька. Ему хочется действовать.

— В чем?

— Принести разведданные. Вдруг менты что-то прозевают опять.

— Наверняка прозевают. Ты мне ответь, что ты так с утра горланишь?

— Петька требовал тебя разбудить, чтобы заняться этим делом, — рассказал Никита и смотрит на меня. Ждет, что я скажу.

— Зачем так орать? Выспаться не дал. Я спать. Никита, ты со мной?

— Иду, любимая, — и столько ласки в его голосе. Это он на публику в лице неугомонного Петьки играет роль.

Поднялись в спальню. Слышно было, как Петька нам прокричал, что все равно пойдет на разведку в стан врага, рискуя своей юной жизнью. И принесет нам свежие разведданные. Мы закрыли дверь, улеглись в постель и начали рассуждать.

— Что скажешь? Ты же знала, что будут трупы.

— Ничего не скажу. Эти дела могут быть не связаны. Ее муж мог убить.

— Зачем это ему? Не проще развестись?

— Может, она ему надоела хуже горькой редьки, а развестись он не может по финансовым соображениям. Вот он ее и отправил на тот свет. Кто угодно ее мог убить. Дамочка противная.

— Почему на троне?

— Чтобы к старым трупам приплюсовать. Чтобы все думали, что маньяк.

— В магазине все об этом и твердят. Мол, трон маньяка с ума свел...

— Теперь майору хвост начальство должно прищемить. И какое странное совпадение. Только камеры оттуда убрали, и Софья стала радостной ходить. Как нате вам, она трупом стала.

— Думаешь, это как-то связано?

— Черт его знает. Но придется старую историю всерьез поднимать. Без этого никак не получится.

— Ездить будешь только со мной. Я не собираюсь становиться вдовцом.

— Завтра и начнем. Ремонт идет своим чередом. Мы там не нужны. Значит, время у нас есть, чтобы поковыряться в этой навозной куче.

— Ты и про Софью станешь выяснять?

— Нет, она мне не интересна. Но почему Николай старого еврея по голове тюкнул? Вот что меня интересует.

— Почему?

— Потому что не понятно. Ювелир маленького роста. Он бы все равно в дупло не заглянул. Зачем его было по голове бить и притом так сильно. Что такого он не должен был увидеть? Притом не в дупле, а где-то рядом.

— Иришка, давай хоть сегодня отдохнем от души. А то я чувствую, что кончились наши

спокойные деньки. Завтра сюда наведается сначала полиция, потом сынок ювелира. Затем все остальные заинтересованные лица.

— А сегодня нас ни для кого нет? Согласна. Труп все равно никуда от нас не убежит. Информацией мы только завтра разживемся. Давай хоть один день поживем для себя любимых...

В тишине мы с мужем обсудили планы на завтра. Поговорили по душам. Наконец-то Никита меня услышал и понял. Доказательством верности моей теории стал новый труп. Лучшее, что мы можем сделать — найти убийцу. Иначе жертв будет больше. Хорошо, когда тебя понимают...

На следующее утро мы поехали к матери первой убитой девушки. Отца у нее не было. Он умер несколько лет назад, будучи молодым. Полиция установила ее личность сразу. В кармане у девушки были ламинированные водительские права. Труп опознать было трудно, но хорошо сохранились татуировки. Вот по ним-то и опознала мать свою дочь-утопленницу. Звали ее Костина Елена. Ее первую убили. Странно, но никто ее даже не искал. Вот что нас удивило. Мать была уверена, что она умчалась с каким-то любовником на моря. Со слов матери, по мужикам она стала таскаться еще малолеткой. Что называется, молодая да ранняя.

— Мне не жаль, что она сдохла! — выкрикнула нам ее мать.

— Почему? Она же дочь?

— Она у меня мужика увела. С ним на море и умотала.

— Сейчас вы знаете, что она убита. Значит, никуда не умотала. Может, и не уводила мужика. Просто так совпало. Вы убийцу дочери не хотите найти?

— Мне это зачем? Вам надо, вы ищите. Она мне нервы хорошо помотала. Даже вспоминать про то время не хочется.

— Подождите. Но она же вроде танцами занималась. А вы говорите, что шлялась где попало.

— Занималась. Но совсем не танцами. С танцором путалась, с Сашкой Гвоздевым. Он танцами серьезно занимался. А моя так. Погремушка. Больше выпендривалась, чем танцевала. Да перед мужиками задом вертела...

— Скажите, вы стопроцентно уверены, что это труп вашей дочери? Мало ли одинаковых татуировок?

— Родинки-то ее. По ним я и опознала. Татуировки ее. Точно она. Сомнений нет. Свечку за упокой я в церкви поставила. Ничего не знаю и ничего не видела. И знать ничего не хочу. Все. Разговор окончен, — сказала она и захлопнула дверь прямо перед носом.

— Это нормально? — Никита в шоке.

Я тоже, честно говоря, удивлена. Ладно, при жизни дочь матери жизнь портила. Но теперь пора закрыть счет. Нет ее в живых. Чего так кипятиться?

— Пошли тогда к этому ее дружку, с которым у нее тату на двоих...

— Как на двоих? Одинаковые?

— Зеркальная тату у них. Симметрия. Одна половина у него набита, а вторая у нее. Типа, только вместе они единое целое.

— Раньше татуировки набивали заключенные, моряки и идиоты.

— Знаешь, Никита, ничего в мире не изменилось. Набивают тату те же категории. Урки, моряки и идиоты... Только идиотов стало больше. И они стали круче. Они теперь набивают

татухи прямо на физиономию. Как будто им противно на себя смотреть?

— Точно.

— Значит, она танцевала какое-то время. Но всерьез танцами не занималась. Так, для души.

— А этот дружок ее?

— Он танцором профессиональным собирался быть. Я в интернете полазила.

— И какие перспективы у него?

— У него неплохие перспективы были. Мог крепким профессионалом стать, если бы не травма. Серьезная травма. Его машина сбила несколько лет назад. С тех пор он и не танцевал. Карьера кончилась. Знаешь, кто у него был конкурентом?

— Интрига? Удиви меня.

— Роман Мельников. Тот самый молодой человек из нашего поселка.

— Ничего себе. И кто побеждал?

— Побеждал Роман. Всегда. Если он был заявлен участником, то этому Гвоздеву ничего не светило. Он Роману и в подметки не годился.

— Тогда интересная картина складывается.

— Интересней некуда. Только представь. Идут соревнования. Крупный и богатый спонсор. Победитель станет настоящей звездой. Деньги опять же дождем посыпятся. Большой денежный контракт и карьера гарантированы. И вдруг в самом начале соревнований победителю почему-то становится плохо. Не просто плохо, а вызывают скорую, и он попадает в реанимацию.

— Ничего себе история.

— У нее есть и продолжение. Роман из реанимации выходит вот таким. Сам понимаешь, что танцор он теперь никакой. Крах карьеры. Победителем становится Александр Гвоздев, но радость его была недолгой. Победителя сбивает машина. Да так, что проезжает по ногам. Ноги в хлам. Собирали по осколкам. Он ходит хромя. И какие могут быть профессиональные танцы? Контракт не подписан. Крах карьеры...

— Похоже на месть.

— Я так же подумала...

— Или третье заинтересованное лицо. Кто был третьим? Кто получает гешефт, если два победителя выбыли?

— А вот это мы и попытаемся понять. Кто выгодоприобретатель.

— Иришка, куда поедем?

— На Кропоткинскую путь держи. Там рядом Гагаринский переулок.

— И кто там?

— Там его папа и мама, бабушка и дедушка. Потомки дворянского рода.

— Так вот откуда танцы. Белая кость?

— Голубая кровь. Правда, род был хоть и древним, но обнищавший.

— А теперь угасший? Есть там братья или сестры?

— Ты имеешь в виду, что на этом Александре род оборвался? Не все так грустно. Там же родители еще могут детей нарожать. Возраст позволяет. Но все равно страшно туда ехать...

— Почему?

— Потому что у них горе. Могут не просто послать, но и по мордасам надавать за неудобные вопросы.

— Их понять можно. У них горе: умер единственный сын и внук. А мы, как гиены, будем поднимать старую историю, от которой за километр воняет.

— Вот именно. Раньше за такое вызывали на дуэль.

— А теперь просто по морде перчатками. Или пощечин надают.

Я сказала Никите адрес. Оказалось, это недалеко от метро. Дом очень красивый. Старый. Интересно, какие его родители? А дед с бабкой? Дворяне... Ну, посмотрим, каковы нынче потомки дворян.

Дверь нам открыла женщина неопределенного возраста.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровались мы с ней.

— Здравствуйте. Проходите. Давно ждем.

— Вы уверены, что вы нас ждете?

— А кому мы еще нужны?

— Видите ли, я частный детектив. Именно я заставила полицию прочесать озеро. Там нашли тело Александра.

— Заходите. Нам есть о чем поговорить.

Меня с Никитой провели в гостиную. Квартира просторная и светлая. В такой квартире жить и жизни радоваться. А здесь горе чувствуется во всем. А главное — тишина. Вроде и люди есть, но сидят молча. Ждут чего-то. Чего? Кто должен первым начать разговор по этикету? По-моему разумению, пришедший должен заявить дворецкому о своей явке на раут. И дворецкий уже объявляет во всеуслышание о прибывших.

— Это те люди, благодаря которым нашли нашего мальчика.

— Спасибо Вам.

— Вы частный детектив. Я правильно услышала? Я не ошибаюсь? — спросила бабулька. У этой бабули феноменальный слух, если она слышала мои слова, сказанные в коридоре. В таком возрасте такой слух. И со зрением у нее все в порядке. Глаза ясные и смотрят прямо. Привыкла повелевать.

— Поняли вы абсолютно верно.

— Какой слог...

— Так общество обязывает...

Смотрю, у нее смех в глазах заплескался. Давно старушенция отпора не получала. А то ишь, повадилась завуалированно хамить.

— Почему вы их заставили?

— Думала, что в озере другого человека найдут. Девушку. Она пропала год назад. А нашли вашего парня.

— Мы его хоть по-человечески похоронить смогли. Вы знали нашего мальчика?

— Нет. Не знали.

— Вы же не просто так к нам пришли? Что-то хотели?

— Извините, но мне бы получить ответы на вопросы. Это важно.

— И как это поможет нашему сыну? — спросила женщина, которая открыла нам дверь. Значит, это мать.

— Ему это не поможет. Но это поможет найти того, кто убил его и еще двух девушек. А может быть и больше.

— Так вы думаете, что это маньяк с ним расправился?

— А вы думаете, кто расправу учинил?

— Как вас зовут?

— Ирина.

— Просто Ирина и все?

— Просто Ирина. К чему церемонии...

— Ни к чему. Верно. Ладно. Отвечу честно. Мы думали, что это месть.

— За что?

— За то, что случилось с Романом. Но наш сын здесь не при чем. Что бы там ни говорили. Он и так сильно пострадал. Ему и так отомстили. Сделали колченогим. Лишили любимого дела, карьеры, славы, денег... А потом и жизни. Всего лишили.

— А вы можете показать фотографии вашего сына?

— Вы извините, Ирина. Но не совсем вовремя вы пришли. Может, давайте договоримся на другое время. А то мы ждем людей. А показывать фотографии — это дело не пяти минут. И даже не полчаса на это уйдет. Вам же и ту историю рассказать надо будет. И комментарии к фотографиям дать исчерпывающие. Давайте обговорим, когда вам лучше прийти.

— У меня свободный график. Как скажете, так и приду.

— Давайте послезавтра с самого утра. Часов в девять вас устроит?

— Вполне.

— Вот и договорились. Тогда ждем послезавтра к девяти часам.

— До свидания, — попрощалась я. Никита вторил эхом.

Мать Александра пошла нас проводить до дверей и что-то сунула мне в руку. Я не подала виду, что мне что-то всучили. К чему такие тайны? Станные они, эти дворяне. Ни слова в простоте не скажут... Вышла на улицу. Вздохнула полной грудью. Ощущение, что в склепе побывала. Никита тоже смотрю, как выжатый стоит.

— Иришка, и как тебе дворянское гнездо?

— Знаешь, не могу я с такими снобами общаться. Вроде и не нахамили, но в душу норовили плюнуть. Впрочем, поживем — увидим. Что она мне там сунула? Телефон. Кто бы сомневался?

— Раз скрытно сунула, значит, есть что от родни скрывать.

— Я уже догадалась. Хочет поговорить со мной с глазу на глаз.

— Иришка, ты звонить будешь?

— Позвоню, но не сейчас. Потом как-нибудь. Поманежу дворянку. Пусть в собственном соку промаринуется. Сговорчивей будет. Это ей надо что-то сообщить. А нужна ли эта информация мне? Вот в чем вопрос...

— Тоже верно. А вдруг у нее есть что-то важное?

— День потерпит. Ничего. Спесь собьем с дворянского племени.

— Иришка, а бабка тебя зацепила.

— Чем она могла меня зацепить?

— Спесью своей великосветской и зацепила. Мстишь?

— Есть такое дело. Маленько.

— Мстишь маленько или зацепила маленько?

— Зацепила маленько, вот и отомщу маленько. И хватит давить на мозоль. Позвоню я ей, не беспокойся. Когда сочту нужным...

— Все понял. Куда дальше едем, госпожа?

— Дальше едем к Наталье Королевой. Метро Смоленская. В смоленский переулок.

— Кто это? Третья жертва?

— Она. Которая на троне померла. Наталья Королева. Королевишна.

— И фамилия подходящая.

— Да уж. Совпадения еще те. Интересная вообще особа. Мне Макс ее почту вскрыл. Вот у кого с головой беда была полная.

— То есть она дура?

— Нет. Она мозгами свихнулась на чертовщине. У нее все сообщества, где она состояла — поклонники сатаны.

— И давно она такая?

— С тех соревнований. Сейчас точно узнаем у родни.

— Она-то каким боком к танцам?

— Она была парой Романа. До самого последнего...

— Значит, она точно должна знать, что там произошло. Почему парень таким стал? Кто виноват?

— Я тоже так думаю.

Приехали по адресу. Дверь стоит дубовая: крепкая и красивая. Звоним в дверь. Никто не открывает. Я прижала ухо к двери, прислушалась. Слышно, что за дверью кто-то есть.

— Откройте, пожалуйста. Мы знаем, что вы дома.

— И что? Я вам не обязана открывать. Вы кто?

— Я была на месте преступления, когда вашу дочь обнаружили.

За дверью загремели замками и цепочками. Дверь открыла женщина. Отошла, пропуская нас внутрь.

— Проходите на кухню. Там будем разговаривать.

Мы с Никитой зашли на кухню. Обычная кухня. Чисто, приятно пахнет корицей и ванилью. Обычный гарнитур, обычная посуда. Все как у всех. Ничего сверхъестественного и демонического. Даже веселенькая яркая расцветка присутствует в палитре цветов. И тут жила будущая жена сатаны? Не похоже...

— Что вы хотели узнать?

— Все, что сочтете нужным рассказать.

— Моя дочь не виновата, что с Романом так случилось.

— А почему вы оправдываетесь? Вас разве кто-то обвиняет?

— Да нас с тех пор все обвиняют, кому не лень. Во всем. Вон и родня этого Сашки Гвоздева. Приперлись, на панихиде скандал устроили. Муж от стресса в больницу после этого попал.

— Вы дверь поэтому никому не открываете?

— Я всем перестала дверь открывать. Я их боюсь.

— Почему? Они угрожали?

— Карамии небесными грозили. А нас и так Бог покарал. Хуже нет, когда ребенок твой умер, а ты жива.

— Вы думаете, что она сама умерла?

— Они так кричали. На все кладбище орали, что она самоубийца. А это не так. Она верующая. Она не могла. Мы с мужем перепугались, что вдруг на кладбище запретят хоронить...

— Если разрешение есть, никто уже не запретит. Так что зря пугались. Кладбища у нас светские.

— Мы не знали. Ее отпеть успели в церкви. А Гвоздевы-то уже на кладбище приехали и скандал закатили. Дочку убийцей выставили. А она никого не убивала. Неправда это все.

Оговорили ее злые люди.

— Я знаю точно, что ваша дочь не самоубийца. И могу вам это доказать.

— Как вы докажете? Полиция ничего доказать не может. Никому ничего не нужно.

Никому...

— Ее убили. Цинично и жестоко, навязав чувство вины.

— Убили? Кто? Кому это нужно?

— Человеку с извращенной фантазией. Он использовал ее страхи. Но это точно убийство. Вне всяких сомнений.

— А полиция почему так не думает?

— Откуда вы знаете, что они думают?

— Они сказали, что это самоубийство...

— Им так выгодно, чтоб это считали самоубийством. Хотите, прямо сейчас вам докажу обратное?

— Хочу. Иначе я просто сойду с ума.

И я в подробностях изложила все свои подозрения по поводу убийства. Она время от времени перебивала меня, задавала вопросы. Я терпеливо объясняла. И про босоножки, которые потом нашли в дупле. И про телефон, который оказался притоплен вместе с банковской карточкой в пакете. И про туфли, которые возникли ниоткуда. Про бутылочку с транквилизаторами. Про цветы и ленты. Про все в подробностях. Мать Королевой сидела, внимательно слушала, вытаращив на меня глаза. Она таких подробностей не знала. Полиция ей ничего не объясняла. Просто попросили опознать труп, поскольку жертва была без документов. И все.

— Хотите совет? Расскажите все это мужу. Он у вас верующий. Ему это душу облегчит. Он же слег, поверив наветам на дочь. И сами вы будете знать, что сказать людям, повторяющим эту сплетню.

— Даже не знаю, чем вас благодарить. Душу облегчили.

— Расскажите мне все по порядку. Что там произошло много лет назад с Романом. И что вам говорила ваша дочь в свое оправдание. Что говорили остальные люди, тоже вспомните. В общем, чем подробней мне расскажете, тем для дела будет лучше. Легче убийцу будет вычислить.

— Ну хорошо. Слушайте, — сказала она. И повела свой рассказ с самого начала. Повела она мне много интересного.

— Люди думают, что бальные танцы — это просто красиво и все. Молодые красивые люди танцуют красиво. Все честно и гламурно. И никто со стороны не знает изнанки. В танцах интриг не меньше, чем в балете. И даже больше. Балет — это наше все. А к танцам пока такого отношения нет. Но деньги там крутятся, и притом немалые. Первым делом никто не задумывается, сколько надо денег на экипировку. Бальные платья для танго, платья для вальса и так далее. Для каждого танца свое платье. Меняться они должны постоянно. Иначе люди, как в 19 веке в высшем светском обществе, подвергнут остракизму. Это моветон, когда в одном и том же, пусть и великолепном, платье выступаешь дважды. Это обязательно заметят «доброжелатели» и тут же начнут перемывать кости. Злословить и сплетни мерзкие распускать.

— Могу себе представить. Если не умеешь шить сама, то разорить такое увлечение запросто может.

— К нашему счастью, я и сама шить умею. Но моя сестра шьет шедевры. Творит. Она

владеет небольшим ателье, но костюмы нашим деткам всегда конструировала и шила она сама. Лично. Своими ручками. Ночей не спала. У нас, благодаря ей и ее костюмам, которые она шила, затраты были небольшими. С обувью ведь такие же проблемы: колодка должна быть удобная и не натирать. К каждому соревнованию мы выдавали шедевр. Отчасти поэтому наша пара и лидировала всегда. Они же с Ромой по всем параметрам подходили. Пара была, как говорится, от бога. И вот беда пришла, откуда не ждали. Настало время Наташе влюбиться. Надо же было ей не в Рому влюбиться, а в этого Александра Гвоздева. А тот всегда был вторым. И завидовал Роману. Вроде и друзья, но завидовал.

— С чего вы взяли?

— Что друзьями были? Так они втроем с детства дружили. У одного учителя в одной группе начинали. С младых лет вместе. Это потом, под конец, разные у них учителя стали. Рому с Наташей заметили и пригласили к знаменитому Щербакову.

— Ничего себе. К самому?

— Вот именно. Кто бы отказался? Это карьера гарантирована. Успех. И вот дружба дала трещину. А тут еще эта любовь...

— Сам Гвоздев как на ее чувства отреагировал?

— А вот сейчас поймете. Сейчас расскажу, как этот подонок мою дочь использовал, чтобы Романа уничтожить. Он же честно победить не смог бы никогда. Не тот у него уровень. Он красив и статен. Танцует как бог. Но вот именно, что как. А Рома — бог танца. Наша Наталья лишь оттеняла талант Романа, если честно. Он бы побеждал и с другой напарницей. Если бы Наташа вздумала поменять пару, то в напарницы к Роману очередь бы выстроилась аж до Китая.

— Такой спрос?

— А как вы думаете? Он гениален в танце. Этот Саша Гвоздев — жалкое подобие, второсортная копия. Вот поэтому он и не смог смириться, не устоял. Совершил подлость, низость, гадость... Сейчас объясню. Вы никогда не замечали, что танцоры всегда приезжают на соревнования с кучей родни?

— Ну да, есть такое. Танцоры выступают, а родня сидит и вещи стережет обычно. Хотя там и шкафчики есть, и они вроде даже запираются.

— Не поняли, зачем родня вещи охраняет?

— Чтобы не испортили реквизит?

— Вот именно. Конкуренты, чтобы победить, готовы и костюмы попортить. А ведь тут не только талант оценивается, но и костюмы. И в обувь что-нибудь насыпать. Хромать начнешь и все. Ты выбыл из соревнований. И воду охраняют. Это же с виду только красиво пары кружатся. Вы знаете, что танцы — это похуже спорта? Там такие калории сжигаются, что никакие фитнес тренировки и рядом не стояли. Поэтому танцоры всегда привозят с собой свою привычную им воду в бутылочках. Знаете, сколько пота выделяется при танцах? Поэтому привозят упаковки воды. Вода, чтобы пить. Чтобы обезвоживание не наступило.

— Почему привычную? Разве не все равно, какая вода?

— А вдруг водичка не пойдет и танцора прохватит? Не задумывались? Как тогда танцевать?

— Ну да. Если желудок слабенький...

— Не слабенький у них желудок. Но не могут танцоры из-за такого пустяка рисковать. Не имеют право. Так вот, родня и воду охраняет к тому же, чтобы конкуренты ничего не подсыпали.

— Неужели случаи бывали?

— Еще сколько. К примеру, паре выходить, а один из партнеров дрищет, как кот помоечный.

— Помоечный кот не дрищет. У них желудки крепкие... — это Никита вставил свое мнение. За котов помоечных заступился...

— Допустим, вы правы. Но эти-то танцоры вроде выпивали привычную водичку. Не из-под крана лакали питье. А весь секрет поноса в том, что им пакостник какой-то в бутылочку успел таблеточку слабительного кинуть. Те не всегда бдительно за своим питьем следили. Вот и весь секрет.

— Вы намекаете, что Роману кто-то что-то в воду подсыпал?

— У этого доморощенного Казановы Гвоздева была любовница потаскуха, какой свет не видывал. Ходила там, своей задницей виляла. И вот подходит она к моей Наталье и делает ей эксклюзивное предложение.

— Хочешь с Сашкой Гвоздевым парой стать?

— В каком смысле?

— В прямом и переносном. Мы с ним расстались...

— Но я же с Романом пара.

— Бросишь своего Романа. В вашей паре ты главная. А Роман этот — фигня на постном масле.

— Зря ты так говоришь. Роман талантлив.

— Ага. Хочешь, секрет открою, почему вы выигрываете?

— Почему?

— Из-за ваших тряпок. Ваши костюмы всегда улетные. Вот вы и побеждаете. И ты танцуешь клево. А Роман так... ничего необычного. Средненький танцор.

— Откуда ты это взяла? Мы честно побеждаем.

— Видишь главного судью? Он сказал, что вы уже победители. Если что-то не случится. А Сашка победить хочет и потом с тобой танцевать. Ему эта победа как воздух нужна. Как старт в большой спорт. Наталья до этого действительно видела, как Сашина бывшая подруга с судьей о чем-то долго разговаривала. И поверила этой змее Костиной.

— Что сделать надо? Запнуться, упасть? Платье порвать? — спросила она. Наташа для своего обожаемого Сашки готова была на все. Так влюбилась.

— Просто ему слабительное дай выпить и все. Он не сможет выйти на круг. Сашка победителем станет, — сунула ей в руки какой-то пакетик и ушла.

Долго думала Наталья над этим предложением. И надумала сотворить подлость. Решилась. Для Романа эти соревнования не играют роли, его уже зовут везде, и он нарасхват. А Гвоздеву надо дать шанс. Пусть и таким путем.

— Значит, она подмешала Роману таблетки, и он стал дурачком.

— Нет. С ним плохо стало от чего-то другого. Наташа в последний момент одумалась и не стала подличать.

— Тогда с чего ее совесть мучила?

— Она Роману ничего не рассказала. Рассказала бы, что Гвоздев с подругой задумали, и не было бы всего этого ужаса. А она смолчала. И вина ее есть в том, что Роман такой. Она ее с себя не складывает. Призналась мне. Выходила в коридор на своего Сашку полюбоваться. Вот пока глазела на него, им в воду что-то и подсыпали.

— Когда Романа увезли, она всем рассказала, что произошло?

— Не всем. Только устроителям. Да и то после соревнований. Костина от всего отпиралась и Сашка тоже. И главное, какой актер пропадает. Так убедительно всем врал. Даже я чуть не поверила. И все равно скандал замяли. Сашка Гвоздев победил. Получил и приз, и почет, и контракт должен был подписать. Спустя несколько дней его возле дома сбивает машина и переезжает по ногам. Как специально. И стал он хромым. А как хромому теперь в танцах побеждать? Хана карьеру. Бог шельму метит.

— Вы знаете, Мария, вы не сильно-то злорадствуйте. Сашка этот тоже не виноват, как и ваша дочь. Их обоих подставили и оболгали. Горе у вас общее. И вы, и Гвоздевы детей потеряли.

— Думаете, он не виноват? Тогда кому это все надо было, если не ему?

— Вот это я и хочу выяснить. Вы мне комнату дочери не покажете?

— Пойдемте, покажу, — сказала, встала и повела в комнату. Распахнула дверь, а там...

— Разверзлись врата адовы... — невольно вырвалось у меня.

Я действительно такого кошмара нигде не видела. Комната Королевы Натальи была розовым с позолотой будуаром. Как в одном человеке может уживаться сатанизм и розовая в разных оттенках комната?

— Это точно ее комната?

— Конечно. А почему спрашиваете?

— Она вроде не соответствует ее вкусам. Я другое ожидала увидеть.

— Она у нас всегда любила розовое.

— Давно ремонт делали?

— Года два назад.

— А розовый цвет кто выбирал?

— Она выбирала. Занавески сама выбирала. Это ее задумка полностью. Правда красиво?

— Гламурненько... — сказала я. И в ужасе от увиденного пошла на выход.

— Вы держите меня в курсе, что там и как. А то от полиции ничего не узнать конкретного. А я мать. Я должна знать...

— А они ничего конкретного вам и не скажут. Им не хочется лишний раз с вами общаться. Давайте обменяемся телефонами. И будем звонить, если что-то произойдет.

Мы попрощались и пошли. Сказать, что я была шокирована, это ничего не сказать. Никита тоже шел, как чумной. Сели в машину. Сидим и молчим. Перевариваем услышанное и увиденное.

— От такого кошмара обычный человек может несварение заработать...

— Как она в этом розовом с золотом кошмаре жила. Теперь понятно, как люди становятся сатанистами...

— Ты думаешь, что есть кто-то третий?

— Наверняка. Кто-то же подстроил аварию с Гвоздевым.

— Значит, не случайный наезд?

— Его не просто сбили, а развернулись и проехали по ногам.

— Развернулись, чтобы назад вернуться. А ноги — случайность... Может такое быть?

— Может, но они опять развернулись и второй раз по ногам проехались. Множественные осколочки. Запаришься ноги по кусочкам собирать. Ему вообще повезло, что ноги не оттяпали по самое не хочу. А ты говоришь — случайность...

— Ну да. Хоть и хромал, но на своих двоих. Похоже на месть.

— Не спорю. Ты знаешь, меня не это заинтересовало. Мать помнишь, что сказала про

судью?

— Костина судью знала и о чем-то с ним перетирала. Намекаешь, что не оттуда ли заказ. Может, ее вслепую использовали саму...

— Ты знаешь, Никита, что оценка танцев вообще дело такое... спорное.

— То есть как?

— Если главному судье надо было бы сделать победителем определенную пару, ничто этому не могло помешать. Танцы оцениваются субъективно. Нет там определенных, абсолютно четких критериев. Это не спортивная гимнастика с их сложными элементами...

— Тогда о чем Костина с судьей разговаривала?

— Да о чем угодно. Ей надо было с судейскими рядом покрутиться для правдоподобности.

— Думаешь, что Костина подмешала что-то Роману?

— Может, она подмешала, а может, кто-то другой. Теперь не выяснишь. Она могла видеть, кто это сделал. Ее использовали втемную. Она ведь первая оказалась убита. Спустила столько лет убили. Значит, кто-то до сих пор боится.

— Иришка, а если это чья-то месть. Может такое быть?

— Все может быть.

— Куда теперь едем?

— Домой. Если тебе никуда не надо.

— Поехали домой. Полный вперед...

Домой приехали уже ближе к вечеру. В кухне сидел Петька и что-то оживленно рассказывал маме. Мы были голодны и вымотаны. Поэтому, что там рассказывал Петька, я не слушала. Добила нас все-таки розовая комната «королевишны». Мы просто с Никитой поели и ушли к себе. Легли спать и проспали до утра.

Утром проснулись, встали, взяли Грейса и пошли гулять в наш лес. Петька подумал, что мы собираемся опять что-то искать на месте преступления. И попытался напроситься с нами. Но мы от него отбрыкались. Правда, с трудом. В лесу мы с Никитой просто гуляли. Надо было отдохнуть и мне, и ему. Из леса прошли в магазин. Там послушали сплетни местных кумушек. У меня создалось такое впечатление, что полиция им все докладывает. Они нам и рассказали, что да как. Во всех подробностях описали место преступления. И действия полиции. И частично вспомнили, что кричал полицейским сын ювелира. Складывалась вообще не понятная мне картина. Получив порцию информации от первых сплетниц нашего поселка, мы с мужем пошли домой.

Там нас ждал свой доморощенный информатор Петька. Он специально отирался среди полиции, чтоб услышать и запомнить побольше новостей. А потом рассказать заинтересованным лицам. То есть мне и Никите. Как только мы присели за стол, Петька стал что-то рассказывать. У меня голова была занята переработкой сплетен, полученных от местных жителей. Поэтому я не прислушалась к рассказам агента Петрухи. А зря...

— Теть Ира! Ты меня слышишь?

— Сколько раз говорить? Не называй меня тетей...

— Хорошо. Ирина, ты слышала, что я рассказывал?

— Нет, не слышала. Я ела.

— Раньше ты ела, внимательно слушала, думала и даже успевала отвечать. Теряешь навыки, жена, — Никита решил меня подкузьмить.

— Кто бы говорил. Я, может, настолько впечатлена изяществом комнаты Королевы, что думать не могу.

— А что там такого интересного? — Петька от любопытства даже забыл на меня обидеться.

— Да ничего там интересного нет. Что у вас такого случилось, что ты на месте не можешь усидеть?

— А у нас скандал на месте преступления сыночек ювелира устроил. Вроде бы его жена ушла в серьгах крутых. Причипурилась, приделалась. В туфлях новых. А убитой ее нашли в каком-то жутком тряпье, и серьги дорожные пропали.

— И в чем подвох. Обокрали его женушку.

— Ему также менты сказали. А он стал орать ерунду всякую. Я так ничего не понял...

— Почему не понял?

— Он слова какие-то непонятные говорил. Менты его поняли, а я нет.

— Это уже становится интересно. Переодевать-то ее зачем? Что на ней было? Платье?

— Тряпье старое. Но не штаны, это точно.

— А ты точно не помнишь, какие слова говорил юрист?

— Нет, не запомнил. Он быстро говорил. Вот как он матерился, я помню. Могу сказать дословно. Это я крепко запомнил.

— Нецензурная брань нас не интересует. Хотя погоди. Он в чей адрес матерился? Не на полицию?

— Нет. Они сами от таких матов ошалели.

— Все равно интересно: зачем ее переодевать надо было? У нее шмотки не фирменные. Фигура так себе. Одежда тоже. Кому ее барахло нужно было?

— Может, она на камень пришла в ролевые игры поиграть с мужем? — выдвинул версию Никита. Версия забавная, но неправдоподобная.

— Скорее с любовником. Тот ее насмерть полюбил. Муж матерится, потому что узнал, что он рогоносец. «Ты рогоносец, Бонасье, ты рогоносец!».

— Мне одному кажется, что убийца не совсем нормальный? Он что-то этим переодеванием сказать хочет? И сколько он еще убьет? — Никита задал правильный вопрос.

— Вот именно. Он что-то хочет сказать. Королеву на троне переобул. Платье у нее не дешевое. Так что для коронации и это подойдет. А вторую жертву, «старуху Изергиль», передел в достойное ее шмотье. Тряпье — вот ее одежда. Для чего эта постановка? И какие роли он еще расписал? И главное, кому? Кто следующий? — задала я вопрос.

— Ты думаешь, он не остановится? — спросил Петька. Ему интересно.

— Я ничего не думаю. Просто мне этот персонаж интересен. Эта Софья здесь ни к месту. Она мне все карты путает. Всю схему сломала. Она-то к балетным каким боком? Чем она заслужила такую смерть на троне?

— Может, она просто под горячую руку попала? — у мужа своя версия.

— Тогда трупов будет немерено: он всех, кто мимо будет проходить, мочить станет. Тогда он не маньяк, а просто очень злой, — сказала я.

— Можно подумать, что маньяки добрые, — Петька попытался пошутить. Не к месту шутка пришлась. Он это понял и замолчал.

— И знаете, что меня напрягает? Преступник вообще какой-то странный. Нет логики. Все спонтанно. Временные промежутки разные. Люди разные. Их объединяет только место действия убийства. У озера. Или я чего-то не знаю, или не заметила. Мне надо думать, —

высказалась я.

— Думай, сколько влезет... — проронил Никита.

— Знаешь, что меня вчера в рассказе матери Королевой удивило?

— Что?

— А целью не сам Роман был. Им было без разницы, кого потравить.

— С чего такие выводы сделала? — спросил Никита.

— Роман с Натальей — пара. Они пьют одну и ту же марку воды. Вся вода стояла в шкафчике Натальи. Подсыпали им в бутылку препарат. Где гарантия, что именно Роман возьмет попить эту бутылку? Никакой гарантии. Ее могла взять и Наталья. А значит, и она могла отравиться.

— Значит, и ее могли убить? — заинтересовался Никита.

— Никого убивать не собирались. Просто временно вывести из строя. И все. Обычная практика подлых людей. Хотели напакостить по-тихому. Только не знали, что Роман аллергик. Не думали, что он впадет в кому. Не такой был их план. Совсем не те последствия они ожидали.

— А если бы Наталья выпила воду, то у нее просто началась диарея?

— Именно. Не было бы катастрофических последствий. Подумаешь, один раз не победили бы.

— А Наталья всем рассказала правду? — спросила мама.

— Нет. Она правду только устроителям рассказала. А те дело замяли. Им не нужен был такой скандал. Я хочу понять. Это за Романа убийца мстит? Или просто так совпало у маньяка?

— Все-таки это маньяк? — спросил Никита.

— Не знаю. Но я буду его так называть. Просто интересно, что нам завтра родственники Гвоздева поведают.

Но еще интересней стало то, что вечером к нам пришел с понурой головой сын Натана Львовича собственной персоной. И стал упрашивать меня взяться за расследование дела о смерти его жены.

— Ирина, я хочу вас нанять для того, чтобы вы нашли убийцу моей жены, — заявил он прямо с порога.

— Этим полиция занимается, — сразу стала отбрыкиваться я.

— Они никого не найдут. Умеют только протоколы составлять.

— Это тоже надо кому-то уметь.

— А мне нужен убийца.

— С этим поручением обратитесь в детективное агентство, если вы не доверяете полиции. Там вам помогут.

— Отец доверял вам. А он знает, что делает.

— Как ваш отец? Как его состояние? — попыталась я перевести разговор на другую тему.

— Без изменений. Так вы поможете?

— Нет. Я вам в прошлый раз все объяснила. Мне некогда. И я не собираюсь с вами подписывать никакие договора.

— Плачу наличными, — сказал он и вытащил пачку денег. Наверное, думал, что от таких денег у меня в голове переклинит. И я сразу же соглашусь на эту авантюру. Тоже мне, Карабас Барабас...

— Деньги не играют роли. Мне некогда заниматься вашими делами. Найдите кого-то другого.

— Никому ее смерть не интересна. Был человек и нет. И никому нет до этого дела. Вы не понимаете! Она погибла из-за меня...

— С чего вы так решили?

— Я знаю, что виноват в ее смерти.

— Вы свои версии расскажите полиции. Их они заинтересуют.

— Не станут они меня слушать.

— Так вы решили, что нашли благодарного слушателя? Я-то тут при чем? Чем заслужила столь высокое доверие?

— Отец сказал, что вы невероятной везучести девушка. Я решил обратиться к вам за помощью.

— Позвольте уточнить. Он вам сказал это до того, как его по голове в лесу приложили, и он впал в кому?

— Конечно.

— Тогда у меня второй вопрос. Почему вы знали, что я такая везучая, но попытались меня обмануть? Или обмануть лоха — ваша обычная практика?

— Зачем вы так? Просто я юрист и попытался сэкономить деньги отца.

— Вернее сказать, деньги отца пропавшей девушки. Себе на карман копейки выкраивали? Решили, что я контракт подпишу, не прочитав?

— Мне так Софья подсказала сделать.

— Вот она свою долю и заработала. Наверное, поплатилась за свое коварство и подлость.

— За подлость? Это не подлость, а всего лишь попытка заработать.

— Понимаете, я не занимаюсь такими делами. Вы пришли не по адресу. Мне повезло обнаружить кое-какие предметы. Я их сдала полиции. И на этом все. Мое участие в этом деле закончилось. Всего хорошего.

— Вы меня не слышите? Это я виноват в ее смерти.

— Идите и расскажите это полиции. Зачем вы меня этим грузите?

Не знаю, в чем дело, но мне был настолько неприятен этот человек, что прямо передергивало от омерзения. Он вроде внешне симпатичен. Ничего уродливого в нем нет. Но что-то останавливало меня от того, чтобы даже просто выслушать «несчастливого вдовца». Может, интуиция в действии? Мне хотелось, чтобы он немедленно ушел. Не хотелось его ни слышать, ни видеть. Чтобы прекратить его стенания, я взяла и ушла к себе в комнату, сказав напоследок, что разговор окончен. Проще говоря, я трусливо смылась в свою комнату. И вышла оттуда только тогда, когда громко хлопнула входная дверь. Вы поглядите на этого нахала! Он еще напоследок и дверями хлопает...

— Иришка, ты зря его не выслушала.

— Он все равно правду бы мне не сказал. Он врал тогда и собирался врать впредь. Понять бы, зачем он сюда прискакал...

— Думаешь, у него план нас использовать втемную?

— Скорее, мы ему нужны для показухи. Хочет устроить шоу. Мол, он так свою жену любил, что готов платить бешеные деньги наличными. А вы убийцу моей ненаглядной, горячо любимой Софьи найдите. Только не любил он жену. Совсем не любил.

— Почему так думаешь? — спросил мой муж.

— Интересные вопросы задаешь. Когда люди любят, это сразу видно.

— Они давно женаты, чувства угасли, — выдвинул он неплохую версию.

— Когда люди вместе давно живут, они все равно друг друга зеркалят. Перенимают от своего супруга жесты, повадки, смотрят и говорят одинаково. Они интересны друг другу. Да, много таких мелочей, чтобы понять, что он любит ее. Поэтому и говорят, что муж и жена — одна сатана.

— Иришка права. Они как чужие. Абсолютно чужие люди. Я за ними тогда наблюдала, — мама высказала свое мнение.

— Вот и мне интересно. Как так? Он ее сильно любил, но ни одну привычку от нее не перенял. Меня вообще интересует, почему они такие разные и вместе жили? Может, вынужденный брак? — выдвинула я версию.

— Это как? По залету поженились? — переспросил Никита.

— У них вроде бы нет детей. Скорее капиталы семей своих объединяли. Или долги жениться заставили. Нет тут никакой любви.

— Или шантаж! — Петька выкрикнул свою версию.

— Мне эта версия нравится больше всех. Вот на шантаж похоже. А чем она его могла шантажировать? Или не она? Тогда кто? И на кой черт такой брак самой Софье сдался? Неужто о любви не мечтала никогда? Или она его любила и вынудила жениться одним из перечисленных нами способов? — стала развивать я версию.

— А потом поняла, что принц ее никогда не полюбит. И высохла от горя? — высказался мой муж. А он, оказывается, у меня большой романтик.

— Согласна, эта версия тоже рабочая...

— Иришка, хочешь совет? — продолжил он.

— Говори.

— Тебе надо его хотя бы выслушать. Пусть не сейчас, а когда он будет готов говорить всю правду.

— Когда придет в следующий раз, тогда выслушаю. Согласна. Софья как-то должна быть связана с остальными убийствами. Но как? Не вижу связи. Хоть бы ниточку нащупать.

— Вот он придет и сам тебе ниточку принесет, — Никита думает, что все так просто.

— Он, скорее всего, будет опять юлить. Но я попытаюсь найти связь. Между этими тремя связь явная, и знают они друг друга с детства. Опять же вместе танцами занимались. И трагедия их объединяла. Мама, а помнишь, ты сказала, что эта Софья тебе встретилась, напомнила я.

— Когда она со мной поздоровалась? — уточнила мама.

— Ага. Ты говорила, что она похорошела, приделась. А когда у нас женщины хорошеют? Когда на их горизонте возникает мужчина новый. Любовник у нее появился. Точно, — озвучила я свою догадку.

— Или была перспектива завести любовника. Намечался роман с другим мужчиной, и к камню она шла на свиданье. Поэтому и прихорашивалась, и платье новое надела, и серьги дорогие нацепила, — предположила мама.

— Может, просто этот мужик ее обокрал и все, — выдвинул версию Петя.

— А на кой черт время терять и ее переодевать? — спросила я.

— Шмотки дорогие. Он их продать решил, — настаивает Петька на своей версии.

— Если шмотки дорогие, то по ним поймать могут. Зачем рисковать? Серьги уже большой куш. С платьем мараться вор не стал бы. А если стал, то на кой черт время терять,

чтоб ее в лохмотья одеть? Снял одежду и бежать быстрее с места преступления надо, а он ее в тряпки одевать кинулся. Вдруг кто его увидит? Гуляющие в лесу к озеру могут выйти. Нет. Тут что-то не то. Не срастается. Похоже на то, что он с полицией играет, — сказала я.

— Подкидывает им загадки? Иришка, тогда он явно не в себе.

— Вот и я об этом давно говорю. В любом случае надо подумать...

Думаю я лучше всего во сне. У меня так мозг устроен. Загружаю днем информацию. А утром получаю готовое решение. Беда в том, что сейчас информации у меня недостаточно.

Мы подкрепились ужином и пошли к себе в комнату спать. Но ничего нового я к утру не надумала. Ночью я ворочалась и нормально практически не спала. Утром проснулась разбитой. И какой из меня нынче детектив? А сегодня придется общаться с хладнокровными змеюками из дворянского гнезда. Со всей семейкой Гвоздевых. То еще испытание для выдержки. Но ехать надо. Мне самой стало интересно, как поведет себя мамаша. Я же ей не позвонила. А она наверняка моего звонка ждала. Сегодня все и узнаем.

— Ну что, Иришка. Мы принимаем бой? — Никита будто услышал, о чем я думала.

— Да. Сегодня у нас посещение серпентария. Змей ядовитых укрощать едем. Ты дудочку захватил, о мудрый факир? И где твоя чалма? Представь, как позвоним им в дверь. Они открывают, а там ты с дудочкой и в чалме. Дрессировка началась...

Сама представила и засмеялась. Картина нарисовалась превосходная. Настроение сразу поднялось. И я решила с этими людьми не церемониться. Им не меньше моего надо узнать, кто убил их мальчика и им хотелось бы узнать, кто перечеркнул его карьеру. Ответить на мои вопросы в их интересах.

Мы приехали к дому Гвоздевых вовремя. Оставалось пять минут до назначенного времени. Мы поднялись на нужный этаж и позвонили в дверь. Долго никто не открывал. Нам на площадке было слышно, как в квартире надрывается звонок. Не слышать такое — надо быть глухим. Мы подумали, что семейка нас решила продинамить. Неожиданно дверь распахнулась, и нас пригласили пройти внутрь.

Из гостиной раздавались крики. Семейка Гвоздевых ссорилась. Притом с применением ненормативной лексики. Судя по голосу, именно старушенция крыла всех матом похлеще бывалого портового грузчика. Нецензурная лексика была заковыриста и витиевата. Перлы, выдаваемые бабушкой, могли бы ввести в ступор изучавших русский мат специалистов. Разнообразие познаний в этой малоизученной сфере, дворянке позавидовал бы опытный филолог, собирающий народный фольклор. Судя по выкрикам, ссора возникла из разногласий по поводу того, что говорить нам, а что нет. К компромиссу они прийти не успели. Мы нарисовались в дверях. Но это нам только на руку. Посмотрим, что они нам выложат.

— Здравствуйте. Прошу прощения, что нарушила вашу семейную идиллию, — я решила поехидничать. А что? Не только же им можно.

— Наш человек! — бабулька с чего-то приписала меня к их высокородию. Хотя могу и согласиться, если это нужно для дела.

— Вчера мы договаривались, что вы расскажете нам про вашего сына и внука Александра, — напомнила я.

— А зачем вам вообще это надо? — задал вопрос какой-то мужчина. В прошлый раз его здесь не было.

— Видите ли, у нас в поселке нарисовался еще один труп. По-моему мнению, все

убийства связаны. У нас свой интерес: хотелось бы поймать убийцу. Мне кажется, вам тоже хочется, чтобы его поймали. Или не хочется?

— Конечно, мы хотим, чтобы убийца был пойман и наказан. Этим занимаются профессионалы. Полиция. Но при чем здесь вы? Вы кто?

— Просто человек. Благодаря мне нашли вашего сына и внука.

— Это еще не факт. Может, вы врете...

— Смысл мне врать? Я заинтересованное лицо. Наши цели совпадают.

— Значит, вы любитель? Вы не профессионал сыска?

— Угу.

— Зачем нам рассказывать все любителю?

— Позвольте напомнить вам всем известные истины: любитель построил Ковчег. А профессионалы построили «Титаник». И чей проект оказался успешней?

— Вот она тебе уделала! — старушка засмеялась в полный голос.

— Значит, так. Я глава семьи. И я считаю, что надо все рассказать. Вот мое решение, — подал голос дед, у которого в чем только душа держалась. Но голос-то какой в этом тщедушном теле. Голосище. Ему бы арии на сцене петь.

— Давайте мы вам все расскажем. А вы, если что станет не ясно, уточните, — это уже дед взял бразды правления в свои руки.

— Согласна. Так будет проще.

Именно бабулька начала рассказывать первой. Видимо, она вторая по старшинству в этой семье.

— Итак, вас интересует те соревнования, на которых Роман был отравлен. Слушайте. Появился спонсор. Богатый. И можно было не только получить приличные призовые, но и выстроить карьеру. К призовым деньгам прилагался контракт за границей. О победе мечтали все. Но, что греха таить, шансы были только у трех пар. Первое место прочили Роману с Натальей. Второе привычно нашему Александру с Мариной. А третьими могла быть любая пара. Александр никогда, слышите, никогда не стал бы так поступать. Подмешать препараты, чтобы убрать конкурента — не его метод. Он честно хотел победить.

— Тогда объясните, почему его бывшая подружка Костина склоняла к такому поступку партнершу Романа? Она ссылалась на вашего сына. Что он просил. Что это ему надо. И они с Натальей тогда будут вместе.

— Мы сами над этим до сих пор думаем. И Александр много думал. Может, Королева сама выслужиться хотела перед Сашей. Она в него влюбилась, как кошка. И хотела продолжать карьеру с ним. Только после этого происшествия он так на нее разозлился. Мало того, что она его друга идиотом сделала, так и его оговорила. Он был в гневе. Подкарауливал ее, чтобы все выяснить. Она пряталась. Костина вообще исчезла из города.

— Куда? Надолго?

— Появилась только после того, как Сашу машина сбила.

— Она к нему даже в больницу не пришла?

— Что вы хотите? Проститутка она и есть проститутка. Ее тогда с каким-то мужиком видели. Новый ухажер, наверное.

— Сколько ей тогда лет было?

— Должно было исполниться четырнадцать. А полных — тринадцать. Но она уже тогда таскалась по взрослым мужикам. И сына нашего совратила. И к Роману в свое время подбиралась. В общем, та еще фифа...

— Я правильно поняла, что на третье место не было явного претендента?

— Кто угодно мог стать третьим. Наши две первые пары настолько далеко ушли в своем развитии от остальных, что были недостижимы.

— Кто стал второй и третьей парой?

— Посмотрите фото... Там надписи есть, — она протянула мне фото, где запечатлены победители. Они стояли такие счастливые. Победители...

— Видео тех соревнований у вас есть?

— Конечно. Мы все с начала и до конца сняли.

— И церемонию награждения всех пар сняли?

— Сняли все. Даже подготовку в раздевалке.

— Можете мне копию видео перекинуть?

— Мы вам уже все скачали, — сказала бабуля и протянула мне флешку.

— Меня интересует тот день, когда Александр попал в аварию.

Бабулька начала неспешный рассказ. Вот рассказывает, как жилы тянет.

— Саша должен был раньше прийти с занятий. Они новые элементы обкатывали. Подолгу репетировали. Вот он и задержался. Сбили его недалеко от подъезда. В арке. И по ногам дважды проехали. Как специально. Ему там и отползти некуда было. Хорошо, что только по ногам. Вместо танцев потом начались больницы, реабилитация. Как он терпел такие боли. Он даже ходил через боль.

— А вы кого подозреваете?

— Того, кто занял место после нашего Саши.

— Не думаете, что это месть за Романа?

— Нет, не думаем. Отец Романа на тот момент не знал про все эти слухи.

— А если знал, но вида не подавал? Просто злобу затаил и отомстил, как сумел. Вы не допускаете такой мысли?

— Нет, не допускаем. Он и потом этим слухам не верил. Он Саше нашему поверил. Он человек мягкий. Такой не мог по ногам. Дважды...

— Еще вопрос. А вы где костюмы делали своим детям?

— В мастерской у Натальиной тетки. Наши дети дружили с детства и все вместе стали танцами заниматься. Вот она их всех и обшивала.

— Не боялись, что она вам напакостит. Специально плохо сделает, чтобы вы проиграли?

— Нет. Она глубоко порядочный человек. Она одна такие шикарные платья шьет. Остальные намного дороже берут и качество хромает. Само собой, своим-то она делает для души. Но и наши костюмы красивые. Платья шикарные. Так что наговаривать на порядочного человека не буду.

— Когда Саша в аварию попал, машину кто-нибудь видел во дворе?

— Не знаю. Полиция всем занималась. Вроде не видели. Но машину нашли. Она в угоне была...

— Полиция ничего не обнаружила?

— Ничего. Сказали, мол, мы радоваться должны, что Саша живой остался и сыном заниматься, а не по кабинетам таскаться.

— Вы обещали фотографии показать и комментарии дать.

— Этим я займусь, — старушенция заняла место рядом и протянула мне фотоальбом.

Я рассматривала фотографии. Они все здесь были живые и счастливые. Кто ими

поигрался и выбросил в небытие? Как жестоко расправился со всеми троими. Да и Романа, пусть и не хотел, но уничтожил. Тот Роман и нынешний — это две большие разницы. По мере обнаружения новых лиц, я задавала про них вопросы. Бабулька мне подробно отвечала. Выдала полное досье на всех. Она оказалась хорошим рассказчиком. Вспоминала веселые истории. Потом перешли ко второму альбому. Потом старушку сменила мать Александра. Потом третий альбом открыли. И опять смена комментатора. Опять старушка мне все поясняла и рассказывала. Пока смотрели фотографии, нас успели напоить чаем и накормить. В общем, мы сегодня застряли у Гвоздевых на целый день. Потом я отобрала нужные мне фотографии. Сняла их на телефон. Я устала, но была довольна проделанной работой. День прошел не зря. Так много информации получила. Осталось только думать и анализировать...

Одно меня удивило. Мать Александра вела себя так, как будто не она дала мне в прошлый раз бумажку с телефоном. Я думала, что она станет как-то со мной договариваться. Но то ли надобность у нее в беседе отпала, то ли не готова она секретничать со мной. В общем, отводила глаза и старалась со мной наедине не оставаться. Настаивать на встрече с ней не буду: будет интерес, сама позвонит. Все-таки это она сына потеряла. Мне погибшие — никто. И то мне интересно, чтобы маньяк ответил за убийства. Неужели им все равно? Неужели они смирились с потерей?

Мы с Никитой приехали домой уже поздно вечером. Сил хватило только на ужин. Разговоры отложили на завтра. Петька что-то хотел нам рассказать, но мы его отфутболили, сказавшись уставшими. И это было правдой. Я смогла только дойти до кровати и рухнуть на нее. Никита устал не меньше моего. Поэтому мы просто спали мертвым сном...

Проснулись утром. Спустились в столовую. Никого. Мы давно уже привыкли, что в доме постоянно кто-то живет. Или это мама с Петькой, или друзья мужа. Давно не было такого, чтобы мы в доме были одни.

— Иришка, где все?

— Не знаю. Я вместе с тобой спустилась. Петька гулять мог уйти. Мама в магазин. Наслаждайся тишиной.

— Тогда пошли поедим от пуза.

Мы сидели, наслаждались едой. После завтрака я занялась просмотром видео с соревнований. Смотрела внимательно и пересматривала несколько раз. Потом позвала Никиту. Мы перевели видео на экран телевизора и стали вместе просматривать видео.

— Никита, ты заметил?

— Что я должен заметить?

— Неужели не увидел ее?

— Кого?

— Софью собственной персоной. Неужели не увидел?

Я перемотала назад немного видео. И вот она крупным планом. Старуха Изергиль. Только тут она помоложе и посимпатичней. И одежда другая.

— Ты хочешь сказать, что это она?

— А кто?

— Но она тут намного моложе.

— Никита, тут она накрашена и причесана. Несколько лет назад дело было, не забывай.

— Тогда понятно, что они все имеют отношение к танцам. Хоть какая-то связь обнаружилась между ними.

Я еще немного перемотала видео и показала ему на нового персонажа.

— А этот гражданин никого тебе не напоминает?

— Охренеть. Да это же муж Софьи...

— Видишь, к кому он прижимается?

— Может, просто толкнули?

— Никита, рядом никого нет. Кто толкнул? Заснято мельком. Не их снимали. Они в кадр попали случайно. Он прижимается, как ее любовник.

— Намекаешь, что он и есть ее тогдашний любовник? И он же заказчик?

— Вот и связь обнаружилась. Может, он заказчик. Может, кто другой. Теперь погляди, как на них будущая жена Марка смотрит.

— Испепеляет... Так она его любит, получается?

— Любила.

— И шантажировала его?

— А что ей прикажешь делать? Наверняка понимала, что добром он ей не достанется. Узнала об их связи и стала шантажировать. Заставила на себе жениться. Или несем заявление в ЗАГС и женимся, или все тридцать три несчастья: тюрьма, позор, изгнание из семьи, потеря работы и репутации.

— Он женился, поддался на шантаж, но не простил?

— Видео должно быть откровеннее. Этим не пошантажируешь. Он сказал бы, что его толкнули.

— Знаешь, Иришка, я бы не простил.

— Мне интересно. А они спали хоть раз? Был у них секс?

— Черт ее знает. Она и так не симпатичная.

— Это ты мягко сказал.

— Скажу, как есть: она откровенно страшная. А тут еще и шантажистка. Я бы не спал с такой.

— И детей у них нет. От жизни такой «счастливой» она и состарилась раньше времени. Высохла от горя, превратилась в мумию.

— Иришка, ты думаешь, он ее убил?

— Не похоже. Он напуган тем, что ее убили. А телефон при ней нашли? Интересно, а обыск у них делали дома? Где она могла держать видео для шантажа мужа? Явно не в общем доме.

— Где Петька? Где информбюро? Когда он нужен, его никогда нет.

Только произнес Никита эти волшебные слова, как хлопнула входная дверь, и в дом ввалился Петька с Грейсом. Оба мокрые.

— А вы почему мокрые, как цуцики? На улице что, дождь?

— Ливень хлынул. Еле до дома добежали.

— А мама где?

— К тете Гале пошла. Та ее позвала. Они уезжают. Им надо, чтобы за домом приглядели. Будут вашу маму уговаривать.

— Да мама не против. Ей в том доме понравилось. И мы рядом...

Сразу на душе так хорошо стало. Я скучала по маме, пока она в квартире жила. Никита дразнит меня маминой дочуркой, а я не обижаюсь. Ведь так и есть. Я мамина дочурка. Мне спокойней, когда она рядом. И я знаю, что все у нее хорошо. И ей спокойно, потому что она меня видит каждый день.

Мы стояли у окна с Никитой обнявшись. Любовались на ливень. Люблю, когда льет дождь. Красота. Гром и молнии. Мама пришла домой, когда ливень кончился. Петька был прав. Ей сделали предложение пожить в доме тети Гали на время их отсутствия. Мама согласилась. Петька прыгал от радости и визжал от восторга. Ошалел от радости. Много ли для счастья ребенку надо...

Мы даже забыли расспросить его о том, что он успел узнать. Петька — пронира еще тот. У него феноменальный слух. Он слышит и запоминает все, что ему понятно. Потому он и не запомнил слова Марка, что они ему были неизвестны. Ничего страшного. Мы от кумушек поселковых почерпнули сведения. Кстати, о старушках. Кто, как не старушки, знают, кто с кем крутит романы? Именно от местных кумушек я узнаю все про Марка и его Софью.

С утра встала и быстрее, пока Никита не проснулся, пошла к магазину. Надо успеть еще до открытия. Если в городе политинформацию старушки проводят возле подъездов, сидя на скамейке, то в нашем коттеджном поселке место митингов и обсуждений — возле магазина. Бабульки уже были на своем боевом посту. Магазин еще не открылся. А они уже тут как тут. Собирали свои сплетни. А тут и я подросла. Как вовремя...

— Здравствуйте всем.

— И тебе не хворать.

— Как у вас дела?

Тут начала было про свои боли в коленках, в спине и во всем ее организме жаловаться Панфиловна. Наконец-то появился новый слушатель, кому можно рассказать про все свои болячки. Но они ее хором оборвали.

— Продавщица хорошая.

— Ласковая.

— В отличие от прошлой, не обсчитывает.

— И поможет, и не хамит...

Бабки хором стали нахваливать продавщицу. Мне она самой нравилась. Я пару раз у нее отоваривалась. Она действительно старушкам норовит помочь. Надо бы сказать Никите, чтобы поощрил ее за хорошую работу.

— Спасибо, что сказали, — поблагодарила старушек за бдительность. Это у меня уже вошло в привычку.

Старая гвардия не дремлет. Они наши постоянные клиенты, и выручку именно они делают нашему магазину, и свежую информацию поставляют тоже они. Пока бабульки не заняты своим основным делом — покупками продуктов, они открыты для общения со всеми желающими. Я давно вычислила самую опытную сплетницу. Это была баба Нюра. Она кладезь информации про всех и про все. Что она не знает, тут же дополняют ее соратницы по такому нелегкому ремеслу, как распространение сплетен.

— А мне интересно. Куда жена Марка шла такая вся из себя. С чего вдруг она принарядилась?

— Ты не знаешь? Она же любовника завела, — сказала баба Нюра.

— Да ладно? Она же вроде не красавица.

— Ворона вороной: черная, как смоль. А туда же. Изменять кинулась.

— А муж что?

— У него своя пассия есть. Что ему его ворона...

— И кто такая? Местная?

— Нет, приезжая. Он с ней у озера встречался.

— Не проще ему к ней мотаться? Чего у всех на глазах-то?

— Чего ему стесняться своей старухи?

— Почему старухи?

— Она старше его лет на десять.

— Любовнице охота в такую даль ездить? Сняли бы квартиру и жили себе, раз с Софьей все равно не жил.

— Не мог. Отец денег бы лишил.

— Почему? Ему сына не жаль? Никакой личной жизни...

— Они ругались. А я мимо проходила. Так вот. Если Софья от него уйдет, то они нищими останутся. Деньги-то ее.

— А у них ничего нет?

— Ничего. Все ее.

— А не мог он ее убить, чтобы никто не мешал жить? Да и деньги у них бы остались в семье.

— Сам не мог. Полиция узнала, что когда ее убивали, он на работе был.

— Нанять мог кого-то.

— Наверяд ли. Завещание есть. Я слышала, что коль она не сама помрет, то все равно они нищими останутся.

— Значит, ему невыгодно ее убивать?

— Другой убил. Любовник.

— Почему так думаете?

— Она ж к нему шла. Вот он ее убил.

Понятно. Дальше баба Нюра стала додумывать. А про завещания Софьи — это интересно. Поймала страшная Софья жадного Марка в силки, что не вырвешься. Сама Марк бросит — он нищим станет. Умрет Софья не своей смертью, он нищим станет. Марк ее бросит, значит, опять он нищим станет. Как ни крути ситуацию, но Марк с отцом все равно нищими становятся.

И как этот узел он решил развязать? Кто ему помог это сделать. Тем более баба Нюра еще ворох подробностей выпалила напоследок. И откуда она все это знает? Неужто ей столько всего рассказала ее подруга, горничная Натана Львовича? Еще и в таких подробностях. Вот и держи после этого прислугу. Хорошо, что у нас ее нет... Я про себя отметила, что надо будет поговорить с прислугой Натана Львовича. Вот у кого есть точная информация о том, как в семье ювелира обстоят дела. Я быстрее поскакала домой, пока муж не застукал, что меня нет дома. И не стал задавать вопросы. По дороге мне встретился Петька.

— Куда ходили?

— В магазин. Бабулек опрашивала.

— А меня почему не позвали?

— Некогда было. Думала, что спите все. Никита спит?

— Когда я уходил, он еще спал. А сейчас не знаю. А что?

— Не хочу, чтобы он узнал, что я к магазину бегала утром.

— Почему?

— Мы с ним договаривались, что вместе по всем адресам будем ездить.

— Можно соврать. Скажите, что со мной гуляли.

— Не умею я врать...

— Хотите, я совру. Мне это просто.

— Нет уж, не надо. Еще чего не хватало.

Так, пререкаясь, и пришли домой. Никита уже встал и пил кофе. Мама готовила что-то вкусное.

— А мы гулять ходили, — вылез со своим враньем Петя. Кто его просил?

— А я ходила в магазин, а потом Петруху встретила, — сказала я правду.

— В магазин к бабулькам? За информацией? — спросил Никита.

— Много интересного раздобыла.

— Рассказывай. Чего томишь? — мама не выдержала театральной паузы.

Я и рассказала про все, что узнала из уст первой сплетницы поселка.

— Представляете, Марк с ней не спал. С Софьей этой.

— Ни разу?

— Точно не знаю. Да и горничная тоже наверняка не знает. Но спали они в разных комнатах: ни разу ночью они в одной постели не засыпали.

— Как мужик я его понимаю. Она же страшная. Но даже не это здесь главное. Главное, как она за него замуж выскочила.

— Шантаж — не лучший способ выйти замуж. Тут я с тобой согласна. Но он же пять лет с ней жил. Чем она его рядом держала?

— Значит, было чем держать.

— Каким материалом? Что такого он мог сотворить, что за пять лет не отважился уйти от ненавистной ему бабенки?

— Короче, Иришка. Ты права: с горничной говорить придется.

— Никита, у меня просьба. Давай опять к матери Костиной съездим?

— Сильно надо?

— Очень. Смотри, весь сыр бор начался с ее аферы. И ее же первую убили около года назад. Хочу понять, почему год назад убийца стал нервничать. Что изменилось? Четыре года она спокойно жила. И вдруг с ними кто-то стал расправляться. Почему?

— И правда, почему вдруг все стали погибать? Когда поедем?

— Через час.

— Сразу к ней на адрес? Она нас и послать может.

— А вдруг разговорится?

— Тогда она была не очень разговорчивой.

— Попробовать все равно надо.

— Неугомонная ты у меня...

Спустя два часа мы уже стояли перед дверью квартиры, где жила мать Костиной. Нам не повезло: сегодня у них сломался лифт, и пришлось пешком тащиться на самый верх. Хотя седьмой этаж — это не так уж и высоко. Дошли наверх быстро. Постояли немного, отдышались и позвонили в дверь. Дверь хозяйка нам так и не открыла. Просто обматерила и послала... сами знаете куда. На три буквы. Я ей пообещала, что я лично сегодня туда схожу. И даже не раз... Мы стали спускаться вниз по лестнице.

Вышли из подъезда. Смотрю, на лавочке сидит бабуля. Пригорюнилась старушка. Я показала глазами Никите, что надо бы ей помочь.

— Почему пригорюнились?

— Лифт отключили. Как домой дойти? Да еще с сумками.

- А зачем так много закупили?
- Акции в магазине были. Прихожу, а лифт отключили.
- Ждете, что включат?
- Сегодня не включат. Жду соседей, чтобы помогли донести.
- Вас или сумки?
- Я-то сама как-нибудь доплетусь. Мне бы сумки дотащить.

— Высоко?

— На седьмой этаж.

— Сегодня боги добры к вам. Держитесь, бабушка. Мы вам поможем.

Бабуля от такого везения аж дар речи потеряла. Потом вспомнила, что говорили по телевизору про мошенников, и решила проявить бдительность.

— А вы кто будете? С какого этажа?

— К Костиной приходили на седьмой. По поводу смерти ее дочери.

— Бедная девочка... Такая судьба...

А это уже интересно. Никто до этого Костину Лену не жалел. И слова про нее хорошего никто не сказал: все ругали и обзывали. Почему бедная?

И мы потащили тяжелые сумки на седьмой этаж. Сначала бабуля довольно бодро шагала. На третьем этаже затормозилась и решила отдохнуть. По ее словам, это минут на десять. По-моему, ей для того, чтобы отдышаться, надо полчаса. Никита понял, что бабуля не ходок. Сунул ей в руки сумку с деньгами, чтобы его не обвинили в воровстве. И потащил сумки наверх. Бабулька заметалась. Она, наверное, подумала, что сейчас парень убежит через чердак с ее сумками. А я ее брошу одну и побегу вниз. Только она так подумала, как Никита спустился, подхватил ее на руки, благо бабулька маленькая и сухонькая, и помчался с ней на руках на седьмой этаж. Донес, поставил на ноги и стал прощаться. А тут и я подросла.

— Можно вопрос?

— Спрашивай.

— Почему вы сказали, что Лена бедная и судьба у нее плохая?

— Хотите знать?

— Мы хотим понять, почему ее убили и за что?

— Тогда пойдемте в гости. Я вас чаем напою.

— И расскажете?

— И подробно расскажу. Леночке это теперь не повредит. А мать ее еще за подлость ответит. Пусть не перед людьми, но перед Богом.

Последние слова она произнесла специально громко, чтобы слышала их соседка. Мать Костиной явно подслушивала за дверью. Слышно было, как с той стороны ругнулись и обозвали милую бабулю старой сплетницей. В квартире у бабушки было на удивление современно и стильно: свежий ремонт, красивая и дорогая мебель. Все было начищено и блестело. В квартире пахло не старческими запахами. Знаете, такой затхлый запах и обязательно с примесью лаванды. В этой квартире пахло свежестью: солнцем, разнотравьем. Мне запах понравился. Бабуля сразу прошла в кухню и пригласила нас. Стала разбирать покупки: подавала нам и говорила, куда положить. Попутно начала рассказывать. С ее слов получилась жуткая история. Настоящая драма...

— Отец Леночки был человек со всех сторон положительный. Он мать Лены взял замуж из деревни. Откуда родом его родители. Там он ее и присмотрел. Поженились. Родилась

девочка. Отец Лены работал в проектно бюро и часто ездил в командировки. Мать работала в магазине продуктовом. Пока муж зарабатывал деньги, жена здесь развлекалась: то одного любовника приведет, то другого. Лена подрастала и видела весь этот позор. Мать ее пугала, что если она отцу расскажет, то и ее, и его выгонит на мороз. Девочка ей верила. Особенно поверила, когда она периодически стала выставлять саму Леночку на улицу.

— А зачем ребенка одного на улице выставлять. Это кем надо быть?

— Тем, кем она и была. Портовой гулящей девкой... Так вот, однажды один из любовников и насильничал девочку. Ей одиннадцать лет было. Мать ее напилась и заснула. А любовник издевался над ребенком всю ночь и ушел утром. Мать проснулась. Ребенок плачет. Леночка маме все рассказала.

— А мать что? Неужели ничего не сделала?

— Вот именно, что сделала. Она обозвала ребенка последними словами. Сказала, что если она кому скажет, то мать ее в детдом сдаст. Леночка была напугана. Она ждала, что ее мама пожалеет и приласкает. Она же мама! Но дождалась только ругани, матерков и затрепчин. Мамаша собрала ее вещи, положила на видное место и сказала, что если она кому скажет, то вот вещи ее уже собраны. Дорога ей в детдом. Какая она после этого мать? Паскуда!

— И она молчала?

— А что ей делать? Представила, как отнесутся чужие люди, если родная мать ей на ее жалобу ответила таким образом. Сказала, что она сама мужика ее соблазнила. Что сучка не захочет, кобель не вскочит. И Леночка поняла, что надо молчать. Что бы ни случилось. Молчать. Никто ее не пожалеет. Никому она не нужна. Никто ее не защитит. Отец добрый и слабый. Его мать тоже выгонит на улицу. На мороз. Из-за нее. Вот так.

— Отец был слабым?

— Не знаю. Он был молчалив. Работающий. Интеллигент. Очкарик...

— Очкарики тоже разные бывают.

— Скорее всего, наглая и беспардонная жена выгнала бы его на мороз. Я в это верю. Мать с полицейским спала. Лена терпела ее закидоны ради отца. Его не стало пять лет назад. Помер ночью во сне. Он дочку любил. Откуда бы ни приезжал, подарки привозил дочке и жене. Да еще какие...

— Неужели ничего не подозревал?

— Не подозревал. Думал, что жена у него верная и работающая. Любил ее сильно. Вот Леночка, как могла, его и берегла. Молчала и терпела... Никому не жаловалась. А в душе у нее был настоящий ад!

— После этого изнасилования она и начала гулять?

— Гуляла. Пошла по рукам Лена. Это правда. Поймите: ее изнасиловали в возрасте, когда некоторые дети с куклами играют. Потом выставляли на мороз. Выгоняли из квартиры. После смерти отца она матери своей такой ад устроила. Сполна мымре отомстила. От души. За все. И за себя, и за обманутого отца.

— Вас это радует?

— Да нет. Не радует. Так этой сволочи и надо. пожалела бы ребенка. Просто пожалела бы. Ладно, в милицию она на насильника не заявила. Допустим, позора боялась. Не пожалеть ребенка могла. Не выгонять и пугать, не угрозами сыпать, а просто пожалеть родную дочку.

Еще почти час нам рассказывала разные случаи из жизни своих соседок бабуля. И чаем

напоила, и в гости приглашала заходить. Потом ей позвонил сын. Она сказала ему, что у нее сидят молодые люди. Пришли в гости и чай с ней пьют. Мы сидим, разговариваем и пьем чай. Вдруг в замке заскрежетало. Зашел злой бугай и стал на нас орать. Мы сидим и молчим. Ждем, когда он проорется. Когда он затих, высказав все, что он думает про мошенников, мы ему объяснили, кто мы и почему находимся здесь. Он стал извиняться.

— У нас соседку на днях так же ограбили: пришли молодые люди «из собеса» и деньги умыкнули.

— Мы не представлялись, что из собеса. Мы по поводу вашей соседки. У нее дочь убили.

— Знаю. Но я-то думал, что к маме пришли мошенники, поэтому и полетел вас ловить.

— Поймали?

— Извините меня. Я тут наговорил кучу.

— Ничего. Мы не обиделись на вашу кучу.

— Молодые люди мне сумки наверх подняли.

— Зачем?

— Лифт же не работает.

— Как не работает? Работает. Я на нем приехал.

— Вот как мне наверх подниматься с сумками, так он по закону подлости не работает... — бабулька расстроилась.

Расстроилась она по многим поводам. И что лифт заработал, когда уже не нужно. И что на нас накричали, а мы этого не заслужили. Мы же ей просто помогли. Под ее стенания мы с ней и с ее сыном попрощались. Он еще пару раз попросил прощения. Мы вышли. Лифт опять не работает. Тут все вместе мы засмеялись. Действительно, по закону подлости, когда он нужен, лифт у них не работает. Одно радуется, что надо спускаться...

Когда вышли из подъезда, я вздохнула. Ну, теперь понятно хотя бы, за что Лена всем мстила. Все встало на свои места.

— Никита, давай попробуем поговорить с еще одной женщиной?

— С кем?

— Преподаватель танца. Она была у них четверых первым преподаем.

— Далеко ехать?

— Рядом студия.

— Поехали.

Подъехали мы к студии спустя десять минут. Она рядом, но пришлось объезжать огороженные дворы со шлагбаумами. На этом больше времени потеряли. Проще было пройти пешком.

Зашли в фойе. Спросили у дежурившего охранника, как найти студию танца. Он показал. Мы увидели впереди себя тоненькую девушку. Тростинка куда-то торопилась. Шла по-балетному выкидывая ножки-ниточки. Мы ее почти догнали и хотели спросить, как найти студию танца. Но она юркнула в приоткрытую дверь. Мы смотрим, а это и есть студия. Заглядываю внутрь, а девочке лет сорок никак не меньше. Только по лицу возраст и угадаешь.

— Извините, а можно Ольгу Мефодьевну?

— Это я. Чем могу?

— Нам бы поговорить по поводу ваших воспитанников.

— Каких?

— Александра Гвоздева, Натальи Королевой и Елены Костиной.

— Заходите. Я дам детям задание и можем поговорить.

— А как же занятия?

— Ничего. Я могу и говорить, и смотреть. Привыкла...

— И делать замечания?

— И делать замечания, — она впервые улыбнулась. Вот теперь ей никак не дашь сорок лет. Максимум тридцать...

— Вы не расскажете, какие они были? — начала я разговор, когда она к нам вернулась.

— Прошу, — она указала на скамейку.

Больше в зале присесть было негде. Сами дети сидели на полу. Разминались, делали растяжку... Мы присели, и она начала рассказ.

— Эти дети пришли ко мне в одно время. Лена часто пропускала занятия. Была ленивой. Вы не спросили про Рому. Он был у них заводилой. Вот это был талант. И трудолюбив. Мог часами танцевать. Такая работоспособность. Он был в паре с Наташей Королевой. Хорошая была пара. Александр Гвоздев был в паре с Мариной. У меня они занимались в самом начале. Потом они переросли. И им потребовался более сильный специалист. Все продолжали заниматься танцами лет до пятнадцати. Кроме Костиной.

— Произнося имя Костиной, вы морщитесь. Чем она вас злит до сих пор?

— Не злит. Расстраивает. Понимаете, там случилась такая история.

— Какая?

— Неприятная. Не знаю, могу ли я вам ее рассказать...

— Поймите. Мы не из праздного любопытства интересуемся. Нам надо знать все, чтобы понять, кто их убил.

— Так их всех убили?

— Убили всех троих. И это связано с историей пятилетней давности.

Смотрю, она на Никиту посматривает. Его стесняется?

— Можем поговорить тет-а-тет. Наедине вам удобней будет?

— Пожалуй, так будет лучше. Вы не подумайте. Просто это не моя тайна, и рассказывать ее мужчине не очень удобно. Даже стыдно.

— Я понял. Удаляюсь. Милая, я жду тебя в машине, — сказал и ушел.

Когда Никита ушел. Она села поудобней, расправила плечи. И повела свой рассказ.

— Ко мне каждый год приводят детей на классический танец. Те, кто знают классику, потом могут танцевать все, что душе угодно. Поэтому наши танцоры и ценятся во всем мире. Из всего набора сразу в работу втянулись двое. Роман и Александр. Роман был талантлив. Александр брал усердием.

— А кто из них был лучшим?

— Роман. Но и Александр был очень хорош. Они соревновались между собой. Постоянно росли профессионально. Они были друзьями. Потом немного подросли, и вот тут началось. Сначала Костина погуляла с одним парнем, потом попыталась подластиться к Роману, но он ей мягко отказал. Он вообще к женщинам трепетно относился. Даже к таким, как Костина. Она потом переключилась на третьего, четвертого. Потом лезла к Гвоздеву. В общем, какая-то нимфоманка малолетняя. А потом... В общем, один раз я случайно застукала ее. Она с парнем занималась сексом прямо в тренерской. Я дверь открываю. Она открывается неслышно: без скрипа, без звука. А там Лена на коленях стоит перед парнишкой. Он меня не видел. Глаза от удовольствия закрыл. А она меня увидела. Смотрит

на меня смеющимися глазами и продолжает это делать. Я сама не маленькая. Уже тогда не один год замужем была, но так откровенно и цинично при чужих не смогла бы сделать. Она продолжила, а я от стыда сначала растерялась. Дверь тихо закрыла. Стою красная, как рак. Потом громко кашлянула несколько раз и дала время им закончить. Спустя некоторое время я внутрь зашла. Парень стоял красный. А она взяла и прямо откровенно облизнулась. Мне хотелось ей надавать по щекам. Никогда мне так стыдно не было. Парень перестал ходить в студию. Она тоже. Правда, возле Гвоздева так и крутилась, а тот в Марину свою был влюблен...

— Хотите, я вам расскажу, почему она стала такая?

— Да. Хотелось бы понять.

И я, не стесняясь, в красках рассказала все, что сегодня нам с Никитой поведала соседка Костиных. Ольга сначала схватилась за сердце, потом плакать начала, а затем стала жалеть бедную девочку. Вот и хорошо. Хоть кто-то по ней слезы прольет. А то жил ребенок и мучился. И никому до него дела не было. Может, Ольга к другим детям повнимательней отнесется... И прежде чем осуждать, попробует разобраться. Мы еще немного поговорили. Много интересного рассказала мне Ольга. Есть над чем подумать.

Вышла из здания. Гляжу, а мужа в машине нет. Куда Никита подевался? Посмотрела по сторонам, а он с мальчишками на площадке мяч гоняет. И это взрослый человек. Наверное, надоело сидеть, поэтому пошел мяч попинать. Там, смотрю, и дядьки есть. Папаши с детьми играют. Разделились поровну: в каждой команде равное количество пацанов и мужиков.

Все понятно. Его позвали для ровного счета. Иначе кому-то стоять за площадкой и от обиды слезы глотать. Какой он у меня молодец. Встала возле площадки и смотрю, как играют. Получаю удовольствие от созерцания своего мужа. Мужики, как дети малые по площадке носятся и кричат. Смешное зрелище. А все равно видно, что малышне поддаются. Интересно, кто кого...

Скоро игра окончилась. Кто кого победил, я так и не поняла. Скорее всего, просто победила дружба. Мужики жали Никите руку и благодарили за интересную игру. В машину Никита сел довольный.

— Наигрался?

— Ты не понимаешь. Я уже и забыл, как это здорово.

— Играть в футбол?

— Играть в команде.

— Почему не играешь, если тебе это нравится?

— С кем?

— Неужели в поселке команду для футбола собрать не получится? Вроде народу много.

— Не получится. Что тебе «мадам Танцулькина» рассказала?

— Да ничего интересного.

— Совсем?

— Совсем. Так, ничего не значащие мелочи...

— Куда теперь?

— Давай домой... Есть хочу.

— Может, тогда в кафешку заедем? Там и покушаем.

— Нет. До дома дотерплю. Никита, давай завтра с горничной поговорим?

— С чего такая срочность?

— Просто нутром чувствую, что с ней надо срочно поговорить.

- Можно сегодня поболтать.
- Взять и прийти к ним домой?
- Ну да. Чего тянуть, если у тебя предчувствия.
- Мы ее подставим перед хозяином.
- И что он ей сделает?
- Уволит. И не факт, что она станет нам что-то рассказывать.
- Что предлагаешь?
- Давай обходным маневром. Через тетю Нюру, ее выманит в магазин.
- И там раскрутим на разговор?
- Точно.
- Иришка, а тетя Нюра согласится в этом участвовать?
- Согласится. Ей скучно, а тут все какая-никакая развлекуха.
- Завтра тогда начнем нашу операцию...
- Только надо утром встать. Привыкли спать до обеда.

Мы приехали домой. Кушать я уже перехотела, поэтому пошла сразу спать. Ночью вдруг проснулась, посмотрела на Никиту. Он спит без задних ног, а я мучаюсь, ворочаюсь...

- Иришка, хватит ерзать, — пробормотал Никита. Он все же проснулся.
- Извини, что разбудила.
- Что не спишь? Опять про свои убийства думаешь? Спи!
- Я бы с радостью, да не спится мне.
- Что еще случилось? — спросил Никита. Не вытерпел и включил свет.
- Я жрать хочу.
- Не жрать, а кушать.
- Нет, милый. Кушать я час назад хотела. А теперь я хочу жрать!
- Ну так иди. Там еды полный холодильник.
- Тогда я пошла. А ты спи, котик.
- Разбудила, а теперь спи. Заснешь тут... — высказал он претензию. А сам повернулся

на другой бок и засопел.

Я тихонько, чтобы больше никого не разбудить, пошла в кухню. Наощупь дошла. Свет включать не стала. Опять же потому, что не хотелось никого будить. Залезла в холодильник, и тут в кухне вспыхнул свет. Смотрю, муж тоже к заветному холодильнику приближается.

- И чего ты крадешься? — спросил Никита.
- Будить никого не хотела. Жалко. Пусть спят, — говорю я шепотом.
- А мужа родного не жалко?
- И мужа жалко. Я тебя не специально разбудила. Извини.
- Извиняю. Что будешь? Бутеры сделать? Кофе?
- И сладкого чего-нибудь. И побольше, побольше...
- Тебе бы побольше таблеток от жадности. Ты в курсе, что на ночь есть нельзя? Испортит фигуру... А сладкое на ночь вообще нельзя.

- А ты в курсе, что голодными нельзя спать?
- Почему это?
- Желудок не получает пищи и посылает в мозг сигнал о том, что организм голоден. Сразу перестает вырабатываться гормон сна. Главный в человеке — желудок. Вот так-то.
- Давай подкрепимся. А то я тоже голодный
- Чего тогда ерепенился? Тоже не поел?

— Я с тобой вместе заснул. Вымотали нас эти истории. Тебе побольше моего досталось.

— Интересно. Психиатрам самим психиатры нужны? Наслушаешься вот таких историй и людей возненавидишь...

— Завтра нам тоже послушать придется...

Мы взяли кофе и бутерброды. И пошли сначала наверх, но потом передумали. До комнаты идти далековато, на наш взгляд. Не донесем. Сели на лестнице и стали есть.

— Я так и знала, что вы не вытерпите, — высказала нам мама. Она тоже проснулась от голода и пошла делать себе кофе.

— Извини, что разбудили.

— Вы же шепотом. Да я и сама не спала.

— Ваш шепот даже мне слышно было, — сказал Петька. И он проснулся.

Тут и Грейс пришел. Пришлось и ему кусочек ветчинки кинуть. Уселись все на ступеньках лестницы и едим. Довольные. Снизу, ближе к нам поднялся Петруха. Этот троглодит запах кофе за километры чувствует. И вся семейка расселась чаевничать в полном составе. Видел бы нас кто. Первым бы был вопрос: почему на лестнице едим, когда стол рядом? Но наш человек не может просто кушать. Ему светские беседы подавай. Или, на крайний случай, сплетни...

— Вы завтра с утра чем заниматься будете? — спросил Петька.

— К магазину пойдем. А что?

— Я с вами. Грейса возьму.

— Хорошо. Только не лезь в разговор. Лучше посиди и послушай, что люди обсуждают. Они часто больше говорят, когда их не спрашивают.

— Ладно. А за кем подслушивать?

— За кем успеешь. Мы своих будем опрашивать, а ты остальных слушай.

— Всех?

— Всех. И водителей, если сможешь. Что между собой обсуждают.

— Может, что-то промелькнет интересное.

— Вы договорились, когда с Петькой по магазинам поедете? — мама все про школу переживает.

— А зачем мне в магазины? — Петька удивлен.

— В школу одежду купить надо. Тетради, ручки...

— У меня есть. Я старую еще не сносил, — пытается отбрыкаться Петька.

— Она тебе уже мала. Ты вымахал за лето.

— Ничего я не вымахал. Нормальная у меня одежда.

— Петька, давай тебя приоденем? — попыталась я его уговорить.

— Не хочу я. Отстаньте! — уперся Петруха.

Я сделала жест, чтобы мама на него не наседала. Потом, со временем, этот вопрос утрясем.

— Мам, а как твоя подопечная? — перевела я разговор на удобную тему.

— Да все нормально. Ее маленько подлечили. Двойня у нее будет.

— У меня вопрос. Обычно же двойня у близнецов рождается?

— В общем, в большинстве случаев в семьях, где уже были близнецы, рождаются двойни.

— Интересно...

— Ты думаешь, что отец ребенка имеет брата или сестру близнеца?

— Или в семье есть близнецы. У меня мысль мелькнула. К чему бы это?

Мы еще немного посидели. Поговорили и разошлись спать по своим комнатам, сытые и довольные. Спали беспробудно до самого утра. Хорошо, что Петруха у нас парень ответственный: он нас разбудил утром, иначе бы мы проспали все на свете...

Встали, но не проснулись, как говорится. Пришлось выпить кофе, чтобы хотя бы начать соображать. Честно говоря, я вообще хотела спрыгнуть с этой темы и просто остаться дома. Притвориться спящей или лучше больной. Но не удалось: меня раскусили и не дали покайфовать. Все стали собираться на дело. Пес понял, что предстоит прогулка. Сидел и ждал, когда мы соберемся. С этим своим поводком сидит и в зубах держит. На совесть нам давит: типа, давайте побыстрее, видите, я уже готов гулять, а вы все копошитесь... Договорились, что сначала я с Никитой пойду к магазину.

— Сначала мы договоримся с тетей Нюрой о встрече с ее знакомой. А потом ты подойдешь к нам на подмогу. Вроде бы просто прогуливаешься, — поучал Петьку мой муж

— А к чему такие сложности? Давайте вместе и придем. Давно уже вместе не гуляли, — пытается отстоять свое право гулять с нами Петруха. В чем-то он прав. Манкируем мы своими обязанностями их обоих прогуливать.

— Пойми. Тогда на тебя никто не обратит внимание. Ходит пацан. И пусть себе ходит... — Никита не отступает от своего плана.

— На меня итак внимание не обращают, — Петя уперто гнет свою линию.

— Видишь ли, Петруха, люди любят совать свой нос в чужие дела. Но признаваться в этом не любят. стыдно им свою суть обнажать, поэтому нам и нужен ты. Будешь ходить и слушать, что они говорят. Люди выбалтывают самое интересное в простом разговоре между собой, когда сплетничают. Нас они постесняются, а тебя нет. У тебя самая сложная часть нашей операции, — это уже я вступила в уговоры.

— Вы думаете, что они больше расскажут, сплетничая?

— В точку попал. Психология, брат. Против нее не попрешь...

— Тогда я согласен, — смирился Петька с неизбежным.

— А после магазина мы пойдем и погуляем от души, — подсластила я горькую пилюлю.

— Тогда я пошел?

— Куда ты пошел?

— В лесу погуляю, потом к магазину подойду. Грейс вон сидит и ждет.

— Иди.

Петька ушел гулять в лес. Мы с Никитой помыли за собой посуду и пошли к магазину. Нам предстоял нелегкий труд: разговорить прислугу, чтобы она выложила всю подноготную. Тот еще фокус...

Тетя Нюра стояла возле магазина и думала. У нее есть такая убойная сплетня. А кому она ее расскажет? Кому она здесь интересна? Эта сплетня всем сплетням сплетня. И рассказывать ее нужно тем, кто ее оценит. Вдруг она увидела нас с мужем. На такую удачу она и не рассчитывала. Вот кто сможет оценить по достоинству то, что она расскажет. С этими мыслями тетя Нюра рванула к нам с крейсерской скоростью. По сторонам она не смотрела.

И тут ее сшибает какой-то подросток на электросамокате. Тапки в одну сторону. Сама тетка в другую. Вот он ей и отомстил. Юрка с довольной ухмылкой поехал дальше. Свел счеты с противной бабкой. А чего она к нему придирается постоянно? То он не там курит, то

не там бумажку бросил. Ну и что, что кинул? В поселке есть дворник. Он уберет. Ему за это деньги платят... Понимая, что могут быть последствия, Юрка быстрее покатил домой. Там его, если что, отец прикроет. Отец эту бабку сам терпеть не может. Она и его, когда тот молодым был, все шпыняла. Да и нынче она ему в магазине мозг проела. Учит всех старая грымза. Вот Юрка и отомстил за отца и за себя. Пусть знает.

Мы увидели, что тетю Нюру сбил подросток на самокате и уехал с места происшествия. Сразу к ней подбежали. Смотрим, она пытается встать. Но нога у нее неестественно вывернута.

— Теть Нюра, вы не вставайте. У вас с ногой что-то, — пытаюсь я ей втолковать, чтобы лежала и не вставала.

— В больницу надо. Скорую вызывай, — это уже Никита мне.

Я телефон постоянно с собой беру. А он, видимо, не взял. Звоню в скорую и называю адрес. Немного приукрасила, что бабулька без сознания, иначе они не приедут. Скорые вообще к старикам не любят ездить. Считают, наверное, что они и так достаточно на свете пожили. Хватит с них.

— Сказали, что приедут.

— Подождем. Я сейчас, — Никита метнулся в магазин. И что он там потерял? Смотрю, выходит с одеялом. Правильно. Подоткнуть под бабульку, чтобы не застудилась. Холодно все-таки...

— Холодно вато на земле лежать, — Никита подоткнул аккуратно одеяло, подушечку бабуле под голову положил. Рядом стоят другие старушки, обступили пострадавшую и никуда не уходят. Ждут скорую...

— Воды... — прошептала тетя Нюра. Наконец-то стала приходить в себя.

— Нельзя вам сейчас пить. Потерпите немного.

— Надо родных оповестить, чтобы приехали.

— Нет у нее родных. С ней никто не живет. Одинокая она.

— Как одинокая? Приезжала же к ней родня? — переспросила я.

Я сама этих родственников видела. Бабулька тогда такая счастливая ходила, что родня к ней приехала в гости.

— Они приезжали, чтобы уговорить ее дом продать и к ним переехать.

Старушки стали наперебой рассказывать про несчастную тетю Нюру. Картина вырисовывалась не радостная. Бабуля на старости лет осталась одна, как перст, и помощи ей ждать неоткуда. Кто с ней в больницу поедет?

— Никита, подожди скорую. Я к ее подруге пойду. Расскажу ей.

Пошла к дому ювелира. Там подруга тети Нюры работает горничной. Позвонила. Тишина. Еще раз позвонила. Никто не отреагировал на звонок. И что делать? Ладно. Дождемся скорую, а там пойдем, что дальше делать...

Скорая приехала через двадцать минут. Это по нашим меркам быстро. Увидели, что пострадавшая бабулька пришла в себя. Молодой врач стал отнекиваться от такого подарка. Он попытался сплавить старушку, сказал, что надо самим везти в травматологию своим ходом. Мол, ничего с ней страшного не приключилось. Но увидел, как я подхожу. Видимо, я ему понравилась, поэтому он включил режим обаяшки и распустил павлиньи перья: стал таким заботливым и милосердным...

— Мы забираем ее в больницу: вдруг у нее внутреннее кровотечение. Кто в сопровождение поедет?

Я вызвалась поехать и села в машину. А что делать? Не одной же ей ехать. Жалко мне стало бабулю. Никита понял мою стратегию и метнулся домой. По пути приказал Петьке выполнить свою часть задания. Петька ответил, что будет сделано и остался возле магазина уши греть. А Никита, как я полагаю, пошел за машиной, чтобы меня потом из больнички забрать. Вот так я оказалась с бабулей в машине. Думала в дороге поговорить с ней, но скорая доехала до больницы быстро. Да еще этот врач всю дорогу болтал: сам себя расхваливал. Он мне истории из своей врачебной практики рассказывал. На самом деле он просто пел себе дифирамбы. Исполнил оду себе великому: какой он замечательный врач, какой он заботливый. И сын, какого поискать, мама не даст соврать. В общем, рекламировал себя.

Приехали в больницу, и тут он включил режим «заботливый врач». Тетю Нюру на каталке привезли в приемное отделение. Молодой врач вилял всю дорогу павлиньим хвостом. Но я-то поняла, что он за фрукт. Гнилой. Сначала вообще в травму бабку посылал своим ходом. И не пожалел старую. Но номер телефона его взяла: чем черт не шутит, авось пригодится. Знакомый врач на скорой никогда не помешает. Попрощалась с ними. Хотя врач предлагал меня домой отвезти на скорой. Я сказала, что останусь с бабушкой. Врач подумал, наверное, что это моя родная бабушка. А я его не разуверяла. Решила, что так о ней заботы больше проявят.

В приемном отделении к бабуле отнеслись по-человечески. Приняли, обследовали. Сделали рентген, наложили гипс и отправили в палату. Решили понаблюдать денька три. Есть в стране еще нормальные врачи, не перевелись. Поговорить со старушкой удалось только в палате. В палате было четыре койки, но лежала она пока одна. Бабуля полностью пришла в себя и уже смогла разговаривать.

- Доченька, привези мою подругу.
- Я не знаю, как ее найти. В доме ювелира никого нет.
- Так ее уволили.
- За что?
- За безупречную службу. В ее услугах больше не нуждаются.
- Новую прислугу наняли?
- Никого не наняли. Там вообще темная история.
- Как я тогда вашу подругу найду?
- Она в поселке живет. Дом номер семь. Финский домик с черепицей.
- Хорошо. Мы сейчас съездим и привезем ее.
- Пусть она мне мои вещи привезет.
- Как она в ваш дом попадет?
- У нее ключи есть.
- Так доверяете, что ключи от дома даете?
- Мы же с ней с детства дружим. Родились здесь и выросли здесь. У нас дружба с горшка, как говорится.
- Какие вещи привезти?
- Как обычно. Она знает.
- Хорошо. Сейчас Никита приедет. Вы видели, кто вас сбил?
- Нет. Я к вам торопилась и по сторонам не смотрела. Дура я старая...
- Да бросьте. С кем не бывает. А к нам зачем торопились?
- Не помню. Вот помню, что торопилась. А зачем — забыла. Склероз...

— Вы не расстраивайтесь. И не думайте. Само вспомнится...

— Голова так болит.

— Может врача позвать? Он таблетку от головной боли даст.

— Перетерплю.

— Нельзя головную боль терпеть. Давайте я сестру позову. Пусть она вас посмотрит.

— Ну позови.

Я пошла за медсестрой. Смотрю, в коридоре молодой парень в очках ошивается. Медсестры нет на посту.

— Вы не скажете, где медсестра?

— Вам зачем?

— Мы бабушку привезли. Ее на электросамокате подросток сбил. У нее голова болит сильно. Можно что-то сделать?

— Пойдемте, посмотрим.

Оказалось, это и есть лечащий врач. Осмотрел тетю Нюру. Потом пошел на пост. Медсестра уже была на месте. Он ей сказал сделать укол бабуле, кивнул мне головой, типа попрощался и пошел в ординаторскую. Медсестра сразу пошла ставить укол. Когда я зашла в палату, тетя Нюра уже засыпала. На выходе из больницы меня караулил Никита.

— Узнала что-нибудь?

— Ничего. Кстати, сын ювелира уволил горничную.

— И где нам ее теперь искать?

— Я адрес узнала. Ее надо сюда привезти с вещами.

— Вот по пути у нее все и разузнаем.

— Правильно мыслишь, товарищ.

Приехали в поселок. Домой заходить не стали и сразу к горничной в старую часть поселка поехали. Дом у нее маленький, но добротный. Помните, пленные финны строили? Восстанавливали разрушенное. Эти домики еще люди финскими называли. Я ее дом издалека узнала: только он был покрыт черепицей. И как она за столько лет сохранилась? Все остальные жители свои крыши заново перекрыли, а эта так оранжевая и осталась. Приметная крыша...

Хозяйка копалась в огороде. Увидела нас и сама подошла к ограде.

— Как там Нюся?

— Нормально. Просила вас ее вещи собрать в больницу.

— Сейчас я соберу. Завтра ей отвезу.

— Зачем завтра? Я ей пообещала вас сегодня привезти.

— Сегодня? — стоит растерянная.

— Если вам некогда, давайте я ей вещи отвезу. А вы завтра приедете.

— Отчего же некогда. Сейчас соберу все и буду готова ехать.

— Мы тогда подождем, — сказали мы ей и остались возле ограды.

Сели на скамеечку. Она выскочила из калитки и метнулась к другому дому. Мы сначала не поняли, что происходит. А оказывается, она в дом подруги помчалась собирать вещи. Вот скорость у старушки. Не догонишь... Через пять минут она вышла с узелком в руках. Вот, ей-богу, не вру. Именно с узелком, как в старых фильмах показывают. И смех, и грех. Ничего не меняется. Она с этим узелком подошла к нам.

— Готовы ехать?

— Готова. Все вещи собрала.

Никита сел в машину. Остановился у магазина. Через несколько минут вышел. В руках несет большой пакет. Сунул его в руки бабульки.

— Что это, сынок?

— Это продукты тете Нюре от нас.

— Не надо было тратиться на нас, старых.

— Пусть поправляется. Она людям здоровой нужна.

— Хоть кто-то о ней побеспокоился.

— Извините, но как к вам можно обращаться?

— Баба Маня.

— Тетя Маша? Я правильно поняла? А по имени отчеству?

— Мария Ивановна.

— Классика жанра. Если еще скажете, что были учителем, то это будет улет, — кому что, а Никите сразу анекдоты про «Марьиванну» вспомнились...

— Была.

— Что преподавали?

— Историю. Но кому она теперь нужна?

— А к ювелиру как попали?

— Хозяйка померла, вот я и попала.

— И когда хозяйка померла?

— Давно. Мальчик маленький был. В садик еще ходил.

— Вы столько лет на них отпахали, и они вас уволили?

— Уволили. Им теперь не по карману иметь прислугу. Они теперь сами нищие. А у нищих слуг нет...

— А вот меня любопытство мучает. Мать Марка была светлая? В кого он такой пошел?

— Мать была черная. Чернее головешки...

— В кого он такой не типичный еврей?

— Они всем говорили, что в деда по матери. Но я думаю, что приемный.

— С чего взяли?

— Она ходила вроде беременной, а пуза не было. И вдруг раз — и ребенок появился. Ну и откуда? Или приемный, или от любовницы.

— А у ювелира была любовница?

— Была. Красивая девка. Беленькая вся такая, фигура ладная. И сам Натан в молодости красавец был: черноглазый, черная грива волос, стройный, красивый. Это сейчас пень трухлявый, лысый и горбится.

— Значит, мать Марку навряд ли была родной. Мать его любила?

— Как ни странно, любила. Постоянно над ним тряслась.

— Так может, он ей родной был? Просто в деда?

— Может быть...

Несколько минут она молчала. Прервала разговор. Только себе под нос что-то мычала и кивала. Что-то обдумывала. И мы молчали. Переваривали ее новости. Интересная штука жизнь: порой такие загадки загадывает, только держись...

Когда тетя Нюра увидела свою подругу, слезы брызнули у нее из глаз.

— Машенька! Думала, уже и не попрощаемся.

— С чего прощаться собралась, Нюся? У тебя всего-то перелом ноги.

— А вдруг бы здесь сгинула. И никто бы не пришел.

— Но я пришла. И чего зря слезы лить?

— Вот загремела на старости лет.

— Так не сама загремела, а помогли тебе. Поймать бы этого разбойника.

— А чего его ловить? Юрка это. Больше некому.

— Какой Юрка Вы знаете, кто вас сбил? — стало мне интересно.

— На все сто процентов не уверена, но это Юрка, хулиган местный.

— Значит, надо к его родителям навеститься.

— Зачем? Они бессовестные. Нет смысла туда ходить. Доказать мы ничего не сможем.

— Как сказать... Если он на видео попал, то докажем. Электросамокат-то приметный.

— Ну, если только видео...

Видно было, что эта тема ей крайне неприятна. Был у нее конфликт с этим Юркой, и к гадалке не ходи.

— Мы вас оставим. Вы поговорите, а мы за кофе сходим. Вам взять чай или кофе?

— Если можно, то кипяток принесите.

— Хорошо. Принесем.

Пошли в коридор, набрали кипяток с бойлера. Принесли два стаканчика бабулькам: пусть почаевничают и поговорят. Мы вышли из палаты и пошли по направлению к автомату кофейному. Кофе, конечно, там бурда бурдой, но без кофе я сейчас не жилец.

— Мне кажется, что они станут совещаться, — начала я разговор.

— О чем? — Никита еще не понял, почему бабули переглядывались.

— Рассказать ли нам их новости или утаить.

— Какие новости? У них есть новости?

— Знаешь, Никита. Я поняла, почему она к нам на всех парусах неслась. Новость у нее была какая-то сногсшибательная.

— Вот ее Юрка этот с ног и сшиб.

— Он зря ее сшиб. Сам же потом расплачиваться будет. Помяни мое слово, поплатится он за это. Ох, как поплатится!

— Иришка, ты что-то задумала? Решила наказать утырка?

Я задумала. Никита прав. Задумала к родителям Юрки сходить для начала. Может, все-таки у них есть совесть. Поговорить с ними по-хорошему. И они хотя бы своему отпрыску смачных люлей выдадут. Нельзя оставлять такое паскудство безнаказанным. Но мужу ничего об этом не сказала.

— Вернется ему его «доброе дело» сторицей. Справедливость на свете есть, и закон мирового равновесия еще никто не отменял, — сказала я.

— Что за закон такой? Просвети меня.

— Все возвращается. В той мере, в какой отдал, в той мере и вернется. Все просто. Отдал добро — вернется добро. Отдал зло — зло и тебе придет. Как аукнется, так и откликнется.

— А! Этот закон я знаю. Называется законом сохранения энергии.

— Видишь, Никита, и физики на моей стороне. Есть предложение. В порядке эксперимента давай понаблюдаем, каким ответом аукнется Юрке его подлость. А то я смотрю, ты мне не веришь...

— Я в справедливость не верю: иначе бы не было такого количества воров, убийц, насильников.

— Тогда давай делать ставки: если ему прилетит от вселенной тумак, ты выполняешь

мое желание.

— А если ему ничего не прилетит, то ты выполнишь мое.

— Согласна.

— Только одно требование: ты ничего не должна делать для того, чтоб ему прилетело.

— Совсем ничего?

— Совсем: ни к родителям не пойдешь, ни в полицию. И никому ничего не скажешь.

Ничего не сделаешь...

— В общем, я поняла: я не должна никоим образом помогать вселенной поставить гаденьша на место?

— Точно. Никаким. Тогда наш спор будет справедливым.

— Хорошо. Самой интересно, как оно все повернется. Договорились!

— По рукам!

Теперь придется соблюдать эту нелепую договоренность. И ничего не делать для восстановления справедливости. А мне и в самом деле стало интересно: прилетит мерзавцу от вселенной или нет...

Когда мы подходили к палате, бабульки трещали без умолку. Да еще так громко. Увидев нас, замолчали. Надо было постоять за дверь и подслушать, о чем они там спорили. А теперь уже поздно. Они затаились. Ничего. И не таких партизанок раскалывали...

— Прощай, Нюра. Приеду еще.

— А чего приезжать. Меня тут дня три подержат и выпишут. Так что сама скоро домой вернусь. Чего тебе на старости мотаться в такую даль.

— Теть Нюра, давайте я вам свой телефон оставлю. Звоните, если что...

— Спасибо вам, детки, за помощь. Только я уж теперь сама.

— А как после выписки поедете? Вам же костыли нужны.

— Есть у Мани костыли. Она привезет, как выписывать будут. И домой мы на такси приедем. Не волнуйтесь...

Значит, бабульки решили своими секретами с нами не делиться. Какие они хитрые. Решили придержать свою информацию. Как культурненько нас старушки-веселушки отфутболили...

Когда ехали домой, позвонила мама.

— К нам опять пришли полицейские и тебя требуют.

— Гони их. Ты же можешь, я знаю.

— Они не уходят.

— Ведут себя нагло?

— Нет. Теперь у них гонора поубавилось. С ними полковник.

— Понятно. Значит, они облажались и решили на моей шее прокатиться.

— Выходит, что так. И что мне с ними делать?

— Главное, не пускай их по дому шлындать. Я им не доверяю.

— Вы скоро приедете?

— Да уже подъезжаем...

— Иришка, что там случилось? — спросил Никита.

— Менты опять пришли.

— Зачем?

— Посоветоваться...

— Следствие зашло в тупик?

— Как я и говорила.

— И они теперь решили, что ты можешь им помочь. Сначала они тебя не слушали, а когда трупов благодаря им стало много, о тебе вспомнили?

— И трупы еще будут, помяни мое слово. Мне бы понять, почему он опять стал убивать. Год убийца сидел спокойно. Что послужило триггером?

— Чем? — задала вопрос Мария Ивановна.

— Спусковым крючком... Это перевод с английского. Из-за чего он стал так направо и налево трупы множить. Как будто одурел...

Мы с Никитой еще пообсуждали эту тему. Тетя Маня сидела на заднем сидение и внимательно слушала наш с мужем разговор. Когда подъехали к ее дому, она с нами попрощалась и ушла.

— Что скажешь? — Никите интересно мое мнение по поводу старушек.

— Ничего. Мне интересней, с чем ко мне полиция пожаловала.

— А бабки? Их информация тебе не нужна?

— Почему не нужна? Очень даже нужна.

— Так чего ты молчала? Надо было расспросить ее.

— Она бы ничего не сказала: они со своей закадычной подругой решили ничего мне не говорить. Сам же видишь. Как воды в рот набрали...

— Тогда дело швах.

— Ничего не швах. Она из нашего разговора поняла, что мы помогаем полиции. погоди. Завтра, она все сама нам расскажет.

— С чего ты решила?

— Человек она совестливый. Ночью поворочается, подумает. Переспит с мыслью, что от ее молчания могут новые трупы нарисоваться. И сама утречком прибежит.

— А если не прибежит?

— Прибежит, как миленькая. Дай ей немного времени. Она сама нам новости преподнесет на блюдечке с голубой каемочкой.

— Иришка, а что с ментами делать будем?

— Послушаем, что они скажут. От этого и будем строить наши планы.

Войдя в дом, мы увидели тех же персонажей из полиции, которых к нам уже приносило попутным ветром. Плюс еще полковник, который был у ювелира дома. От того, что добавился полковник, поведение полицейских не изменилось. Они хотели получить от меня помощь, ничего не давая взамен. Даже не поделились информацией. Значит, их пока не сильно припекло. Разговор зашел в тупик. О чем я им ясно и сказала.

— Разговора с вами конструктивного не получилось. Я же попыталась объяснить вам, что предпочитаю обмен информацией. Просто так, за интерес я вам помогать не буду.

— Это ваш гражданский долг, — полковник пытается давить на совесть.

— Да что вы говорите? Вот не знала, что у нас простые граждане обязаны расследовать преступления. Я думала, что в нашей стране для этого есть полиция и следственный комитет.

— Вы обязаны помочь.

— Ничего я вам не обязана. И помочь вам я не смогу, поскольку у меня нет никакой информации по этому делу. Как я вам буду помогать, не имея достоверных сведений? На картах погадаю? А вдруг карты соврут?

— Мы не имеем право предоставлять сведения по делу.

— Что вы от меня хотите? Вы же не глупый человек, полковник. Скажите мне, каким образом и в чем я вам могу помочь, если по делу ничегошеньки не знаю? Сами подумайте... И с чего вы решили, что я могу вам помочь?

— Значит, отказываетесь нам помочь?

— Мы с вами из пустого в порожнее переливаем. С чего вы взяли, что я вообще чем-то могу вам помочь?

— До нас дошла информация.

— Какая информация? Откуда?

— От источников.

— Каких источников?

— Не могу сказать. Тайна следствия.

— Извините, вам пора. Не договоримся мы с вами...

— Почему?

— Вы меня не слышите и не хотите слышать. До свидания.

Они ушли. С трудом, но я от них отвязалась.

— Почему они так уверены, что я могу им помочь? — возмущению моему нет предела.

— С того, что, видимо, навели справки, — мама пытается меня успокоить.

— У кого?

— С кем ты имела дело.

— Нет. Они просто зашли в тупик. Поняли это и начинают истерически метаться. До них пока не дошло. Полковник производил на меня впечатление человека думающего. И что получается? Такой же тупой солдафон, как и майор. Им фуражка, что ли, мозги передавила? Талдычит свое и все тут.

— Он хоть не угрожает, — мама ищет им оправдание.

— погоди, и до этого дойдет. Но понять их я могу. В этой ситуации есть и моя вина.

— В чем твоя вина?

— Это же из-за меня трупы нарисовались. Полицейские сами бы не полезли в озеро. Это я надоумила папашу труп дочери в озере поискать.

— И достали два трупа. Дочки его нет, а два трупа есть, — добавил муж.

— А потом и третий нарисовался. Добавить Королеву, то четыре трупа — это слишком много. Вот они и мечутся. И зацепиться им не за что.

— Ты-то цепляешься. За любую ниточку цепляешься. И что-то нарыла...

— Стоят и оба смотрят на меня. С чего они взяли, что нарыла? Вот откуда?

— С чего вы взяли, что нарыла?

— У тебя всегда так глаза блестят, когда что-то чуешь, — сказал Никита. Он, оказывается, еще и наблюдательный.

— Пока чую только. Еще не нарыла.

— А у них и этого нет. Вот они и бесятся...

В логике мужу не откажешь. Ну что же, пришла пора Петьку пытаться...

— Петька где? — спрашиваю, а у самой сердце не на месте.

— Гулять пошел. Увидел кого-то у магазина и побежал срочно гулять.

— Так он тебе ничего не сказал? Никита, пошли за Петрухой.

— Думаешь, что он может быть следующим?

— Пока ничего не ясно, а Петька молодой и рискованный.

Только открыли дверь, чтобы идти за Петькой, как он сам домой явился.

— О! Явление Христа народу! — обрадовалась я, что с ним ничего не случилось.

— Где был, гулена? — спросила мама. Она тоже устала волноваться.

— Гулял. Я же крикнул, что Грейса гулять пошел.

— Ты не темни. Говори, кого там видел и за кем срочно поскакал? — поставили мы его на место хором.

Моська у Петрухи сияет. Значит, что-то высмотрел...

— Я знаю, с кем встречается сын ювелира.

— Удивил... С женщиной он встречается. У него есть любовница. Не еврейка, — не утерпела и рассказала я.

Мама с Никитой смотрят на меня удивленно.

— Что так смотрите? Тетя Нюра раньше нам рассказывала, что у Марка есть пассия, с которой он уже много лет встречается.

— Тогда вообще странно, что его жена терпела измены.

— Пока любила — терпела. Разлюбила — сама ему рога наставила.

— С кем? — маме явно интересно.

— А с кем — уже не так важно. Тут главное — сделать ненавистного мужа рогоносцем. Хоть с кем. Хоть с чертом. Кто позарится, с тем и наставила рога.

— Она же его любила. Как она могла разлюбить?

— Пришло время, и чаша терпения переполнилась. Она разлюбила.

По себе знаю. Это внезапно случается. Просто понимаешь, что уже не любишь. И хорошо, если вместо любви ненависть не пришла. А бывает раз, и человека уже не любишь, а люто ненавидишь. Или даже презираешь. Как будто тумблер переключили с плюса на минус...

День прошел без новостей. Казалось, вот оно решение. Еще маленько и вычислю убийцу. Стало скучно. Решила пойти и посмотреть, что у меня на почте. Может что-то Макс прислал...

Прислал он мне новую загадку. Пистолет, который я обнаружила, засветился в убийстве двадцать лет назад. Значит, эта история двадцать лет тянется? Как долго мог убийца злость копить? Месть — это блюдо, которое подают холодным. Двадцать лет назад пистолет стрелял и еще как: на нем пять трупов. И не абы кого положили с этого ствола, а московского авторитета с подельниками. Где теперь брать информацию?

— Никита, представь, пистолет стрелял...

— Открою, Иришка, тебе великий секрет. Пистолеты делают для того, чтобы стрелять. Не орехи же ими колоть...

— Найденный мной пистолет стрелял. Из него людей убили.

— Когда? — заинтересовался Никита.

— Двадцать лет назад.

— И кого из него замочили?

— Авторитета одного с его шестерками.

— Менты, конечно, никого не нашли?

— Никого.

— Ничего не меняется.

— Слушай, Никита. А мне вот интересно. Чисто лингвистически. У нас же один умник переименовал милицию в полицию. Так?

— Ну так.

— А почему все называют ментов ментами? Они же теперь должны быть понты! Или я что-то не понимаю?

— Люди по привычке называют. Помнят, что была приличная милиция. Как сатирик говорил. Милые лица. А теперь что? Поганые лица?

— А когда-то в России была жандармерия.

— Постоянно переименовывают бедолаг. Когда им просто работать дадут? То объединяют службы, то разъединяют, то укомплектовывают, то упраздняют. Реформаторы сраные. Тьфу, блин, чертовы. Кто-то наверное, на реформе неплохие бабки поднял. И на переименовании, и вообще...

— Не переименовывать надо было, а чистку проводить. И часто менять начальников. А то набрали управленцев, вот и мучаются граждане. И сами дела расследуют...

— Ты знаешь, Иришка. Мне ментов жалко. Они бы и рады расследовать, но у них такой завал. Слишком много преступников на душу населения...

— Согласна. Люди кинулись обогащаться любыми способами. И честь, и совесть где-то потеряли. И украсть рады у любого, и убить готовы ради денег. Откуда такая жажда наживы? Распоясались...

— Слишком долго народ нищенствовал. Человек, который долго голодал, начинает жрать как не в себя. У кого денег не было, те от денег и дуреют. Начинают золотые унитаза ставить...

— По-моему, это смешно. Цыганщина какая-то. Представляю в обычной квартире лепнину и позолоту. Это для дворца хорошо, а для дома — пошлость.

— Но они-то этого не понимают. Им надо, чтобы было дорого-богато.

— Никита, давай в кафе съездим. Посмотрим, как дела идут с ремонтом.

— Давай съездим. Завтра...

На следующий день с утра пораньше поехали в кафе. Хотелось увидеть, что получается в реале с ремонтом. Оказывается, туда каждый день ездили Востриковы. Они переживали, а вдруг Михаил окажется плохим прорабом. Но Михаил в грязь лицом не ударил. И ремонт шел полным ходом, с явным опережением графика работ. Рабочим самим нравилась красота, которую они творят. Дело двигалось к концу быстрым темпом. Уже и мебель скоро будет готова. Оборудование Альбина Владимировна заказала, и мы его оплатили.

Проект кафе двигался к завершению. Потом останется только вывеску приличную и рекламу сделать. Да здесь и без рекламы после первого дня места будут заняты. А то я Востриковых не знаю. Они для людей любят готовить. Значит, кафе будет пользоваться спросом. Здесь будет вкусная и свежая еда, приличный интерьер. Думаю, не будет свободного места в залах: оба зала будут заняты под завязку...

С нами напросился поехать к матери Петька. Зашли, проведали ее. Она трезвая. К чему бы это?

— Никита, я к Максусу зайду?

— Так я и знал...

— Раз мы все равно здесь, то я с ним кое-что обсудить хотела бы.

— Иди. Разве тебя остановишь...

Я быстро метнулась к Максусу. Мне повезло: он был дома и в хорошем настроении. Обещал помочь. А работы предстояло много. Вышла от Макса довольная.

— Чего сияешь, как начищенный самовар?

— Да так. Просто радость на душе.

— Ты когда радуешься, я уже боюсь. Опять труп где-то нашла?

— Не нашла, но может и найду...

— Ладно, куда теперь поедем?

— Домой. У нас других дел на сегодня нет.

Подъезжая к поселку, увидели пожарные машины. Проехали к своему дому и пошли посмотреть, куда это пожарные помчались. Кто у нас в поселке погорелец? Оказалось, дом этого хулигана Юрки горит. Того самого, который сбил бабульку своим самокатом. В толпе стоят соседи. Собрались на всякий случай: вдруг их помощь понадобится...

Расспросив очевидцев, я выяснила обстоятельства пожара. Оказалось, что когда Юрка с родителями были в отлучке, у них в доме загорелся электросамокат. Просто вспыхнул. Видимо, аккумуляторы прохудились.

— Вот тебе и карма. Ну, права я была?

— Оказывается, закон сохранения энергии работает, — Никита удивился не меньше моего.

— Ничего ему так за тетю Нюру прилетело. Знатно.

— Теперь ему не на чем будет бабушек сбивать. Там и в доме прилично сгорело. Покатался Юрка...

Соседи стояли, слушали нас. Потом до них дошло, о чем мы между собой говорим, и они стали требовать от участкового завести дело на хулигана, сбившего старушку. Участковый пытался отбрыкаться, но население требовало наказания виновного. Мы пошли домой. Дальше за пожаром нам наблюдать было неинтересно.

— Ну что? Ты выиграла. Я бы подумал, что ты сама подстроила поджог, но ты была со мной. Петька тоже с нами был. Значит, эта версия исключена. Признаю свой проигрыш.

— То-то же. Знай наших. Говорила, что вернется ему горюшко горькое...

— Говори желание. Исполню, госпожа. Слушаю и повинуюсь! — сказал и согнулся в подобострастном поклоне.

— Я желание не придумала.

— Как не придумала? Я думал, ты что-то конкретное имела в виду, когда на желание спорила.

— Не имела. Придумаю, сразу скажу.

— Думай. А что еще мы будем делать сегодня?

— Может, погулять все вместе пойдём?

И мы пошли в лес погулять. Последние деньки лета. Скоро Петьке в школу. Мы тоже целыми днями будем заняты. Когда еще все вместе в нашем лесу от души нагуляемся? А там, глядишь, и зима настанет. Нагулялись, набегались, напрыгались. Грейса за палочками и за мячиком нагоняли. Пес домой еле ноги приволок. Да и мы тоже прилично устали.

Пришли с прогулки домой голодные. А у нас гости. Сюрприз! Тетя Маша с мамой сидят и чай гоняют. Мама наварила джемов. Мария Ивановна их и пробует. Сидит, разомлела от внимания. Мама — прирожденный агент. Наверняка бабулька расслабилась и уже кучу новостей рассказала. Никита глянул на меня, как рублем одарил. И за что такой взгляд? Я разве виновата, что просчитала Марию Ивановну? Она же человек старой закалки, и у нее совесть еще не атрофировалась, как ненужный рудимент. Поэтому она с утра пришла в гости. В гостях ей даже комфортней будет выдавать не свои секреты. А то, что она собралась все рассказать, о чем попросим, это как дважды два... Как бы ее подтолкнуть, чтобы она и

свою подружку заставила нам все поведать? В процессе разговора попробую воздействовать на честь и совесть. Авось получится...

— Здравствуйте, Мария Ивановна. С чем пожаловали? — спросила я.

— Вы вчера в машине про убийства говорили.

— Говорили, было дело... — решила ее не подталкивать к откровениям, а то вдруг вспугну.

— Я вам хочу рассказать кое-что. Вдруг это важно?

— Для чего важно?

— Вы вчера говорили, что любая мелочь — зацепка. Я помочь хочу, убийцу Софьи поймать, — призналась бабулька.

Я смотрю, она еще сомневается, рассказывать нам все или нет. Я решила надавить на больную мозоль.

— Вы ее любили? Софью эту?

— Нет. Кто ж ее, шантажистку, любить может?

— Шантажистку? И чем она вас шантажировала?

— Да всем. Любую мелочь замечала. Даже не знаю, с чего начать...

— Начните с начала. Как семья ювелира появилась в вашем поселке?

— А зачем так далеко? — маме интересно, зачем мне такие сведения.

— Нужна любая мелочь. Убийства двадцать лет назад начались.

— Двадцать лет назад? — переспросила шокированная Мария Ивановна.

— Вот именно. И полиция не знает, что с этим делать? Поэтому к тебе вчера приперлись? — маме не откажешь в прозорливости.

— Начнем? Я вас слушаю, Мария Ивановна, — специально называю ее полным именем, чтобы включилась ее сущность — училка школьная.

— Натан Львович появился в поселке давно. Еще не было коттеджного поселка. Они самый лучший дом здесь купили. Хозяин в Германию с семьей уезжать собирался и дешево продавал. Срочно. Натан купил, заехал. Стали они обживать. Потом смотрю, они исчезли куда-то. Почти полгода или год их не было, а потом Сара, жена его, приехала с ребенком. Они прикупили второй участок рядом. Та семья тоже куда-то уехала. Хотя странно: никуда они уезжать не собирались вроде. В общем, появился у них ребенок. Потом стали все замечать, что ребенок беленький. Ну и откуда? Откуда, если оба родители черные, как головешки?

— А вы рассказывали, что они говорили, якобы в деда ребенок пошел? Вы хоть раз деда этого видели?

— Не видела. Но люди после этих слов смеялись.

— Почему?

— Если рассуждать логически, он Львович, а жена — Моисеевна. Ну и где светловолосый и голубоглазый дед тут может быть?

— Логично. А в кого тогда Марк такой весь беленький и пушистенький? Что люди говорили?

— Говорили, что детдомовский. Или от любовницы Натана.

— Была любовница? Русская?

— Любовница была хохлушка. Она была беленькая. Работала в сельмаге. В нее Марк может быть, и пошел...

— Думаете, залетела, родила и Натану ребенка спланировала?

— Похоже на то. Или детдомовский...

— Если Марк детдомовский ребенок, то почему не черненкокого взяли, на них похожего? По тем временам выбор был громадный. Отказников много. Выбирай, кого душе угодно...

— Ваша правда: не клеится что-то. От любовницы, значит...

— И как Сара к нему относилась? Шпыняла или любила?

— Обожала. Тряслась над ним.

— А Натан?

— Тот все время занят был. Он тогда уже с бандитами связался, видимо. Они к нему часто ездили на своих крутых машинах.

— С чего вы взяли, что с бандитами? Может, просто кооператоры, предприниматели?

— С того, что они все при оружии были. И разговоры их слышала не раз.

— Какие разговоры?

— Про стрелки, про разборки. Вместо нынешнего магазина раньше сельмаг был, вот они возле него и встречались часто. Водкой закупались. У всех тогда не было денег, а эти рэкетеры такие деньжищи выкладывали... Они к нему и домой приезжали.

— Куда хохлушка делась? — перебила я ее. Не знаю, как другим, а мне это интересно.

— Не знаю. Она вроде в одно время с ними куда-то уехала. Говорили, что к маме на Украину. Никого не интересовало. Одинокая была, без родни.

— Значит, в эти полгода и произошел отъем ребенка у любовницы.

— Думаете, что у нее ребенка украли?

— Не факт. Может, и добровольно отдала. Или за деньги, или отняли. И где, интересно, она сама? Куда делась? А когда жена Натана умерла?

— Точно не помню. Но Марк еще в детсад ходил. Натан сразу меня нанял, чтоб я за ним присматривала. Ему за ребенком смотреть некогда было. Время было голодное. Учителям мало того, что копейки начисляли, так и их не платили. Иногда по полгода зарплату не платили. Выживали все огородами. Меня Натан к себе позвал, я и пошла. Школу бросила. Семью как-то кормить надо было. А он жалованье нормальное предложил. Вот и пошла в услужение...

— Почему вас позвал?

— Так получилось, что Марка в поселке все дразнили. Я до такого паскудства не опускалась. Наоборот, жалела мальчика.

— Ему-то за что доставалось? Он же ребенок.

— За все. За то, что еврей. За то, что приемыш. За то, что ни на мамку, ни на папку не похож. За то, что отец его богат, а все остальные нищие. За все это его и били. И даже камнями в него кидали малолетние дебилы. Я когда видела, гоняла уродов злобных. Натан это однажды увидел и предложил мне с мальчиком заниматься.

— В каком смысле заниматься?

— Он же заикался: после смерти матери не говорил какое-то время. Потом стал говорить, но заикаясь.

— И за это его тоже били? — догадалась я.

— И за это тоже. Ходили с Марком к логопеду. Теперь он не заикается...

— А что про женитьбу его знаете?

— Женился сразу. Ухаживаний не было, и свадьба была очень скромной: гостей не было, и родители невесты не приехали. Они жили в тот момент в Израиле, но деньги на

свадьбу передали. Отпраздновали в тесном семейном кругу, так сказать...

— Много денег прислали?

— Много.

— Интересно. Деньги есть, но родители не приехали на свадьбу своей единственной дочери. Неужто жених настолько не понравился?

— Наверное. Я подозревала, что жених не по своей воле на ней женился. Заставила она его. Вынудила. Шантажировала чем-то.

— С чего такие выводы сделали, Мария Ивановна?

— Она и меня шантажировала.

— Вас-то чем? Пыль не вытерли?

— Всем. Что-то съешь, она докладывать хозяину бежит. Плохо убралась. Она пылинку найдет и докладывать бежит. Домой тогда бутылку вина после праздника взяла. Она тоже быстрее докладывать побежала. Только Натан ее одернул. Сказал, что сам разрешил мне взять.

— Действительно разрешил? Или она ему надоела своими жалобами по пустякам.

— Не разрешал. Ваша правда. Согрешила единожды. За столько лет взяла без спроса. Вино нужно было до зарезу. Ко мне гости приехали. А вино купить негде: магазины уже закрыты были. Софья так достала Натана своими кляузами, что он в своем кабинете стал запирается от нее.

— Почему от нее?

— Когда ее дома не было, он не запирался в кабинете. Отсюда вывод: от нее закрывается.

— А как у них с Марком в плане супружества было?

— Вот я и говорю. Не хотел он на ней, страхолюдине такой, жениться. Он ни разу с ней и не спал.

— Почему так уверены?

— Это и смех и грех. Сразу после свадьбы приехали из ресторана домой. Софье ее комнату указали, где она жить будет. Она пеньюар красивый напялила на себя и из своей комнаты шасть к его двери. Дернула дверь. Закрыто. Она поскреблась в дверь тихонько, чтобы другие не слышали. Стыдно же: жених от нее заперся у себя в комнате. Марк не открывает. Потом постучалась тихонько. Жених затаился. Она тогда кулаками стучать начала и угрозы выкрикивать. Вот тогда Марк дверь открыл и впустил ее. Я только начало разговора услышала.

— Что он говорил?

— Он ей сказал, мол, она добилась, чего хотела, что ей еще надо. Она стала ему говорить про свою любовь, что давно его любит. Он ей сказал, что ее не любит, что не полюбит. Насильно, мол, мил не будешь. И зря она и себе, и ему жизнь испортила. Так что не было у них брачной ночи.

— Значит, точно шантаж.

— Только я не поняла, чем она его шантажировала. Вроде не чем было.

— Вы совсем ничего плохого за Марком не замечали, чем можно было шантажировать?

— Нет. Ничего плохого он не совершал. Может, она что-то раскопала? Она может. Та еще шантажистка...

— Досталось вам от нее?

— Еще как. Постоянно меня норовила унижить. Любыми способами. Гадкий человек.

— Еще вопрос: лет двадцать назад Натан Львович чем занимался?

— Ювелирным делом. Тем же, чем сейчас.

— Бандиты ему что-то привозили?

— Бывало, что привозили...

— Значит, скупкой краденого наверняка промышлял.

— К гадалке не ходи, — поддержал меня Никита.

— Я не знаю точно, — оправдывается Мария Ивановна.

— Когда девушку на троне убили, где был Натан Львович?

— Он был в отъезде. По делам куда-то ездил.

— Куда?

— Не знаю, но полиция в курсе. Он им сказал, куда ездил и зачем.

— Хоть что-нибудь можете сказать по этому делу?

— Могу. Ему кто-то позвонил. Он сразу и поехал.

— То есть не собирался? Не готовился к поездке?

— Не готовился. Он давно никуда не выезжал. Много лет уже на месте одном сидит.

— И вдруг снялся в один момент? Не кажется вам это странным?

— Действительно, странно как-то...

— А Софья как себя вела в день своей смерти?

— Она вообще какой-то другой стала. Задолго до этого дня. Я думаю, что у нее мужчина появился.

— С чего такие мысли?

— Сами посудите. Раньше она делала попытки залезть к Марку в постель. Правда, с каждым разом все реже, но делала. Не теряла надежду. А тут как бабки отшептали. И стоять перед его дверью перестала по ночам.

— Поясните...

— Она часто просто к его двери подходила и долго стояла. Потом к двери прикоснется ласково. Или было, что целовала дверь и потом уходила.

— Неужели так любила?

— Любила. Мне ее иногда жалко становилось. Но потом она унижала меня, и я перестала ее жалеть. А если рассудить, то несчастная женщина... Любить безответно — то еще наказание...

— Мне интересно про завещание. Было завещание, составленное ею?

— Я как-то слышала, что был контракт брачный. И завещание тоже есть. Натан с Марком ничего не получают.

— Это вы с их слов знаете?

— Нет. Это она им кричала. Кричала как-то, что с голой жопой они по миру пойдут. И еще должны ей останутся.

— Вы сами бумаги какие-нибудь на эту тему видели?

— Нет, конечно. Кто же горничную будет посвящать в это?

— Если так смотреть, вы не просто горничная. Вы Марка воспитывали. Неужели он в вам никаких чувств не испытывал?

— К сожалению, Марк вырос махровым эгоистом. Он любит только себя. Он не то что меня, он и отца своего не любит. Отпала надобность во мне, меня выгнали вон. Он и к отцу в больницу не ездит. Надобности в отце теперь нет: вот он и не ездил с тех пор ни разу к отцу.

— Вы знаете, кто любовница Марка?

— Нет у него любовницы.

— Женщина. Чуть старше его. Русская. Вернее, славянка.

— Не знаю. Может, мать его объявилась?

— Может быть... Тогда она очень хорошо сохранилась. Софья кем в последнее время работала?

— Как и раньше, хореографом вроде бы. Только денег на этом поприще не зарабатываешь. Мне кажется, что она занималась шантажом.

— Почему вам так кажется?

— Однажды разговор слышала. Она кому-то выговаривала, что не получила деньги. И припугнула. Мол, ты совсем страх потерял?

— Значит, говорила с мужчиной?

— Получается, что с мужчиной. Она его припугнула, мол, хочешь, чтобы я видео переслала? Ей там что-то ответили на том конце. И она в трубку сказала, что хорошо, мол, но не больше трех дней жду.

— Когда это было?

— Аккурат перед ее смертью.

— Вы не в курсе, к кому она шла в тот день, нарядившись?

— Когда ее убили?

— Да. Когда ее убили.

— На свидание. Куда же еще ей такой идти? Она самое лучшее надела.

— Деньги или драгоценности при ней были?

— Серьги дорожные, с настоящими изумрудами. Деньгами она давно не пользуется. А вот карта могла быть. Натан искал карту банковскую. Весь дом перерыл, но так и не нашел.

— Номер карты знаете?

— Нет, не знаю. Карта на Натана оформлена.

— Софья могла взять его карту?

— Запросто.

— Только зачем она ей в лесу? У трона обналичить? В лесу банкоматов нет. Или взяла, чтобы напакостить родственничкам любимым? Или все-таки деньги снять собиралась? Тогда зачем в лес пошла? — пытаюсь рассуждать здраво. Хотя от этой семейки у меня мозг закипает...

Мария Ивановна еще много чего рассказала, но это уже были мелочи, которые просто характеризовали жителей дома. Все они те еще яблочки... с червоточинами. Софья не самый плохой экземпляр в этом змеином клубке. Все же выдавать чужие секреты — морально тяжелый труд. Мария Ивановна устала и засобиралась домой.

— Мария Ивановна, вы дома еще подумайте. Если что-то вспомните, хоть мелочь какую, то мне позвоните. Может, подруга ваша что-то вспомнит. Любая мелочь важна. Иногда преступника из-за мелочей ловят, поэтому нам все важно.

Я вбила ей в телефон номера наших мобильных. Она действительно уже устала и плохо соображает. Даже пугаться начала. Мама позвала нас к столу. Мария Ивановна засобиралась домой. Мы попрощались с ней. Никита предложил подвезти ее до дома, она отказалась. Петька пошел ее проводить. Я сидела и переваривала услышанное.

— Как думаешь, Иришка. Натан свою любовницу не прибил ли часом?

— Мог и прибить. Она могла лишнее что-то услышать или увидеть. Из-за ребенка навряд ли.

— Жена его, скорее всего, была бесплодной.

— Наверняка: иначе над ребенком так не тряслась бы. Мне интересно, куда соседи ювелира срочно съехали: не помогли ли им съехать крышевавшие его братки?

— На тот свет спровадили. Иришка, если и тут ты трупы обнаружишь, то тебя менты сами пристрелят. Еще несколько трупов они не вынесут.

— Смотри, Никита. Хозяева дома богатые были. Их грабят и обещают сохранить жизнь, если они добровольно отпишут дом. У бандитов наверняка есть свой нотариус, и они оформляют все по закону. Потом хозяев убивают и закапывают в лесу. Там уже и трупы не найдешь... Да и лет сколько прошло. Уже бандитов не посадишь.

— Исковая давность. Сроки прошли. Так что этого скупщика краденого нам не наказать. Ручки короткие. В этом ты права.

— Но наказать так хочется. Только надо найти как. Побольнее...

— На свою голову Натан сережку опознал. Не думал трухлявый пень, что напоролся на ангела мщения...

— Причем здесь мщение? Просто любопытно. И справедливости хочу...

Вечером я села просмотреть то, что прислал мне Макс. Первым делом хочу заняться Софьей. Очень интересный экземпляр. Жаль, что она не сидела в соцсетях, не посещала форумы и не состояла в сообществах. Не за что там зацепиться. Она уже мертва, и ей ничего не страшно. Но кто-то же ее убил. Мне просто любопытно, что она в лесу делала. Зачем туда пошла? Поняв это, можно вычислить, кто ее мог убить.

— Представляешь, Никита, эта Софья пять школ поменяла.

— Переезжали? Может, отец военный?

— Нет, отец простой служащий. Они не переезжали. Просто эти школы были рядом. Почему ее переводили родители?

— Значит, ее били или унижали в школе. Красотой-то она не отличалась.

— Это в одной может так быть, но не во всех пяти. Оканчивала обучение в шестой. Там и аттестат получила. Надо бы узнать, что там было да как. Макс телефон ее родителей вычислил. И можно в школы съездить.

— Иришка, ты сама подумай. Кто столько лет спустя будет про какую-то страшную девочку помнить? Нереально это...

— И все-таки попробовать надо. Мне еще и про любовницу Натана как-то надо узнать. Что за женщина была с Марком в лесу? Вроде старше его. Может, просто неухоженная лахудра, а на самом деле одноклассница с ним.

— Интересно, как там ювелир? — спросил Никита.

Сразило наповал моего мужа известие, что Марк не навещает в больнице своего отца.

— В коме пока. Мария Ивановна сказала, что ездила к нему недавно. Врачи сообщат, если что изменится.

— И долго в коме человек может лежать?

— Пока не надоест ему самому или врачам. В первом случае он очнется. Во втором случае его отключат от аппаратов, и он умрет.

— Небольшой выбор. За что ему прилетело?

— А я думала, что ты понял за что. За все «хорошее» ...

— За старые грехи, хочешь сказать?

— И за новые тоже. Видимо, грехов на нем, что на бродячей собаке блох.

— Я так понимаю, что надо тебя везти завтра по школам?

— Можно парочку последних пока взять. Пятую и шестую. Если там ничего не найдем, то тогда в четвертую.

— Если там ничего. То тогда в третью и так далее?

— Угадал. Какой ты у меня умный...

— И красивый. Не забывай, как тебе со мной, великолепным самцом, повезло.

Что мне в Никите нравится, так это его самоирония. И чувство юмора. С ним легко жить.

— Никита, а как можно узнать данные продавщицы в сельмаге?

— У старого председателя...

— Где его найти?

— Он в поселке живет.

— Уже, наверное, поздно к нему ехать?

— Не поздно. Зачем ехать? Он от нас не так далеко. Минут двадцать шагом. Если хочешь, можно сейчас смотаться к нему. Прогуляемся...

— У тебя с ним хорошие отношения?

— Нормальные. Мы после сделки по продаже магазинов остались довольны друг другом.

— Тогда пошли сейчас. Думаю, что завтра нам не до этого будет.

— Пошли...

Мы быстро собрались и пошли в гости. Никита почему-то взял с собой бутылку выдержанного шотландского виски. Наверное, так надо, чтобы председателя бывшего разговорить. Дом председателя был старым, но добротным и ухоженным. Сразу видно, что хозяин дома — рукастый мужик. Я думала, увижу старичка вроде ювелира: согбенного, шаркающего ногами и плешивого к тому же... К нам вышел мужчина. Седой и коренастый. Вроде старый, но не старичок. И осанка, и взгляд говорили о том, что этот человек умеет командовать. Лицо чистое: без усов и без бороды. Гладко выбрит. Значит, за собой смотрит и не опускается.

— Здравствуйте! — прокричали мы хором.

— Здравствуйте! Никита! Вот кому я рад, так рад! С женой пожаловал? Проходите. Чувствуйте себя как дома. По какому вопросу пришел?

— Раскусили вы меня, Евгений Петрович. У меня есть вопросы.

— Задавай. А жена на стол накроет. Под это дело и погугарим...

В кухню зашла женщина. Старой у меня язык не повернулся бы ее назвать. Лицо гладкое и розовое: ни одного пятнышка, как у молодой. Да и ходит шустро. Сколько ей лет? Наверное, она намного моложе своего мужа. Или просто была с ним счастлива? Я заметила, что когда женщина живет с любимым мужчиной. И хорошо, дружно живет, как за каменной стеной, тогда женщина мало старится. За пять минут она накрыла стол. Меня тоже позвали пить виски, но я отказалась. Попросила чаю, если можно.

— Евгений Петрович, вы помните, когда я магазины покупал, вы просили за своих продавщиц?

— Просил. И ты мою просьбу выполнил, за что тебе огромное спасибо.

— Значит, вы за своих продавщиц переживали?

— А я за всех своих переживал. Вот на пенсию уходил и весь измучился. Как будет да что будет: боялся без надзора поселок оставить. Но повезло. Новый глава толковый оказался.

— А вы всех своих продавщиц знали?

— Конечно. Это же сельмаг. Они все местные были. Если не из нашего, то из соседнего села.

— А вот хохлушка в нашем магазине была. Ее помните?

— Как не помнить. Веселая девушка и красивая. С косой русой через плечо. Про нее спрашиваешь?

— Про нее.

— Она не местная была. К тетке своей приезжала. За теткой ухаживала и работала. Все успевала. Тетка до сих пор жива, а племяншка куда-то бесследно пропала.

— Когда пропала?

— Давно, лет тридцать пять примерно назад. Даже трудовую не забрала.

— То есть она уезжать не собиралась?

— Нет, конечно. Если на заработки поехала, то трудовую бы забрала.

— А если на Украину, к матери вернулась?

— Не приехала она туда. Это точно. Ее тетка к нам в управление скандалить приходила. Вынь ей племянницу да положи. Я и в милицию заявление подавал. Но не нашли ее. Сгинула. Времена тогда лихие были.

— А что думаете? Куда могла пропасть?

— Думаю, что положил на нее глаз бандит какой-нибудь. Изнасиловал, а потом убил. Вот что я думаю. Девка красивая была, яркая. И коса богатая.

— Где ее тетка живет?

— Никита, ты почему интересуешься такими давними историями?

— Нынешние убийства как-то с теми событиями связаны.

— Тетка живет по этому адресу, — сказал председатель, написал и протянул Никите бумажку.

Никита мне передал. Там фамилия, имя и отчество девушки и ее тетки. И адрес тетки написал. Все, что просили. Председатель выпил сначала за тех, кто слово свое держит. Магазины ему нравятся. И про последний скандал с продавщицей он слышал. Хвалил Никиту за доброту и оперативность. За то, что цены не задирает, не жадничает.

В нашем поселке бабульки перестали в город ездить. Раньше, когда другие хозяйничали, бабульки за дешевыми продуктами в город мотались. А теперь смысла нет: цены в наших магазинах порой даже ниже городских. И ассортимент приличный. Так что председатель не пожалел, что продал Никите магазины. Оправдала себя сделка. Да и бабульки не нахвалятся на владельца магазинов: и внимательный он, и добрый. И так далее. Слушаю я, как председатель дифирамбы моему мужу поет. И у меня возникает комплекс неполноценности. Одна мысль мучает меня: как я с таким совершенством живу? В общем, посидел Никита с председателем. Повспоминали прошлое, про развитие поселка поговорили. И засобирались мы домой. Смотрю, жена председателя мне глазки строит. Намекает, чтобы я вышла. Я вышла, пока мужики прощались. Бабулька назначила мне встречу возле магазина завтра утром. Не зря сходили в гости. Послушаю, что она мне завтра скажет. Вдруг что-то важное сообщит...

Вышли мы от председателя и пошли гулять... до дома. Я за Грейсом зашла. И пошли уже с мамой, с Грейсом и с Петькой гулять. И так до позднего вечера. Погодка шикарная. Как будто перед осенью решили нас боги теплыми летними деньками побаловать. Нагулялись. И Никита проветрился. Стали строить планы на завтра. Мама все-таки уговорила Петьку в магазин с нами сходить на днях. Но я его знаю. Сегодня под давлением

согласился, а завтра опять передумает. Не терпит он диктата взрослых. Вот такая свободолобтивная личность выросла.

На следующее утро Петька меня еле разбудил. Чуть не прозевали. Мне же в магазин надо срочно. Понеслась, как наскипидаренная. Хорошо хоть магазин рядом. Меня одно волнует. Почему жена председателя при нем не могла мне все рассказать? Что за тайны? Еле успела. Хотя она вроде не собиралась уходить. Значит, очень хочет рассказать, раз полчаса на улице торчала и меня ждала. Я поздоровалась с ней.

— Здравствуйте, Ирина, — ответила она.

— Вы мне что-то хотите рассказать?

— Хочу. Есть время выслушать?

— Конечно. Куда присядем?

— Давайте на лавочки пройдем. Там и посидим. Разговор долгий будет. Не на пять минут.

— Пойдемте...

Пришли. Устроились на лавочке у сквера, и она повела рассказ.

— В общем, дела давно минувших дней. Слушайте. Эта девица приехала не столько за своей теткой ухаживать, сколько выгодно выйти замуж. Мы рядом с Москвой. Можно москвича подцепить, вот она и приехала: больно ей столичной жизни захотелось. Тетка — лишь предлог.

— С чего вы так решили?

— Сейчас поймешь. Покрутилась девица в Москве, но место ей нашлось бы там только на панели или на трассе. Она была доброй. Это правда. Но абсолютно безграмотной. Дремучей. Еще она так противно гэкала и шокала. В общем, даже на работу ее не брали. Пришлось ей здесь работу подыскивать. А выбор здесь небольшой: либо в доярки, либо в теплицы. Работать руками и тяжело она не привыкла. Варить, шить, стирать она тоже не умеет. А вот с мужиками валандаться оказалась мастерица. Золотые руки, можно сказать.

— К вашему мужу подкатывала?

— Тетка ее знатной работницей была в свое время: передовицей и ударником труда. Вот и пошла тетка за нее в правление просить. А у нас в сельмаге Катерина уезжать собралась, и место освободилось. Приняли ее продавщицей. Девкой она была красивой и молодой. Всего семнадцать лет. Только школу закончила и приехала к тетке за хорошей жизнью. Правда, на мой взгляд, она толстовата. Представь себе, мужику в тридцать пять молодуху показать. Кровь с молоком. Неужто не клюнет? Да если она еще и сама к нему в штаны лезет...

— Вашего мужа соблазнила? Я думала, она ювелира обхаживала.

— Начала она с моего мужа. Все-таки председатель. Начальник. Долго его совращала. Но все-таки взяла измором. Мне поселковые рассказывали, как она до него домогалась. В общем, совратила она его. Поддался он. Случилось у них это дело прямо на мешках в подсобке. Сначала раз, потом еще, затем третий. Я узнала все, вещи его собрала и выставила ему их в сенках. Послала туда, откуда пришел. Так противно было, как будто меня в дерьме извозили.

— Ощущение не из приятных. Я вас понимаю.

— Да не понимаешь. Не понять тебе. Ты молода. Муж вон как тебя любит. Глаз не сводит. А мне тогда сорок было. Детей нет. Он моложе меня. И она молодая и сисястая. На

все согласная и на все готовая...

— Вы старше мужа? Я думала, что он старше вас лет на десять.

— Лъстишь?

— Нет.

— Продолжу. В общем, муж вещи свои забрал и даже спорить со мной не стал. Оправдываться не стал и на развод согласился. Жили они с ней в доме для работников. Был у нас такой, для командированных держали. Нам завтра в ЗАГС идти. Заявление на развод подавать. И вдруг он приходит. На нем лица нет. Спросила, что ему нужно. Он сказал, что меня любит и не хочет развода. Просил прощения.

— И вы простили?

— Простила. Любила я его, поэтому и простила. Тем более, что и сама я виновата была. Мне же люди рассказывали, как она моего мужа соблазняла, а я не реагировала. Надо было прийти, волосы повывдрать и пинками до самой московской трассы гнать, где ей самое место.

— А что случилось? Почему он к вам вернулся?

— Это я потом только узнала. Добрые люди рассказали. Я-то думала, что он сам раскаялся. Но нет. Она сплеховала. Ей же в Москву шибко хотелось, вот она с моим мужем временно и крутила. На передержку он был, пока лучший вариант не подвернулся. Какой-то браток на нее запал. Муж к ней на работу зашел, а она так же в кладовке на мешках с братком сношается. Вот мужа оттуда как ветром сдуло. Во-первых, боялся, что браток сгоряча его пристрелить может. Во-вторых, противно стало. Понял, что ее не только он поимел. И даже, как потом выяснилось, не только этот браток, но и другие драли. Охочая до мужиков была бабенка.

— Мастерница...

— Вот именно. Когда она братку надоела, он ее другому передал. А тот другому. И пошла по рукам. А потом она и до ювелира докатилась.

— А ювелир не знал, что она такая?

— Не знал сначала. А когда узнал, оказалось, что она беременная.

— От кого?

— От него. Ей тетка такую обструкцию сделала, что она только с ювелиром спала. Надеялась место жены занять. Сара же родить не могла: у нее все выкидыши были. Бедолага. Она так ребенка хотела от своего Натана. Всем богам молилась. И вот пришел ребенок, откуда не ждали.

— Марк все-таки Натана Львовича ребенок?

— Кто ж его знает. Но Сара приняла ребенка, как родного. И воспитала бы, если бы не умерла.

— А эта Руслана куда потом подевалась?

— Она всем сказала, что едет домой, на Украину, но сама в Москву подалась и проституткой стала.

— Откуда такие сведения?

— Она родила Натану ребенка. Получила за это деньги и уехала. Ребенок ей не нужен был. Деньги были нужны. Только ее ограбили. Какой-то новый ухажер обчистил карманы, пока она рот разевала. Смотрю, не понимаешь. В общем, она познакомилась с братком. Он ей рассказывал про красивую жизнь. Пока она с ним пила и по сторонам глазела, он ее обчистил и был таков. Все деньги спер.

— Карманник оказался?

— Вором. Обокрали кралю!

— Не принесли ей дохода деньги за проданное дитя...

— Погоревала она. Но не очень долго. И пошла работать так, как умеет. И тем, чем умеет. Занялась древнейшей профессией на трассе. Ее на трассе односельчане видели. Когда слухи до тетки дошли, она перестала ходить в правление и доставать моего мужа.

— Так она вашего мужа еще доставала?

— Не поверишь. Нотации ему читала. Нравоучениями замучила.

— Так она же его соблазнила...

— А ей и люди говорили. Но ей хоть ссы в глаза — все божья роса. Она же к тетке ни разу не заехала в гости проведать. Ни разу...

— Скажите, а вы уверены, что люди не врут. Может, не она была?

— Ты у Никифоровны в том селе спроси. Она тебе все и расскажет.

— Как ее найти?

— Дом с резными ставнями. Ты его сразу заметишь.

— У меня еще вопрос. Вы эту Руслану нынче не видели?

— Почему спрашиваешь?

— Марка, сына ювелира, видели с какой-то женщиной. По описанию чуть старше Марка. Может, это его мать?

— Может, она. Ты Никифоровну про это и спроси. Если она объявилась, то Никифоровна точно знать должна. К ней все сплетни стекаются. Так что это верный источник...

Домой я пришла расстроенная. Вроде и информацию добыла. Теперь все про ребенка стало понятно. Хотя нет, не стало. Если бы это был ребенок Натана Львовича, то он был бы чернявым и черноглазым. Биологию и про доминантные и рецессивные признаки я еще помню. Так что кукушонка воспитывал ювелир. Так сильно детей хотел, что поверил гулящей девке.

Расстроил меня рассказ жены председателя. На душе как-то гадко стало. Вот мужики бывают. Как только нашел девку моложе, так сразу переметнулся к ней. И жена, с которой много лет прожил, не нужна стала. И выиграло ретивое. А как узнал, что любовница всем дает. И главное, всем в кладовке и на мешках. Не привередливая девка. Общественная девица. Сразу вспомнил про верную жену и назад вернулся. А эта дура простила и оправдывает его. Мир сошел с ума... Пока шла домой, все думала. А я бы смогла простить? И надумала, что нет. Чем такой муж лучше вообще никакого.

— Ты чего, как в воду опущенная? — спросила мама. Она меня видит насквозь.

— Да так. Рассказ одной женщины расстроил.

— Сильно расстроил?

— Сильно. Мам, папа тебе изменял?

— Нет. Когда ему? Он то воюет, то раненый в госпитале, то с нами рядом. Некогда ему. Да и любит он меня. А почему такой вопрос?

— А если бы ты узнала, что изменял. Ты могла бы простить?

— Нет, наверное. Да в чем дело? Что случилось? Что тебе рассказали?

— Да так. Про измену одну историю рассказали.

— Если тебе насочиняли про твоего мужа, то наплюй. Он тебя любит и изменять не собирается.

— Не про Никиту речь. Про бывшего председателя жена его рассказала. Она ему измену простила. Знала, с кем, когда, сколько раз он ей изменял. И простила. Вот как она после этого с ним спит?

— Любит, наверное. Вот и простила.

— Я бы так не смогла. Я думаю, лучше вообще без мужа, чем с гулякой...

— Одна ты не останешься. Если с Никитой разойдетесь, то к тебе толпа поклонников набегит. Так что не расстраивайся. Одиночество тебе не грозит.

— Да я не об этом. Как после измены можно спать с человеком? Мне кажется, это противно. Я бы не смогла. Просто физически не смогла бы после этого спать с человеком. А она простила и делает вид, что счастлива...

Спустился в кухню Никита.

— Ну что? Мы едем куда?

— Нет. Что-то мне расхотелось ехать. Да и ты вчера выпил. Так что за руль лучше не садится. Я в соседнее село схожу.

— Зачем? — Никита насторожился.

— Мне там вопросы задать надо одному человеку.

— Какому человеку?

— Никифоровне.

— Тогда я с тобой. Одну тебя я никуда не отпущу. И вообще, почему без меня в магазин ходила?

— Мне встречу жена председателя назначила.

— А я все думал, чего она тебе моргает. Решил, что у нее просто тик.

— Она хотела втайне от мужа рассказать мне историю.

— Какую?

— Историю измены ее мужа.

— С кем? Иришка, рассказывай, чего я из тебя по слову вытаскиваю.

— С любовницей ювелира. И ребенок ее нагулян. А вот от кого? Большой вопрос. Там много предполагаемых отцов. Выбирай — не хочу.

— Думаешь, ювелир не родной ему?

— Ты биологию хорошо помнишь? Раздел про гены. Не мог у смуглого, черноволосого и черноглазого еврея родиться беленький и голубоглазый ребенок. Доминантные и рецессивные признаки. В реальности никак не мог. У ювелира много поколений черноглазых и черноволосых предков за спиной. Получается, что продала Руслана ювелиру своего дитяти от другого дяди. Кукушонка в гнездо подкинула.

— А тот не знал и воспитывал, как своего? — Никита продолжил мою мысль.

— Или он прекрасно знал, что ребенок не его. Жена горюет, что детей нет. Вот и решил он Саре своей купить новую игрушку. Потешить жену, так сказать, — эта мамина версия тоже мне понравилась.

— Мог же битый жизнью старый еврей знать, что не он отец? Может, он любил биологию и помнит все про гены. Просто притворился, что поверил потаскушке. Лучше от знакомой самки и самца детеныша приобрести, чем кота в мешке детдомовского, — стала рассуждать я вслух.

— Как-то цинично... — Никите не нравятся мои рассуждения.

— Согласна, что цинично. Но ювелир сам циничный человек. Не забудь, что он краденое скупал. Наверное, даже вещи убитых людей. Так что он циничен до мозга костей.

— Может, ты и права. От этого ювелира уже коробит.

— Я думаю, что когда мы все про него узнаем, то нас станет от него колбасить по-взрослому. Чую, что там полный набор мерзостей и гадостей...

— А мне все-таки интересно. Марк знает, что Натан ему не отец?

— Скорее всего, он знает. Сейчас тест ДНК сделать просто и не так дорого, как люди думают. Мне кажется, Марк давно знает, что ювелир ему не отец. Пока ювелир был ему нужен, Марк притворялся хорошим сыном. А теперь папаша не опора, а обуза. У Марка руки развязаны: делай, что хочешь, женись на ком хочешь и спи с кем хочешь. Никто ему не указ...

— Наверное, ты права. Поживем — увидим... — закончил разговор Никита своей любимой фразой.

Я вытерпела сидеть без дела до обеда. Потом подумала, а чего откладывать на завтра, если все выяснить можно сегодня. И пошли мы с мужем в соседнее село. Идти нужно было через лес. Далеко, но по тропинке. Мы с мужем прогулялись. Мозги проветрили. Пришли и первое, что увидели — это дом с резными ставнями.

— Про него тебе говорили?

— Других таких домов здесь нет. Значит, про него.

Подшли к калитке. Калитка тоже резная. Красота неопишная. Стоим и рассматриваем.

— Нравится? — раздалось откуда-то сверху.

Задрали головы. Там старушка в окошке на нас смотрит.

— Нравится! — отвечаю с вызовом.

— Наш человек... — старушку как ветром сдуло. Через секунду она стояла перед нами.

— Здравствуйте! Вы Никифоровна?

— Так меня свои называют. Для остальных — Клавдия Никифоровна.

— Клавдия Никифоровна, мне к вам советовали обратиться.

— Да знаю я. Звонила она уже. Беспокоилась, что я вам ничего не скажу. Заходи в хату.

А это кто с тобой?

— Муж.

— Тогда заходи с мужем. Только разговор будет не очень приятный. Надо ли ему знать?

Все-таки женские секреты выдавать буду.

— Муж не болтлив. Но если это помешает вам быть откровенной, то он может и на скамеечке посидеть.

А сама смотрю на Никиту умоляюще. Что тебе, мол, стоит на скамейке часик попариться?

— Я могу и здесь подождать, — понял он мою немую просьбу.

— Чего уж там. Заходи, чай пить будем.

Мы зашли в светелку. Почему так называю? Насквозь солнышком просвечивалась комната. Как ее еще назвать можно? Только светелкой. В середине стоит стол. На нем разложены яства. И не только к чаю.

— С чего такой натюрморт выложен? Праздник какой?

— Сегодня? Да. Праздник, пожалуй.

Я поняла, почему богатый стол накрыт. Бабульку прямо распирает от новостей. По взгляду и по поведению понятно, что если она не выложит свои новости, то прям взорвется. Никита тоже это понял. Поэтому со словами, что нечего тянуть, присел за стол. Бабка молча

к нему подошла. Подняла. И во главе стола посадила меня. Не знаю, что бы это значило. Но Никита не подал виду, что его это обидело. Молча занял место, которое ему отвела странная бабка. Дело прежде всего.

— Значится так. За справедливость! — бабка разлила вино и ждет, когда мы поднимем бокалы. Придется пить.

— Вино какое вкусное... — мне действительно понравилось.

— Вот в его магазине купили.

— У меня давно такого не продают. Слишком дорогое. Не покупают.

— И насколько дорогое? — бабка выпучила глаза. Удивил ее Никита.

— На пенсию не разгуляешься. Хотя пару бутылок купить можно.

— Вот я дура... — Никифоровна пригорюнилась.

— Почему? — мне стало любопытно. С чего так стала убиваться бабулька.

— Дед один ко мне подкатывает. А я подумала, что принес дешевку. Он в гости с цветами, с конфетами и с вином пришел. Я думала, что денег пожалел скупердяй старый. А он вон какое дорогое вино припер...

— Отшили его?

— Сглупила. Не люблю жадных мужчин. А тут смотрю, цветочки какие-то жалкие, как на кладбище подобрал. Конфеты принес непрезентабельные и вино с некрасивой этикеткой. Ну, думаю, жмот попался. И завернула его. Да так грубо...

— Конфеты эти? — указывает на упаковку французских конфет Никита.

— Они самые.

— Дорогое подношение.

— Цветы ему могли повядшие подсунуть цветочки. Видят, что старик. Куда его бабке хорошие цветы? Вот и подсунули неликвид. Он, поди, просто не разбирается в цветах, — захотелось оправдать старика, который половину своей пенсии угрохал на несговорчивую бабульку.

— И обидела ведь его. Обозвала всяко. Ой, как неудобно! — бабулька явно горюет, что выгодного и щедрого ухажера упустила.

— А может, еще не все потеряно? Может, после этого, наоборот, больше ценить будет. Или он уже другую обхаживает?

— Да нет. Мимо моих окон ходит: пока взор в мою сторону направлен.

— Тогда хоть для начала заговорите с ним. А там, глядишь, и опять с вином и конфетами придет

— И с цветами?

— И с цветами, конечно. Все от вас зависит. Не тяните, а то упустите.

Смотрю, бабуля расцвела. Она приятная на взгляд: аккуратненькая, с копной русых волос, стройная. И дом красивый. Почему на нее глаз положил старичок, мне понятно.

И что ее эти цветы зацепили? Наверное, жуткий веник был. Цветочки бессовестные. Она и подумала, что дед с кладбища букет украл. Мужики не разбираются в цветах. Знают только розы и гвоздики. Остальное не цветы, по их мнению. Все это интересно. Не совсем понятно, когда к делу перейдем. Бабулька вспомнила, зачем мы здесь и предложила выпить. Она не алкашка часом? Нет, не похоже. Давно бы подаренное вино вылакала. А она его для гостей приберегла. И не в одну моську выпила, как пьянь сделала бы, а на стол выставила. Значит, просто снимает стресс. Наверное, решила рассказать многое. Чужие секреты хранить — то еще проклятие...

Я откровенно спросила про семью ювелира. Бабулька мне рассказала. Мы все это уже знали. Неинтересно. Перейдем к другим героям пьесы...

— А что скажете про Руслану? — решила уточнить детали.

— Шалашовка. Слаба на передок и давала всем без разбора. И некоторые из нашего села отметились. Ребенка нагуляла, продала ювелиру. Но вот его ли дитя — сомнения у меня возникли. Долго ее не было. И вот появилась.

— Она в вашем селе появилась? Когда?

— Так уже с месяц будет. Только живет она не у тетки. Коттедж сняла. Шастает куда-то все время.

— Не в лес?

— Туда тоже. С хахалем встречается, наверное.

— А может, с сыном? Марка видели с женщиной. Немного старше его.

— Значит, с сыном встречается. Неужто одумалась?

— Не поздно? Сыночку-то за тридцать перевалило. Ему мама нужна была, когда в него камнями детвора швыряла. А сейчас он взрослый. На кой черт она ему?

— У нее деньги есть. Значит, его наследником сделает.

— Настолько большие деньги?

— Очень большие. Ее тетка хвасталась, что есть дома за границей.

— Откуда? Она же проституткой была на трассе.

— Хорошей, значит, проституткой была. Повезло: богатого подцепила и женила на себе. Оттуда и деньги.

— Откуда сведения?

— От тетки ее. Та языком трещит, не удержишь. Правда, она немного по-другому рассказывает. Мол, училась ее племяшка в институте столичном. Там познакомилась с умным парнем. У него богатые родители. Рады были ей, как невестке. Вышла за него замуж. Итог такой. Она была замужем. Теперь богатая вдова. У нее со здоровьем не ахти. Вот она своего сына осчастливить напоследок и хочет. Грехи замолить приехала.

— Понятно.

— А мне не совсем понятно. Если ей так хорошо было, то почему не приезжала сына навестить.

— Значит, не было ей хорошо. Иначе она непременно приехала и похвасталась перед всеми, кто ее унижал...

— Твоя правда. Про кого еще знать хочешь?

— Про Романа Мельникова и его отца.

— Все?

— Что знаете.

— Это долгая история.

— У нас есть время. Мы никуда не спешим.

— Родились в нашем селе близнецы. Отродясь в нашем селе такого чуда не случилось. Были они похожи как две капли воды. Никаких отличий не было. Их все время пугали. Даже родители. Они этим пользовались.

— Как?

— Как обычные дети. Менялись, когда приспичит. Потом подросли и по девкам гулять начали. Тем тоже частенько голову дурили. Бывало и одну вдвоем пользовали. И однажды случилась у них трагедия. Разбились на машине их родители. Самосвалом в лепешку

раскатало их.

— Враз осиротели? Сколько лет им было?

— Взрослые они были. В армии оба отслужили. Сами могли родителями стать. И не раз.

— Близнецы обычно не расстаются. Стараются по жизни вдвоем пройти. Женятся обычно на сестрах. Тяжело им жить порознь...

— И эти собирались жить рядом. Они, когда рассуждали, у них мечты были, что они рядом живут и в гости друг к другу ходят.

— Но они разъехались. Что-то случилось?

— Случилось. Девушка Лида.

— Влюбился в нее один близнец, а она против брата настраивала?

— Не перебивай. Ишь, нетерпеливая. Слушай. В общем, влюбились они в нее оба псуши. И понятно почему: она красавицей была. Гривастая, длинноногая, стройная. На конкурс красоты послать — выигрывает.

— Значит, коль такая красавица, то умом не вышла?

— Вот тут ты в точку попала. Она тоже вроде влюбилась. Только так и не поняла в кого. С обоими, получается, переспала.

— И кто первым был?

— По всем показателям Ванька Николая обошел. Они потом подрались. Николай хотел на ней жениться, но она Ивана выбрала. Он ей больше по сердцу пришелся. Вот братья и рассорились в пух и прах.

— Но потом помирились?

— Только для вида. Николай решил бороться до конца. И Ваньку извести. Вот под бандитов его и подставил...

Бабулька замолчала на самом интересном месте. Она и так уже прилично нам рассказала, но хочется узнать больше. Рассказчица взяла театральную паузу. Наверное, чтобы больше ценили полученные сведения. Или решила зажать информацию? Не утерпела и продолжила повествование.

— Лидка уже беременной была. Ивану призналась. Тот решил жениться. Свадьбу сыграть в селе напоследок и уехать от брата подальше, чтобы у того соблазна не было. Лидка за ним согласилась ехать. Любила его сильно. И тут к нему приходит брат. Сказал, что не претендует на его жену. Тем более, что она беременная. И предложил помириться. Мол, дом родительский давай поделим. Куда ты с беременной женой без денег, без дома. Иван подумал и согласился.

— На свою голову, как я поняла?

— На свою голову, как оказалось. Брат его подбил автосервис открыть. На Ивана контору оформили. Это тоже Николай посоветовал. Он умнее Ивана был. Иван рукастый, не глуповатый и доверчивый. Вот Николай одну ворованную тачку пригнал, втайне от Ивана. Вторую. А потом сделал вид, что дорожную бандитскую тачку угнали. Те на брата наехали. Контора-то его. Иван выкрутиться попытался, но Николай посоветовал ему временно сбежать. А он вроде все вопросы решит. А Лидка с осложнениями в больницу попала. Шутка ли, двумя беременная. Вот на сохранение ее и положили.

— Иван убежал, а Николай сказал Лиде, что брат ее бросил?

— Понимаю, что сюжет жизненный и часто повторяется. Все так и было.

— А вы откуда такие подробности знаете?

— Лидка рассказывала.

— Когда рассказывала?

— Когда в больнице лежала на сохранении. Да и потом часто делилась своими проблемами.

— Говорите, что близнецами беременна, а у нее один ребенок родился...

— Второй при родах скончался. Доктора вытащить не успели. Пуповина обвилась, и ребенок умер. Не откачали. Она в горе. А тут Николай такой весь правильный. И опять же на Ивана похож. Вот и решила она одного брата вторым заменить. Ребенку-то отец нужен.

— Дурдом какой-то. Они же разные. Неужели она не понимала?

— Думала, и так сойдет. Но жить нормально они не стали. Николай все ждал вестей от Ивана. Знал, что тот появится скоро. И отвечать придется.

— А машина та, якобы сворованная? Он ее вернул бандитам?

— Вернул. Как только Иван исчез, так он ее и вернул. Бандиты ему и простили косяк его брата. Тоже наивные. Никуда она и не пропадала. Он ее в другом гараже подержал. Снял гараж, перегнал туда эту машину и, когда понадобилось, вернул хозяину. Так еще в их глазах честным и порядочным стал, не то, что его брат. К брату бандиты счет не закрыли. Претензии в виде штрафов обозначили и Николаю озвучили. Так что брат ни за что бандитам был должен из-за козней Николая.

— Когда Иван вернулся, что было?

— Иван свою Лиду по-прежнему любил и упрекать не стал. Тем более, что она с Николаем и не спала больше ни разу. Разрывы после родов были. Ей сексом врачи запретили заниматься месяц. Она Николаю сказала, что три месяца. Противно ей стало спать с Николаем.

— И тот правду не узнал?

— Николай умный, но дурак. Он однажды посчитал Лиду глупой. И ее женскую хитрость в расчет не брал.

— Самоуверенный?

— Получается, что так. Иван Лидке сказал, что понимает, почему она сдалась. Думала, что он ее бросил. Лидка, глупая баба, не стала ему рассказывать, что Николай ей пел. Да и, вспоминая, она поняла, что Николай ей прямо никогда не говорил, что Иван ее бросил. Только намекал.

— Хитрец, — резюмировала я.

— Она решила, что сама сглупила и не имеет права подставлять брата своего мужчины.

— Зря. Надо было сказать. Она же подлость Николая покрывала.

— В общем, опять они снюхались. Сговорились, что она от Николая уйдет и с Иваном распишется. Николай позаботился, чтобы Ивану пришлось срочно уезжать. Чтобы Лида с братом не уехала, он подстраховался.

— Как? Что он сделал на этот раз?

— Братков предупредил, когда и где будет Иван. Натравил на брата, а сам тем временем чем-то ребенка напоил. У того температура зашкаливать стала. Он Лидку и уговорил, чтоб она в больницу поехала. Пока та торчала в больнице, на Ивана бандиты наехали. Правда, он от них отделался.

— Как? Деньги отдал? Откуда у него такая сумма?

— Ладно, расскажу. Иван вроде глупый, но от Коли кое-чему научился. Он сравил своих врагов с конкурентами. Они друг друга и перестреляли.

— Откуда информация?

— От Ивана. Сам рассказал.

— Допустим. Значит, за ним долга не стало?

— Долг ему теперь предъявил брат Николай. За найденную машину брат должен ему отписать свою долю дома и отдать автосервис.

— Это же грабеж чистой воды.

— Иван ему верил и все отдал. А потом Николай его убедил уехать на Север на заработки. Мол, когда Иван устроится, тогда и Лидку заберет. Не потащит же он больного ребенка в Тмутаракань.

— И он ему поверил опять? Он не глуповатый, он просто дурак.

— Дурак. А может, и Лидка ему не нужна уже была. Если любил, то тут остался бы. А он куда-то упорхал. Та из больницы вышла, а любимый опять сбежал. Вот она тогда и решила жить с Николаем.

— И как жилось с нелюбимым?

— С души воротило. Спать с ним не спала, сколько могла. Он к ней, она к ребенку в комнату и не выходит оттуда. Николай стал ее подкарауливать и просто силой брать.

— Насиловать?

— По сути, получается, что насиловать, но заявление в милицию не подашь. Там смеяться станут. Он же муж законный. Значит, имеет право ее телом пользоваться. Избивать стал... и еще больше любить. И ревновать к каждому столбу. Все ему казалось, что за каждым углом Иван ее поджидает.

— А она что же? Неужели развестись не думала?

— Думала. Да решила, что Роману отец нужен. Так они и изображали хорошую дружную семью и перед сыном, и перед чужими людьми. Роман стал танцами заниматься. Все время в разъездах. И Лидка с ним ездила. Так что Николай получил обманом любимую женщину. Только любви от нее не видел. Романа она обожала. Кровиночка ее родная. Ее и Ванечки любимого...

— А что пять лет назад случилось?

— Так отравил Романа кто-то на соревнованиях. Тот стал как ребенок. Ходит, двигается, но по уму-то словно дитя малое. Как такой жить будет в мире. Обманут его, обворуют, обидят. Вот Лидка через месяц после того, как с Ромой беда случилась, и слегла. Померла она вскоре. И остались Роман с Николаем вдвоем горе мыкать.

— А девушка у них живет. Она кто?

— Она приблудилась к ним. Рому вроде любила. Сейчас беременна. Только вот от кого? От Николая или от Романа? Голову до сих пор ломаю. Тут ясности нет.

— Иван не появлялся?

— Такой информации мне не поступало.

— Понятно. Спасибо. И за новости, и за угощение. Если что всплывет, то позвоните.

— А вы куда-то торопитесь? Еще что послушать не желаете?

Никита хотел сказать, что нам пора домой. Но я его опередила.

— А есть что рассказать?

— Конечно, есть. Как же не быть...

И опять стала нам рассказывать про эти семейки много интересного. Вот мы всегда думаем, что никто не видит и не слышит, что творится у нас в семье. Но не обольщайтесь. Наш народ все видит и все слышит. И главное, что все запоминает. В нужный момент правда всплывает. Ушли мы только через час, ошарашенные таким потоком информации. История

детективная и захватывающая. Куда там индийским, бразильским или мексиканским сериалам, всем вместе взятым. Осталось только отделить правду от лжи. Пошли мы с Никитой домой опять через лес. Идти далеко. Мы не спешили. И само собой, начали делиться впечатлениями от рассказа Никифоровны.

— Представляешь, брат брата подставил бандитам из-за бабы! — Никита кипит из-за возмущения.

— Не из-за бабы. Из-за амбиций Николая.

— Как это? Она же ясно сказала. Они оба эту Лидку полюбили.

— Иван, может, и любил, а вот Николай нет.

— Почему это? Обоснуй.

— Вот смотри. Кто первым родился?

— Николай.

— Значит, он старший. И ему все время про это родители напоминали. Они его ругали больше, потому что он старше.

— Так он старше на несколько минут.

— Это для родителей не имело значения. Он умней. Ему так родители говорили. Вот он самым умным себя и возомнил.

— Ты к теме поближе. Докажи, что не любил.

— Сейчас докажу. Николай умнее Ивана. Но Иван сильнее и успехом у женщин пользовался. А Николай не имел спроса у женского пола.

— Кстати, ты права. Но почему? Они же одинаковые.

— Потому. Иван добрый, бесхитростный, весельчак и балагур. Язык хорошо подвешен. Ласковый. А Николай, что называется, заумный.

— Зануда, ты хотела сказать?

— В точку. И заметь. Они абсолютно похожи. Но в армию Ивана берут в десантники, что само по себе престижно. А Николая куда?

— В мотострелки...

— То бишь в пехоту. А почему?

— Физуха разная?

— Нет. Физически братья одинаково развиты. Просто десантнику своим характером Иван понравился, а Николай вызвал отторжение.

— Объясни, почему? Армейцы же не бабы. Они мужики. Почему один мужику, суровому служаке, понравился, а второй нет? Они же одинаковые. Почему старший не нравится никому, а от младшего все в восторге?

— Потому. Николай на свою беду умничать начал. Чем заработал себе минусы. Поговорку знаешь про силу и ум?

— Сила есть — ума не надо.

— Николай свой ум продемонстрировал, а силу нет. Армия тоже мыслит стереотипами.

— Почему братья не попросились в одном месте служить?

— Они и подумать не могли, что их порознь в разные войска зачислят. А потом поздно было что-то менять. Как Иван за брата не просил. Десантник своего не хотел отдавать. Такого красавца и весельчака в свой набор надыбал. А мотострелок своего отдавать не хотел. Он тоже гордился своей добычей.

— Нашла коса на камень...

— Вот с тех армейских пор Николай и пытался быть не хуже Ивана. Все ему доказывал,

что лучше.

— А он разве был хуже?

— Девки предпочитали Ивана. У него их до армии было не сосчитать. Тот еще был е@арь-перехватчик. А у Николая, при всей его похожести на брата, всего одна. И та после секса не стала с ним встречаться. Один в армии десантником был, что служило поводом для гордости. А второй брат был мотострелком, и гордиться ему было нечем. Вот как ты считаешь? Что Николай испытывал по этому поводу?

— Завидовал.

— Вот. А зависть, она такая штука, что на любую подлость толкнет. Все беды от зависти. И Лиду эту Николай поимел после Ивана. И то, скорее всего, он ее обманул.

— Думаешь, что он Иваном назвался?

— Думаю, назвался и поимел ее. Представляю, какое было для девицы разочарование. Я бы от обоих бежала, куда глаза глядят. А она выбирать стала. Довыбиралась...

— Вины ее нет в том, что с Николаем спала. Она же не знала, что есть брат близнец. Почему она от Ивана бежать должна?

— Ты мужчина, поэтому ты по другому мыслишь. Я женщина. Поэтому примерно, что она чувствовала, я понимаю.

— Объясни мне, чтоб я понял.

— Знала она про брата близнеца. Не могла не знать. Это же село. Здесь все про всех знают. Сравнить она хотела, кто в постели из братьев лучше. Вот и сравнила на свою голову. А отшла бы бесповоротно Николая, глядишь, и жизнь бы удалась с Иваном, и битая не ходила бы.

— Да с чего ты такие выводы сделала?

— Все равно не поймешь. Ты мужчина, я женщина. Мы с разных планет.

— Давай, жги дальше, инопланетянка...

— В общем, ей Николя не понравился. Совсем. Уж не знаю, в чем там дело. То ли слаб, как мужчина оказался, то ли не ласковый, то ли размер подкачал. Но она явно запала на младшенького Ванечку. А Николай ей и даром не нужен был. Как она его называла склизким? Фу, прям противно...

— Иришка, ну ты фантазерка...

— Не удивлюсь, если ребенок Ивана нужен был этому Николаю, чтобы ее на привязи держать. На коротком поводке. Своя наложница. Поди плохо?

— Иван тоже хорош. Почему ее не забрал? Не приехал за ней?

— Ты знаешь, Никита. Мне кажется, что он тоже ее не любил. Просто если бы не беременность, он бы дальше пошел гулять. А тут ребенок. Даже два. Он просто решил поступить по совести: жениться и признать детей.

— Тогда зачем он приезжал?

— Проведать своего ребенка. Забрать их от Николая. Он-то наверняка знал, какая тот скотина. Или думал, что до сих пор ее любит.

— Тебе не кажется, что его версия с бандитами вилами по воде писана?

— Кажется. Тут все вилами по воде. И пистолет в дупле. Тоже очень странно. Столько он там пролежал...

— А что странного?

— Да все. Если человек убил несколько человек, то уже пожизненное может получить. Но он этот пистолет почему-то не выбрасывает.

— Кто он?

— Назовем его пока мистер Икс. Сам смотри: он не выбросил пистолет в озеро. Чем не выход? Никто его не найдет. Нет. Он его сберег.

— Зачем?

— Правильный вопрос. На всякий случай оставил. Убивать собрался.

— Но все эти трупы умерли не от пуль: они отравлены и утоплены. Так или иначе, но пистолет больше не стрелял.

— Это пока. Время просто не пришло ему выстрелить. Мне не хватает информации.

— Тебе ее Никифоровна полную панамку напихала.

— Мне официальной информации не хватает. Экспертиз. Старых дел. Тех пятерых как убили, интересно узнать. И что с делом? Кого-то осудили? Виновных нашли или нет?

— Ирка, у тебя голова не пухнет от информации? У меня уже шарики за ролики закатились. Я лично думать уже не могу. Мозги кипят...

— Надо будет тебя апгрейдить. Мощи в мозги добавить. А то так на перфокартах далеко не уедешь.

— Мели, Емеля. Твоя неделя...

— Смейся, паяц! Над разбитой любовью...

И заголосили с Никитой на два голоса. Идем по лесу и песни орем. Два пьяных горлопана... Бабулька не только вином нас потчевала. Она потом наливку достала. Вот и приспичило нас песни петь. Навстречу нам Петька с собакой выруливает.

— Я иду и слышу, как два голоса в лесу песни орут. Думал, кто это там хор Пятницкого изображает...

— Смотри, Никита. Как подкован наш Петруха. Он и про хор Пятницкого знает. Культурно образован.

— А вы зря смеетесь. Я, между прочим, и на машинке вышивать могу, и варенье, опять же, варить...

— И как Грейс с этим Матроскиным уживается в одной квартире?

Вот так, с шутками и прибаутками мы до дома и дошли. Попили кофе и пошли спать. А то накушались и вина, и сплетен по самое не хочу.

— Иришка, а ты как думаешь? От кого Ася беременная?

— Мне кажется, что от Ивана.

— Как от Ивана? Он же не появлялся здесь.

— Если его никто не видел, это не значит, что он не появлялся.

— Я думал, что от Романа.

— Нет. Разве что она сама его использовала. Он же как ребенок.

— Хорошо. А почему не от Николая?

— Он склизкий. Этим все сказано. Жизнь все расставит по своим местам. Дай только срок.

— Что завтра делать будем, жена?

— Завтра мне надо в город.

— Зачем?

— Навести справки про Софью.

— Никифоровна вроде все рассказала.

— Все, да не все. Мне надо повидать или ее одноклассников, или учителей. Может, что и прояснится.

— Тогда давай спать? Завтра рано вставать.

— Погоди. Я Максиму задание отправлю, а потом баиньки.

Сделала все, что наметила. Отправила свою просьбу навести справки и добыть хоть что-то на некоторых людей. Буду ждать ответа от Макса.

Утром нас разбудил петушинный крик.

— Вот только этого счастья нам не хватало! — Никита злится, что поспать ему не дали.

— Вставать с петухами — это издевательство. И кто, интересно знать, петуха в поселке завел?

— Придется теперь окна закрывать, чтобы кукареканье не слышать.

— Может, кто из соседей скажет умнику, что все спать хотят?

— Умника еще вычислить надо. Добровольно никто не признается.

— Кто-то на утреннюю дойку опаздывает. Вот петуха и завел.

— Иришка, у нас беруши есть?

— Спи. Я окна уже закрыла.

Накрыла мужа одеялом и прижалась к нему. Холодно стало по утрам. Осень близко. Последние солнечные теплые деньки нас радуют. И заснула...

Проснулись мы только в десять. Как ни странно, мы выспались. Стали собираться в путь. Никита опять первым занял ванную. Вот как он это делает? Все время так. Пойду в ванную после него. К обеду собрались и поехали. Сначала в школу под номером пять. Я узнала, где Софья училась и кто был классным руководителем. Осталось только поговорить. Когда приехали к школе, я поняла, что ничего разузнать не получится. Школа стала лицеем. И педагогический коллектив обновился. Кто про старых учителей расскажет?

— Иришка, смотри, учителя все молодые. Что делать будешь? — спросил Никита. Он посмотрел на планшете сайт этого лицея.

— Все равно попробую узнать хоть что-то. Может, повезет.

— Оптимистка ты у меня...

— Я пошла.

Мы договорились с Никитой, что он со мной в лицей не пойдет. Женщин смущает просьба вспомнить былое в присутствии мужчины. Вдруг какие женские секреты выдавать придется, а его все стесняются. Мне одной проще будет разговорить свидетелей. Я и корочки детектива с собой взяла. Как ни странно, мне в этой школе крупно повезло. Бывшая одноклассница Софьи стала завучем в школе. Она мне и рассказала про выверты Софьи Либерман.

— Про Софу я могу сказать одно. Сволочь она, какую еще поискать...

— Почему?

— Когда к нам в класс пришла новенькая, мы ее приняли. Никто не дразнил, как в других школах. Никто не обижал. Она же страшная была: зубы кривые, сама в каких-то болячках вечно. Она все время носила форму с длинными рукавами. Физрук ее заставил кофту снять и майку надеть. Она разрыдалась, но сняла кофту. Под ней была майка. А там — мама дорогая: вся кожа в каких-то болячках. Ее сначала к фельдшеру послали. Та — к кожнику. В общем, Софья принесла справку, что это не заразно. Аллергия на что-то у нее была. Физрук ей за этот урок пятерку поставил. Ни за что. Извинился. Но злобу она на физрука затаила

— А физрук-то при чем? Он же обязан был так сделать. На физкультуре бегать надо.

Тепловой удар ребенок получит. Не дай бог, вообще помрет. И физруку тюрьма.

— Все это понимали. Только она ничего от злобы своей не понимала. Пакостить ему начала. Родители кляузами нашего директора изводили. Директор видит, что эта семейка от физрука не отстанет, и по своим связям физрука устроил в другое место. Даже лучше, чем в школе. Мороки меньше, а зарплата больше. Только эта Софья не успокоилась. За других принялась. Выживала всех, кто ей не угодил.

— Слушайте. Но она же ребенок. Как она могла людей выживать?

— Она хитрая: пакости делала всегда чужими руками. Стравливала. Интриговала. Шантажировала.

— Шантажировала?

— Именно. И так складно у нее получалось. На нее даже никто не думал.

— Из-за того, что она страшная?

— И поэтому тоже. Она и училась-то так себе. А в этих интригах чувствовалась умелая рука и острый ум. Она же только к нам пришла, но уже знала все наши больные места. Скольких подруг рассорила. И вскоре наш класс стал классом одиночек. Все против всех. Каждый сам за себя.

— И как ее вычислили?

— Случайно. Из-за мелочи.

— Все «великие комбинаторы» на мелочи сыпятся.

— Она не подумала, что наши две закадычные подружки — Танька Татура и Танька Зозуля станут выяснять между собой отношения. Они могли просто друг с другом не разговаривать, как сделали остальные. Обидеться и все. А они стали ссориться и выкрикивать, кто кому что сказал и когда. Вот тут и выяснилось, что больше половины никто ничего не говорил никому. И тогда всплыло имя того, кто сплетни донес.

— И это оказалась Софья Либерман?

— Она интриговала. Мерзавка страшная. Тогда весь класс понял, в чем дело, и стал выяснять отношения.

— И правда выплыла наружу? Что вы сделали? Побили ее?

— Больно нам надо о дерьмо руки пачкать. Мараться еще. Пришли к директору, объяснили все и потребовали, чтоб ее убрали из нашего класса. Иначе мы ей устроим...

— И как директор отреагировал?

— Вызвал родителей и сказал, чтоб убрали гадость из его школы.

— Прямо так и сказал?

— Прямо так и сказал.

— Убрали?

— Убрали. Перевели в другую. Та школа через дорогу.

— Еще что-нибудь можете рассказать?

— Вы знаете, что меня тогда удивило и поразило. Когда всплыло, кто всех рассорил, она стояла и смотрела на нас в упор. Улыбалась. Она была довольна собой и от этих интриг получала самый настоящий кайф.

— Понятно.

— Почему через столько лет вы Софьей Либерман заинтересовались? История-то давняя.

— Да убили ее.

— Когда?

— Недавно.

— Как?

— Отравили какими-то таблетками.

— Странно...

— Что странного?

— У нее была такая фишка. Она тому, кто ей не нравится, слабительное подмешивала.

Когда успевала? Человек потом весь день в туалете сидел, а ей радостно. Это потом выяснилось. Не сразу. А то ей за такие дела ее страшную морду девчонки бы расцарапали.

Еще поговаривали, что она учительницу вроде шантажировала. Та уволилась.

— Какую учительницу?

— Химичку. Но она в другую школу устроилась. Все у нее нормально потом было.

— Значит, шантажировать она начала со школы. Расскажите подробнее, что слышали, что видели.

Завуч рассказывала взхлеб. Видимо, вспомнила все свои претензии к этой Софье. Такая мерзавка оказалась эта Софья Либерман. И жадная до денег. Интересный получился рассказ.

— Спасибо вам. Мне это помогло.

— Как вы думаете? За что ее убили?

— За шантаж. За что же еще. Неудачный шантаж...

Мы с завучем попрощались. Она дала на всякий случай номер телефона. И я пошла к Никите.

— Как дела? Выяснила?

— Выяснила. Она злобной шантажисткой была еще в школе.

— Отгребала?

— Нет. Здесь дети оказались культурными. Они к директору школы пошли и потребовали убрать из их класса дерьмо.

— И что?

— Директор вызвал ее родителей и объяснил, что если они свое дерьмо не уберут, то класс его растопчет. Родители оказались понятливыми и убрали свою кучку.

— В последнюю школу поедет? Или ну ее?

— Поедет. Здесь можно было и пешком пройти. Она через дорогу.

— Нет уж. Я тебя туда довезу. Кстати, она теперь тоже не школа.

— А что?

— Гимназия.

— Понятно. Дай их сайт посмотреть.

Никита передал мне планшет и порулил к гимназии. Я почитала, что на сайте гимназии пишут. Изучила данные директора и завуча: так легче будет общаться. Внутренне подготовилась к неприятной беседе. Хотя, если здесь никто про Софью ничего не знает, это уже не важно. Основное я поняла: она действительно могла шантажировать и Марка, и его отца. Понять бы чем...

В гимназии мне понравилось. Дети счастливые по коридору носятся. А это верный признак, что учителя хорошие. Поговорив с завучем, поняла, что бывший директор школы живет рядом. Они дали адрес, предварительно позвонив ему. Он ждал нас в гости. Я вышла из гимназии довольная. Никита повез меня к бывшему директору. А чего не съездить, если это рядом?

Директору, по моим подсчетам, было лет семьдесят. Был он подтянут, бодр и свеж.

Благоухал дорогой туалетной водой. В общем, выйдя на пенсию, как я понимаю, не унывал. Звали его Александр Михайлович. Разговаривать с ним было легко и приятно. Поняв суть нашего интереса и посмотрев на мое удостоверение детектива, он стал рассказывать, что происходило в его школе в то время. Теперь оставалось только слушать и не перебивать.

— Эта девушка пришла к нам из соседней школы. И запомнил я ее только потому, что меня предупредили, какое чудо к нам явится. Не удивляйтесь. Мы с этой школой субботники совместно проводили и на праздниках вместе гуляли. Поэтому меня про геморрой предупредили. И были правы. Сначала она начала так же интриговать в своем классе, а потом пришел к нашему старшекласснику друг, увидел эту Софью и рассказал, какие дела она вытворяла в их классе. Что тут началось. Ее чуть не избили. Но она себя выставила жертвой. Плакала. Стала рассказывать, что ее оболгали из-за того, что она некрасивая. Она же действительно некрасивая. Это еще мягко сказано. Поэтому ей поверили. Но интриги ее больше не удавались. Доучилась она спокойно и аттестат получила. Больше ничего сказать не могу.

Как мы не раскручивали директора на откровенность, он не повелся. Так и стоял на своем. А я вот печенкой чувствовала, что было там какое-то продолжение. Что от нас скрывает этот убеленный сединами человек? Кого выгораживает молчанием? Мы поняли, что больше ничего не услышим, и попрощались с директором. В машину шли молча. Такое фиаско мы не ожидали. Что стоило директору нам вообще соврать? Сказал бы, что вообще не помнит такую ученицу? Нет. Сначала признал, что помнит. А потом стал рассказывать, что ничего такого не было с этой Софьей. Странное поведение. В чем-то директор замешан? Или дорогие ему люди? Остаток дороги мы ехали молча. Никита смотрел на дорогу, а я думала. Мне достаточно того, что я узнала в лице. И рассказ директора важен был для общей картины. Но теперь меня заинтересовало, что там могло быть такого, что директор словно воды в рот набрал? Просто любопытно...

Когда приехали домой, мама рассказала, что к нам приходила в гости Мария Ивановна. Она рассказала, что тетю Нюру выписали из больницы. Сотрясения мозга у нее не обнаружили. С ногой тоже вроде все нормально. Пострадавшая бабулька дома уже сидит. И даже выходит в огород на скамеечке посидеть. Услышав, что у Юрки сгорел самокат, радовалась тому, что он больше никого не собьет. Тому, что они погорели, огорчилась. Приходил к ней участковый. Спросил, будет ли она на хулигана писать заявление. Она отказалась. Сказала, что жизнь и так его наказала. Самоката-то больше нет. Хороший она человек. А главное, не злобный. И мстить не хочет недорослю, и родителей его жалеет...

Я пошла прогулять Грейса. Одна пошла. Хотелось подумать в тишине. Отпустила пса с поводка. Он стал носиться по лесу, как угорелый. Вдруг вижу, идет какая-то женщина. Я подозвала Грейса к себе. Он прибежал. Взяла его на поводок. Женщина в возрасте, но выглядит молодо, только походка выдает настоящий возраст. Решила, что это мать Марка куда-то идет. Уж не к сыночку ли в гости намылилась мадам?

— Руслана... — позвала ее тихо.

Она вздрогнула, а потом присмотрелась ко мне и решила подойти. Стоит и меня разглядывает. Думает, наверное, что я за зверь...

— Я так понимаю, что ты и есть жена хозяина магазинов?

— Правильно понимаете.

— И подозвала ты меня не для обмена любезностями?

— Верно.

— Итак, что тебе угодно?

— Поговорить.

— Давай поступим так. Сейчас мне некогда, а вот через час ждем тебя с сыном в доме Натана Львовича. Там и поговорим по душам.

— Почему не у вас?

— Быстро работает скамеечный телеграф. И адрес тебя бабки дали?

— Допустим.

— Все в мире меняется. Одни бабки как были любопытными, такими и остались. Не бабки, а всевидящее око.

— Это правда, — согласилась я, а самой смешно. Как точно она сказала.

— Значит, договорились? Через час в доме ювелира. Ждем.

— Хорошо. Приду.

— Пес у тебя хороший. Дорого стоит?

— Нисколько.

— Как это? Видно же, что породистый.

— На помойке подобрали. Добрые хозяева в мороз щенком выкинули.

— Как выкинули?

— К столбику привязали.

— Зимой? Он же замерз бы.

— Угу.

— Так ты еще и жалостливая? Давно таких не встречала. В основном люди нынче жестокие и жадные. Приходи, буду рада хоть одно человеческое лицо увидеть. А то в последнее время все больше свиные рыла попадались.

— Можно, я не одна приду?

— С мужем хочешь? Приходи...

Сказала и пошла своей дорогой. Я еще погуляла и пошла домой. Грейса передала Петьке. Никите рассказала про мой разговор с матерью Марка.

— Одна ты никуда не пойдешь.

— Я и не собиралась. Я с тобой пойду.

— Что она от тебя хочет?

— Наверное, понимания. Деньги у нее уже есть. Если не врет...

— Зачем ей твое понимание?

— Знаешь, человек может совершать хорошие и плохие поступки. Никто не идеален. За плохие она себя, наверное, сама казнит. У нас люди привыкли судить. И никто не пытается никого понять. А ей просто нужно понимание. Может, она с нашей помощью пытается получить прощение сына.

— Хорошо, если так.

Мы пошли в гости. Нас, правда, не совсем звали: я напросилась. Но это уже не важно. Мне интересно: Марк — сын ювелира или нет? Да и вообще много неясного. Я перед мужем умничала. А мне самой любопытно, что этой Руслане от меня надо. А ей что-то надо, к гадалке не ходи...

— Здравствуйте, — поздоровались мы с хозяевами.

— И вам не хворать, — ответила нам Руслана.

— Проходите, — это подал голос Марк.

Я огляделась. Когда я была в этом доме в последний раз, здесь было темно, как в старом

склепе. Сейчас все окна приоткрыты и шторы отдернуты. Комната была светлой.

— Оглядываешься? Ты же здесь была, — Марк удивлен моей реакцией.

— Здесь тогда темень была. Просто непривычно как-то.

— На Натана это похоже. Сидел в своей темной норе, как старый крот... — прокомментировала Руслана.

— Как гном: золото свое сторожил, — это я вставила свои пять копеек.

— Не уберег, — засмеялся Марк.

— И кто украл у него золотишко?

— Благоверная моя. Софьюшка...

— Зачем?

— Для любовника, наверное.

— Вы знали, что у нее есть любовник?

— Знал. И ждал, когда ей самой весь этот фарс с замужеством надоест.

— Терпеливо ждали? А ничего, что рога она вам наставила?

— Да пусть. Я только рад был. Рога не вечны: придет время — отпадут...

— Неужели все равно?

— Абсолютно. Наконец она ко мне перестала лезть. От нее отделяться было все труднее и труднее.

— Она вас любила.

— Кто сказал? Она никого, кроме себя, не любила. Меня она не любила, а манипулировала. Игралась всеми. Вот и доигралась...

— А вы кого-то подозреваете?

— Она была шантажисткой. Ее убили. Логичный конец для ее ремесла. Шантажиста всегда убивает тот, кому надоел шантаж.

— Конкретно кого-то подозреваете?

— Им несть числа... — это Руслана высказала свою точку зрения.

— И вам ее совсем не жалко?

— Почему не жалко. Жалко, как всякую божью тварь. Но если честно говорить, то я рад, что у кого-то хватило духу ее убить. И человеку этому готов поставить памятник за свой счет. Он меня освободил...

— Она и вас шантажировала? Связью с малолеткой? С Костиной?

— А ты был прав, сын. Она не так глупа, как кажется на первый взгляд. И эту давнюю историю раскопала. Bravo!

— Плевал я на ее шантаж. Она моего отца шантажировала. Из-за него ее терпел. А так вышиб бы под тощей зад коленом. И плевать, что будет.

— А отца шантажировала убитыми владельцами дома или владельцами второго дома? Или владельца сережек, которые политик дочери купил?

— Да ты кладезь информации. И откуда накопила столько?

— Я тебе говорил, мама, что она умная. И везучая. Папа говорил, что она везучая. Он таких везучих никогда не видел...

— Зря вы с отцом по душам не поговорили. Не убивал он никого. И не просил убивать. Просто хозяева дома сами свои деньги лихим людям засветили. Вот и поплатились. Могли же из Москвы перевод в немецкий банк сделать. Нет, налом повезли. Глупо. Вторые своим родственникам рассказали про деньги. Их родственники и убили. Про серьги: там сын наркоман своего отца порешил. За серьги ваш отец рассчитался честно. Деньги на дозу

сын у отца своего украл и родителя убил.

— Ничего себе. Откуда информацию нарыла?

— Места знать надо.

— Это точно?

— Совершенно точно. Документально подтверждено.

— Получается, что Софа меня на понт взяла?

— Угу.

— Я ей, как идиот поверил, что отец мог убить. Сомневался, но поверил. И столько лет это пугало огородное рядом терпел. Была бы она жива, я ее собственными руками сейчас с удовольствием задушил бы...

— А я бы помогла... с наслаждением, — высказалась Руслана.

— С ней понятно. Вы ее не убивали. А вашу историю расскажите?

— Почему я вам должен рассказывать?

— Понимаете, Марк. Я ведь вам принесла хорошую весть. Давайте баш на баш. Я вам того, кто вашего отца по голове стукнул, а вы мне свои истории. Выгодный обмен, не находите?

— Мы и так знаем, кто его ударил, только доказать не можем.

— Нет, не знаете.

— А ты знаешь?

— Пока не знаю, но узнаю. Это не тот, кого подозревала полиция.

— Что скажешь, мама?

— Говоришь, Натан считал ее везучей? Давай это проверим. Ладно. Мы рассказываем свои истории, отвечаем на все твои вопросы как на духу, а ты ищешь убийцу Натана.

— Он же жив.

— Врачи говорят, что надежды нет. Он не выкарабкается, к сожалению. Так что почти убил он Натана...

— Кто начнет?

— Начинай, сынок. Тебе проще признаться в своих грехах. Ты мужчина.

— Хорошо. Софью эту я знал давно. На нее подали иск в суд за клевету. Она наняла меня представлять ее интересы в суде в качестве адвоката. Мне тогда бы понять, с кем я связался. Но я получил гонорар и взялся ее защищать. Суд мы выиграли. Слова и факты суду предоставили. Суд счел, что клеветы не было. Истец заплатил ей судебные издержки. И мы расстались, довольные друг другом. Потом начал замечать, что она стала мне часто попадаться на пути: то в магазине столкнемся, то на отдыхе, то на конкурсе.

— А что вы делали на танцевальном конкурсе пять лет назад?

— Пришел с подругой.

— С Костиной?

— С ней. Я не знал, что ей столько лет. Выглядела она взросло. Говорила, что ей восемнадцать.

— Понятно. Она действительно выглядела старше своих лет.

— Спустя какое-то время я получаю с неизвестного номера сообщение. Там написано, что Костина малолетка и даже паспорт не получила. И обвиняют меня в педофилии. Я к ней помчался. Оказалось, все правда. Я с ней сразу же порвал. А собирался с ней на море отдыхать и жить с ней. У нее до меня кто-то был, а кто без греха? Сообщения прекратились, я успокоился. Потом Софья стала мне навязываться. А меня с нее воротило... буквально.

— А потом она рассказала вам, какой плохой ваш отец.

— Да. Так все четко по полочкам разложила. И доказательства принесла. Сказала, что уголовное дело открыто. Никто не пойман. Я к отцу с вопросами. Он на меня рычит. Софья эта мозги так прополоскала, что я поверил.

— Тогда она предложила вариант: вы жертвуете собой, а ваш отец остается на свободе. Так?

— Она еще бумаги принесла. Отец участвовал в махинациях. Это уже чистая правда. И если это бы выплыло, то ему пришлось бы сидеть. Откуда она их достала?

— Наверное, Софья нашла, чем шантажировать владельца этих бумаг. Так и получила. Она со школы шантажом занималась. Поднаторела.

— В общем, все вместе взятое перевесило мое к ней отвращение. Пришлось жениться. Хоть и противно было. Я свое слово держал. Она тоже до поры до времени. А потом загуляла, на мое счастье. И хорошо, что она деньги и золото своровала. И дай бог здоровья мужику, который ее драл. Извините уж за скабрзность. Он меня от этого сомнительного удовольствия освободил. А деньги... Да фиг с ними. Только бы отец выжил...

— Я ожидала услышать что-нибудь новое.

— Ну, извини. Не оправдал твоих ожиданий. Может, мама удивит.

— Я попробую. Глядишь, и обрадую нашу гостью. Итак, хотите слышать про мою жизнь из первых уст? Извольте...

— Только можно правду, как она есть. Без прикрас...

— Вот еще. Буду я выдумывать. Мне приседать перед кем-то не по статусу. Деньги у меня есть. Где жить есть. Дети есть.

— Дети?

— А ты что думала? Марк — мой единственный сын?

— Где ваши остальные дети? И сколько их?

— Двое. Но давай по порядку. Приехала я сюда к тетке родной. Она меня сама звала. Писала, что соскучилась, одиноко ей. Боится помереть во сне. Помрет, а ее не сразу хватятся. Я сдуру и приехала. Со слов матери знала, что характер у тетки склочный. И жадная она всегда была. Но письма были слезливые, и мне ее стало жалко. Да и чего греха таить, устроиться хотела в Москве. Пожить красиво. В нашей-то дыре о красивой жизни только мечтать можно было. А вот пожить... Тетка сначала мне обрадовалась, а спустя неделю стала всем корить: не так я сижу, не так я гляжу и на работу не иду.

— И что вы ей ответили? Она же в гости вас звала.

— В общем, я в Москву поехала. Ошеломила меня столица. Я в Киеве была, но это совсем не то. Киев — нищая провинция, а Москва — богатая столица. Мне там понравилось. Только куда мне там жениха подцепить? Только мое гэкание и шокание слышали, как отворачивались. Да и дремучей я была и необразованной. Пыталась я от шокания и гэкания отучиться, но все равно проскальзывало. И сдалась я. Решила к тетке назад вернуться. А если выпнет, то домой вернусь...

— Но домой не хотелось?

— Не хотелось. Там такое же село, только пьяни намного больше и нищета голимая кругом. А тут коттеджный поселок строился. Подумала, что за какого-нибудь молодого строителя выйду замуж, любить его буду, детей ему нарожаю и сама работать буду.

— А тут тетка вам с работой помогла?

— Тетка не мне, а себе помогла. Деньгами. Устроила меня на работу и все до последней

копейки себе забирала. По квитку сверялась.

— Настолько жадная?

— Жадная и скандальная. Я стала сменщицу постоянно подменять. И ей хорошо, и мне деньги. Хоть какие-то гроши имела на жизнь. Вдруг пришел председатель и стал свои руки распускать. Я не девочка уже была. Так что понимала, что к чему.

— А в поселке говорили обратное.

— А пусть он мне в лицо скажет обратное. Он меня не по-доброму уговорил, а на мешки в коридоре завалил и отымел.

— Получается, что изнасиловал?

— Да уж, не по своей воле я под старого козла легла. Зачем он мне нужен был старый?

— Не такой уж он старый. Тридцать пять ему было.

— Для семнадцатилетней он старый похотливый козел. Еще и воняло от него потом противно.

— Так вы же с ним жили вместе.

— Всего месяц. Мне жить негде было.

— А у тетки?

— Она меня из дома выгнала.

— За что?

— Не правильно вопрос ставишь. Не за что, а зачем.

— И зачем?

— Чтобы к председателю жить шла.

— Ей это зачем?

— А у нее, как оказалось, счета были со своей заклятой подружкой.

— С женой председателя?

— Точно. В корень зришь. Они с женой председателя были подругами. Тетка моя уже и платье свадебное готовила, и спала с ним. Он замуж ее звал. А тут подсудобила ей разлучница и мужика любимого из-под венца увела. Она, оказывается, с ним тоже спала.

— Ничего себе подружка.

— Сама понимаешь. Тетка его любила. И замуж потом не вышла. Про ее шуры-муры все знали в округе. Порченная девка кому нужна? И детей нет. Одинокая старость. Да я ее и не виню ни в чем.

— Деньги ваши она вам почему не вернула?

— А ты не понимаешь? Чтобы я сгоряча никуда не уехала. Чтобы наверняка с председателем сошлась.

— Значит, вас она решила сделать орудием мести. Но это же подлость. Не по отношению к жене председателя. Там все понятно. По отношению к вам, родной племяннице.

— Наверное, месть была для нее важнее, чем племянница. Вот она и сделала то, что посчитала нужным, чтобы отомстить. Получку забрала и на следующий день выгнала на улицу без денег. Я и пошла в магазин. Холодно. Думаю, погреюсь там, у напарницы деньги в долг попрошу. Вдруг даст...

— Ничего себе, тетушка родная!

— А тут председатель навстречу чешет. Узнал про мою беду. У меня денег даже уехать домой не было. Предложил этот козел жить вместе. У меня цейтнот, вот и согласилась временно. Противно было, но жила с ним.

— Зачем спали, раз противно?

— Не спала, он меня бы уволил. Это он сейчас весь из себя правильный, а тогда сволочью был. И сейчас сволочь первостатейная. Только изображает благородство, а сам внутри гнилой.

— Получили первую получку и мотанули бы в Москву. Зачем долго с ним жили?

— Я с ним не долго жила. Бог миловал. Он меня замуж звал, разводиться с женой решил.

— Жена его мне говорила, что сама мужа выгнала и на развод сама предложила подать. Как только узнала про измену, так вещи его собрала и в сених поставила. А самого даже в дом не пустила. С порога заявила про развод. Он не соглашался и умолял одуматься, но она стояла на своем...

— Врет. Под окнами постоянно бродила. Заглядывала. Подсматривала. Скулила, чтоб ее муженек к ней вернулся. Прощения у него просила, что была плохой женой. Я на работе как-то задержалась. Пока магазин закрыла в десять, пока кассу подбила, пока учет сделала. Потом только домой пошла. Люблю работу хорошо делать, вот и старалась делать на совесть. А у нас дома, оказывается, такие страсти-мордасти...

— Интересно...

— Она в дом к нему в шубейке пришла. А под ней ничего не было. Шасть к нему сонному в постель. Он ее по улице гнал. Да весь поселок это помнит. Она бежит. Шубейка распахнута, а там голое тело. Ее тоже жалко. Это потом тетка мне свой подлый замысел открыла. А тогда я жену жалела. Да и старый козел словно одурел. Сильно ревновать стал. Я недолго с ним жила. Не больше месяца. Но надоел он хуже горькой редьки. Потом с парнем хорошим познакомилась.

— Он бандитом был?

— Тогда все бандитами были. Полстраны бандитами были, а вторая половина страны их ловила. Стала я с ним жить. Он мне квартиру снял маленькую, но уютную. А мне большего и не надо было: работа есть, жилье есть, любимый мужчина рядом есть.

— Вас председатель не уволил?

— Нет. Парня моего боялся. И надежды, что ему перепадет, не терял.

— Он же к жене вернулся.

— Так оно и понятно. Гульнул, вернулся. Она его простила... в который раз. Он же от нее и до меня гулял. И не раз.

— Про это она не рассказывала.

— Ты у людей поспрашивай.

— А потом, после того парня?

— После парня... Убили его такие же бандиты, но с другой группировки. Осталась я одна. Аренда квартиры была на полгода вперед оплачена. И я поняла, что беременна.

— От кого?

— Председатель бесплодный. А больше у меня никого не было.

— Значит, от парня этого, с которым жили?

— От него. От Марка. Я сына его именем назвала. Работаю, а саму тошнит. Да тут еще председатель все никак не успокоится. Он же бездетный и детей не может иметь. Стал предлагать опять сойтись: он тогда ребенка своим признает и воспитывать, как своего будет.

— С чего вы взяли, что он бездетный?

— А с того. Ты хоть одного его отпрыска в округе видела? Нет. А девок он тут

перепортил несчетное количество. И со всеми одинокими бабами спал. Хоть одна залетела? Слышала про его детей внебрачных?

— Нет у него детей. Это точно.

— Получается, что Бог и подругу-разлучницу наказал, и тетку мою: обе бездетные из-за старого козла. И не морщись. Называю его так, как он заслужил. Старый похотливый козел — вот его сущность. Хотя выглядит он, надо признать, презентабельно.

— А что дальше было?

— Пошла к Натану Львовичу.

— Зачем?

— Драгоценности продать.

— Откуда драгоценности?

— Жених дарил. Мы же пожениться собирались. Он хорошим был, хоть и бандит. Меня жалел и баловал. Когда узнал, что забеременела, радовался. Значит, пошла я продавать подарки. Пузо уже на нос лезет. За квартиру оплату вносить надо. Хорошо, что хозяин пожалел и не выгнал беременную на улицу. Сказал, чтобы вовремя платила. Драгоценности и все подарки жениха собрала и пошла к ювелиру.

— Продали?

— Продала. И мои драгоценности, и его драгоценности. И вещи его продала. Все, что могла. Надо было как-то выжить. На какое-то время хватило. Ушла в декрет. А что это пособие? Крохи. Сидела с ребенком и проедала скопленные деньги. Хорошо, что молока было хоть залейся. Я даже его продавать умудрялась. Мой наестся, так я остальное сцежу и продаю соседке сверху. У нее от жизни такой молоко пропало, но родители деньги дают. Вот и покупала она у меня.

— Почему не на молочной кухне?

— Ей родители сказали у меня брат. Мол, я чистая. У меня и справки были. Обследование полное прошла. Мой парень тогда заставил. А на кухне неизвестно какую дрянь подсунуть могут. Да и добрая она была. Помогала мне, когда могла.

— Деньгами?

— И деньгами, и так по мелочи. С Марком сидела, когда мне надо было за продуктами сбегать. И я в долгу не оставалась, отвечала добром на добро.

— А когда деньги кончились, что делать стали?

— Подружка моя посоветовала устроиться помощницей по хозяйству с проживанием. Только ребенка куда девать? Кто с ним сидеть будет? Пошла я последние ценности продавать к Натану. И он предложил мне сделку.

— Продать вашего бутуза?

— Сара бесплодная: выкидыши ее измотали, а детей старому еврею хочется. Я говорю, что, мол, ты на ребенка взгляни. Беленький он у меня. А ему без разницы. Его Сара любому была бы рада. Они в детдоме собирались ребенка брать.

— И продали?

— Тогда не смогла. Долго он меня уламывал. Но когда совсем денег не стало и жрать нечего, пошла и продала ребенка. Есть грех. Потом приходила и издалека смотрела, как Сара его любит...

— А все говорили, что вы на трассе работаете.

— Кем?

— Проституткой.

— Это жена председателя свои сплетни распускала по округе. Понять ее можно. Точила ее обида изнутри. Вот она своим помелом и мела.

— Говорили, что вы с другими бандитами спали. И ювелира вниманием и лаской не обошли.

— Горазды местные сплетники небылицы сочинять.

— Да, в этом они специалисты.

— Тоже прилетало от добрых односельчан?

— Да нам с Никитой так кости перемыли. Всякое болтали.

— Тогда ты должна понимать, что большая часть выдумок от недостатка информации.

Просто правды не знают и додумывают черте что.

— Похоже на то. Но у меня вопрос. Разбогатели вы как?

— А ты уверена, что про богатство правда?

— Ваша тетка говорила всем, что вы обеспеченная дама.

— Что еще она говорила?

— Что дома за границей есть.

— Тетка врать могла. Эту возможность ты не допускаешь?

— Допустим, тетка врет, чтоб злые языки местным сплетникам заткнуть. Достаточно посмотреть на вашу одежду, чтобы понять: деньги у вас есть.

— Разбираешься в шмотках?

— Не очень. Но вещи на вас хорошего качества. Это даже мне понятно. Я бы сказала, что европейского качества.

— Ну, тогда слушай, как я пришла к благополучию. Подружка моя посоветовала меня в одну семью убираться. Двойная выгода: и не надо весь день где-то в офисе сидеть, и работа рядом. И Москва все-таки.

— Вы Марка ювелиру отдали. Руки у вас развязаны.

— Не сразу отдала: пока могла, тянула ляжку. Отдала, когда жизнь прижала. Поняла, что не вытяну ребенка. Пропадем вместе. Если бы не нужда, фиг бы моего мальчика Натан получил. Я деньги ему на содержание Марка отсылала. Как стала прилично зарабатывать, так и стала отсылать.

— И ювелир брал с вас деньги?

— А чего не брать. Говорю же, жадный он был. Сара померла, а Марку нужна была нянька. Хорошо, что нянька у него добрая была.

— Почему он вам ребенка не отдал? Или вы сами не хотели забирать? Не нужен был?

— Еще как нужен. Только Натан сказал, что Марк меня ненавидит и презирает. Что считает Сару своей мамой. И по документам оно так и есть. Они Марка на себя оформили. Официально они его родители. Как им это удалось, я не знаю.

— За взятку, как еще. Только за деньги.

— Да мне и не хочется в этом копаться. Продолжу, с вашего позволения. Натан сказал, что если я появлюсь на горизонте, то меня просто убьют. Мальчика он мне не отдаст. Ему наследник нужен. Вот я и не рыпалась. Помнила про его криминальные связи. Мертвая мама Марку ничем не поможет. А пока жива, есть надежда...

— Понятно. Запугал?

— Запугал. Мне тогда лет было меньше, чем тебе сейчас. Доверчивая, молодая, глупая.

— И уже битая жизнью...

— Вот именно. Поэтому отложила решение этого вопроса на потом. И это потом

наступило. Приехала я на Марка посмотреть, как обычно, издаleка. Марк уже в школу пошел. Я возле школы на него и любовалась. Там меня никто не знает, и никто Натану не донесет. Там с ним и познакомилась. Это была наша общая тайна.

— И сколько лет вы с Марком общались втайне от ювелира?

— Как он в первый класс пошел. Он у меня умница. Рано пошел в школу. С шести лет. А когда Марку было восемнадцать, то скрывать свое общение перестали. И Натан понял, что ничего уже сделать не может.

— Так это вы помогли Натану восстановить бизнес после дефолта?

— Догадливая. Я помогла ему удержаться на плаву, чего скрывать.

— А он нынче опять прогорел?

— Прогорел. Горе-бизнесмен наш Натанчик: не вписался оба раза в рынок. Только нынче прогорел подчистую. Глупый еврей даже в долги залез.

— Почему Натан Львович раньше не понял, что вы с Марком общаетесь?

— Он мальчика и не замечал. Редко когда с Марком общался. И то общение это было специфическим: больше похоже на нотации. Я с нянькой Марка договорилась. Хорошая женщина. Она нам помогала общаться.

— Поэтому Марк и заикаться перестал? Общение с вами помогло?

— Мама появилась у него, он и перестал заикаться. Сняли психотравму.

— Логично.

— Я Марка не бросала, как говорят люди. Они просто не знают всей правды. В общем, я работала, как каторжная. Убиралась в чужих квартирах. Мне предложили очень приличные деньги, чтобы жить в одной квартире, убираться там и ухаживать за престарелой бабушкой. Я согласилась. Работу свою делала честно: дома была чистота и порядок. Бабушка ухожена и довольна. Деньги копились. Квартиру-то мне снимать уже не надо было. Родня меня уже за свою считала, но деньги платили исправно. Потом они за границу уехали.

— А вас не взяли?

— Куда я от Марка? Не поехала я с ними, хотя они звали. Но они мне сделали протекцию. Рекомендовали своим друзьям. И стала я как сыр в масле кататься. Эти новые хозяева были щедры и богаты. У них был дедушка. Он ничем не болел. Меня к нему поселили, а я готовила, убирала, беседовала с ним. Вот он моим образованием и занялся. И ему хорошо, он делом занят. И мне хорошо, я в интеллектуальном плане расту. Уже не шокала и не гэкала, а говорила чисто и правильно.

— А деньги копились и копились. В валюте?

— В валюте. Это мне хозяин посоветовал. Как знал, что дефолт будет. Потом его детей бандиты убили. Внуков не было у него. Не родили. Залезли в квартиру грабители. Скорее всего, по наводке работали. Хозяева были, к несчастью, дома. Их и убили. В квартире раритеты: картины голландских мастеров, раритетные книжные издания. Но это воры не взяли. Наверное, не знали им цену. Они только драгоценности украли. Ради побрякушек убили таких хороших людей.

— И как их отец это все перенес?

— Плохо. Болеть начал и сдал сильно. Потом подозвал меня к себе. И сказал, что мы женимся.

— Зачем? Чтобы вам все оставить?

— Не интересно с тобой интриговать. Просчитываешь варианты быстро.

— Другого варианта просто нет. Любовь вы к нему не испытывали. Единственная

мысль, что хотел вас обеспечить, чтобы государству все не отошло.

— Так он и сказал. Чтобы государству не досталось. Там чиновники по себе все растащат, а он хочет оставить тому, кого сам вырастил.

— Я ему сказала, что он же меня не растил.

— А он мне говорит, что зато воспитывал не один год. А это почти что отцом был несколько лет. А чтобы никто оспорить завещание не мог, он пройдет психиатрическую экспертизу, освидетельствуется и составит на меня завещание, чтобы все мне досталось. Я тогда разревелась и рассказала ему все откровенно, ничего не скрывая. Он даже обрадовался, что у меня сын есть. Значит, наследство будет кому оставить.

— Марка к себе почему не взяли жить? Или ваш новый муж был против?

— Муж, наоборот, хотел, чтобы Марк с нами жил. Я была бы счастлива. Но тогда Натан приболел. Вот Марк его и не мог бросить на произвол судьбы.

— Приболел из-за того, что разорился в дефолт?

— Он сразу как-то сдулся. Стал тихим, незаметным, сторбился. В один день, лишившись денег, стал стариком.

— И тут нарисовались вы. Спасительница...

— Понимаю. Смешную картинку жизнь нарисовала. Только так и было. Я предложила Натану деньги, чтобы он выкарабкался из нищеты. Не потому, что его уважала или хорошо к нему относилась. Не потому, что Натана жалко было. Нет. Из-за Марка. У меня выхода другого не было: Марк его бы не бросил, а подвергать лишениям своего сына я не хотела.

— Почему ваш сын не жил с вами потом?

— Потом мой муж умер. Марк вырос. Я купила ему квартиру, чтобы он мог жить самостоятельно. Он получал высшее образование. А я снова вышла замуж, только теперь за иностранца.

— За кого?

— За хорошего человека. За француза. Я всегда любила французские фильмы и в Париже жить хотела.

— И как вам там жилось?

— Хорошо. Спокойно. Без нервотрепки.

— Марк вас навещал?

— Много раз. Выезд за рубеж стал к тому времени обыденным делом. Были бы деньги. Поэтому и он к нам, и мы к нему ездили часто.

— Почему вас никто из поселковых не видел?

— А я здесь и не появлялась. Хотите быть счастливой? Не приезжайте туда, где вам было плохо. Тетку я так и не простила, что она мной игралась. Но деньги ей иногда на праздники присылала.

— Значит, она знала, что вы во Франции?

— Знала, конечно. Но кто же ей поверит? Местные сплетники скорее поверят, что я проститутка на трассе.

— Дети от француза?

— Мне уже много лет было. Он немного моложе меня. У нас в стране меня называли бы старородящей мамой. Оскорбительное обозначение мамы в возрасте.

— Никогда этого не понимала. Меня тоже это выражение коробило.

— Там в таком возрасте многие мадемуазели замуж впервые собираются. Поэтому я отважилась и родила своему новому мужу двоих.

— Он богат?

— Богат. По нашим меркам очень богат.

— Есть деньги Натану опять помочь?

— Есть. Боюсь, ему моя помощь скоро не нужна будет.

— А чем вас шантажировала Софья?

— Откуда знаешь про шантаж? Предположила?

— У нее привычка была всех шантажировать. Даже из своего окружения. Стиль жизни у нее такой.

— Она нас с Марком вычислила пять лет назад. Сначала стала угрожать, что Натан узнает о встречах с его сыном.

— Она думала, что вы любовники?

— Так она и подумала сначала, но потом поняла, в чем дело. И стала мне угрожать, что расскажет моему мужу про то, что у меня есть сын, от которого я отказалась.

— Она поняла, что вас этим не проймешь. И что придумала еще?

— Ты права. Когда я ее послала, она стала меня шантажировать связью Марка с малолеткой. Сказала, что это позор и муж меня бросит, а дети от меня отвернутся. Я ее и тут послала.

— Зная ее, я понимаю, что и тут она от вас не отцепилась. Что она еще откопала? Что-то более серьезное?

— Она придумала, что тогда я навела грабителей на дом своего хозяина. И что я его опаивала, чтобы получить наследство. И завещание заставила написать старика, чтобы его имуществом завладеть. Я опять послала ее и пообещала посадить за клевету. Она временно отстала. Только если бы ее не убили, она бы все равно пыталась меня шантажировать. Такая натура...

— Для нее ваши деньги в ваших руках, как личное оскорбление: они должны быть ее деньгами.

— В общем, мы с Марком собирались уехать, но нас Натан здесь держит. За него волнуемся. Выкарабкается ли?

Я сидела и не перебивала ее. Пусть рассказывает все, что сочтет нужным. Она старалась, а меня мучил только один вопрос. Зачем она мне все рассказывает. Я не полиция. Они могли вообще со мной не общаться. А они такие кружева плетут. Зачем? Для чего? Наконец-то она выдохлась. Или домашние заготовки кончились? Вот хоть убейте меня, но я слушаю и понимаю, что мне пьесу читают. Спектакль. Таким дикторским голосом. Актерствуют. Так и хочется сказать, как Станиславский: «Не верю!»

— У меня вопрос к вам, Марк. Софья вам как-то угрожала, что разорит вас и с голым задом по миру пустит. Это она о чем?

— Это старая история.

— Ну и что? Расскажите. Орала-то она об этом недавно.

— Она как-то занимала мне и отцу деньги.

— Отцу? Натану Львовичу?

— Да.

— А зачем вам нужны были деньги?

— Для дела. Отец хотел выкупить драгоценности и потом перепродать.

— Сделка не состоялась?

— Состоялась.

— Почему ей деньги не вернули?

— У отца с деньгами плохо тогда было, и Софья предложила ими пользоваться. Мол, мы одна семья.

— Вы уже тогда были женаты?

— Да. Мы только поженились.

— А потом почему не отдали ей деньги?

— У отца их не было. Не с чего было отдавать.

— У мамы были деньги. Почему у нее не взяли?

— У мамы мамины. Сколько мы могли к ней в карман залазить?

— То есть вы по сей день с ней не рассчитались?

— Не рассчитались. Теперь и смысла нет. Она померла, и я ее наследник.

— А ее родители? Они тоже наследуют.

— Они собираются отказаться от наследства.

— Это они сами сказали?

— Я им звонил. Они сказали, что им от нее ничего не надо. Даже от мертвой. Так что они в наследство вступать не будут и пришлют отказ.

— Может, они еще передумают. Полгода еще ждать...

Время бежало незаметно. Вот уже и темнеть на улице стало. Марк все рассказывал про свою жизнь. А у меня все фиксировалось на диктофон. Да. Вот такая я продуманная. На диктофон пишу этих сказочников. Я сразу подготовила диктофоны. Один пишет два часа. Он в кармане моей олимпийки. А второй пишет три часа. Он в кармане у Никиты. У него и четкость записи лучше. Так что на запись рассказов места хватит. Сначала записывала я. Потом знак подала мужу, и он включил свой диктофон.

Судя по взглядам матери и сына, нам уже пора уходить. Мы с Никитой поняли намек и засобирались домой. Марк вышел нас провожать. Его мать осталась в комнате. В дороге Никита пытался меня разговорить. Я шла и думала. Странное двойное чувство у меня возникло после разговора с этими людьми. С одной стороны, я им верила, но с другой — столько шероховатостей в их рассказах, столько противоречий. Надо подумать. Так с кондачка не решишь, кто здесь врет...

Пришли домой. Там сразу ко мне пристали с расспросами домашние.

— Иришка, ну как они там? Держатся?

— Держатся, мама.

— Марк ее простил?

— Простил. Они неплохо спелись.

— Ты им не веришь. Я правильно понял?

— Ты все правильно понял, Никита. Я им действительно не верю.

— Почему?

— Слишком много вранья в таком маленьком рассказе.

— И что будешь делать?

— Перепроверить информацию. На слово им верить — себя не уважать.

— Значит, опять будешь скрипеть мозгами?

— Зачем же скрипеть? Если меня покормят, то смазанные шестеренки нормально станут крутиться.

Все быстро решили, что они тоже голодные. И мы сели ужинать. Как долго мы у них сидели. Обалдеть. Несколько часов...

На следующее утро мне не пришлось скрипеть мозгами. Петька решил подготовиться к школе. Опомнился. Ему на днях в школу идти, а он голый и босой, со слов моей мамы. Она и выгнала нас за покупками. Пока ехали, решали, что ему необходимо купить.

— Решили, что купить? — интересуется Никита.

— Покупаем только то, что пригодится этой осенью.

— Костюм тебе нужен? — спрашиваю Петруху.

— На фиг он мне. У меня старый есть.

— Брюки есть?

— Есть у меня брюки.

— Короткие, наверное? Ты же вытянулся вон как...

— В самый раз.

— Рубашки?

— Рубашки есть.

— Мама сказала, что тебе в них рукава короткие.

— Я рукава подверну, и все будет нормуль.

— Тогда ответь мне, друг наш Петя. Зачем мы с тобой сейчас едем?

— За покупками.

— Хорошо. Задам вопрос конкретней. Что ты хотел купить?

— Что-нибудь.

— Петруха, не увиливай от ответа.

— Я не увиливаю. Я с Никитой пойду в магазин.

— Так бы сразу и сказал, что у вас свои мужские секреты.

Никита, видимо, был не в курсе, что у него с Петькой есть секреты. Он выпучил на меня глаза и пытается опротестовать сделанное мной заявление, но опоздал.

— Да. У нас свои мужские секреты, — подтвердил Петька.

Никите теперь некуда деваться. Он пойдет с Петькой в магазин, а у меня будет время посидеть и подумать в тишине. Как хорошо все складывается... Сажу в машине, никого не трогаю. Переписываюсь с Максом и пишу, что мне надо найти. Он обещал помочь с информацией. Пришлет все завтра. Хорошо, что есть такие люди. Макс найдет любую информацию. Может мне повезет, кто-нибудь раскошелится за поиски убийц, как в прошлый раз.

Вдруг слышу, стучат в окно. Открываю. Это тот армянин, который кафе держал. Ничему человека жизнь не учит. Он опять открыл кафе и снова, судя по доносящимся запахам, кормит людей тухлятиной. Опять этот горе-повар прогорит. Вот неугомонный...

— Здравствуйте, Армен.

— Здравствуй. Слышал, что вы все-таки взяли те офисы в аренду...

— Взяли. Решили рискнуть.

— Зря меня не послушали. Не любит у нас народ есть в ресторанах.

— Все дома кушают?

— Все голодают. У народа денег нет. Какие могут быть рестораны?

— Но ты-то опять кафешку открыл. Разоришься...

— Нет, тут моя ценовая категория. Мой клиент. Им не надо изысканные блюда. Им просто поесть.

— Думаешь, в плюсе будешь?

— Я-то не прогорю. А вот вы прогорите. Уж если я там прогорел, то вам там ловить нечего.

— Спасибо за совет.

— Пожалуйста! Мне не жалко. Зря вы меня не послушали. Армен вам дело говорил.

— Чего уж теперь. Мы в ремонт там вложились. Теперь вынуждены будем работать.

Деньги-то отбить надо...

— Хочешь мое кафе посмотреть?

— А можно?

— Нужно.

— Тогда погоди. Вон мои идут. Их дождемся.

Вижу, что его лицо сразу стало недовольным. И чего он мне там хотел одной показать? Он разве не видит кольцо на пальце? Вот стоит передо мной маленький, лысый, носатый, кривоногий. И настолько в себе уверен, что он подарок. Откуда у него такая самоуверенность в своей неотразимости? Смотреть не на что, а туда же. Такое самомнение...

Подожли Никита с Петькой. Оба пакетами увешаны. Вопросительно поглядывают то на меня, то на Армена этого.

— Никита, помнишь Армена?

— Помню. Что хотел, Армен?

— Хотел новое помещением показать. Оно и лучше и дешевле того, где я раньше арендовал.

— Пойдем, посмотрим?

— Пойдем.

Пошли посмотреть помещение. Площадь действительно большая, но уюта опять же никакого. Зал какой-то облезлый. Неужто обновить краску не мог догадаться. Покрасил бы стены в веселенькие цвета. Все больше бы удовольствия было здесь сидеть. И кислятиной воняет. Тут вообще вытяжка не работает. О чем я ему и сказала.

— И так сойдет. Не графья ко мне обедать ходят.

— И как? Много посетителей?

— Пока немного. Сейчас распробуют и повалят. Хотите попробовать?

— Нет. Ты знаешь, мы только что подкрепились.

— Ладно. Тогда в следующий раз.

— Армен, ты где на повара учился?

— Нигде. Зачем настоящему армянину на повара учиться, когда мы с детства готовить все умеем?

— Понятно. Удачи тебе.

— И вам. Зря вы меня не послушали. Разоритесь...

— Пока, Армен.

— Приходите...

Мы попрощались с горе-бизнесменом. Пошли в машину.

— Ну что, Петька, купили тебе трусы?

— Никита, я же просил не говорить никому! — возмутился Петька.

— Я и не говорил. Она сама догадалась.

— Ладно тебе, Петруха. Я сама догадалась. Ты вырос и стал стесняться, поэтому Никиту потащил с собой. Такие же трусея купить хотел, как у него.

— Вот ничего от вас не скроешь.

— А что еще купили?

— Догадайтесь.

— Худи парочку, наверное. Джинсы тоже парочку разных цветов. И, скорее всего, носки и кроссы. Майки еще. Только самое необходимое...

— Блин, ты точно ведьма, Иришка. Откуда знаешь? Следила за нами?

— Больно надо. Пакеты фирменные и сразу понятно, куда заходили.

— Кстати, что этому Армену от тебя нужно было? — спросил Никита.

— Он узнал, что мы помещения сняли в аренду. Говорил, что зря...

— Его не спросили. Тоже мне бизнесмен, — Петька включился в разговор.

— Он же опять разорится. Неужели не понимает этого? — спросил муж.

— Армен уверен, что теперь он заработает очень много денег.

— А как противно там кислятиной воняет. Я бы Грейсу это есть не дал, — высказался Петька.

— Знаешь, Никита, мне его даже жалко. Он повторяет ту же ошибку.

— Иришка, это твое мнение. Он-то уверен, что он прав. И деньги к нему потекут рекой.

Так ехали и разговаривали всю дорогу. Я посмотрела назад. И только сейчас до меня дошло, что Петька вырос. Мужиком становится. Стал меня стесняться... Давно ли в шортах на площадке лестничной соплю кулаком вытирал? Растет малец. Как на дрожжах...

Приехали домой. Я забралась на постель и опять села изучать видео. Что-то мне не давало покоя в прошлый раз: что-то я упустила очень важное...

Никита позвал меня оценить покупки.

— Чего их оценивать. Они же Петькины. Ему их носить.

— Он тебе хочет показать.

— Никита, ну что за глупость? Если он выбрал, то ему нравится. При чем здесь мое мнение?

— Ну, спустись, оцени. Тебе трудно, что ли?

— Ладно, — я поставила запись на паузу и пошла вниз с Никитой.

Там Петька крутился в обновках. Надо признать, что вкус у него есть. Иногда смотришь, подростки такую хрень на себя напяливают. А здесь все в тему: и по форме, и по размеру — в самый раз.

— Ну как?

— Я бы тебе такие же вещи купила.

— Теть Ир, тебе нравится?

— Нравится. А тебе самому нравится, что ты купил?

— Ага. Класс.

Пока он перед нами крутился, мы пили кофе, перекусили и поговорили о пустяках. Затем разошлись по комнатам. В комнате Никита стал мне демонстрировать свои покупки. Мне они тоже понравились. И содержимое в этих обновках тоже мне понравилось. Видео я так и не просмотрела. Не дал муж. Занялись кое-чем поинтересней... сразу после демонстрации его новых трусов...

Рано утром пришла в гости тетя Галя и передала маме ключи. Они поехали опять к своей дочке за границу погостить. Сын ее отдыхает в Европе, поэтому она маму и попросила погостить и присмотреть за домом. В прошлый раз мы жили с мамой в их доме. Мне дом понравился. Все-таки есть вкус у тети Гали. Завтра мама и Петька переедут в тот дом. А мь

с Никитой опять останемся одни. Петруха не даст нам скучать: наверняка по утрам станет нас будить, а по вечерам вытаскивать на прогулки. Дом теперь в нашем полном распоряжении. Хочу — халву ем, хочу — пряники ...

— Ты что в этом видео хочешь увидеть? — Никита не понимает, почему я его пересматриваю раз за разом.

— Знаешь, я и сама не знаю. Просто мне кажется, что я увидела что-то важное в первый раз, а что — вспомнить не могу.

— Рано у тебя склероз начался...

— Это не склероз, милый. Я что-то краем глаза себе отметила, и теперь мне это покоя не дает.

— Ты не парься. Ты поспи, и все пройдет. Завтра утром само вспомнится.

— Хороший совет. Учитывая, что сейчас утро.

— И что ты предлагаешь?

— Я предлагаю прогуляться до магазина и зайти в гости к тете Нюре.

— Зачем? Что ты задумала?

— Вдруг Мария Ивановна уже уговорила ее нам все рассказать.

— Что рассказать?

— А я знаю? Но зачем-то она к нам торопилась...

— Ладно. Я с тобой пойду. В магазине к чаю что-нибудь возьмем. Вроде проведать пришли...

— Согласна. Твой план соблазнения старушки мне нравится.

— Ирка, договоришься...

— Это угроза?

— Нет, это обещание.

— Жду не дождусь.

— А когда тетя Галя выезжает?

— Выезжает сейчас. Уже выехала. А вылетают через четыре часа.

— Может, нам повезет, и мы сегодня уже ночью одни останемся?

Вы не подумайте. Никита маму любит, но он стесняться стал Петьку. Мол, не поймешь. Телом вроде мужик, а по сути пока ребенок. И откровенно, как при мужике, не выскажешься и не расслабишься... Останемся одни дома. На несколько месяцев. Лафа!

— Мама, мы пошли гулять, — доложились мы.

— Идите. К обеду не опаздывайте.

— Хорошо.

Мы прогулочным шагом пошли в магазин. Там накупили вкусного к чаю и направились в гости к главной сплетнице нашего поселка. Тетя Нюра сидела в беседке в огороде и скучала. Откровенно говоря, прожила она жизнь долгую. И подруги вроде были. Но как-то оглянуться не успела, как в живых осталась только одна подруга Мария. Вчера она имела глупость с Маней поссориться. Все потому, что она не хотела рассказывать о том, что видела, с кем встречалась Софа. Нюра только вчера это вспомнила и рассказала Марии. А та так напустилась на нее, как будто это Нюра виновата в смерти этой самой непутевой Софьи. И Софья эта тоже хороша. С такой внешностью кинулась мужу изменять. И с кем? С отребьем...

Тут она увидела, что к ней идут гости. Как говорится, на ловца и зверь бежит. Гости шли напрямик к ней, она ошибиться не могла. В руках несли пакет: к чаю накупили

подарочков. Не иначе. С такими мыслями тетя Нюра встала и пошла гостям навстречу. Костыли были неудобными, старыми, времен СССР, и натирали подмышки. Поскорее бы гипс сняли. Замучилась она с ним: нога чешется жутко, и никуда не сходишь, не поболтаешь...

— Что думаешь, Никита? Расскажет она нам что-нибудь интересного?

— Кто же ее знает? Но бабульки доложились, что она вчера поссорилась со своей подругой. Мария Ивановна от нее как ошпаренная выскочила.

— И в магазин она не ходит.

— Значит, новости ей выложить некому.

— Ты на нее посмотри: она просто жаждет с нами новостями поделиться.

— Просто больше не с кем.

— А тут мы с тобой нарисовались. Вовремя мы подсуетились. Глядишь, какой сплетней и разживемся.

Подходя к калитке, мы замолчали. Смотрим, а она к нам уже ковыляет. Раз навстречу нам пошла, значит, решила новостями поделиться.

— Здравствуйте, тетя Нюра.

— Здрассти...

— А мы к вам в гости. Проведать. Как у вас самочувствие?

— Нормально. Чего со мной сделается?

Ответы ее не сильно доброжелательные. Вот сейчас подарки возьмет и с нами говорить не будет.

— Да вы проходите. Чего у калитки стоять?

Открыла калитку и указала рукой, куда нам идти. По всему выходило, что не в дом, а в летнюю кухню, которая рядом с беседкой. Зашли. Сели на скамейку. Пусть она первая говорить начнет, а мы подхватим тему.

— Что-то узнать хотели?

— Просто проведать зашли.

— Да будет вам. Кому старики нужны? Никому...

— Зря вы так говорите. Вы подруге своей очень нужны. Другим жителям поселка. Все говорят, что без вас скучно стало.

— Так уж и скучно? Могли бы ко мне в гости сами прийти. Не мне же на костылях к магазину мотаться. Костыли еще эти чертовы натирают...

— Их отрегулировать надо.

— Не надо мне ничего регулировать. Я почти и не хожу... Я так поняла, что вы ко мне не просто так. Новости от меня услышать хотите?

— А есть новость?

— Еще какая. Я знаю, с кем Софья амуры крутила.

— С кем?

— Слушай. Иду я, значит, в магазин за покупками. Вдруг смотрю, Софья мимо меня пролетела. И куда она так спешит, думаю. Самой так интересно стало. Она же всегда такая медленная ходила. Голову задерет и никуда не смотрит. Вот и тут меня не увидела. А мне в ту же сторону надо было. Вот иду, смотрю, к ней какой-то мужчина подошел и так за локоток ее берет. Она прям расцвела: улыбается, прижимается к нему. И пошли они вместе куда-то.

— Не проследили?

— Зачем мне за ней следить? Делать мне нечего?

— Куда хоть они пошли?

— В сторону турбазы. Не на земле же им валандаться...

— Почему так думаете?

— Так узнала я его. Это сторож с турбазы.

— Как он выглядит?

— Высокий, черные волосы. Глаза не помню какие.

— Звать как?

— Санек.

— А фамилию Санька знаете?

— Савельев.

— Откуда знаете фамилию?

— Однажды я на турбазу пришла по своим делам. Там хозяйственник кричал. Искал какого-то Савельева. Этот вышел и спросил, чего ему надо.

— Сколько ему лет?

— Не знаю. Может, сорок.

— А он внешне похож на Николая Мельникова? Если лицо не смотреть?

— Фигура такая же. Рост тоже. Пожалуй, что похож.

— Понимаешь, Никита, кто это мог быть?

— Точно. Машина возле турбазы открытой стояла. Сел, поехал, дело сделал и назад приехал.

— Быстро, четко, нагло...

— Тетя Нюра, вы же учительницей в школе были?

— Преподавала.

— Какой предмет?

— Математику, алгебру, геометрию. Бывало, что и физику навязывали. И даже астрономию.

— Почему такой набор предметов?

— Платили же тогда копейки. Учителя в бизнес все подались. Всем семьи кормить надо. Нам в эту чертову перестройку задерживали зарплату. По полгода не платили. Разбежались из школ учителя. Приходилось замещать, кого не хватало. Чтоб этому оленю пятнистому икалось...

Ни одного человека в своей жизни не встречала, кто бы хвалил первого и последнего президента СССР. Проклинают глупого Мишку «меченого». Вот и тетя Нюра вспомнила «добрым» словом этого политика.

— Тетя Нюра, а вы в какой школе преподавали?

— В нашей.

— А Мельниковы были вашими учениками?

— Бери выше. Я была их классным руководителем.

— А что про них можете рассказать?

— Ученики были нормальные. Николай математик. Правда, больших высот не достиг, но у него математический склад ума. А вот Иван рукастый: все мог починить. Он и математику знал на пять, но учиться ленился. Поэтому была твердая четверка. А так у него мозги на месте. Не ленился, был бы он лучшим во всем. Он любил погулять и повеселиться. Девчонки из-за него ссорились, бывало, что и дрались. Сцепятся между собой, орут благим

матом. А он только смеялся. Одно слово — любимчик.

— Чей любимчик?

— Всех. Его и учителя любили, и девчонки.

— А Николая любили?

— Сколько раз замечала, что Николая девчонки обходили стороной.

— Почему?

— Не знаю. Он какой-то был нелюдимый. Наверное, поэтому.

— Как учителя к нему относились?

— Он хорошо учился, но учителя его почему-то тоже не любили.

— А внешне вы их различали?

— Их никто не различал, если видел впервые.

— Как же вы их различали?

— Просто. Они попробовали поменяться между собой, но не удалось.

— Вы их раскусили?

— Сразу.

— Как? Они же одинаковые.

— Почему одинаковые? Разные. Совсем разные.

— Внешне они одинаковые?

— Внешне — да.

— Тогда по каким признакам вы их различали?

— Я же говорю. Иван со смешинкой всегда. А Николай — бука.

— Что значит бука?

— Он сам в себе был. Они с братом внешне одинаковые. А внутренне настолько разные... Иван — солнышко. Он свет добрый излучает. Ванечка улыбнется, как согреет. Его улыбка — это обещание радости и счастья. Поманит, на край света за ним полетишь.

— А Николай разве не улыбался?

— А Николай даже улыбался краем рта. Скупое, криво и кособоко. Ни тепла, ни радости от его улыбки. Как будто жалел радостью поделиться. По поведению их сразу все одноклассники отличали. Их могли путать только те, кто с ними впервые встречался. Вот я в возрасте. Но даже я понимала, почему девчонки от одного млеют, а второго сторонятся.

— А вы когда последний раз их встречали?

— Да вот недавно.

— Кого из них?

— Обоих.

— Как обоих? Расскажите.

— Николая я видела у магазина. Не у нашего, а у другого края. Им там ближе ходить. А Ивана я видела на днях. Он по лесу шел.

— Вы ничего не путаете? Это был Иван?

— Вот мы меня слушали, но не слышали. Не могла я их спутать.

— Значит, уверены, что это точно был Иван?

— Ванечка это был. Его солнечная улыбка. Он поздоровался со мной. Я тоже поздоровалась. Он удивился...

— Чему удивился?

— Тому, что я его с братом не спутала и узнала.

— А как они одеты были?

— Оба в черном. Штаны, майки. Одинаково одеты они были.

— Вы точно помните, что они одинаково одеты были?

— Они всегда с детства одинаково одевались.

— Они все так же похожи?

— Похожи.

— Чужой человек их различит?

— Они внешне все также очень похожи. А вот различают их или нет. Это вам к гадалке.

Я вам чистые факты. Похожи друг на друга, как две капли воды. Как близнецы. Это факт...

Тетя Нюра стала вспоминать случаи из школьных времен, связанные с двумя братьями. Действительно, иногда были смешные розыгрыши. Даже слушая рассказ старой учительницы, я понимала, что она тоже Ванечку любила. А вот Николая почему-то сторонилась. Интересный факт. Много она интересного рассказала. Посмотреть хотелось на этого Ваню. Представляете, мужику примерно лет сорок, а он Ванечка... Про близнецов тетя Нюра поведала все, что знала. Или просто про одних и тех же устала рассказывать. И тут я подкинула ей другую тему...

— Тетя Нюра, вы жену бывшего председателю хорошо знаете?

— И что?

— Можете про нее рассказать?

— А зачем?

Тетя Нюра стала откровенно придуриваться. И как ее разговорить?

— Ладно, Иришка. Боятся они все про нее рассказывать. Она их потом, как и девку ту, ославит на всю округу. Хоть муж теперь и не председатель, а она их до сих пор в кулаке держит. Понять людей можно, — пришел мне на помощь Никита. Схитрил мой муж: взял старушку на слабо.

— Ой, и кто это ее боится? И кого там боятся? Потаскуху эту?

— Почему потаскуху?

— Она стала сама мужу изменять.

— Так он ей изменял?

— А как же? Изменял. У любого спроси.

— Часто? Или только с Русланой?

— Вот ты наивная. Руслана черт знает какая по счету у него была. Он своей женой изменял направо и налево. Всегда.

— С молодыми?

— И со старыми, и с молодыми, и с замужними, и с одиночками.

— А она что?

— Терпела, молчала и прощала. Уж больно ей председательшей остаться хотелось.

— В смысле?

— В простом смысле. Председательшей.

И видя, что мы не понимаем, попыталась объяснить.

— Женой, но не абы кого, а именно председателя. Он начальник. И она как бы начальница. Понимать надо!

— Она готова была терпеть постоянные измены мужа, только чтобы председательшей быть? Вроде начальницы при своем муже начальнике?

— Именно так.

— Это же глупо.

— Это вам кажется глупым. Вы в те времена не жили. А возможности у председателя по тем временам были знаешь какие?

— Какие?

— Он здесь был царь и бог.

— А она, стало быть, царицей и богиней?

— Вот теперь, смотрю, ты поняла.

— И карать, и миловать мог кого угодно. И одарить, и опале предать?

— Правильно мыслишь.

— И она так же могла? Править за его спиной?

— Не так, но почти.

— Понятно. А почему именно Руслану она так ненавидит?

— Да потому, что впервые он от жены ушел. Гулять-то он гулял, но не уходил никуда. Уж всех баб здесь перепробовал, а все не унимался. А тут ушел. Нонсенс...

— Сам ушел?

— Сам. Вещи молча собрал и ушел.

— А она знала, куда он ушел?

— Знала. Донесли ей.

— А она? Теть Нюра, ну что я из вас клещами все тяну? Теперь-то она никто. Чего вы все боитесь?

— Чего это я боюсь? Ничего я не боюсь. Просто вспоминать тяжело.

— Может, тогда чаю или чего покрепче? — спросил Никита. Он готов в магазин смотаться, лишь бы ей язык развязать. Самому интересно стало.

— Не надо ничего покрепче. Что вы от меня хотите? Старая я уже стала и тяжело вспоминать.

— Да ладно? Вы вот только про склероз нам не говорите. Все знают, что с мозгами у вас полный порядок, — Никита и мне подпел, и опять ей польстил. А он у меня, оказывается, льстец.

И ей понравилось, что Никита хвалит. Ласковое слово и кошке приятно. Она сразу расцвела, как роза на навозе. Зарделась, аки красна девица. И про какую старость бабулька говорит, если так на комплименты еще реагирует? Плутовка рыжая...

— Ну, с мозгами-то да. Пока не заржавели...

— Так вспоминайте.

— В общем, она поняла, что он от нее к этой Руслане уходит. Она-то думала, что он девку просто поимеет и успокоится. А эта девка его, видимо, зацепила, и он решил уйти. Жена его и парткомом страшила, и карами небесными, а он в доме для командировочных девку поселил и стал с ней в наглуую жить. Потребовал развода.

— А жена его что? Дала развод?

— Стала препятствовать. Под окнами бродила и девке этой угрожала. В магазин скандалить ходила.

— А он что?

— А он сходил к ней один раз. Поговорил. Уж не знаю, что он своей жене сказал, но этой Руслане она угрожать перестала. Только все равно эта девка от него ушла к бандиту.

— Это правда, что жена председателя по улице голой бегала?

— Правда. Пришла к нему в тот дом в шубе норковой, а под шубой ничего. Соблазнить хотела мужа. Он ее погнал по улице. Она как бежала, шуба распахнулась, а она голая. Так

голяком до дома от него и бежала. И он на босу ногу за ней гнался с дрыном в руках. Больше она к ним не ходила никогда: как бабки отшептали. Да и позор такой на всю округу.

— А что дальше было? Такие страсти...

— Потом девка к другому ушла и из магазина уволилась. В город со своим хахалем подалась. Председатель погоревал да к жене лыжи направил. Уговорила она его вернуться, но он все надеялся, что та девка вернется.

— Неужто влюбился?

— Да кто ж его знает? Может, влюбился, а может, она давала хорошо. Седина в бороду, бес в ребро, как говорится.

— Вы говорите, он гулякой был хорошим. А где внебрачные дети? Может, сочиняет народ все? Приписывают ему подвиги. Как актерам приписывают романы, а на самом деле они порядочнее многих обычных граждан. Так и тут. Может, он верным мужем был. И изменил только раз, когда полюбил...

— Народ не врет. Гулял он по-черному. И к подругам моим хаживал. Сама свидетельницей была. А детей нет... Он бесплодный, видать. Иначе он бы за ребенком ходил. Детей председатель любил и своих хотел. Многие от него родить мечтали. Тогда не жизнь бы у них была, а малина. Только пустоцвет он. Не мог детей иметь.

— Вы точно знаете?

— Точно. Нет у него ни одного наследника. К размножению не годен.

— А он это знает?

— Откуда он мог знать? Подозревать он, может, и подозревал. Разве он обследовался? Нет. Мужики уверены в себе. У них всегда баба виновата, коль детей нет. Он тоже все свою жену винил. Она же после этой Русланы стала погуливать.

— И правильно делала. Ему можно, а ей почему нельзя? Он, значит, всех в округе оттоптал. А она жди, когда благоверный домой от очередной бабы явится? Правильно она ему изменяла. Она, может, тоже своих детей иметь хотела. Лично я ее понимаю.

Посидели, поболтали и посмеялись. Молодость тетя Нюра вспоминала. Поговорили и выяснили все, что меня интересовало. Договорились с тетей Нюрой, что если нужны еще какие сведения, то мы заглянем. Она сказала, что будет нам рада. Довольные и уставшие, мы с Никитой двинули домой. Он по пути заскочил в магазин. Сказал, что хочет сделать мне сюрприз. Пришли домой, а там сборы идут полным ходом. Петька носится по всему дому, как угорелый. Того и гляди нас с ног собьет.

— В чем дело? — спросила я маму. Мне интересно, с чего этот переполох.

— Мы решили сегодня ночевать в том доме. Дать вам свободу пораньше.

— Я думала, что мы сегодня вместе побудем, и вы завтра переедете.

— Мы хотели пораньше вас вдвоем оставить наедине.

— Это Никита тебе подсказал или сама надумала? Мы в этом доме еще несколько месяцев вдвоем с ним будем.

— Я сама так решила.

— Куда вы торопитесь?

— Я хотела, как лучше.

— Ты меня спросила? Для меня лучше, чтобы вы утром переехали.

— Никита что думает?

— Тебе важнее, что думает Никита или твоя родная дочь?

— Конечно, твое мнение мне важнее.

— Тогда останьтесь на ночь, пожалуйста. А завтра мы торжественно проводим вас в новое жилище.

— Ладно. Твоя взяла. Петька, сегодня останемся здесь на ночь. Завтра с утра собираться начнем.

Петька запрыгал от радости. И Грейс за ним стал повторять. Сладкая парочка. Еле выгнали весельчаков на улицу: пусть в лесу прыгают и бегают. Значит, съезжать не хотели ни Петька, ни мама. Опять Никита за моей спиной действовал? Тихушник. И ведь спроси его прямо, начнет говорить про то, что хотел, как лучше. А почему меня не спросил, как лучше для меня? Для себя лучше хотел. Для себя любимого старался. Раньше такого я за ним не замечала. Раньше он мне в первую очередь угодить старался. Неужели разлюбил?

Что-то я мнительной стала. После рассказанных сплетен, интриг чужих. Наслушаешься историй и начинаешь их на себя примерять. У нас-то все не так. Не стала бы я Никиту уговаривать со мной остаться. Да и любого другого не стала бы. Нашел другую. Ну и живи с ней и радуйся жизни... И никакая жажда власти, мнимой или реальной, меня не остановила бы.

Это же надо. Председательшей быть ей хотелось. Смешно. Она же молодая была, когда он первый раз ей изменил. Могла свою судьбу после первой измены поменять: развестись, выйти замуж за другого и детей нарожать. Прогнала. И сама она пока не понимает, как сильно прогадала. Может, до нее когда-нибудь дойдет. Глупая баба вцепилась мертвой хваткой в мужика гнилого и держалась за него всю жизнь. Про все измены знала.

Ей наверняка ее «заклятые подруги» о каждом его загуле рассказывали. Видели, что ей больно про измены слушать, и нарочно приносили эти вести. А она терпела. Да ну к черту таких подруг, которые сами с ее мужем спали. Лучше уж пусть не будет ни одной, чем такие. Всегда считала, что лучше пусть пустое место будет рядом со мной, чем пустой человек. Да еще и с фигой в кармане. Они с ее мужем спали и друг на друга доносили. Какие же это подруги?

Я фото тети Ньюры видела в молодости. Она красивой была. Неужели к ней председатель не хаживал? Наверняка пытался же? Интересно, а она мужу изменяла? Был у нее муж? Почему она одна? Где ее дети. И что это за родня, которая к ней приезжала. Надо будет разузнать. Любопытно...

Никита на меня надулся. Причину я поняла, когда мы спать пошли. Он хотел, чтобы Петька с мамой сегодня съехали. Он собирался мне устроить праздник. Мы бы одни дома остались. Вот он и решил погулять. Гусар, блин! Только напрягает, что моего мнения не спросил. Нельзя осчастливить человека против его воли. А он пытался. Одна ночь ничего бы не решила? Еще куча этих ночей будет. Куда он торопится? Или завтра война и завтра в поход? С такими не очень радостными мыслями я заснула.

Пробуждение было ужасным. Опять кричал чертов петух. Мы про него забыли и приоткрыли окно, когда ложились спать. Пришлось вставать и закрывать окно.

— Найду и убью, — проворчал Никита спросонья.

— Петуха или хозяина?

— Петуха. Хозяин просто придурок. За это не убивают.

— А петух просто птица. И живет, как природой предназначено. За это тоже не убивают.

— Вот тебе все бы мне перечить. Нет, чтобы согласиться...

— Я сразу предупредила, что не буду послушной женой. Ты сам выбирал. Чем теперь недоволен?

— Доволен, Иришка. Всем я доволен. Давай спать...

— Давай.

Залезла к нему под бок. Прижалась. Мы обнялись и заснули. Но ненадолго. Затрещал телефон.

— И кому это с утра пораньше не спится?

— Сейчас посмотрю. Незнакомый номер.

— Тогда не бери трубку. Пусть звонят в положенное время.

Я так и сделала. Телефон свой отключила, и мы спокойно заснули. Проснулись только в полдень. Дома тишина. Мы к такому не привыкли. Всегда где-то кто-то в доме шумел. И мы к этому уже приучены. Я обошла все комнаты и поняла, что Петька с мамой съехали, пока мы спали.

— Разве так делается? Могли бы разбудить и попрощаться.

— Чем ты не довольна? Тебе дали выспаться.

— Я попрощаться хотела.

— Ты их на фронт провожаешь? Они на соседней улице живут.

— Так это идти...

— Не расстраивайся. Сейчас в гости к ним пойдем.

— Так это идти надо. И не погуляли напоследок...

— Хочешь, я тебя на руках отнесу?

— Хочу. Ты давно от своих обязанностей отлыниваешь.

— От каких это обязанностей?

— А кто меня на руках всю жизнь носить обещал?

— Я обещал.

— И давно уже не носил. Отлыниваешь? Филонишь?

— Каюсь, был грех. Одевайся. Я тебя в гости отнесу.

— То-то же...

В общем, в гости он меня понес только через два часа, когда мы в постели решили все наши «разногласия» и пришли к разумному компромиссу. В дом мы вошли без стука, поскольку нас приглашали. Да и дом тети Гали теперь станет нашим вторым домом, как сказала вчера мне мама. И нам здесь будут всегда рады.

— Выспались? Горазды вы спать... — высказала нам мама.

— Вы нас ждали в гости? Мы думали, что вы с Петькой еще вещи разбираете, поэтому и не торопились.

— Ждали. Как только переехали, так стали к вашему визиту готовиться.

— Знаешь, мам, мы с петухами проснулись. Представляешь, в пять утра.

— Кто-то петуха для развлечений завел, а весь поселок страдает.

— Мы потом опять заснули. Так до обеда и продряхли, — дополнил муж.

— Петька вон от окна к окну бегал. Все смотрел, встали вы или нет.

— А что он хотел?

— Погулять. Что этот оболтус может хотеть?

— Покормите нас, пожалуйста. И мы будем готовы пойти на прогулку. Меня вчера Никита обещал на руках носить.

— Не надорвется?

— Своя ноша не тянет. Штанги больше весят, он их тягает, не жалуется.

— Так это штанги. Это для тела полезно. Он мышцы качает.

— Жена тоже вещь для тела полезная. Так что пусть жену потягает...

— Ты мне лучше скажи, что надумала с агентством?

— Леня заниматься. Мы пока оформляем по всем правилам пекарню с Востриковой. А агентство подождет.

— Ждешь, когда Палыч разорится?

— Честно? Жду. Хочу в его офисе свое агентство открыть. Палыч скоро не выдержит.

Ему аренду подняли, но он цепляется за труп своего агентства.

— Глупо. Разве он не понимает, что уже все? Конец?

— Надеется на спасение.

— Его только ваша старая команда могла спасти, а теперь крах полный. Он заставляет бежать издыхающую клячу...

— Он просто пытается выкарабкаться. Не верит, что родной сын его обанкротил. Да еще так гениально. Всего за какие-то полгода все развалил до основания. Феномен...

— Ему надо своего гениального сына сдавать в аренду конкурентам. Он их разорять будет.

— Знаешь, мама? А ты кровожадная. Это очень жестоко даже по отношению к конкурентам.

— Хорошо, что он тебя тогда уволил. Дай бог ему здоровья...

— Это почему? Вот ничего себе заявление. Пожелала здоровья тому, кто уволил твою дочь. Оставил, можно сказать, без куска хлеба, голую и босую.

— Я с ужасом думаю, как он бы тебя доставал каждый день. Хорошо, что он тогда от злости не сдержался и уволил тебя. И хорошо, что потом ему гордыня не дала позвать тебя обратно. А то страдала бы ты на той работе. Ходила бы, как раба подневольная на чужого дядю, наглого, хитрого и беспардонного работала. А так ты себе цену узнала.

— И какова мне цена?

— Иришка, ты бесценна! — включился в обсуждение Никита. До этого он просто сидел и слушал наши с мамой рассуждения.

— Льстишь?

— Ни капли. Ты для меня бесценна. Такую жену еще поискать...

— И для меня ты бесценна, — сказала мама. Она меня всегда любила...

— И для меня! — это уже с порога Петька выкрикнул.

— Да вы сговорились? Хотя я не против. Хвалите меня. И как можно больше, и как можно чаще.

И я такую моську состроила, что все сразу рассмеялись.

— Я вас тоже всех люблю.

Пока кушали, сами не заметили, как перешли на обсуждение убийств.

— Так вы что-то выяснили?

— Николай мог убить.

— У него же алиби. Он в больнице был.

— Не факт: или он был, или его в больнице Иван подменял. Пока не ясно.

— Почему думаешь, что Иван? — интересуется муж.

— Я же объясняла, что женщины интуитивно чувствовали в Николае угрозу. Не нравился он никому по непонятным причинам. А к Ивану тянулись все: его улыбка всех

пленяла. Вспомни, что сказала медсестра?

— Что она сказала?

— Что медсестры с другого отделения к ним бегали на него посмотреть. Он им всем понравился. А мне она сказала, что он улыбнулся, и она пропала.

— Значит, ночью в больнице был Иван, — согласился со мной Никита.

— Против фактов не попрешь. Но вот зачем Иван согласился?

— Знаешь, Иришка, а Николай его мог втемную использовать.

— Обманул, а сам побежал своими черными делишками заниматься.

— Может, надо в полицию сообщить?

— Но я пока ни в чем не уверена. Мне немного подумать надо...

— Пока ты думать будешь, он еще кого-нибудь укокошит.

— Никого он не укокошит: он уже всем отомстил, кому хотел. Всем трем, кто его жизнь в унитаз спустил.

— А Софья?

— Она подвернулась под горячую руку. Или стала его по своей привычке шантажировать, или ее убил кто-то другой. Я склоняюсь к третьему варианту.

— Почему?

— Интуиция. Софья здесь всю картину портит: как будто на картине голландцев наклеили латку с авангардистами на самом видном месте, в центр картины. Не вписывается она сюда. Те трое — одно целое. А эта — как ромашка среди роз...

— Кто тогда ее убил?

— Я не знаю. Но вижу, что она в эти преступления не вписывается. Они с выдумкой. Одно это какое-то кургузое и нелепое. Это глупое переодевание. Допустим, что убил Софью Николай. Тогда это преступление спонтанное. Но он ее переодевает. Зачем на это время тратить? Значит, есть какие-то нюансы, нам непонятные, но которые это переодевание должны объяснить.

— Ничего не понял, — высказался Петька.

По лицам всех вижу, что никто меня не понял.

— В общем, объясняю доходчиво. Если ее убил Николай, то он сошел с ума. Тогда понятно, почему здесь нет никакой логики. В убийстве Софьи логики Николая нет. Ее приголубил кто-то другой. Более простой...

— А если есть логика?

— Задача с подтекстом? Может быть...

— Или ты ищешь черную кошку в черной комнате, а ее там нет.

— Там никого нет...

— Не знаю, как вы. Но я ничего не понимаю, — честно признался муж.

— И я тоже ничего не понимаю, но пойму. Просто задача с множеством неизвестных...

Мы подкрепились и решили пойти в лес на прогулку. Все вместе. Мама пыталась отказаться. Но мы настояли.

— Сколько можно сидеть дома в самом деле? Погода прекрасная. Мама, пошли погуляем, — попросила я.

— Да, тетя Лена. Пойдемте, а то потом я в школу буду уходить. Вас в лес вообще никто не выведет, — стал канючить Петька.

— Погода солнечная. Тепло, — подхватил Никита.

Август нынче всех порадовал своей теплой солнечной погодой. Хорошее лето было. И

дожди были только в самом начале, а потом настала жара. Но возле леса жара практически не ощущалась. Как лето пролетело, даже не заметили. А скоро вообще отдыхать некогда будет. Кафе и агентство все силы будут отнимать. А Никита еще и дома для нас и для родителей моих строить взялся. Поэтому и уговаривала я погулять всем вместе в лесу. Петька в школу скоро пойдет, если к матери своей не уедет. А то может и умотать. Он парень самостоятельный. Даром, что четырнадцати еще нет. Тогда маме вообще скучно будет в таком доме жить одной. Мама опять затеяла разговор про убийства. Не дают ей покоя эти жертвы. Мне и самой любопытно, кто убил тех троих. Это точно один человек. И я знаю, кто заинтересован в их смерти. Софья — отдельная песня. Это другой убийца. А вот кто по голове ударил старого ювелира, я знаю наверняка.

И только про дочку политика все забыли. Как я поняла, следователь опять приостановил дело о пропаже дочери политика. Да тот и сам почему-то затаился. Но что-то мне подсказывает, что дочка его жива и здорова. И даже неплохо себя чувствует. Пообщавшись с ее отцом, я стала ее понимать...

Никита бесился с Петькой: гоняли за палкой пса. Мы с мамой стояли и смеялись. Настолько они были похожи, как родные братья: оба высокие и плечистые. И оба веселые.

— Дочка, ты довольна своим замужеством?

— Ага. А почему ты спрашиваешь?

— Просто переживаю. Мне хотелось бы, чтобы ты была счастливой.

— Я счастлива.

— Уверена? Ты тогда не ошиблась, дав согласие?

— Нет, не ошиблась. Вот если бы Гену простила, то это была бы ошибка.

— Как хорошо, что его родители тебе нахамили! Какое счастье!

— Ну ты, мама, даешь! Твоей дочери нахамили, обозвали непотребно, а ты говоришь, что это хорошо...

— Знаешь, чем дольше живу, тем больше понимаю, что все, что ни делается в нашей жизни, все к лучшему. Вот уволил тебя сынок Палыча. А ты свое дело затеяла. Сама себе хозяйкой будешь. Вот обозвали тебя родители жениха. Ушла ты от него. А нашла другого. Он во много раз лучше. И ты с ним счастлива. Вот и получается, что не горе это было. А знак, что не твое это. И работа уже была не твоя, и жених не твой. Переросла ты их.

— Может ты права. Знаешь, у китайцев есть поговорка. Если перевести, она звучит примерно так: «Не трясина дерево с незрелым плодом. Когда плод созреет, сам упадет». Все происходит так, как должно быть и тогда, когда это нужно.

— Вот твой плод созрел и сам тебе в руки упал.

— На дорогой машине... И окатил меня грязью...

— Что ты хочешь? Это наша действительность. Скажи спасибо, что не на голову свалился. Не может же быть все хорошо. За такого жениха многие бы сами в грязь залезли.

— В чем-то ты права. Только мне не нравится, что он за моей спиной иногда действует. Я бы хотела сначала посоветоваться, а потом делать. Я же за его спиной не решаю, что ему лучше. Я его спрашиваю, а он меня нет.

— Это в нем мужское начало говорит. Вот он о тебе и заботится.

— Иногда он чересчур заботливый. Даже тошно...

— И это хорошо. Значит, любит...

Поговорили с мамой по душам. Парни набегались, пес тоже. В общем, прогулкой все довольны. На завтра мама попросила нас съездить на рынок и купить продукты по списку.

Встали мы рано утром. На небе ни облачка. Синоптики обещают сегодня жару. Пекло адское будет днем... Это с чего так природа расщедрилась? Мы стали собираться. Вдруг кто-то стучит в дверь. Наши все входят без стука. И кто это может быть? Оказалось, это Петька. Мама прислала нам его в помощь. Пса оставили дома: на рынке не до него будет. Петька упросил нас съездить и проведать его мать. Мы согласились. Проведали. Она опять беспробудно пьет, и уже новый воздыхатель вокруг нее крутится.

— Как бы квартиру не пропила, — озаботился Никита.

— Не пропьет. Там Петька прописан, и его доля есть.

— Вдруг она куда в долги залезет?

— Не бойся. Ей опекунский не даст разрешение на сделку с квартирой. Они в курсе ситуации. Так что здесь ничего у аферистов не выйдет.

— Ты как, Петруха?

— Нормально.

— Где останешься?

— В доме в поселке.

— Уверен?

— Уверен. Маме все равно, где я. А мне вместе с Грейсом хорошо там жить. Спокойней...

Вот это самое страшное, когда ребенок понимает, что родителям все равно. Раньше Петька хоть плакал, когда понимал, что ей плевать на него. А теперь просто констатирует факт и даже не расстраивается. Допрыгалась соседка. Скоро и сыну станет все равно, жива она или нет...

Приехали на рынок. Мы, ничего не подозревая, ходим по рынку. Смотрим и прицениваемся. Задача перед нами была поставлена простая: закупить продуктов согласно составленному мамой списку. Жарища. Мы то и дело к бутылке с водой прикладываемся. Вспотели, устали и, честно говоря, запарились рыскать по рынку.

Рядом семенит старенькая бабушка, божий одуванчик. Ходит по рядам и пробует все, но ничего не покупает. Меня толкнула, будто бы случайно. Смотрю, а у бабки взгляд-то цепкий. Как приценивается ко мне. Такой взгляд бывает только у карманников со стажем или у милиционеров. Сочла меня не подходящей добычей и пошла дальше. Толкаю Никиту и показываю глазами на бабульку.

— Смотри, что сейчас будет.

— А что будет?

— Спектакль под названием «Ой! Мне плохо!»

— Думаешь, воровка?

— Она самая. Вычислить бы напарника...

— Я за бабкой буду наблюдать, а ты смотри, кто кошелек станет тырить.

Петька стоит и нас слушает. И тоже стал смотреть по сторонам. Мне в помощь... Вдруг бабулька бухается в обморок рядом с разряженной толстой теткой. Все сразу метнулись к бабке: плохо стало одуванчику, надо ей помочь. Сумки свои оставили без присмотра и рты раззявили. Какие же у нас все люди добрые... и наивные. А еще любопытные и доверчивые...

Тем временем проявилась напарница бабки и стала тырить кошельки доверчивых граждан. Когда мы это увидели, от наглости такой остолбенели. Быстро просекли, куда она с

добычей драпать станет с рынка. Никита пошел задерживать бабку. А я с Петрухой ловить воровку.

Воровка намного больше меня, толще и наглее. Ишь, как раскормилась на ворованном. Ей никак нельзя попадать в полицию, поэтому бежала она так быстро, как только могла. Но худая лань бежит быстрее жирной. Вот и я быстро догнала воровку. А за мной и Петруха поспел. Жирная идиотка попыталась драться, но была нейтрализована моим хуком справа. Пока Петька вызвал полицию, пока мы ее сдали. У нее все деньги обнаружили. Да и кошельки она руками залапала и отпечатки не стерла. Тупица...

Скинула она лопатники по пути отступления с места кражи. Куда она сбросила кошельки, Петька полиции показал. Те обрадовались: столько свидетелей, и пальчики свежие на кошельках остались. Не день для полиции, а праздник какой-то. На пустом месте и преступную шайку поймали, и дело на месте раскрыли без всяких усилий. Осталось только документально оформить. Свидетелей полный рынок. Не отвертеться воровкам...

А Никита тем временем любыми способами старался удержать бабку на месте. Она порывалась встать и уйти. Вроде в себя пришла. Не сразу до нее дошло, что ее поймали. А когда свою напарницу с полицией увидела, таким взглядом нас одарила... Короче, оказалось, что бабка этой девице родная. Она с внучкой уже несколько лет так промышляет по разным рынкам и магазинам. И вот такая незадача случилась. Поймали воровок на горячем...

И ведь не подумаешь, что старуха — организатор воровской шайки. Бабка по молодости воровала и из тюрем не вылезала. И в старости себе достойную смену подготовила. Получается, что старость не всегда честная. Бывают и вот такие старушечки. Старухи Шапокляк. И знаете, что странно. Эта старуха, на которой пробу ставить негде, воруя всю жизнь, отсидев много лет по тюрьмам, пенсию от государства приличную получает. Представляете, какая наглая и циничная старуха? У этих зечек даже своя философия. Вы думаете, что бабке стало стыдно, когда ее поймали? Покраснела и каяться стала старушечка? Нет! Она стала называть себя санитаром общества и учителем, который учит жизни раззяв и доверчивых дурочек. Такая вот история с нами сегодня приключилась...

Освободились мы только вечером. Пришли на рынок, а там остался какой-то неликвид. Из чего мы сделали вывод, что надо было кому-то из нас заниматься покупками, а кому-то воровок ловить. А мы лоханулись с Никитой и не дали Петрухе полномочия по покупке продуктов.

Едем домой и рассуждаем. С пустыми руками домой едем. С одной стороны воровок поймали и людям деньги вернули, а с другой стороны сами ничего не купили. И есть будем сегодня и завтра то, что дадут. И завтра на рынок придется опять ехать...

Приехали домой поздно. Мама уже не знала, что думать. Когда стали рассказывать, она сначала смеялась, потом огорчилась. И сказала, что завтра все равно нам на рынок ехать придется. Продуктов почти нет. Хотя почему нет? Мы в магазин наш заехали и кое-что на сегодня купили...

Поздно вечером позвонил Михаил и сказал, что пора принимать его работу. Они сегодня все закончили. Решили завтра ехать все вместе в кафе: мы с Никитой будем принимать выполненную работу и расплачиваться с рабочими, а мама с Петькой в качестве группы поддержки. Должен же кто-то со стороны оценить талант Михаила. Мы лица заинтересованные и видели сам проект. А мама с Петькой оценят работу как потребители. Тем более, что Петька видел помещения в первоначальном виде до ремонта. Ему есть с чем

сравнить. Так сказать, взгляд со стороны. И посмотрим, совпадают ли наши мнения.

Рано утром к нам прискакал Петька.

— Тетя Ира. А нам парадную одежду надевать?

— Зачем?

— Мы же будем кафе открывать.

— Петька, мы не чиновники и резать ленточки не будем. Так что будь в том, в чем хочешь.

— Я думал, что там будет все торжественно.

— Нет, не будет. Просто осмотрим и расплатимся.

— И все? И кафе станет работать?

— Нет. Еще мебель надо расставить, оборудование специалисты должны подключить.

На это еще дня два уйдет.

— К школе-то вы работать начнете?

— Наверное... Надо с партнерами поговорить, что они скажут. Не одна я здесь решаю.

— Ладно. Я побежал. Нас не забудьте.

— Забудешь тебя, как же...

Когда подъехали к кафе, там уже были и Востриковы. И часть поварят, которых Альбина Владимировна отдала своей дочери. Самыми лучшими пожертвовала... Зашли в помещение, и все дружно ахнули, а потом загалдели и заговорили на разные голоса.

— Обалдеть.

— Красотища.

— Нет, ну я понимала, что будет красиво, но чтобы так...

— Отпад.

— Как классно...

Это только часть восхищенных отзывов. Поварята стояли, разинув рты. Они знали, что их отдают «в рабство» в новое кафе, но что здесь будет так здорово и стильно, даже не мечтали. Они думали, что будут трудиться в простом кафе. Альбина Владимировна им сказала, что они могут вырасти в своей профессии и сами должны заработать себе репутацию.

Петька бегал по залам, рассматривал все, трогал. Мы просто чинно обошли все помещения. Нам понравилось. Никита пошел с Михаилом рассчитывать и выдать рабочим зарплаты. Рабочие стояли и не верили, что им сразу выдадут все деньги. Их часто обманывали заказчики. Хотя многие знали заказчика, но все равно сомнения были...

В общем, день прошел хорошо. С рабочими рассчитались и с Михаилом тоже. Тот отпросился домой, чтобы маму обрадовать и лекарства купить. Сказал, что завтра будет на работе как штык. Рабочим дали два дня отдыха, а потом Никита забросит их на дом. Там работать будут. Петька забежал домой, чтобы проведать свою мать. У нее все было без изменений. Она пьянствовала.

Никита договорился, что завтра завезут мебель в кафе. Поставщики оборудования тоже согласны были завтра начать монтаж. Сказали, что за два дня управятся. Значит, два дня Никита будет занят в кафе до позднего вечера. А потом пришел главный инженер. Посмотрел все, что мы натворили, поцокал языком и позвал меня в управление зайти. Одну. Честно говоря, заинтриговал он меня. Я хотела идти, но Никита меня одну не отпустил.

— Хороший ремонт сделали. Не ожидал. Думал, стены покрасите и все, — завел

инженер разговор издали, когда мы пришли в его офис.

— Мы решили подновить интерьер. Просто дизайнер хороший...

— Опять хвалишь кого угодно, только не себя.

— Пусть меня другие хвалят.

— Много тебя Палыч хвалил?

— Много. Было дело...

— А платил мало. Или я ошибаюсь?

— На тот момент нормально. Можно вопрос?

— Валяй.

— А вы чего кругами ходите? Давайте сразу к делу.

— Ну, давай. Тут Палыч просил меня с тобой поговорить.

— Почему Вас?

— Он просил меня устроить с тобой встречу. Ты же знаешь, что я к тебе хорошо отношусь.

— И к нему тоже. Почему он сам не спустился в кафе?

— Чувствует, что жопа замарана...

— Откровенно.

— А чего юлить. Все же видели, кто на самом деле пахал и кто агентство с нуля поднял.

Просто Палыч переоценил своего сына. В этом его беда...

— От меня он что хочет?

— Хочет дальше работать с тобой.

— Я не хочу.

— Поговори с ним. От тебя не убудет. Ты же всегда доброй была. Выслушай хотя бы, что он скажет.

— Я с ним работать не буду.

— Понятно. Ну как? Поговоришь?

— Поговорю. Почему бы и нет... Только зря это. Не договоримся мы...

Спустились на этаж, где было наше агентство. Там никого наших не осталось? Ходят по этажу какие-то длинноногие девицы. Ощущение, что это не рекламное агентство, а модельное. И девушки выйдут на подиум. Хоть сейчас на конкурс красоты выставляй... Я себя среди них карликом ощущаю. Что девицы ели, чтобы так вырасти? А они время даром не теряют. Никиту глазками обстреливают и оценивают. Откуда у них это умение в уме посчитать стоимость прикида потенциального спонсора. Говорить с ними начинаешь. Они дурочками прикинутся, а сами клиента оценивают: в голове калькулятор складывает и умножает.

Они Никиту приняли за заказчика. И уже прикинули, сколько он может отстегнуть на провальный проект. Если не на проект, то лично им на «духи». Перспективный парень. Он, кроме прочего, еще и красивый. Не пердун какой-то старый. Они и поработать готовы для этого. И отнюдь не головой...

Пал Палыч сильно постарел. За один год на десяток. Сдал, бедолага. Хотя я его понимаю. Бизнес так бездарно просрать, как сделал его сын — это надо иметь недюжинный талант.

— Ну что, явилась? Полюбоваться пришла на дело рук своих?

— Почему моих? Я в агентстве с прошлого года не работаю. Когда я отсюда уходила, у вас было много заказов, и агентство было успешным. Не по адресу претензия.

— Так ты отомстила сыну, что он тебе отказал?

— Это уже интересная версия. Вам Виталик так преподнес мой уход? У меня жених был. И я вашему сыну отказала, а он стал мстить и меня уволил.

— Врешь! — выкрикнул он, а по глазам видно, что верит и правду знает.

— Почему же вру? К вам ваши работники приходили и все рассказали.

— Они тоже врут.

— Все врут! Все пид@расы! Один Виталик — Д'Артаньян. Вы поговорить хотели? Говорите конструктивно. Спорить не вижу смысла.

— Вернись в агентство.

— Нет. Не потому, что ваш сын ко мне приставал, а мне это было противно. Не потому, что он меня незаслуженно уволил. Вы уволили людей, которых я собирала. Которые все здесь создавали. И уволили их только за то, что они посмели вам правду сказать про вашего сына. Вы же знаете, что он не полностью со мной рассчитался. Проекты, мной сделанные, использовал и моим именем прикрывался. Вы мне даже не заплатили за мою работу. Значит, готовы обманывать. А с пройдохами я работать не хочу и не буду. Мне проще свое агентство открыть.

— Так вот ты зачем заказчиков переманила.

— Слушайте, Пал Палыч. Вот вы вроде трезвый, а чушь несете. Если бы я заказчиков переманивала, вы разорились бы намного раньше. И месяца бы не прошло. Мне даже делать с вами ничего не надо. Вы решили дать сыну карт-бланш. Он порулил так, что ваше агентство самоликвидировалось. У него талант. Сдавайте его в аренду конкурентам, кого хотите разорить. Ему в этом нет равных. В этом плане он гениален.

— Пошла на...!

— Вот и поговорили...

— Чтобы ноги твоей не было в моем агентстве!

— Как скажете.

Пал Палыч еще много чего обидного кричал мне вслед. Такими «добрыми» пожеланиями сыпал. Главный инженер шел рядом красный, как рак. Понятно, что ему неудобно. Не на такой разговор он рассчитывал...

— Он же не был таким, — удивляется главный инженер.

— Был. Только тогда он был на коне, поэтому доволен был жизнью.

— Я вас примирить хотел.

— Знаю. Вы нам добра хотели...

— Ирина, ты-то тут не при чем. Его же сын на ноль опустил.

— Я знаю, но он думает иначе. Потеря денег лишила его способности здраво мыслить. Он обеднел, залез в долги и ищет виноватых. Желательно найти виновного на стороне.

— Завтра вызову его и расторгну с ним договор. Или аренду подниму...

— Зачем? Он на днях съедет.

— Почему ты так решила?

— Он сейчас последний шанс профукал. Остается съехать из дорогого офиса, иначе залезет в большие долги. Этого он себе позволить не может.

— Он с тобой не рассчитался?

— Часть зарплаты зажал и премию не отдал. Мои проекты использовали без моего согласия. Да я не в претензии. Хорошо, что меня тогда его сын уволил. Хоть истерик этих не слышать...

— И часто он так истерил?

— Это еще не весь арсенал. Погодите, он сейчас бить будет все, что под руку попадет.

И в людей швыряться...

— Чем?

— Всем. Планшетами, телефонами, пепельницей... Что под руку попадет, тем и запустит...

Возле лифтов мы с ним распрощались. Он поехал к себе в офис, а мы в кафе. Ему было неудобно и стыдно. Я сказала, чтоб он не заморачивался. И если за всех переживать, то работать будет некогда.

— Вернусь и по морде ему надаю! — закипал Никита.

— Никита, оно тебе надо? Не обращай внимание...

— Как это не обращай. Он тебя оскорблял.

— Это он от бессилия икру мечет. Пусть поматерится и пар выпустит.

— Ему это не должно пройти безнаказанным.

— И не пройдет. Вообще хорошо, что он так выступил.

— И что тебя оскорблял — хорошо?

— Не поверишь, но я считаю, что отлично.

— Почему?

— Потому, что мне теперь его не жалко.

— А до этого было жалко?

— Было. Я даже помочь ему выкарабкаться хотела.

— А теперь перестала жалеть? Ну, тогда точно хорошо.

Никита все равно был злой: ему казалось, что он меня не защитил. Я ему объяснила, что Палыч сейчас загнан в угол и готов на любую подлость. Поэтому я инженера и попросила с нами пойти, что провокации боялась. Чтобы свидетель был паскудному поведению Палыча. И на слова его не надо обращать внимание. Это уже крики утопающего, который сам зимой полез в прорубь топиться...

Я шла и радовалась. Правда, по моему внешнему виду это нельзя было сказать. Лицо хмурилось, а душа пела... Рядом шел Никита и обнимал меня за плечи. Он думает, что я расстроилась. А я ликовала!

Когда пришли с мужем в кафе, мама полезла с расспросами. Что да как. Посторонние уже ушли. Востриковы тоже отправились к себе в свое кафе. Остались только мы. Я маме рассказала, что произошло. Она обрадовалась, что с нами был свидетель

— Инженер видел его истерику? — спросила она.

— И видел, и слышал. Палыч так матюгался. От души меня приложил.

— Странные вы люди. Тебя обматерили, а вы радуетесь, — высказался муж. Никита ничего не понимает...

— А мы Палыча хорошо знаем.

— Я радуюсь тому, что он сейчас начнет все вокруг крушить.

— Иришка, там же стеклянные перегородки. Он поранит кого-нибудь.

— Вот и будет, где ему разгуляться. Погоди, сейчас народ рванет из их офиса. Это значит, что он разбушевался.

— И ты такого психа терпела? Ну у тебя и нервы! — удивился муж.

— При мне Палыч всего два раза так бушевал. В самом начале, когда агентство открывалось только. Но это было феерично!

— Настолько захватывающее зрелище?

— Я бы сказала, что сногшибательное зрелище. Он материл всех, топотал своими ножками и орал с пеной у рта. В интернет выложить, будут миллионы просмотров. Впечатление такое, что у человека бешенство: слюна капает, сам глаза выпучил. Люди в страхе разбегаются...

Мы с мамой уединились в офисе при кафе. Туда уже привезли диван и компьютерный офисный стол для бухгалтера. Есть где посидеть и спокойно поболтать. Приготовили кофе и сидим, лясы точим. Думали, что Никита планирует, куда и как расставить мебель, куда впихнуть оборудование. Или недоделки рабочих высматривает. Они с Михаилом договорились, что если что-то всплывет, то недоделки рабочие устранят за их счет. Через полчаса хватились, что его долго нет.

— Знаешь, как бы он не пошел с Палычем разбираться.

— Да нет. Он на такую глупость не способен. Он у меня умный.

— Палыч сейчас крыса, загнанная в угол и может пойти на подлость.

— Мам, я ему объяснила.

— Пойдем, посмотрим, где он пропадает... Как бы дел не натворил.

Вышли в зал. А там Никита ходит и что-то по углам высматривает.

— И как, нашел недостатки?

— Пока нет. Может, в процессе проявятся. Тогда Миша переделает.

— Знаете, дети мои. Это хорошо, что честного человека работой снабдили. Загнулся бы он на стройке. А так и нам хорошо, и ему, и маме его.

— Нам самим от Михаила выгода. Такой ремонт забабахали. По нынешним меркам за копейки.

— Ты сюда приплюсуй деньги, затраченные мной на покупку проекта. Не так-то и дешево получается. Но в одном ты прав: такой шикарный ремонт за смешные деньги...

Смотрим, Петька откуда-то прискакал. Мы думали, что он к матери своей побежал проведать. Довольный идет и сияет от счастья...

— Где гулял? Да еще так долго.

— Наверх ходил.

— К Палычу?

— Ага.

— Зачем?

— Снять хотел, как он кричать будет.

— Снял?

— Ага.

— Покажи.

— Я вам уже всем скинул на телефоны.

— Наши телефоны в бухгалтерии. Идти лень. Показывай. Не жмись...

Петька вытащил свой телефон. Сказать, что видео было шокирующим, это ничего не сказать. Петька, хитрюга малолетний, снял и то, как Палыч со мной разговаривал. И то, что он мне вдогонку орал. Как мы чинно и гордо удаляемся. И как он потом орал и бушевал. Видео получилось убойным.

— Ты откуда снимал?

— Места знать надо.

— Ты же от него огрести мог по самое не балуйся.

— Мог.

— Правдолюбец. Как мы за тобой не уследили. Отомстить хотел?

— Обидно было за вас. Он же вас кинул на деньги. И еще орать посмел...

— Не надо было. Ты рисковал.

— Знаю, но правда дороже.

— Он сейчас там все разрушит, и его завтра отсюда вышвырнут. Я его и так наказала. За меня грязную работу инженер бы сделал.

— Я в интернет это скину. Пусть потом попляшет.

— Защитник ты наш... И правда, смешно он ножками топает. На музыку положить — такая зажигательная джига получится. Прославится...

— Сделаю, — пообещал Петька. Ему сама идея понравилась.

— Вы посмотрели комедию в трех действиях...

— Вернее будет сказать, трагикомедию с Пал Палычем в главной роли.

— Что вы хотите? Он наконец-то понял, что его фирме конец.

— А до этого до него не доходило?

— До этого у него была надежда. Хоть маленькая, но была.

— Смотри, как бы завтра он сюда не пришел с целью поскандалить.

— Не посмеет. Завтра здесь слишком много народа будет. И Иришки здесь быть не должно, — заявил Никита.

— Ему завтра не до этого будет. Пусть спасибо скажет, если его сотрудники на него в суд за оскорбления не подадут. И в Елену он чуть пепельницей тяжелой не попал. Она его по судам затаскать может.

— Хорошая идея, — пробубнил Петька. Ему все мои идеи нравятся.

— Неужели тебя так задело, что меня Пал Палыч оскорблял? Вот мне лично пополам на это. Я знаю, от чего он ярится. И знаю, что он говорил ложь. Поэтому обидеть меня он не может. И ты наплюй. Не парься по пустякам.

— Отомщу и наплюю. Положу на музыку и дам совет работникам подать на него в суд. Пусть люди посмеются с такого начальника, — пробубнил Петя.

— Петька, на кой черт он тебе сдался? А ты мстительный. Упаси меня бог с тобой ссориться, — высказалась я.

— Хочу осложнить ему жизнь, чтобы он к тебе не лез.

— А Петька прав. Ты у нас, Иришка, добрая и великодушная. Но Палыч тебе напакостить может. Он такой... — согласилась мама с Петькой.

— Делайте, что хотите. Только меня в эти разборки не втягивайте...

Умеют мои близкие испортить настроение. Меня лично Палыч своей истерикой развеселил. Я давно уже на его психозы научилась не обращать внимание. Просто представляю его пупсом голым. Помните, были такие бесполые пупсы голенькие в советском прошлом? К ним еще ванночка прилагалась, где этого пупсика голенького советские девочки могли мыть. И настолько это выглядит смешно. А еще этого пузана можно в ванночку поместить. Этот простой психологический прием много раз мне помогал.

Как остальные работники, я от швыряемых им предметов не бегала. Сидела на своем месте и работала. Да и истерики закатывать я его быстро отучила. Какой смысл истерить, если это никто по достоинству не оценит?

А тут девицы у него все нежненькие. Он рычит, а они на видео бегают от него: прячутся, повизгивают от страха, кудахчут. Цыпочки. Кому как, а я это видео почему-то

восприняла как сексуальные игры начальства с его курочками. Он Великий Петух. Бежит, грозит их оттоптать. Они от страха и возбуждения притворно пытаются убежать и визжат. Вернее, кудахчут... Плохие они актрисы. Ненатурально они визжат. И взгляд у них не испуганный. Они бегут, а сами в уме подсчитывают, как завтра его на деньги обуют. Шибко жадные у него сотрудницы. Это я видела на видео. И ничего другого... Если им кто-то подскажет начать таскать шефа по судам, они за эту идею схватятся. Жалко мне бедолагу. Закатают они его в асфальт. Троица о чем-то договаривалась полусшепотом. Может, меня послушают и не станут добивать бедолагу.

— Ну, мы вроде все обсудили. Пора домой, — засобиралась мама.

— Никита, здесь надо будет установить видеокамеры и объявления об этом повесить.

— Я со службой безопасности центра переговорю.

— Никогда не помешает видео иметь... А то мало ли...

— Ладно, тетя Ира. Я не буду ему гадить, но если он сам начнет, тогда я сделаю, как посчитаю нужным, — сказал Петька.

— Договорились. Сами не нападаем, но если Палыч начнет военные действия, то мы ответим из всех орудий, — поддержала мама.

— Залповым огнем, — согласился Никита.

Хорошо, что ко мне прислушались. Я не хочу брать грех на душу и добивать человека. Пусть даже такого, как мой бывший шеф. Домой приехали поздно, поели на скорую руку и пошли по домам спать. Вроде ничего не делали, но устали, как будто вагоны разгружали.

На следующее утро я проснулась в постели одна. Никита уже ушел в кафе. Мама сегодня дома у себя хозяйничает. Петька поехал в кафе с Никитой мебель собирать и расставлять. Рукастый парень растет. Пойду и я в гости...

— Мам, ты дома?

— Дома. Где ж мне быть?

— Ты в магазин не собираешься?

— Ты лучше сама сходи.

— Список готов?

— Готов. Только сильно не нагружайся. Возьми по минимуму.

— Как скажешь...

Пошла в магазин. Настроение на нуле. Все-таки выбила меня из колеи истерика бывшего босса. Дошла до магазина. Смотрю, бабульки шепчутся. Новую сплетню смакуют? Кому теперь обмывают кости? Зашла в магазин. Там первым делом продавщица новость расскажет...

— Новость слышали?

— Какую?

— Марию Ивановну избили.

— Кто? За что? Кому бабулька дорогу перешла?

— Неизвестные. Да так сильно...

— Она в больнице?

— Нет, дома осталась. От госпитализации отказалась.

— А подозревают кого? Что участковый говорит?

— Неизвестные лица, говорит.

— Дожились. Уже бабулькам проходу разбойники не дают. Ее ограбили?

— Не было при ней денег. Она к подружке Нюре шла, чтобы проведать. А тут налетели и с ног сбили.

— С ног сбили или побили?

— И сбили, и побили. Даже пнули пару раз.

— Переломов нет?

— Врачиха сказала, что нет.

— Скорую не вызывали?

— Не вызывали. Врачиха приходила и сказала, что ничего страшного.

— Ладно. Мне к чаю, как обычно. А вы не помните, что она к чаю берет?

— Она к чаю самое дешевое печенье берет или пряники простые. А облизывается вон на те печенья в коробочке. Однажды отважилась было купить, потом, видимо, подсчитала, поняла, что не потянет, и передумала. И конфеты вон те. Дорогущие, правда...

— Тогда печенья, на которые она смотрела, конфеты и пряники, которые повкуснее.

— Чай возьмете?

— А какой она пьет?

— Самый дешевый. А любит вон тот. Все придет сюда и вспоминает, как его один раз разорилась и купила. Но не по деньгам ей нынче.

— Тогда и этот чай. А почему ей не по деньгам?

— Она почти все деньги на сыночка тратит. Тот у нее непутевый...

— Понятно. Как вы запоминаете, что бабули любят? Их же много...

— Так они мои покупатели, вот и запоминаю.

— Спасибо за помощь.

Вышла из магазина с покупками. Бабульки на меня все разом уставились. И чего смотрят? На мне узоров нет. Иду в гости к Марии Ивановне. Как сквозь строй прошла. Новые новости сейчас обсуждать будут. Даже могу сказать, как преподнесут. Мол, чего это мы к бабкам зачастили. Не иначе, обобрать собрались старушек. А я просто чувствую свою вину. Не из-за нас ли ей прилетело?

— Мария Ивановна, можно к вам в гости?

— Можно.

— Я войду?

— Входи.

Я вошла. Увидела ее. Мама дорогая... Да она же вся синяя. Пинали и били кулаками. Не иначе. Это сегодня синяя. А завтра вся фиолетовая будет и местами даже коричневая. Надо бы ей мазь от синяков принести... Долго думать не стала и вызвонила маму. Она и захватит все мази. Спустя десять минут мама приехала со своим чемоданчиком. Захватила мази и таблетки. Осмотрела бабулю. Дала мазь от синяков. Проверила давление. Пыталась уговорить лечь в больницу, но бабулька наотрез отказалась.

— Кто же тогда о Нюре побеспокоится.

— О вас кто побеспокоится? Вы ей помочь не сможете в таком состоянии.

— Ничего, отлежусь. Меня муж еще не так колотил...

— Вас муж колотил? За что?

— Дело давнее. Вы выпытывали, кто были любовницы председателя.

— Спрашивала.

— Я одной из многих и была. Был грех.

— Так он ходок был?

— Ходок он был хороший, но мужик так себе. Зря я с ним связалась. Никакого удовольствия не получила. Даже противно было.

— Странно. Мужик симпатичный был.

— Внешне — да. Но в постели с ним было противно. И он вонял.

— Чем вонял?

— Козлом. Зря я с ним мужу изменила. Ой, зря...

— А муж узнал и вас побил?

— Нет. Мужу донесли, и он стал меня избивать.

— Постоянно?

— Часто.

— Кто донес?

— Обманутая жена.

— Зачем?

— Хотела отомстить, наверное. Чтобы я знала свое место.

— У меня вопрос. За что вас избили?

— Не знаю. Не могу понять.

— Вы никому не рассказывали, о чем мы вас спрашивали?

— Нет, не рассказывала.

— Неужели у нас стали бабулек бить? Зачем? Вас не ограбили?

— Не было при мне денег.

— Тогда вообще ничего не понятно. Кому это надо? Зачем?

— Они меня избивали и снимали на телефон.

— На телефон снимали? Вот уроды!

— Ты их знаешь?

— Да нет. Просто у молодых идиотов новое развлечение. Они для хайпа снимают избивание человека на телефон и выкладывают в интернет. Поймаю гаденьшей...

— Думаешь, совпадение?

— Может, был и заказ на избивание. Но кому это надо? Я вам здесь к чаю принесла. Пейте, ешьте, отдыхайте. Может, сварить что-нибудь?

— Не надо. Сама встану и приготовлю.

— Я к тете Нюре сама зайду. Вы лежите и отдыхайте...

Попрощались и поехали ко второй старушке. Тетя Нюра ждала подругу со вчерашнего дня, но та не пришла. Что с ней случилось, она не знала. Была в ужасе от известий и решила идти к ней в гости. Пришлось ее везти. С гипсом она не скоро бы до своей подруги добралась. Они сели разговаривать. Тетя Нюра осталась с подругой и решила у нее заночевать. Договорились, что если будет хуже, она для нее вызовет скорую. А мы попрощались и поехали домой. Дома мама уже стала говорить откровенно.

— Ирина, ты думаешь, что это не случайно?

— Что именно?

— Избили ее специально?

— Наверняка. Понять бы, за что или зачем.

— В смысле?

— Это бабушке за болтливый язык прилетело? Заказали ее избивание хулиганам? Или просто кто-то похайпиться захотел. И она случайная жертва.

— Что такого она могла вам рассказать, чтобы заказать ее избивание?

— Может, она знает что-то, но пока не рассказала. Я не знаю, за что ей прилетело и от кого. Поймаем, узнаем.

— Если били просто для развлечения... Она же старая. Они разве не понимают, что они ее убить могли? Просто одним ударом убить...

— В этом весь смысл. Они налетают на ничего не подозревающих людей, которых даже не знают. Бьют и снимают на телефон ради просмотров.

— И что это им дает?

— Деньги.

— Откуда?

— Их смотрят такие же придурки. И платят за просмотр. Донатят. Или они зарабатывают на рекламе. Это те, у кого много подписчиков и просмотры зашкаливают.

— И кто этим занимается?

— Подростки, кто же еще. Или недоросли, которым лет много, ума мало.

— Ужас. Куда мы катимся...

— В пропасть. Ладно, мам. Я тут продукты купила. Ты меня покормишь? А то готовить лень. Да и время на готовку жалко.

— Покормлю. Иди, мой руки.

Пока я ела, мы с мамой успели обсудить вчерашнее поведение бывшего шефа. Пришли к единому мнению, что он идиот. Притом клинический...

— Мама, ты думаешь, что он станет нам пакостить?

— Уверена.

— С чего такая уверенность?

— Его легко просчитать. Он на подлость способен и жадный сверх меры.

— Я думала о нем лучше. И все равно первой не хочу с ним воевать.

— Мы тебе вчера все сказали. Если он начнет гадить, то получит ответ...

— Понятно. Терпилой я тоже быть не хочу и не буду. С ним тогда Петька разберется. Он еще умудрится о нем видео снять, если тот опять станет бушевать.

— Вовремя ребенок подсуетился.

— Кстати, ты заметила, как они с Никитой спелись?

— Вот это и пугает. Как бы они не объединились...

— Тогда горе нам, женщинам?

— Зря смеешься. Он сейчас уже своенравный. Что дальше будет?

— Да ладно, мам. Ничего не будет. Перерастет, как все подростки. В этом возрасте у всех бунт в голове. Петька еще вполне приличный экземпляр.

— Ну да. Не бегает и бабок не бьет ради хайпа.

Поздно вечером приехали Петька с Никитой. Оба довольные и уставшие. Петька что-то порывался рассказать, но Никита на него цыкнул, и тот замолчал. Это уже интересно. И что у них за секреты от нас появились?

— А вы чего такие довольные? — спросила и жду ответа.

— Поработали хорошо.

— Да? А мне кажется, что-то случилось.

— Что случилось? — спросил муж и так преданно мне в глаза смотрит.

— Не знаю, Никита. Вам лучше знать. Но судя по тому, как Петька из штанов выпрыгивает, ему хочется рассказать что-то крайне интересное. Думаю, что-то в кафе произошло.

— Да ладно уж. Рассказывай, — разрешил Никита Петьке.

— Правильно. Он все равно бы проболтался. Рассказывай, Петруха.

— В общем, сегодня к нам Палыч приходил.

— В кафе?

— Не в само кафе. На улице орал, что ты его подставила.

— Чем это?

— Его сегодня попросили съехать добровольно и оплатить причиненный офису ущерб.

— А иначе?

— А иначе его потащат в суд за порчу имущества и стребуют громадную неустойку. А еще привлекут за хулиганство. Подставила ты его!

— Во дает! Значит, все в агентстве расколошматил он, а подставила его я? Нормальная логика у человека...

— Он пьяный приходил.

— Значит, пить начал. Нет, чтобы собраться и работать начать.

— Он кричал, что ты его разорила.

— Чем?

— Тем, что ушла из агентства.

— Так меня же его сын уволил. Мам, ну и что на это скажешь?

— Переносит ответственность на тебя. Уловка слабых мужчин — искать виноватых на стороне.

— На себя бы посмотрел в зеркало и увидел бы виноватого. Искать не надо. Это он совершил главную ошибку: дал бразды правления своей фирмой некомпетентному, самовлюбленному дилетанту, своему сыночку.

— Его версия, что виновата ты и только ты.

— Нормально. И что еще он кричал?

— Да много чего кричал. Потом бутылкой витрину разбил.

— Нам в кафе?

— Нет, соседнюю, — сообщил радостно Петька.

— Косоглазый у тебя шеф... — это уже высказался Никита.

— Не смешно. Это же надо так опуститься. Не ожидала.

— А я ожидала. Поэтому тебя и предупреждала, что это еще не конец, — высказала мама. Она осталась при своем мнении, что будут нам еще от Палыча неприятности.

— Его полиция в кутузку забрала.

— Заслужил. Чего на меня так смотрите? Ну хорошо. Вы были правы, а я была не права.

Они между собой стали переглядываться. И мама тоже в этих гляделках принимает участие.

— И что? Я здесь одна такая... доверчивая? — спросила я.

— Иришка, а ты помнишь, что мы решили? — поинтересовалась мама.

— Помню. Если он не отстанет, вы бьете из всех орудий залповым огнем.

— Так мы приступаем? — уточнил Петька.

— Давайте. Все равно же по-своему сделаете.

— Оба видео скидываем для просмотров?

— А есть второе видео? Покажите.

Петька дал посмотреть. Вот на этом видео мне стало бывшего босса жалко. Он был таким ничтожным и противным. Расхристанный какой-то весь. Неухоженный. Наверное,

вчера сидел в офисе на развалинах офиса и праздновал свое банкротство...

— Может, второе не надо?

— Мы думали скинуть второе, но не сразу.

— Почему не сразу?

— Чтобы интерес не пропал. Лайков собрать побольше.

— Кстати, Петька, ты можешь найти видео в интернете?

— Какое?

— Тут Марию Ивановну избили.

— Кто?

— Хулиганы. Пока так их назовем. Я думаю, эта жесть для хайпа снята.

— Вполне возможно. Они били и снимали на телефон?

— Угу.

— Значит, это точно для донатов. Это местные.

— Значит, местных надо прошерстить.

— Мария Ивановна их не видела?

— Нет, они сзади на нее напали. Свидетелей не было.

— В переулке подкараулили?

— Угу. Так найдешь?

— А Макс почему не может найти?

— Он работой пока занят. Я его и так под завязку нагрестила.

— Чем ты его нагрестила? Когда успела? — это встрял в разговор мой муж.

— Давно. У Макса много работы. Надежда только на тебя, Петруха.

— Если не обнаружу?

— Подпрягу Макса.

— Если и он не обнаружит?

— Значит, это были нанятые люди и выполняли заказ.

— Чей?

— Если бы я знала, я уже бы действовала.

— Как тетя Маша себя чувствует? Давайте к ней заедем? — сказал Петька. Жалко ему бабулек.

— Мы у нее были. Завтра навестим. Как в кафе работа продвигается?

— Завтра оборудование до конца установим и подпишем бумаги. Можно вызывать проверяющих и начинать работать, — отчитался Никита.

— Хорошо.

— Ты с нами завтра в кафе не поедешь?

— Нет. У меня и тут дел невпроворот. Еще к бабулькам зайти надо.

— Тогда по домам? Мама, спасибо, все было очень вкусно. Балуете вы нас. Разленится моя жена и разучится готовить.

— Не бойся. Не разучусь. Пока, мам. Петя, не забудь видео поискать...

— Не забуду.

Мы ушли усталые, но довольные собой. Дома мне Никита уже в красках рассказал все, что не попало в кадр. Оказывается, Палыч скандалил долго. Просто Петька не сразу догадался записать на видео пьяного скандалиста. Там такие симпатичные пассажи были. Я слушала Никиту и хохотала. Повеселил шеф Никиту.

— Жаль, что меня там не было...

— Ты завтра чем займешься? Только не рассказывай про бабулек.

— Я правда к бабулькам завтра пойду. Видео еще просматривать буду, а то у меня все времени нет его внимательно просмотреть.

— Что ты там увидеть хочешь?

— Не знаю. Но что-то я там прозевала.

— А бабулек о чем пытаться будешь?

— Мне интересно, случайно сбил Юрка тетю Ньюру или нет? И зачем избивали тетку Машу? Мне кажется, это Юрка со своими друзьями хулиганят.

— Иришка, если это они, то надо полицию подключать.

— Надо. Иначе в погоне за хайпом они станут бить детей.

— Потом и взрослых. Толпой.

— А потом и до убийства дойдут. Или уже дошли. Это уже банда...

— Думаешь? Давай так. Как только Востриковой передадим кафе и все там сделаем, выкроим время и займемся этим делом вплотную. Иначе эти убийства и происшествия никогда не прекратятся.

— Никита, ты у меня такой умный. И красивый.

— Это ты мне льстишь?

— Нет. Ты же видел, как тебя в агентстве глазами девицы поедали.

— Я видел, как тебя глазами поедал инженер. Вот это я точно видел.

— Глупости. Он просто ко мне хорошо относится.

— Конечно. Так хорошо, что глаза чуть не сломал...

— А девицы в агентстве кудахтали, когда тебя увидели. Вот их и потоптал шеф. Получили курицы удовольствие.

— Я тебя люблю. По фигу мне все курицы мира.

— Давай спать? А то завтра с утра по делам бежать.

Я уже сквозь сон почти не слышала Никиту и не понимала, что он мне говорил. Заснула...

Утро. Я в постели опять одна. Никита даже не разбудил. Я понимаю, что он меня жалеет и старается дать мне выспаться. Но мог бы и разбудить. Мне же своими делами заниматься надо. Первым делом надо сходить к избитой бабульке. Сказано — сделано. Собралась и пошла.

Мария Ивановна выглядела вполне сносно. Большого ущерба здоровью ей не причинили, если не считать синего от кровоподтеков лица. Она еще легко отделалась. Не убили и не искалечили. Поизмывались, правда, всласть. Сволочи. Найти этих изуверов надо. Иначе они совсем обнаглеют, и избитых людей будет больше. Сколько не пыталась ее, она ничего не могла вспомнить. Не за что было зацепиться. Зато она стала рассказывать про дела давно минувших дней. Слушать ее интересно. Она и про председателя рассказала, и про Мельниковых, и про Руслану. Вот тут я и решила уточнить кое-что.

— Мария Ивановна. Вы мне говорили, что Руслана долго не появлялась в поселке.

— Не появлялась. По сведениям местных парней, она работала на трассе рядом. Оказывала интимные услуги.

— А кто конкретно это говорил?

— Сосед Никифоровны, который дальнобойщиком был. Он первый ее и заметил. И вроде как она его обслуживала. Многие ее там видели. Потом она у бизнесмена одного

появлялась.

— Тоже с интимными услугами?

— Тоже. Но его обокрали и убили.

— А что за бизнесмен?

— Хозяин заправки.

— Еще что-то можете рассказать? Когда она сына проведать пришла первый раз?

— Руслана к сыну стала приходить, когда ему лет двадцать исполнилось, а до этого не появлялась. Сюда точно не приходила.

— К его школе она не приходила?

— Нет.

— Когда он учился?

— Нет.

— С вами не договаривалась, что с Марком общаться будет?

— Нет.

— А скажите, Натан Львович запрещал ей общаться с Марком?

— Наоборот, он всегда возмущался, что она за мать такая, если к ребенку за столько лет не пришла. Сары не стало, и ребенок Натану стал не нужен. Он готов был ей его так отдать, а она отказалась.

— Мария Ивановна, Марку лет тринадцать было, и ювелир болел очень. Она к вам в дом приходила?

— Нет. И Натан никогда сильно не болел.

— Когда она отказалась забрать ребенка?

— Лет семь ему было. Она на трассе еще работала.

— Больше он не предлагал ей Марка вернуть?

— Предлагал много раз. Пока она с трассы куда-то не исчезла.

— Могли еще где-то встречаться Руслана с ювелиром?

— Почему бы и нет. Сюда она точно не приходила.

— Могла она встречаться с сыном тайно?

— Только когда он сам в школу стал ходить. А в младших классах не могла. Он все время был под моим присмотром.

— Скажите, а вы всегда дома были?

— Я в магазин выходила, с Марком гулять или за ним в школу. Не всегда.

— Вы не видели, приносила Руслана ювелиру драгоценности?

— Не приносила.

— Откуда такая уверенность?

— Он часто ворчал, что хоть бы появилась, он бы ей высказал. Он избавится от ребенка хотел. Сары не стало, и Марк для него стал обузой. Натан даже у кого-то интересовался, как ребенка в детдом сдать.

— Марк говорил, что его отец любил.

— Может, просто убедил себя в этом. Не любил его отец. Ни капли не любил. Сару свою любил. Баловал ее такими подарками. И Марка подарил ей, как другие мужья шубы женам дарят. Сара умерла, а куда такой подарок деть? Матери назад отдать.

— А до того, как она Марка продала, она приносила драгоценности Натану Львовичу?

— Нет, не приносила.

— Откуда знаете?

— Не было их у нее. Она последний хрен без редьки доедала. Тощая, драная пришла. Какие драгоценности?

— Парень ее бандитом был. Может, дарил ей. Или его цацки принесла на продажу, или вещи его. Хоть что-нибудь?

— Ничего никогда она не приносила. Она на трассе стояла и работала. Парень ее туда Руслану и пристроил. Не было у нее ничего. Она и Марка продала, потому что есть нечего ей было.

— Вы не знаете, ювелир имел какую-то свою контору по приему золота?

— Был ломбард.

— Когда?

— Точно не скажу. Но он постоянно с золотом был связан. Ломбард у него точно был. И еще был антикварный магазин.

— А не могли бы вы точнее вспомнить?

— Не знаю. Я в эти дела не лезла. Знаете, меньше знаешь — крепче спишь. Много знаешь — в гробу лежишь. Так что я в его дела нос боялась совать. Он же действительно с бандитами дела имел и краденое продавал. Это правда.

— Откуда знаете?

— Краем уха слышала.

— Сами?

— Сама слышала своими ушами.

— Понятно. Сосед Никифоровны, говорите... Если еще что вспомните. Хоть любую мелочь, позвоните.

Потом дошла очередь и до тети Нюры. Та сама все стала рассказывать про дела давно минувших дней. Я слушала и не перебивала. Надеялась, что интересное что-нибудь проскользнет. Почти час она рассказывала про жену председателя, про бандитов, которые к ювелиру ездили, про близнецов Мельниковых, про Романа. Про все, что когда-то слышали от кого-нибудь. Вдруг мне пригодится. Я слушала внимательно. Также попросила позвонить, если она что вспомнит. Попрощалась и пошла с чувством выполненного долга домой. Пришла к маме. Она стала меня кормить, а я стала думать.

— Ты чего такая тихая? — задала мне вопрос мама.

— Мама, как ты думаешь? Зачем человек, что-то рассказывая, врет. Но не все врет: часть рассказанного — правда, а часть — откровенное вранье.

— Значит, проговорился где-то. Ляпнул сгоряча правду и пытается от вылетевшей правды отвлечь внимание враньем.

— Зачем так сложно?

— Ложь — сложная штука. Это правду выдумывать не надо, поэтому человек ее помнит хорошо. А ложь запомнить надо, чтоб в ней не запутаться.

— А правда должна быть такая, чтобы она ее скрыть хотела?

— Может, просто стыдная правда: вот и приукрашивает прошлое. Человеку свойственно привирать...

— Зачем? Кто я ей? Она меня не знает и скоро уедет. Зачем ей мне врать?

— Может, хочет хоть перед кем-то быть белой и пушистой.

— Да нет. Знаешь, я вот сейчас вспоминаю. И мне тогда показалось, что они мне выдают отрететированную легенду. Притом во вранье участвовали и сын, и мать.

— Тебя интересуется, зачем? Или почему?

— А это не одно и то же?

— Не всегда. Зачем это про достижение цели. А почему это про оправдания поступков.

— Надо думать. Меня что-то в их рассказе смущает. Хочется перепроверить все ею сказанное. От начала и до конца...

— Проверь.

— Ты знаешь, меня интересуют ограбления. Тут бизнесмена ограбили и убили. Потом ограбили и убили родню деда, за которым она ухаживала. И Натан вполне может быть налаженным сбытом награбленного.

— Хорошая преступная связка.

— Софья была убита. И у ювелира все золото якобы пропало.

— Руслана вышла опять на охоту?

— Похоже на то. Надо бы установить, каким образом переоформили на нее все нажитое непосильным трудом. Куда делись первые ее хозяева. За границу уехали или в лесу прикопаны?

— Она наводчицей была? Это ты хочешь сказать?

— Именно. Она и интим услуги оказывала. Не только уборку помещений.

— Это же Клондайк. Ты уверена, что она убирала помещения?

— Не уверена. Может, ее просто под деда подложили. Убили других наследников под видом грабежа. Поженили со старым дедом. И теперь она станет единственной наследницей. Обобрали деда или убили.

— И где все нетрудовые доходы они спрятали?

— Кто ее нынешний муж? И есть ли он? Надо установить, сколько раз и за кого она выходила замуж.

— И где все ее мужья?

— Не грозит ли опасность новому ухажеру? Ну все, спасибо большое! Я поела. Пойду схожу к Никифоровне.

— Зачем?

— Мне надо кое-что уточнить.

— Тогда возьми Грейса. Прогуляешь его, и мне спокойней будет. Может, не через лес пойдешь? Может, проще на машине?

— Нет, не хочу привлекать внимание. Грейс гулять.

Смотрю, а он уже стоит с поводком в зубах. Можно идти в гости в соседнее село. В лесу было так тихо. Благодать. Ветерок обдувает. Грейс носится вокруг. Иду, кидаю ему палку, чтобы приносил. Навстречу идет высокий мужчина, весь в черном. Я напряглась. Он взглянул на меня и улыбнулся. Я замерла. Так вот ты какой, Мельников Иван...

Теперь мне понятно, о чем говорили бабульки и медсестра. Ему примерно лет сорок, но если бы не было Никиты, то я в этого самца тоже влюбилась бы. Отпадный мужик. Просто сразил меня своей улыбкой наповал. Он же в отцы мне годится. Другое поколение. Но он не выглядит на сорок лет. Тридцать максимум. И фигура в норме. Накаченный мужчина. Походка спортивная. И пахнет от него чем-то очень вкусно. Он прошел мимо. Я не утерпела и обернулась всем корпусом, чтобы поглядеть ему вслед. Он тоже остановился и обернулся. Стоит и на меня пристально смотрит. Улыбается... Я резко развернулась и быстрым шагом пошла в соседнее село.

— Фу, чертовщина какая-то, — иду и бубню себе под нос.

И в самом деле чертовщина. Мне медсестра, когда рассказывала, как девки прибегали

на него посмотреть, я считала их глупыми. А сейчас сама стояла и смотрела на него, не отрывая взгляд, как влюбленная дура. И сердце норовило из груди выпрыгнуть. Смотрели глаза в глаза...

Что это было? Гипноз? Нечего на чужих мужиков зарится. У самой дома такой же красавец. Даже моложе. А я на этого самца загляделась. У него под майкой явные кубики просматривались. И тело такое спортивное. Любопытно было бы увидеть. Не то, что некоторые в двадцать уже рохли пузатые. Хорошо, что у меня Никита качается в спортзале. Правильно. Чтобы об Иване не думать, надо чаще думать о муже. Фу, правда, чертовщина. Он у меня из головы не выходит. Я даже не понимаю, что я тут стою. Пришла к камню у озера и стою, перебираю свои ощущения после встречи с этим Ванечкой. Ох, бабы. Как я вас понимаю...

Как дошла до дома Никифоровны, я не помню. Всю дорогу думала про встреченного мужика. Понять не могла, что же меня в нем так восхитило? Вроде обычный мужик, на первый взгляд ничего особенного. Но не совсем обычный. Иначе с чего такая реакция? И это при том, что у меня свой красивый муж дома есть. А меня от незнакомца торкнуло. Может запах? Запах восхитительный.

Вдруг всплыло воспоминание Марии Ивановны про председателя. Как она там сказала? Воняло от него козлом? А от этого мужика чем пахло? Запах обалденный. Если это туалетная вода, то надо такую купить Никите. Нет, не надо ему покупать! Ни в коем случае! Иначе на мужа, как на этого Ивана, девки будут реагировать. А оно мне надо? Нет, не надо. Правильный ответ. И все же, чем от него так обалденно пахнет? Прямо голову задурило...

— Чего стоишь, а в дом не заходишь? — спросила Никифоровна. Она стоит рядом и на меня с интересом смотрит.

— Да так, задумалась...

— А я смотрю — идешь. Потом смотрю — стоишь. И о чем задумалась?

— О жизни своей.

— Значит, пора тебе была задуматься.

— Мне бы поговорить.

— А то я не поняла... Заходи, поговорим.

Зашла в дом Никифоровны. Она меня в светлую комнату опять повела. Как красиво в этой комнате: ничего нет в ней стильного и современного, а сама атмосфера в комнате радует...

— У меня вопросы есть. Хотелось бы уточнить.

— Уточняй.

— Вы говорили, что Руслана на трассе стояла и зарабатывала оказанием интимных услуг.

— Я не так говорила. Я говорила, что она была проституткой.

— А кто это вам рассказывал?

— Сосед мой.

— Он не мог соврать?

— Не мог. Это признание у него по пьяни вылетело, а что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

— А не мог он просто сочинить?

— Зачем? Он к ней хорошо относился. И когда рассказывал, жалел ее. Вот, мол, пропала девка, а такая хорошая была.

— Жалел, а обслужить себя заставил?

— Нет, он так ей денег дал и не стал ею пользоваться. В беду девка попала. Она у него в кабине посидела, отогрелась и поела. Она тощая была как скелет. Будто давно не ела. Бутерброды у него схомячила и из кабины вылезла. Прямо с бутербродом в руке.

— А сколько лет вашему соседу? Он старый тогда был?

— Зачем же старый. Молодой. Он лет на десять ее старше. Он женат уже был. У него жена на сносях, они дочку ждали. Он все горевал, вдруг с его кровиночкой такое же случится.

— А потом?

— Что потом? Ее и другие мужики видели. Здесь у нас половина села на автобазе дальнобойщиками работали.

— Они пользовались ею?

— Были уроды, кто пользовался. Остальные просто кормили и денег давали. Жалели...

— Тетке своей она деньги присылала?

— Не было никаких денег.

— Откуда знаете?

— Сама посуди. Сначала она бедствовала, потом с трассы куда-то пропала. Но денег не присылала. Тетка еще жаловалась.

— На что?

— Сначала, что она ее позорит, занимаясь этим ремеслом. А потом, что не помогает. Хоть бы, мол, позвонила, как она там. Жива ли, здорова ли?

— А чего она так озаботилась? Она же у нее все деньги забирала, всю зарплату. А потом с голым задом выгнала на мороз.

— Кто такую чепуху сказал?

— Сама Руслана.

— Не знаю, что она рассказала. Только тетка от нее денег никогда не видела. Она жила за теткин счет, на шее у нее сидела. И никто ее на мороз не выгонял. Она от тетки ушла, когда той дома не было. И ее гробовые украла...

— Какие гробовые?

— Есть у стариков такая привычка — копить гробовые. Чтобы родня, когда помрем, на похороны не тратилась и спокойно, не влезая в долги, по-человечески похоронила.

— Зачем она мне врала?

— Она всегда всем врала. Может, постыдную правду говорить не хотела.

— Может быть. Никифоровна, скажи мне. На тебя улыбка Ивана так же действовала?

— А! Так вот ты почему такая у калитки стояла? Ванечку встретила?

— Да уж, встретила...

— Мимо прошел, поздоровался и улыбнулся?

— Нет. Мимо прошел, остановился и долго на меня смотрел.

— Смотрел, говоришь? Значит, ты следующая. Знаешь, что? Беги ты от него. Иначе пропадешь, как другие...

— Он всегда таким спросом пользовался у женщин?

— Бери круче. Начал с детсада. Плейбой был...

— А вы как на него реагируете?

— Как? Что же я не женщина, что ли? Только я понимаю, что мой поезд ушел. И тебе он не нужен. Увидишь — просто от него беги. Не приносит он женщинам счастье. Только беды

от него одни...

Посидели с ней, поговорили еще полчаса. И я пошла домой. Через лес мне идти почему-то уже не хотелось. Грейс ждал меня у калитки. Сторожил. Вдруг на хозяйку кто покусится. Наивный пес. Кому я нужна?

Потом зашла к соседу Никифоровны. Тот мне рассказал все, что знал. В общем, ничего нового он не поведал. Поговорили. На вруна он не похож. И Руслану действительно жалел. А сутенером у нее был ее бывший любовник. Звали его Марк. Наверное, папаша и заставил ее сына к ювелиру пристроить, чтобы работать на трассе не мешал? «Хороший» у нее любимый парень был. Заботливый. В чужое гнездо своего сыночка подкинул. Еще и заработать умудрился. Обалденная семейка. Жену на панель, сына продал. Безотходное производство.

Если сынок пошел в родителей, то это тот еще пройдоха. Судя по тому контракту, который он тогда составил, хитрожопый у нее сынок вырос. Он с ней объединился для защиты ее интереса? Или он с ней временно, а потом они друг друга кинуть попытаются. Интересная интрига затевается. Мошенники объединяются только из-за денег. Сын, которого бросили в детстве родители. Плюс мать, бросившая своего сына. Зачем Марк ей понадобился? Только ради денег ювелира? Тогда что это за деньги?

Что такого узнала шантажистка Софья? За что ее приголубили. Она знала, где богатство? Или не знала? Ее прибили и оборвали случайно ниточку к кладу? Чье это добро? И о какой сумме идет речь? Если во Франции у нее действительно богатый жених, то речь должна идти об очень больших деньгах. А ювелир здесь каким боком? Его не просто так по голове отоварили. Тоже из-за денег? Он себя считал самым хитрым, но они его переиграли.

Почему они отсюда не уезжают? Значит, что-то их здесь держит. И это не старый умирающий еврей. Пусть эти сказки кому другому расскажут. Их здесь держит или клад, или антиквариат. Тогда получается, что они сидят и ждут, когда очнется еврей. Им его богатство нужно. Вот почему они здесь. С чего они решили, что он им расскажет? Ничего не понятно. Все равно слишком много неизвестных. Надо поработать и подумать.

Я шла по лесу и по сторонам не смотрела: задумалась крепко. И тут неожиданно над моей головой раздалось приветствие. Я подняла голову, здороваясь, и увидела, что прямо передо мной стоит Иван. И улыбается... Погоди-ка... Это не Иван. У того улыбка совсем другая. И запах. Куда делся запах? Рост тот же, и лицо похоже. Фигура одинаковая. Одет так же, но не Иван. Это Николай.

— Здравствуйте, Николай.

Он очень удивился. Неужели думает, что на брата похож? Совсем не похож. И зря он улыбается: по улыбке сразу стало понятно, кто есть кто. А так-то внешне они действительно как две капли воды. Только вот от Николая совсем другой запах. Одежда у них и впрямь одинаковая. Это они специально так одеваются? Или просто вкусы похожи. Есть над чем подумать. Тропинка узкая. Он посторонился, чтобы меня пропустить. Прошла прямо вплотную. А запах-то от него не очень. Не сказать, что противный. И уж тем более не козлом, как от председателя, но мне не нравится его запах. Не чета брату...

Пришла домой довольная. Я что-то начала понимать. Здесь убийца не один орудовал. Теперь я в этом убеждена. Просто так совпало, что в одном месте пересеклись разные интересы. И оба убийцы наш лес для своих мерзких дел облюбовали. Интересно, куда делось золотишко и антиквариат ювелира?

Домой зашла. Никита еще не приехал. Значит, опять допоздна в кафе будут. Я тогда тоже делами займусь. Только сначала к маме наведаюсь в гости и расскажу, что выходила,

что узнала, кого встретила. И поем. На голодный желудок что-то плохо думается.

— Мамуль, ты дома?

— Где мне быть, как не дома?

— Мало ли. Может, в магазин пошла.

— Сижу и тебя жду. Волнуюсь.

— Чего за меня волноваться?

— Иришка, ты недооцениваешь опасность. Не ходи больше одна в лес.

— Я же не одна. Я с Грейсом.

— Все равно одна с Грейсом больше не ходи. Не рискуй.

— Хорошо. Будем ходить толпой. Знаешь, кого я в лесу встретила?

— Что за привычка делать театральную паузу? Не томи, говори.

— Ивана Мельникова.

— И как он тебе?

— Теперь я понимаю тех, кого он обаял. Первоклассный мужик.

— Произвел впечатление?

— Еще какое...

— Он же для тебя староват.

— Он выглядит намного моложе. Лет на тридцать. Ты знаешь, он совсем на брата не похож.

— Где ты брата встретила?

— В лесу на обратном пути.

— И что он?

— Не такой, как брат. Вроде все то же самое, но я бы их не спутала.

— Почему? Одежда разная?

— Нет. Одеты они одинаково, и внешне нет различий: лицо, рост, телосложение — не отличишь. Но запах разный. Иван пахнет — закачаешься! От Николая вроде и не противный запах, но как-то маленько неприятно.

— Понятно. А что тебе Никифоровна сказала?

— Сказала держаться от Ивана подальше. Только горе он приносит своим женщинам. Ломает им жизнь. Зачем мне Иван, когда у меня муж есть?

— Я бы тебе посоветовала то же самое. Держись от этого обаяшки подальше, целее будешь. Красивые мужики — самые настоящие мерзавцы.

— Мама, у меня Никита красивый, но он же не мерзавец.

— Это тебе просто повезло вытащить из кучи красавцев исключение. Так что береги его. Он сам по себе уникал.

— Ладно. Мама, а она подтвердила, что Руслана на трассе промышляла. И знаешь, кто у нее сутенером был?

— Кто?

— Ее жених.

— Который Марк? Чьим именем она сына назвала? Он с ней жил и на трассу ее погнал? Он, наверное, и беременную ее гнал работать?

— Думаю, что гнал. Ей многие водители из жалости деньги давали. В том селе половина мужиков на автобазе работала. Вот представь, стоит на трассе беременная, голодная, тощая и зарабатывает телом. Народ у нас жалостливый. Мужики, скорее всего, ее накормят и просто так денег дадут. Марку наркоту на что-то покупать надо было. И ребенка

ювелиру он ее заставил продать. Я так думаю...

— Ничего себе любовь... Жуть какая-то...

— Да уж. Не дай бог такую любовь!

— Вот именно. Минуй нас чаша сия...

— Обо всем тебе доложились. Отметилась, что жива и здорова. Теперь пойду домой и маленько поработаю.

— Что делать будешь?

— Видео просматривать. Что-то я упустила, а что понять не могу.

— Счастливо. Вечером зайдете?

— Куда мы денемся. Муж голодный будет, и я в гости с удовольствием зайду: вас проведать и чайку попить.

— И расскажешь, что нашла.

— Договорились.

Пришла домой. Села смотреть записи, что родня Гвоздева дала. Что же там меня напрягало? Ровно в середине заметила, что меня напрягало. Это братья Мельниковы. Они оба были на тех соревнованиях, только в разных местах находились. Костина с Ивана глаз не сводит. Видно, что сильно запала на мужика. И Софья на них смотрит в упор. Интересно. Досмотрю до конца. А потом опять перемотаю. Понять надо, что они все чувствуют. Вот откуда все пошло. В общем, я пересматривала много раз. И только потом поняла, что чувствуют все участники этой драмы. Значит, завтра надо заехать к родне Гвоздева Саши и к Королевым. Надо кое-что уточнить. Кто же убийца? Иван или Николай? Или они месть осуществляли вместе? И почему полиция не обратила внимание, что двое братьев? Мне нужна информация.

Вечером приехал Никита. Сразу потащил меня к маме в гости. И что он хочет нам сообщить? Наверное, что-то важное... Пришли, там стол накрыт.

— Торжество какое-то?

— Мы все в кафе сделали. Приходили уже пожарники с проверкой. Кассу установили. Остальное оборудование испытали. Так что завтра можно работать начать. Мебель расставлена. Интерьер доведен до ума. Все Михаил доделал: окна оформил и вазы какие-то приволок. В общем, все под ключ.

— Продукты? Униформа?

— Продукты завезет Альбина Владимировна. Иришка, давай гулять.

— Это я с радостью, это я с удовольствием, это я могу. Никита, ты чудо!

— Да ладно. Мне самому интересно было: уложимся в срок или нет.

— Что завтра делать будете?

— Завтра решили с Востриковыми попробовать что-нибудь для себя приготовить и отметить в своем кругу среди работников открытие кафе. А послезавтра уже людей кормить.

— Значит, к сентябрю вы кафешку откроете? — поинтересовался Петька. Его интересуется вкусно поесть.

— Вот троглодит. Кто про что, а Петя про еду, — шуточно укорила я его.

— У тебя что? Как дела продвигаются?

— Врушка эта Руслана.

— Наврала?

— С три короба. Я думаю, что тут два разных преступления. Три трупа — это месть за

сына.

— Значит, Николай отомстил за Романа?

— Или его брат.

— Иван?

— Ага. Мне мама сказала, что все красавцы — мерзавцы. Так что не будем его со счетов скидывать.

— Он же в больнице был.

— Не факт. Это мог быть не он. Они могли объединить усилия.

— Ладно. А Софья? Кто ее убил? А Натан Львович. Его зачем?

— Пока не знаю, но чувствую, что там крутятся большие деньги. Руслана та еще штучка. Многие всплыть еще может. Я пока не готова ответить на все вопросы. Макс мне завтра пришлет данные, и я попытаюсь задачку решить.

— Тогда завтра мы просто гулять будем?

— И кафе к работе готовить...

На том и порешили.

— А вот это ты зря, Петька.

— Чего зря, тетя Ира?

— Наедаешься зря.

— Почему это?

— Завтра тетя Аля тестировать будет не только оборудование, но и поварят. С поварятами перебор вышел, и она некоторых назад вернет. Завтра им предстоит свое мастерство доказывать. Сам понимаешь, какая вкуснятина там будет...

— Ничего. Я вечером все выгуляю, что наел. Завтра место для еды уже будет свободно.

— И куда в тебя лезет столько?

— Тетя Ира, ты ничего не понимаешь. Я молодой и растущий организм. Мне строительный материал нужен для роста.

— Куда ты растешь, великан Петя? Ты и так уже почти Никиту догнал.

— Может, я хочу Гену догнать?

За столом наступила неестественная тишина. Не к месту помянул Петруха моего бывшего жениха.

— Тогда до завтра, — мама пытается сгладить неловкость.

— Пока, мама. Спокойной ночи! — ответили мы с Никитой хором.

Первым прыснул Петька, потом засмеялась мама. Затем захохотали и мы с Никитой.

— Тетя Лена, они хором говорят. Ха — ха — ха! — засмеялся Петька.

— Пошли, милый, репетировать... — сказала я мужу.

Обнявшись, мы вышли из дома и пошли гулять по поселку. Обнимались и целовались. Потом встретили неугомонного Петьку и стали уже вчетвером гулять. Четвертым был пес. Домой пришли только к двенадцати. Заснули вообще только под утро.

Поспать нам не дали. Петька, зараза, не дал. Не тот, который петух с крыльями. В этот раз мы на него даже внимание не обратили, хотя окна и были открыты: привыкли уже к его кукареканью. А тот, который человек неугомонный. Он к нам в семь примчался, чтобы спросить, в чем на гулянку идти.

— Петька, а ты чего стал так заморачиваться насчет одежды?

— Ничего я не заморачиваюсь. Но у нас же праздник будет.

— Не совсем. Просто мы будем тестировать оборудование.

— Зачем?

— Вдруг что-то пойдет не так. Любое оборудование нужно обкатать и к нему привыкнуть.

— Даже к кастрюлям и сковородкам?

— Даже к ним. Чего тебе не спится? Мы к восьми собирались вставать. Зачем нас рано разбудил? Мы час могли спать. Иди домой. Мы скоро придем.

Еле выпроводили нахального подростка домой. Я думаю, что у Петьки любимая девушка появилась, поэтому он перья свои распустил. Пришлось вставать. Я спала на ходу. Никита тоже. Напились кофе, чтоб проснуться. Один Петруха бодр и свеж. Когда приехали раньше оговоренного времени в кафе, там всю кипела работа. Поварята сдавали экзамен. Старались. Всем хотелось остаться в этом кафе работать.

— Как стараются. Как ты их отбирать будешь? На мой взгляд, они все хороши, — спросила мама тетю Алю.

— Ох, Лена, не знаю. Они в это кафе уже влюбились и живут они все рядом. То им мотаться на работу, а тут рядом с домом. Дураков нет в обычное кафе возвращаться. Вот и стараются, пуп себе рвут.

— Кто пробовать будет?

— Все попробуем. Стол накроем и попробуем.

— Аля, ты за окном видела, что творится?

— Ты про людей?

— Про них. Толпа.

— Права была Иришка. Спрос будет, успевай поворачиваться. Хорошо, что два зала взяли. И про вытяжку схитрила. На запахи люди сбежались.

— Того и гляди стекло выдавят. Мыть придется окна...

— Вчера же мыли.

— Посмотри, как люди лицом в них уткнулись. Мыть придется...

— Альбина Владимировна. Я вот тут придумала еще один зал прибрать к рукам. Детское кафе там открыть для школьников.

— Ириша, давай сначала посмотрим, как здесь дела идти будут, а потом поговорим.

— Давайте, боюсь, что у нас будет проблема рассадить всех желающих. На такой ажиотаж даже я не рассчитывала. Завтра вы все в пене будете.

— Это хорошо, что спрос будет.

— Ваше старое кафе вам покажется самым спокойным местом на земле. Я к тому, что всех лишних поварят не убирайте. Оставьте троих про запас. Завтра запарка будет. Иначе не справятся ваши поварята.

— Пожалуй, так и сделаю.

— А остальным кого назад отошлете, скажите, что не все потеряно. Пусть поднаберутся опыта, и у них будет шанс сюда вернуться.

— А ты психолог...

— Мы с Никитой закажем еще столы и стулья. Этих будет мало. Пошла я работать.

Когда мы решили все организационные вопросы, все приготовили, накрыли столы и собирались сесть гулять, появился главный инженер. Мы пригласили его к столу, но он отказался. Спросил, когда кафе начнет работу.

— Завтра с девяти часов начнем.

— Значит, на ланч и обед мы можем рассчитывать?

— Вполне.

Только он вышел из кафе, к нему метнулась вся толпа с вопросами. Как бедолагу не затоптали? Он натиск голодных и любопытных с достоинством выдержал. Ответил. И толпа тут же умчалась работать.

Блюда были вкусные, мы съели все подчистую. Повара, кого оставили в кафе, были счастливы. Кого вернули на старое место работы, расстроились. Но поняли, что можно еще вернуться, засияли. Значит, у них есть шанс на поварское счастье. Работники стали все нагирать и готовить к открытию. Здесь мы были не нужны, поэтому завезли своих домой. А сами с Никитой засобирались по моим делам. Первым делом поехали к семье Гвоздевых. Нас встретили радушно и пригласили пить чай. За чаем я стала задавать вопросы.

— Александр после того происшествия общался с Костиной?

— Нет. Она от него бегала.

— А год назад?

— Нет.

— Чем он снимал боль?

— Таблетки не помогали. Ставили уколы, но и они в последнее время перестали помогать, — сказала его мать и принесла рецепты на лекарства.

— Александр разговаривал с Королевой?

— Нет.

— Он пытался выяснить, кто подмешал Роману таблетки?

— Он сам лечился, и ему не до этого было.

— Может, год назад что-то произошло? Хоть что-нибудь?

— Он просто заговорил о смерти: боль терпеть уже не мог.

— Можно узнать адрес его электронной почты? С какими сообществами он общался в интернете?

— У нас полиция уже брала его ноутбук. Они ничего не нашли.

— Вы не могли бы мне дать его ноутбук? Может, я что найду...

— Нет! — вскрикнула его мать.

— Да! — ответила его бабушка.

— Так да или нет?

— Дадим. Полиция ничего не нашла. Пусть любитель покажет класс, — высказался его дед.

Я задала несколько вопросов. Родня Александра отвечала односложно. Настала пора прощаться: больше мне здесь ничего не скажут. Я напомнила про ноутбук. Полиции он уже не нужен: все, что могли, они уже оттуда почерпнули. Дед торжественно протянул его мне. Я кивнула, поблагодарив за помощь.

Затем мы рванули к Королевым. Там повторилась та же песня. Отец был в больнице, а мать готова была отдать ноутбук и свою душу в придачу. Полиция также ничего в компьютере Натальи не нашла, поэтому ноутбук вещдоком не являлся, и его вернули матери. Она отдала его мне, лишь бы я нашла убийцу ее кровиночки. С двумя ноутбуками мы приехали к Максиму. Он сказал, что скинул мне на почту часть работы. Я попросила поработать с ноутбуками жертв. И ничего не удалять из них. А если есть возможность, то и восстановить удаленные записи.

После этого мы поехали домой. Навестили маму, забрали Грейса и пошли с Никитой

гулять в лес. Нам надо было отдохнуть. Мы просто ходили по лесу, гуляли и говорили про что угодно, только не про дела. И решили до завтра ничего в почте не трогать и не говорить ни про какие убийства. Хотелось просто отдохнуть. Погуляли, пса привели к маме домой. Сами пошли к себе. Там лежали в постели и просто молча обнимались. И не только обнимались...

На следующий день была не запарка. На следующий день в нашем кафе было светопреставление: народ шел непрерывным потоком, и все места были заняты. Многие стояли и ждали своей очереди. Когда Никита с Петькой стали расставлять дополнительные столы и стулья, толпа одобрительно загудела. Официанты у нас не были предусмотрены: мы сделали самообслуживание в кафе. Очередь двигалась с крейсерской скоростью. Решили, что не станем держать официантов вообще: они бы только мешались под ногами клиентов и тормозили весь процесс. Правда, пришлось открыть третью кассу. Хорошо, что я настояла ее установить. Пригодилась...

К концу рабочего дня все были в мыле. Поздно вечером подсчитали выручку. Она в четыре раза превышала выручку кафе, которое уже было у Востриковых. Значит, все правильно я просчитала с кафе. Зашли в гости к маме и ей рассказали про первый рабочий день. Попили кофе и пошли домой. Мы еле доползли до кровати, рухнули на нее и провалились в сон...

На следующий день было еще хуже. Голодная толпа клерков напирала. Молва о вкусной и здоровой пище в кафе еще вчера разнеслась по офисам со скоростью урагана. История была похожа на сказку: не бывает такого счастья, чтобы и кафе под боком, и пища вкусная и недорого. Офисные клерки решили перепроверить добытую информацию. Люди толпились: мест хватало не всем. В конце рабочего дня ко мне подошли Востриковы.

— Что ты говорила про еще один зал?

— Говорила, что можно сделать три зала. Я с главным инженером уже эту тему на всякий случай муссировала. Закинуть Михаила туда с ремонтом дня на четыре — и вот вам еще один зал готов к приему посетителей.

— Как ты это просчитываешь?

— Погодите. С сентября здесь вообще кошмар начнется.

— Дети начнут приходить?

— Вот именно. Надо бы им отдельный зал. Иначе здесь такое начнется...

— Мы согласны. Запускаем проект с завтрашнего дня?

— Начнем ремонт с выходных.

На том и порешили. Никита опять взял все на себя. Михаил ночью сварганил новый проект. Нам понравился. На следующий день мы договора подписали по аренде и начали работать. В самом кафе работали Востриковы. В новом помещении строители. В обеденный перерыв их кормили, чтобы не было шума. Посетители узнали, что рядом делали ремонт только тогда, когда он закончился.

Новое помещение было сделано в детском стиле. Но, честно говоря, мне там приятно было находиться. Этот зал с другими никак не объединялся. Общей у них была только кухня и подсобные помещения. Добавился еще один выход. В общем, дела шли успешно. Работа кипела.

Наступили выходные. Вот в выходные я и решила добить дела по убийствам. Макс восстановил все записи Королевой. Девочку кто-то целенаправленно сводил с ума. Макс

установил адрес, откуда ей слали письма и сообщения. Это был дом Николая. С Гвоздевым была та же картина. Ему сообщили, что знают, кто его подставил, и предложили с мерзавками посчитаться. Он согласился. Так родился союз мстителей. Оставалось только все структурировать за выходные, чтобы преподнести на блюдечке полиции, а то они всю мою работу могли угробить. А так они три дела по трем трупам закроют. Лепота...

В воскресенье забрала компьютеры у Макса. Забрала также распечатки переписки с компов жертв.

Утром в понедельник созвонилась с полковником и объяснила, зачем звоню. Он приехал через час. Вместе с тем же глупым майором. Мама, Петька и Никита сидели и ждали, когда я начну рассказ, как было дело. Полковник с майором ерзали на диване от нетерпения...

— Итак, вы поняли, кто преступник?

— Да. Вычислила. Все это затеял и срежиссировал Николай Мельников.

— А где доказательства? У Николая Мельникова есть алиби. Его видело много народа.

— Но он был на месте преступления и контролировал процесс. Алиби? У Николая Мельникова есть родной брат близнец, которого Николай просил засветиться в нужное ему время в общественном месте. Так он создавал себе свое алиби.

— Какой близнец? — закричал майор.

— Похожий на него. Близнец. Полная его копия. Давайте, я вам лучше покажу и расскажу.

Я включила видео с соревнований по танцам. Там показала на обоих братьев, показала на Софью и на Костину, на Марка и начала рассказ.

— Была девочка Лена Костина. Она была хорошей девочкой, но однажды ее изнасиловал любовник матери, и она стала злой и развратной девочкой. Себе на уме девица. Занималась бальными танцами. Ее наняли неудачливые конкуренты, чтобы убрать предполагаемого победителя: уж очень хотелось им победить или занять хоть какое-то призовое место. Конкурс престижный. Спонсор богатый. Для этого Костина, ссылаясь на Гвоздева Александра, что это его идея, просит Королеву Наталью подсыпать в воду Роману порошок слабительный. Лене заплатили и так сказали сделать. Она дает этот порошок Наталье. Та обещает сделать грязную работу. Наташа давно и безответно любит Гвоздева. Для него готова на все, но в последний момент не делает того, о чем ее просили. Разговор Костиной и Королевой слышит Софья. Она давно любит любовника Костиной — Марка, поэтому решается Костину подставить и подсыпает порошок. Спросите, как она это провернула? Все оказалось просто. Глупая Королева не закрыла шкафчик: и порошок, и вода были доступны и на виду. Софья берет бутылку воды, отходит и сыпет порошок. Закрывает очень сильно бутылку и ставит на место. Глупая Наталья даже не заметила, что бутылка вскрыта.

Роман спросил воду. Она ему ее дала. Так она невольно поучаствовала в отравлении Романа Мельникова. Роман выпивает воду, и ему становится плохо: он аллергик, а в порошке аллерген. Приехавшая врач скорой помощи неправильно ставит диагноз и упускает драгоценное время. Роман впадает в кому. После комы он становится по разуму, как пятилетний ребенок. И какие могут теперь быть танцы, если он почти дурачок...

Это то, что было на соревнованиях. Потом Софья, узнав, что Марк спит с малолеткой Костиной, начинает его шантажировать. Марк пугается и бежит к Елене. Все

подтверждается. Он в ужасе и бросает Костину. Но она и сама рада такому повороту. У нее есть новый любимый мужчина — Иван. Она его полюбила с первого взгляда там, на соревнованиях, и на Марка ей плевать.

Но Софья — умелая шантажистка. Она начала шантажировать Костину и страшить тюрьмой. Угрожает, если та не напугает Марка, что подаст на него в полицию заявление о соращении, то Софья посадит ее. Софья говорит бедолаге, что может доказать, что Романа отравили и отравительница именно Костина. Если новая любовь об этом узнает, то всему конец. Костина бежит шантажировать Марка. Тот в ужасе: он слишком труслив и понимает, что сядет, а в тюрьму не хочется. Тут появляется Софья и предлагает ему свою помощь. Условие одно: он на ней женится, а она заставит Костину замолчать.

— Допустим. Пока у вас все складно, — перебил меня полковник.

— Дальше Николай узнает от Софы, что зачинщик отравления — Гвоздев. Мол, хотел просто снять конкурента с соревнований. Согласитесь, какой из дрисуна танцор?

— Говнистый! — проорал майор. И что от такого следователя ждать?

— Я продолжу?

— Подождите, а зачем этой Софье наговаривать на Гвоздева? — спросил полковник.

— Она шантажистка. Она шантажирует всех и вся с самого детства. Это ее жизненное кредо. Итак, она стала шантажировать Гвоздева, что расскажет о его участие в этом скандале. Но Гвоздев знает, что он не при чем. И поэтому Софью просто грубо посылает. А она всего лишь хотела половину гонорара. Она считала, что его заслужила. Она же сделала всю грязную работу. Гвоздев получил первое место, денежный приз, контракт подпишет. А ее послали? Ну как тут не отомстить? Вот она и сообщает Николаю Мельникову, что это Гвоздев виновен в отравление Романа. Николай решает мстить. Он угоняет машину и переезжает по ногам Александра дважды, чтобы наверняка не смог танцевать. Он доволен и счастлив. Кровная месть состоялась. Теперь весь гонорар за победу уйдет на лечение. От горя умирает мать Романа. Николай становится вообще неадекватным. Он целыми днями сидит в интернете и ищет виноватых.

— Он же отомстил Гвоздеву, — уточнил полковник.

— Отомстил, но полного удовлетворения от мести не получил, поэтому и не успокоился. Я продолжу?

— Продолжай, — «милостиво» разрешил майор.

— А тем временем замужество Софьи оказалось фикцией. Марк с ней не спит и не разговаривает даже. Только да и нет. Не такого она ждала. Она и на жалость давила, и угрожала, и что только не делала. Но Марк непреклонен в отношениях с ней. И тут удача! Появилась на горизонте Костина. Правда, она уже взрослая. Софья решила подзаработать. Костину она уже шантажировать не может, но попыталась. Костина ее посылает, куда Макар телят не гонял. Тогда Софья идет проторенной дорожкой. Она сообщает отцу Романа, кто на самом деле виноват в случившемся. И переворачивает так, что виновата теперь Костина, которая за деньги взялась устранить пару. А Гвоздев не виноват. Но психика Николая уже не стабильна. Он искал виноватых, и он их нашел. Но теперь он решил привести приговор в исполнение с помощью препаратов Гвоздева. Гвоздев получает сильнодействующие препараты. У него постоянные боли. Николай просто назначает Костиной встречу от имени Ивана Мельникова. Александр дает Николаю препараты.

— Так это в Ивана она влюбилась с первого взгляда?

— В него.

— Так уже четыре года прошло.

— Ну и что? Костина нелюбимый ребенок. Она хочет любви. А тут предмет ее тайного обожания назначает ей встречу. Прислал письмо со своей фотографией на почту.

— Он разве пять лет назад ее не послал?

— Пять лет назад он ей отказал, мягко аргументируя свой отказ тем, что она малолетка, а он с тинэйджерами дел не имеет. А теперь она подросла, и они вполне могут начать любить. Она приходит. Николай встречает ее у озера. Он копия Ивана. Романтика. Она видит все для пикника. Жара. Ей хочется пить. Николай дает ей бутылку с лекарствами. Поняв, что она мертва, он привязывает к ней камень и сбрасывает ее в озеро. Первой виновной отомстил. Николай счастлив. В беседе с Гвоздевым он узнает, как было дело на самом деле. Он не хочет разбираться и верит в версию Александра безоговорочно. Гвоздев думает, что порошок подсыпала напарница Романа по танцам. Мыслит он логически: только она имела доступ к воде, и порошок был только у нее. Значит, подсыпала и отравила она. Николай в восторге. У него есть новая цель — Наталья Королева. Но девушка оказалась твердым орешком. Приглашение на свидания она отклоняет. Потом уезжает ненадолго учиться. И месяца три назад приехала назад в Москву. Но Николай от нее все это время не отставал. Переписывался с ней в сети под чужим именем. С чужой фотографией на аватарке. Он постепенно сводил ее с ума. Втянул в какие-то странные сообщества и попутно прививал чувство вины. Застряла она на сообществе сатанистов. В общем, с головой у девочки была беда. Представляете, розовая комната и сатанисты в друзьях.

— Да, несовместимо, — полковник теперь внимательно слушает.

— Теперь он ей задурил голову, рассказывая про обряд зачатия на троне. Эти передачи, что по телевизору показывали, она все смотрела. И верила всему, что там говорили. А теперь она готова к обряду и готова родить ребенка самого сатаны. И едет добровольно к этому камню. Она приезжает. Темно. Ей дает человек в плаще с капюшоном выпить специальный напиток. Сами понимаете, что это разведенные лекарства. Ей становится плохо, ее парализует. И выходит на сцену сам сатана Николай. Он ей рассказывает, почему ее убьют. Она начинает понимать, что ее жестоко обманули. Николай украшает жертву и меняет ей обувь. Она предпоследняя месть.

— Предпоследняя? А как же Софья? — опять перебил меня майор.

— Я продолжу? Гвоздева он тоже уже приговорил. Решил просто убрать свидетеля. А то вот так же станут всем рассказывать. А у него сын больной, и он за него отвечает. Ему никак нельзя в тюрьму. Он подходит к Гвоздеву. Тот стоит на камне. Николай бьет его по голове и заставляет выпить воду.

— Нет следов, что его насильно напоили, — высказался майор.

— А он его насильно и не поил. Гвоздев устал от боли: ему трудно даже ходить, лекарства уже не помогают. Александр давно решил покончить жизнь самоубийством, но он крещенный и верит, что самоубийство — грех. Поэтому он и не сопротивлялся, когда Николай стал вливать ему лекарство. Вроде не самоубийство, раз ему вливают. Когда Александр умирает, Николай сбрасывает его в озеро. Экспертиза посчитает, что удар получен во время падения в воду. Вот такая история. Николай доволен. Роман отомщен.

— Доказательства есть?

— В компьютерах переписка с Натальей и Александром восстановлена. IP адрес компьютера установят ваши специалисты. Он по адресу Николая Мельникова. Еще есть свидетель, что именно Николай переехал по ногам Гвоздеву. Иван тогда был в отъезде.

Отдала им адрес свидетеля. Отдала компьютеры.

— Подождите. А остальные трупы?

— Там я пока работаю. Вам придется подождать. Вы этим займитесь.

— Попрошу меня не учить. Я сам знаю, чем мне заниматься. — ответил мне майор.

В общем, благодарности от служивых я не дождалась: они просто забрали с собой все мной наработанное и молча ушли. А я стала заниматься теперь Русланой и Марком. И так много интересного узнала об этих двоих...

Мне понадобилось всего два дня на то, чтобы собрать свидетельства их преступлений. Плюс то, что прислал мне на почту Макс. Потом я заперлась в комнате, чтобы проанализировать полученную информацию. Теперь я знала все. Эти знания и документы могли помочь полиции посадить преступников.

Я позвонила полковнику утром в пятницу. Появились они у меня через час. Мама, Никита и Петька также присутствовали. Они просто отказались покидать комнату: решили остаться со мной для моральной поддержки. Все расселись в комнате и приготовились слушать.

— Итак, что узнали? — полковник обращается со мной на вы.

— Не все, но многое.

— Рассказывайте.

— Только прошу меня не перебивать.

— Договорились.

— Тогда начну. Жила была красивая девочка Руслана. Беда была в том, что Руслана жила в маленьком шахтерском поселке, что на Украине. Там все и всегда были шахтерами. Там все было серо, черно и убого. Парни, даже если и были в юности красивыми, быстро становились замученными жизнью работягами. Их семья еле сводила концы с концами. Она так жить не хотела. Она же красивая, а красота — это страшная сила.

Окончив школу и получив аттестат, она на следующий день собрала свои вещи и пошла на остановку. Руслана поехала в Москву. Она собиралась жить красиво и стильно. На первое время у нее была тетка, которая жила пусть не в Москве, но недалеко от столицы. Остановиться временно есть где. Она приезжает к тетке, а оттуда в Москву. И что она видит? Здесь в столице красивых девок пруд пруди. Она шокает и гээкает, да еще и необразованная. И куда она подается? Правильно, в древнейшую профессию. Но там ей сразу не везет. Она напарывается на клиента-извращенца. Он ее избивает, а потом и сутенер стал бить по любому пустяку. Она понимает, что эта профессия не для нее, не о такой жизни она мечтала и возвращается к тетке.

А у тетки свои планы. Она хочет ее спихнуть, но с выгодой. И кому сунуть использованный товар? Правильно: председателю. Тот ходок по бабам и мимо точно не пройдет. Глядишь, о чем-нибудь и сговорятся полюбовно. Тетка пристраивает племяшку в магазин. Там ее председатель и подцепил.

— Вы выражаетесь, про нее, как про заразу какую-то, — вставил слово полковник.

— А она и есть зараза. Я просила не перебивать.

— Хорошо.

— Председатель чуял приближение неминуемой старости. А тут девка, кровь с молоком. И он на нее запал. То ли она в этом деле поднаторела, то ли председатель стал сдавать. Только она ему понравилась, и выиграло ретивое. Да и не по чину председателю

старая жена. Ему молодуху подавай. Вот и стал он с ней жить и уговаривать пожениться. Но не о такой жизни она мечтала. Она хотела петь и гулять, чтобы каждый день праздник. Бабочкой яркой порхать по жизни с цветка на цветок. А тут какая-то куча навозная...

— Не очень-то вы уважаете председателя, — заметил майор.

— Не за что уважать... Так я продолжу? Вы же обещали не перебивать.

— Продолжай, — сказал полковник и строго посмотрел на майора.

— И тут подвернулся Руслане новый ухажер по имени Марк. Бандит и наркоман. Сначала было все хорошо, но потом денег ему на наркоту стало не хватать, и он стал посылать ее на панель. Вернее сказать, на трассу. Не ему же идти работать. Она забеременела. Беременной ходила на трассу обслуживать водителей. В общем, и она, и Марк скатывались в пропасть. Не о такой жизни она мечтала. Родила. Теперь жизнь вообще стала казаться жуткой. Ребенок орет, Марк орет на нее, она не высыпается. Подумали они с женишком и решили продать ребенка. А кому продать? Кто на этот орущий комок позарится? Знамо кому: Саре с Натаном Львовичем. Те купили. Натан свою жену Сару обожал. Она хотела детей. Вот он ей и подарил малыша, как шубку норковую дарят. Никто не задавал вопросов. Документы были оформлены. Деньги заплачены.

Началась веселая жизнь. Но длилась она недолго. Деньги, вырученные за ребенка, быстро кончились. Вскоре и Марк умер от передоза. Жениться он на ней так и не успел. Денег нет, Марка нет, но и обузы в виде ребенка тоже нет. Вот и пошла она заниматься привычным делом на панель. Но этим делом много денег не заработаешь. И созрел у нее план. Сколотила она шайку из лихих людей. Сначала она приходила оказывать интим услуги, а потом в тот же дом приходили грабители и требовали поделиться несправедно нажитым добром. Они забирали ценное, а хозяева оставались живыми. Все довольны...

Так она и жила. Полиция быстро вышла на след шайки. Вот и пришлось ей уматывать на малую родину. Когда все улеглось, решила взяться за старое. Правда, вот беда: поделщиков бывших посадили. И все потому, что не хотели убийством руки марать. Новую банду сколотить пришлось. Новые оказались беспредельщиками и убивали всех сразу. А Руслана и не была против: учла ошибки прошлого и решила свидетелей больше не оставлять в живых.

И сбыт у нее был налажен, и юридическое прикрытие обеспечено. Свой родной адвокат по уголовным делам есть. Да со связями. Руслана старая стала и захотела на покой. Деньги есть. Она привела себя в порядок: приделась и к пластическому хирургу ходила. Вышла замуж после апгрейда и фамилию сменила. Правда, мужа она по привычке грохнула и квартиру его продала. Ну, сами понимаете, деньги нужны. Софья, неугомонная душа, всю подноготную про мамашу Марка раскопала. Да еще и с интересным человеком познакомилась: этот гражданин грабил квартиры по наводке Русланы и недавно из тюрьмы вышел. Денег у него нет, а очень хочется жить на широкую ногу. И как же денег заработать, если ты только что из тюрьмы и много отсидел? Даже на работу с трудом устроился за копейки. Кому нищий мужик нужен? Бабы только денежных мужиков любят.

— Значит, они спелись? — задал вопрос майор. Ему быстрее надо. Он сидит как на иголках.

— Имейте терпение. Я продолжу. Имя у Русланы редкое, приметное. И вот однажды Софья в разговоре с любовником назвала имя своей свекрови. Санек Савельев сделал стойку, как гончая собака. Он зверя почуял. А Софья, узнав у любовника, в чем дело, предложила ему объединить усилия. Ей просто хотелось денег, да и отомстить мужу, не оценившему ее красоту и таланты. Вот тогда Софья и стала копать под свекровь. Но тут что-то стал

подозревать свекор. Старый ювелир имел феноменальное чутье: интуитивно понял, что назревает большой грабеж. Его народ уничтожали и грабили очень часто. Поэтому старый еврей послушал свою интуицию и успел все-таки подстраховаться: все богатство, накопленное непосильным и несправедливым трудом, он спрятал в надежном месте, а сам стал следить за невесткой. Не очень умело, нужно заметить...

— Почему несправедливым? — задал вопрос полковник.

— Он занимался скупкой краденного. Руслана и другие бандиты ему сбывала добытое грабежами. Драгоценности и антиквариат он продавал за долю немалую. Ювелир стал за Софьей следить. Санек его огрел по голове, чтобы старый еврей не был слишком любопытным. На беду свою, он силу не рассчитал. Они с Софьей временно затаились.

Санек тупой и жадный, но считает себя умным. Он решил без Софьи денег срубить. Кинул поделницу и стал шантажировать Руслану. Руслана ему сказала, что он в доле, но надо убрать свидетеля. Софья слишком много узнала и может их обоих сдать. Санек сам должен расправиться со своей любовницей, что тот и сделал. Позвал Софью на свидание, сказал, что хочет от нее детей, и они прямо в лесу начнут. Софья ела и пила, не подозревая, что вино заряжено таблетками. Ирония судьбы. Сама померла от таблеток. История повторилась. С таблеток все началось, таблетками все и кончилось. А рано утром на каменном троне нашли тело старухи Изергиль...

— Нет, не было там никакой старухи. Там только была Софья Хейфец, — майор не мог не вставить свое мнение. Он скудоумен и мало читал...

Все на него посмотрели, как на червя. Он сразу замолчал. Полковник только устало прикрыл глаза. Понимаю бедолагу: с кем ему приходится работать... И это не самый плохой экземпляр.

— Есть еще что сказать?

— Все остальное на бумагах: и про ограбления, и про убийство последнего мужа. Если Санька возьмете, он сразу расколется и всех сдаст. Он с Софьи дорогие серьги снял и дорогое платье. Если не продал, вы их обнаружите в его бытовке на турбазе. Санек у них слабое звено. Да и Марк трусоват. Так что работайте, братья.

Я отдала папку с документами и адресами полковнику. Так вернее будет. Он кивнул головой и пошел работать. Майор засеменял следом.

— А мы пойдем на север... — высказал вслух Петька свои мысли, когда дверь за ними закрылась. Я тоже подумала, что этот майор на шакаленка похож: бежит и подвывает Шерхану...

— Теперь твоя душенька довольна? — спросил Никита

— Спасибо тебе, Никита.

— А мне за что?

— За то, что основную работу по открытию кафешки на себя взял, что помогал расследовать. Да за все.

— Их арестуют? — спросила мама. Ей интересно, чем дело кончится.

— Их посадят. Надеюсь, что надолго.

— Точно посадят? А то опять мент как попало все сделает, и они ускользнут от правосудия.

— Теперь точно. Детектив такой убойный материал нарыл, что посадят наверняка. Там в папке материала на несколько уголовных дел.

— Какой детектив? — насторожился Никита.

Понимая, что предстоит нелегкий разговор, я сказала голодной. Пока накрывали на стол, муж варил кофе. Я думала, как все рассказать...

— Иришка, какой детектив тебе помогал? — опять спросил Никита.

— Ювелир на свою беду, подвзбался искать дочку политика и нанял дорогого детектива. Тот созвонился со мной, и мы начали работать.

— И как зовут этого детектива?

— Алексей.

— Понятно. Спелись...

— Не спелись, а работали. Основной материал добыл детектив. Макс многое откопал, а я работала аналитиком. Материал получился убойный, и этим упырям не отвертеться. Тем более, что они ограбили одного очень влиятельного господина. И он постарается, чтобы они сели надолго. Притом все. Я ему уже про все рассказала. Подсуетилась немного.

— Чтобы у ментов даже шанса не было их упустить? — догадалась мама.

— Угу.

— И Марк сядет? — поинтересовался Никита.

— И он тоже. Есть и за ним большие грехи. Кроме того, он по-прежнему любит развлекаться с несовершеннолетними, что и обнаружил Алексей. И заснял. Так что Марку сидеть будет ох как некомфортно.

— А где ювелир спрятал свой клад?

— Это мне предстоит выяснить.

— Как?

— Я завтра к нему в больницу поеду. Он вроде пришел в себя, но врачи сказали, что в любой момент он может отойти от дел земных.

— Думаешь, он тебе скажет?

— Скажет. Слово у меня есть волшебное. Оно все двери открывает.

— И что ты делать с этим богатством будешь?

— Его вернут тем, у кого оно было похищено. А я имею законное право на часть найденного, как любой кладоискатель.

— Отдашь государству?

— Я не жадная. Мне и этого хватит.

— А ее муж француз?

— Да не было никакого мужа француза. Она и за границу ни разу не выезжала. И Марк никогда не выезжал во Францию. Выдумала она все.

— Зачем?

— Надо же было о чем-то врать. Вот она и сочинила красивую сказку. Она все в Париж хотела. Мечта у нее такая.

— Там пограбить? — высказался Петруха.

— А дети? Двое, она вроде говорила... — спросила мама.

— Дети есть. Она от них в роддоме отказалась. Они в детдоме живут.

— Вот кошмарная баба. Баба Яга... — высказался Петька.

— Что ты? Она себя считала красавицей.

— Чудовищная красавица...

Мы еще поговорили и разошлись спать. Завтра с утра поедem в наше кафе. Сначала проведем Востриковых, как они себя чувствуют: не затоптали ли их толпы желающих подкрепиться. Посмотрим, как у них дела. Потом к ювелиру в больницу. Маму надо

уговорить поехать со мной.

— Не опоздаем? Вдруг он умрет? А трупы не умеют говорить...

— И пусть умирает. Туда ему и дорога.

— Тогда ты про клад не узнаешь.

— И что? Тоже мне горе. У меня есть много идей, как его найти. Но лучше бы он меня дождался. Время терять на поиски неохота.

— Что-то я сомневаюсь, что он тебе скажет.

— Поживем — увидим. Давай спать, милый.

Утро было солнечным. Настроение хорошее.

— Вставай, любимый! Нас ждут великие дела!

— Иришка, ты изуверка. Дай поспать.

— Нам в кафе надо.

— Ладно, встаю. Тогда кофе приготовь...

— У мамы подкрепимся.

— Лады. Я сейчас.

Спустя двадцать минут мы были у мамы в гостях. Попили кофе. Собрались. Я попросила маму поехать со мной. Она поняла, что мне может понадобиться ее помощь и согласилась. Петька тоже собирался ехать с нами. Еще и пса с собой прихватил. Вот неразлучная парочка... Через полчаса мы были в кафе. Там было не протолкнуться.

— Офисные работники не работают? Что они здесь с утра делают? Кто за них работает? — мама очень удивилась тому, что здесь были яппи.

— Раскупают сладкое к чаю и кофе покупают на вынос, чтобы до обеда дотерпеть. А у некоторых рабочий день начинается с десяти. Вот об этом я и говорила. Третий зал очень нужен, иначе школьники офисных клерков затопчут. Спрос ажиотажный...

— А дочка моя хотела отказаться от этого места. Хорошо, что Иришка настояла, — сказала Альбина Владимировна. Она счастлива и от удовольствия вся светится.

— Вы без нас справитесь?

— Справимся. Я всех поварят назад вернула. Иначе никак.

— Вот видите, и им дело в кафе нашлось. Вы скажите, чтобы они не расслаблялись. Конкуренция должна быть. Мы отъедем по важному делу?

— Поезжайте. Ты свою работу сделала. Теперь наша очередь поработать.

Мы вышли из кафе. Мама идет и улыбается. Я тоже довольная иду и Никиту обнимаю. Петька играет с Грейсом возле машины. Погрузились и едем в больницу к Натану Львовичу.

Он очнулся, и сегодня у него сидит нотариус. Друг. Такой же старый еврей. Вовремя я приехала. В больнице главврачом был грузин Ираклий. Мы с ним как-то сталкивались. Я на сайте, как только увидела его фотографию, сразу поняла, что все у меня получится. Главврач сам провел нас к больному. Стоял за стеклом и смотрел, что будет происходить.

Ювелир мне обрадовался. Отправил нотариуса из палаты. Тот был его давним другом и понял, что нам надо пошептаться. Я наклонилась к Натану Львовичу и заговорила. Он сначала выпучил на меня глаза, а потом стал мне быстро рассказывать все, что знал. Про все.

Потом попросил позвать нотариуса. Тот зашел, а мне пришлось выйти. Они долго шептались, затем позвали главврача и стали составлять документы. Нотариус притащил с собой какого-то мужчину, и тот приступил к работе видеооператора. Все снималось на камеру. Особенно то, что говорил старый опытный еврей...

Потом позвали меня. Я зашла с мамой. Взяла ювелира за руку, и мы с мамой стали петь. Он, как мог, подпевал старую еврейскую песню. Так под песню и умер с улыбкой на лице...

За стеклом стоял и все это время крестился грузин. Он все не мог забыть первую нашу встречу. Потом что-то долго говорил нотариусу. Тот тоже стал креститься. И вот зачем? Он же иудей...

Домой приехали как выжатые. Я попросила кофе и сладкого. Петька кинулся собирать на стол. Никита стал варить кофе, а мама присела рядом.

— Дочка, что это было?

— Это я записала его признание на диктофон, чтобы Руслану с Марком шугнуть.

— Но почему он тебе все рассказал?

— Просто он хотел уйти к Саре чистым, чтобы с ней вместе быть.

— А нотариус зачем? Главврач?

— Чтобы по закону зафиксировать его показания для суда и следствия.

Тут подоспел с кофе Никита.

— Все-таки не доверяешь ты нашей полиции?

— Я не доверяю самовлюбленному, тупому, ленивому майору. Он любое дело может профукать.

— Согласен. Этот может. Но с кладом ювелир тебя прокатил?

— Поживем — увидим.

Поздно вечером нам позвонила секретарь нотариуса. Попросила о встрече на завтра. Я сказала, что ждем завтра в первой половине дня, и назвала адрес дома, где жила мама. В восемь утра мы уже были у нее в гостях. Это не я. Это Никите на месте не лежалось. Это он решил, что нотариус ровно в восемь придет. Мы с ним, как обычно, поспорили.

— Вот увидишь. Он придет в восемь. Как штык, — заявил он мне.

— Часов в десять. Не раньше.

— Почему?

— Ему еще в контору заехать надо и забрать бумаги.

— Какие бумаги?

— Нужные. Не песни же он с нами петь собрался.

— А может, и песни. Вы вчера так хорошо пели. Иришка, ты откуда еврейский знаешь?

— Не еврейский. Нет еврейского. Есть идиш. Ну или иврит. У меня подружка была еврейка. Оттуда и знаю.

— И говорить на их языке можешь?

— На бытовом уровне.

— И зачем он тебе?

— В любом городке мира есть евреи. Так уж исторически получилось, что раскидало их по всему миру. Мне в любом уголке мира евреи окажут поддержку.

— Почему?

— Потому. Я не еврейка, а знаю их язык. Из этого что следует?

— Что?

— Что я хороший человек, а не юдофобка какая...

— Что ты ему на ухо шептала?

— Это не мой секрет, и я не могу его рассказывать никому. Вообще никому...

В десять часов десять минут появился нотариус. Он оповестил меня, что Натан Львович сделал меня наследницей всего своего движимого и недвижимого имущества, что он имел на

момент смерти. И нотариус лично отдал мне в руки старинную книгу.

— Эту книгу я должен передать вам незамедлительно по поручению своего клиента. Остальное имущество перейдет вам в пользование согласно законодательству. Согласно завещанию, я должен был уведомить вас лично в течение суток. Вот мой телефон. Звоните в любое время дня и ночи...

— Спасибо. Почему мне?

— Натан Львович сказал, что именно вы знаете, что с этим делать, и поступите по справедливости.

Потом отошел к двери. Неуверенно повернулся ко мне...

— Вы замолвите за него слово там... — сказал он очень странную фразу и указал глазами наверх.

И что насочинял главврач Ираклий? Какие басни он рассказал старому, битому жизнью еврею?

После ухода нотариуса Никита засыпал меня вопросами. А что я могу ответить? Такой исход дела даже я не предвидела. Не укладывается в голове. Мама смотрела на меня и улыбалась: ее веселила моя растерянность.

— А где дочка политика? Та, с чьей серьги все началось? — тихо спросил Петька.

Все сразу уставились на меня.

— Что смотрите? Я думала, вы догадались. А вы не догадываетесь?

— Нет! — хором прокричали они.

И даже Грейс тьякнул. Значит, тоже ничего не понял.

— Она живет с любимым человеком. С Романом. И ждет от него детей.

— Беременная Ася? Так это дети Романа?

— Она его давно любила. С первого класса. Отец не дал бы ей с ним жить. Ему здоровый Роман был ненавистен: он его плясуном вертлявым обзывал. А зять-дурачок ему тем более не нужен. А ей такой муж в самый раз. Она его любит любого: хоть умного, хоть такого...

— Как же они жить будут? На какие шиши? — спросил Петька.

— У нее есть свои личные деньги и немалые, от деда завещанные. Им с Романом хватит, и детям их хватит. Они уже официально поженились. Будут жить и растить детей. Так что все у них будет нормально.

— Так ты все знала? Отцу ее сообщать будешь?

— Еще чего не хватало. Пусть влюбленные живут счастливо, плодятся и размножаются...

— И у Ромы отец есть. Если что, Иван поможет, — вставила слово мама.

— Она, если захочет, сама родителям позвонит.

— Получается, что все закончилось хорошо и все довольны... — подвел итог Петька.

P.S. Руслана была осуждена на пожизненное заключение в колонии строгого режима. Столько убийств за ней вскрылось. Санек Савельев тоже сел, но дали ему всего восемь лет. Мне кажется, что этого срока мало за убийство двух человек. Николай Мельников лечился в психиатрической больнице. Ночами разговаривал со своей Лидой и проклинал родного брата и его сына. Хотел им отомстить. Но однажды его нашли повешенным в больничном туалете. Экспертиза показала, что он повесился сам. Зачем? Почему? Никто не знает.

Больше книг на сайте - Knigoed.net